1418 ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

РУССКИЕ ЭСЭСОВЦЫ

Д. Жуков, И. Ковтун

Дмитрий ЖУКОВ
Иван КОВТУН

РУССКИЕ ЭСЭСОВЦЫ

Москва
«Вече»
2010

УДК 930
ББК 63.3(2)62
Ж85

Scan By Vitautas & Kali

Жуков, Д.А.

Ж85 Русские эсэсовцы / Дмитрий Жуков, Иван Ковтун. — М. : Вече, 2010. — 464 с. : ил. — (1418 дней Великой войны).

ISBN 978-5-9533-5168-3

Как получилось, что десятки тысяч русских людей в годы Великой Отечественной войны оказались на службе в самой зловещей организации Третьего рейха — СС? Почему наши соотечественники становились беспощадными карателями, на совести которых бессчетное множество уничтоженных мирных граждан? Каковы истинные причины формирования русских подразделений и частей Войск СС? Зачем подчиненные рейхсфюрера СС Гиммлера привлекали под свои черные знамена русских юношей и девушек? Какова роль русских эсэсовцев в борьбе с подпольем и партизанским движением на оккупированных нацистами территориях?

Ответы на эти и многие другие «неудобные» вопросы читатель найдет в данной книге. Исследование построено на основе тщательного анализа малоизвестных источников. В работу включены многочисленные свидетельства бывших коллаборационистов, а также партизан и сотрудников органов государственной безопасности, принимавших непосредственное участие в борьбе с предателями.

УДК 930
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9533-5168-3

© Жуков Д.А., Ковтун И.И., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Предисловие

Настоящее исследование является не первой работой авторов, посвященной коллаборации наших соотечественников с ведомством Гиммлера[1]. Настоящее издание является плодом дальнейшей работы авторов над темой, связанной со службой русских людей в СС.

Первая часть данной книги посвящена генезису «русского вопроса» в идеологии нацистской партии и организации СС. Особое внимание уделено отношениям представителей право-радикальных кругов российской эмиграции с нацистами в период, предшествующий «Пивному путчу» (то есть до 1923 года). Далее рассматриваются причины изменения характера этих отношений, формы контактов русских эмигрантов с национал-социалистами как до, так и после прихода к власти Гитлера (1933). В этой же части книги последовательно рассматривается роль ведомства Гиммлера в восточной политике нацистов (не обойдены вниманием «Генеральный план Ост», глава о котором была нами значительно расширена, а также методы и содержание эсэсовской пропаганды, посвященной «восточному вопросу»).

Во второй части книги сконцентрирована информация о русских, служивших в подразделениях СД, формированиях вспомогательной полиции, подчинявшихся СС (главным образом в «гражданской» зоне оккупации), а также некоторых специфических, в том числе карательных и разведывательно-диверсионных органах «Черного

[1] *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русские эсэсовцы в бою. Солдаты или каратели? М., 2009. 320 с.; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 1-я Русская бригада СС «Дружина». М., 2009. 368 с.; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М.: «Вече», 2009. 304 с.; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская вспомогательная полиция. М., 2009. 68 с.; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская полиция. М., 2010. 304 с.

ордена». Здесь же рассматриваются попытки нацистов использовать в военных и пропагандистских целях представителей русской молодежи (в частности, т.н. «воспитанников СС»).

В третьей части читатель найдет данные о русских в различных соединениях и частях Войск СС. К этой же части работы отнесены различные формы сотрудничества с СС казачества (в первую очередь, рассматривается боевой путь XV казачьего кавалерийского корпуса СС).

В приложения вошли редкие свидетельства, документы и дополняющие исследование источники. Издание дополнено многочисленными фотодокументами.

Такая структура книги, на наш взгляд, способствует более правильному пониманию определяющей роли СС в оформлении русского коллаборационизма. Следует обратить внимание на то, что долгое время вклад ведомства Гиммлера в генезис так называемого «русского освободительного движения» либо замалчивался, либо даже отрицался[1]. Ключевая роль рейхсфюрера СС в карьере генерала Власова, в организации Комитета Освобождения Народов России также, как правило, ревизуется. Поскольку история Вооруженных сил КОНР непосредственно не входит в круг вопросов, рассматриваемых нами в исследовании, здесь мы ограничимся лишь метким замечанием немецкого исследователя А. Хиллгрубера: «Весьма вероятно, что Власовское движение пришло бы к концу после 20 июля 1944 года [то есть после покушения на Гитлера, так как в операции были задействованы очень многие германские офицеры, симпатизирующие Власову и поддерживающие русский коллаборационизм. — *Примеч. авт.*], не перейди сама его идея и организация к этому времени в руки СС»[2].

---

[1] См., например, статью М. Боброва о «Дружине» Гиль-Родионова и бригаде Каминского, приведенную в приложении к третьей части данной книги.

[2] *Хиллгрубер А.* Предисловие / *Фрелих С.* Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кельн, 1990. С. 8. Также интересно свидетельство некоего члена власовского Комитета Освобождения Народов России, который за подписью «д-р N» после войны опубликовал свои воспоминания: «Немногие из нас могли себе даже представить, что мы каким-то непонятным путем оказались чуть ли не на работе в СС». См.: *Д-р N.* По поводу т.н. «Власовского движения» / «Возрождение» (Париж). 1950. № 7. С. 108.

Известная часть работы отведена полемике с некоторыми политически ангажированными авторами и публицистами, целью которых является не поиск исторической правды, а мифологизация и фальсификация летописи Отечества. Для этих авторов характерно почти полное игнорирование советских источников (прежде всего, мемуаров партизан и чекистов, а также работ местных исследователей-краеведов). Таким образом, советская сторона — непосредственный противник русских эсэсовцев на оккупированных территориях России и Белоруссии — оказывается прикрытой завесой неопределенности: перед читателем возникает какой-то коллективный звероподобный «партизан-бандит», «недочеловек», всячески стремившийся нарушить возрождение «новой мирной жизни». Кроме того, такая метода дает возможность — особенно в произведениях публицистического характера — легко спекулировать на неосведомленности части аудитории.

Весьма сходная картина, следует напомнить, была отчасти характерна и для советской историографии о войне, где реальный враг был заслонен от читателя собирательным образом коллективного зла.

К сожалению, в сегодняшней России вновь начала проявляться тенденция сводить историческую науку всего лишь к средству воспитания. Особым образом препарированные исторические факты должны, по мнению многих, излагаться таким образом, чтобы «давать пример молодежи», «учить», «растить патриотов», «возбуждать ненависть к потенциальному противнику» и т.п. Так, подлинная история (которая, как давно было подмечено, «никого ничему не учит») неизбежно превращается в идеологический суррогат, в миф, в фальшивку и фикцию.

Наблюдая за полемикой вокруг наших работ в Интернете, мы констатировали, что в значительном числе случаев наши оппоненты почему-то пытались усмотреть в сделанных нами выводах какой-то «идеологический подтекст». Забавно, при этом, что кто-то называет авторов «красноперыми соловушками», а кто-то — записывает в «ревизионисты». Очевидно, природная ограниченность иных критиков просто не позволяет предположить, что существует объективный научный поиск, независимый анализ источников и литературы, исследование проблемы без оглядок на догмы и клише.

Реакция этих зашоренных людей, как правило, весьма предсказуема. Сталкиваясь на страницах наших книг с какими-то фактами или версиями, не укладывающимися в их собственную картину мира, они не пытаются вступить в корректную полемику, а просто изрыгают в адрес авторов потоки площадной брани и обвинений в некомпетентности.

Приведем лишь один пример. В истории бригады Каминского (позднее — 29-й дивизии Войск СС) имели место боевые столкновения с частями Красной армии. Весной 1943 года, на Брянщине, формирования РОНА вместе со своими немецкими и венгерскими союзниками обороняли, в частности, районный центр Севск. Авторы впервые в отечественной и зарубежной историографии объективно реконструировали эти события, используя источники, представлявшие разные стороны.

Исходным пунктом настоящей истерики, развернувшейся на некоторых сайтах и в «живых журналах», стал факт опровержения нами ряда устоявшихся мифов, сложившихся вокруг Севских боев. Мы оспаривали, к примеру, то, что «каминцы» участвовали в обороне Севска в конце августа 1943 года (ибо были к тому времени эвакуированы на Запад), а также то, что командир 4-го полка майор Рейтенбах погиб именно в Севске и именно в указанное время (по нашей версии, он погиб под Севском весной).

Источником этих мифов стала работа бывшего гитлеровского разведчика — сотрудника абвера Свена Стеенберга (Sven Steenberg, иногда в России его почему-то транскрибируют как «Штеенберг»), посвященная генералу Власову и впервые опубликованная в 1968 году[1] (также была издана на русском языке в австралийском Мельбурне в 1974 году в переводе И. Сабуровой[2] и московским издательством «Эксмо» в 2005 году в переводе А. Колина[3]). Не будучи профессиональным историком, автор на основе личных воспоминаний и писем бывших военнослужащих вермахта и СС, «власовцев» и «камин-

[1] *Steenberg S.* Wlassov. Verrater oder Patriot? Koln, 1968.

[2] *Стеенберг С.* Власов / Перевод с немецкого И. Сабуровой. Мельбурн, 1974. 256 с.

[3] *Стеенберг С.* Генерал Власов / Перевод с английского А. Колина. М., 2005. 320 с.

цев», изложил свою точку зрения на некоторые аспекты советского коллаборационизма[1]. Несколько страниц своей книги он посвятил и бригаде Каминского. В силу публицистического характера работы автор допустил в своем труде огромное количество ошибок и неточностей.

В частности, он пишет: «Осенью 1943 года 4-й полк бригады Каминского должен был удерживать город Севск, чтобы обеспечить общее немецкое наступление. После внезапного танкового прорыва советские части взяли в окружение и уничтожили целиком весь полк. Приканчивались и раненные, а командир полка был привязан к танку и его протащили по улицам города, пока он не умер»[2]. Добавим, что почти дословно этот эпизод приводит в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицын, активно пользовавшийся работой Стеенберга при написании главного труда своей жизни[3].

Как мы уже отметили, указанные бои происходили не осенью, а весной 1943 года (в течение лета все части РОНА были эвакуированы и находились в Белоруссии, о чем пишут все без исключения адекватные авторы)[4]. Понятно, что Стеенберг просто допустил опечатку, ведь далее он говорит об «общем немецком наступлении». Как известно, ни о каком «немецком наступлении» осенью 1943 года не могло идти и речи, советское же наступление также не носило

---

[1] В предисловии Стеенберг выражает благодарность, в частности, бывшему начальнику контрразведки РОНА Ф. Капкаеву и бывшему начальнику подразделения абвера в Локте А. Грюнбауму.

[2] Цит. по: *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 92. Как видим, автор не называет имени казненного командира. Однако известно, что командира 4-го полка майора Рейтенбаха непосредственно в Севске не было. Он действительно погиб в ходе событий, но несколько на ином направлении. Вероятнее всего, печальная участь постигла одного из его командиров батальонов (10-го — П. Константинова или 14-го — Н. Косырева), либо начальника штаба 4-го полка — А. Демина.

[3] Ср.: «Осенью один полк стойко защищал Севск — и в этой защите уничтожен целиком: советские войска добивали и раненых, а командира полка привязали к танку и протащили насмерть». См.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 2010. С. 168.

[4] См., например: *Dallin A.* The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection / Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B.I. Nikolaevsky. Bloomington, 1972. P. 260.

характера «внезапного танкового прорыва». Для человека, который хоть немного разбирается в военной истории, становится ясно, что Стеенберг имеет в виду именно весенние события, связанные с действительно внезапным рейдом танковой группы генерала Крюкова (так называемый «Севский рейд»). Именно тогда «каминцы» столкнулись с Красной армией.

Отечественные авторы, имевшие возможность ознакомится с работой Стеенберга, видимо, просто запутались и решили, что бывший немецкий разведчик ошибся не со временем года (весна или осень), а с характером боевых действий (наступление или отступление). На это косвенно указывает текст перевода (надо сказать, что переводчик А. Колин подошел к своей работе не слишком добросовестно) российского издания работы Стеенберга, который отредактировал кандидат исторических наук С.И. Дробязко. Уже процитированный нами выше отрывок в указанном издании выглядит так: «Осенью 4-й полк бригады получил приказ удерживать г. Севск до тех пор, пока не будет закончено общее отступление. Однако Советы окружили район за счет неожиданного прорыва танков и за двое суток кровопролитных боев вырезали всех бойцов РОНА до последнего человека. Пощады не получили даже раненые. Раненого командира полка, молодого майора, привязали к бронемашине и таскали по улицам города, пока он не умер»[1].

Надо сказать, что еще в самой первой отечественной научной публикации, посвященной Локтю и РОНА (1998) С.И. Дробязко, видя очевидные несостыковки изложенного Стеенбергом, при описании событий не стал дословно цитировать вышеприведенные «подробности». Он прямо указал на то, что к 26 августа 1943 года эвакуация РОНА и гражданских беженцев в Белоруссию уже совершилась. Правда, чуть ниже ученый пишет, что «28 августа Красная Армия взяла Севск, который вместе с немецкими войсками удерживали разрозненные группы каминцев»[2].

---

[1] *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 110.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ и Русская освободительная народная армия / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний. М., 1998. Вып. 2. С. 197—198.

В появившейся годом позже брошюре мценского историка И.Г. Ермолова, также сделавшего огромный вклад в исследование вопроса (при этом исследователь, к сожалению, не выходит за рамки локотской проблематики и не рассматривает боевой путь РОНА — 29-й дивизии СС в Белоруссии и Польше), версия Стеенберга была озвучена вновь: «Попав в окружение в результате отсекающего танкового удара, полк был уничтожен полностью, ворвавшиеся 27 августа в Севск советские войска добивали и раненых, а командира полка привязали к танку и протащили насмерть»[1].

В своих последующих работах кандидат исторических наук И.Г. Ермолов очередной раз подробно останавливался на этом эпизоде, при этом обозначив имя погибшего командира 4-го полка — майора Рейтенбаха (Стеенберг, Солженицын и Дробязко персонально его не называют). Интересно, что историк вступает в полемику с кандидатом исторических наук К.А. Александровым, который сомневается (на наш взгляд, вполне справедливо) в аутентичности версии гибели Рейтенбаха[2].

Однако в конце концов И.Г. Ермолов все же пришел к выводу о том, что ни в конце августа, ни тем более осенью 1943 года, в боях за Севск «каминцы» не участвовали (ибо были эвакуированы в Белоруссию). В своей последней работе, посвященной Локтю, ученый уже не приводит ни точных дат, ни конкретного факта чудовищной казни Рейтенбаха, ограничиваясь следующей сентенцией: «В эти напряженные дни [судя по контексту — начало августа. — *Примеч. авт.*] 4-й полк под командованием майора Рейтенбаха был выставлен для обеспечения общего отхода и прикрытия Севского направления, но попал в окружение в результате отсекающего танкового удара и был уничтожен полностью»[3].

---

[1] *Ермолов И.Г.* Локотская республика и Бригада Каминского, или «Шумел не просто Брянский лес». Орел, 1999. С. 49.

[2] *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского автономного округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008. С. 162—163; *Ермолов И.Г.* История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008. С. 155.

[3] *Ермолов И.Г.* Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941—1943. М., 2009. С. 214—215.

Таким образом, на примере научного поиска компетентных исследователей мы видим, что те или иные версии уточняются, а мифы — постепенно ревизуются.

Напротив, для политически мотивированных публицистов общим местом является бесконечная репродукция самых досужих выдумок. Характерный случай — появление книги скандально известного журналиста С.И. Веревкина. Удивление вызывает уже то, что «Самая запретная книга о второй мировой» самим автором и его немногочисленными апологетами чванливо позиционируется как «солидное аналитическое исследование» и «научная работа». Уровень веревкинской «аналитики» и «научности» прекрасно демонстрирует его трактовка севских событий. На ходу выдумывая массу красочных подробностей, автор живописует гибель Рейтенбаха, утверждая, что в конце августа 1943 года Севск обороняли исключительно «каминцы» («Так не было их там, в Севске, этих "иноземных захватчиков", — одни русские», правда, за несколько страниц до этого говорится, что «Севск защищали **в основном** русские»...), а в конце главы — просто идет на прямой исторический подлог, цитируя благодарственную телеграмму генерал-полковника Шмидта в адрес Каминского («Благополучному исходу происходивших событий мы многим обязаны Вам и Вашей способной Народной Армии»). Как известно, эта телеграмма была направлена комбригу вовсе не после августовского штурма Севска, а после событий весны 1943 года (иначе о каком «благополучном исходе» вообще может идти речь?)[1]. Все это «великолепие бреда» приправлено весьма специфическим авторским стилем, вкупе с вызывающей самоуверенностью неофита.

В отличие от Веревкина и подобных ему публицистов, авторы не ставят перед собой задачу обосновать какую-либо сомнительную политическую идею. Во главу угла нами ставится тщательная работа с источниками, объективный научный поиск, результатом которого яв-

[1] Не говоря уже о том, что генерал Шмидт в августе и сентябре физически не мог находиться в России. 14 апреля 1943 года он был арестован в Орле за высказывание пораженческих настроений и доставлен под охраной в Берлин. См.: Протокол допроса генерал-полковника Р. Шмидта. 2 апреля 1948 года / Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951. М., 2009. С. 164.

ляется постепенная ликвидация «белых пятен» в истории Отечества. Настоящее исследование, ставшее продуктом многолетней работы, также призвано значительно дополнить известные на сегодняшний день данные о русском коллаборационизме во Второй мировой войне.

Авторы искренне благодарят историков Константина Семенова, Ивана Грибкова и Александра Колпакиди за существенную помощь в работе над книгой и за предоставленные в наше распоряжение ценные источники, которые обогатили содержательную часть исследования. Кроме того, мы выражаем признательность Ольге Балашовой, Алексею Белкову, Марии Залесской, Михаилу Кожемякину, Ларисе Соколовой, Сергею Неподкосову, Игорю Недеву, Григорию Пернавскому, Юрию Подолинскому, Роману Пономаренко, Андрею Шестакову и всем нашим друзьям, которые неизменно оказывают нам поддержку словом и делом.

Часть первая

РУССКИЕ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НСДАП И СС

Первая глава

РОССИЯ И РУССКИЕ В ВОСПРИЯТИИ НЕМЦЕВ ДО 1917 ГОДА

Задолго до появления на сцене истории национал-социализма, в Европе и, в частности, Германии, сложилось относительно устойчивое представление о славянских народах, как об этносах, слабо способных к разумному государственному устройству. Все политические успехи Руси и, позднее, России, в соответствии с этой чрезвычайно распространенной и живучей мифологемой, обуславливались наличием в руководящих слоях русского народа «германских» («скандинавских», «нордических» и т.п.) элементов. Собственно последним — в лице варягов — принадлежит и заслуга в образовании русской государственности.

Эта «норманистская» точка зрения, покоящаяся на хрестоматийной фразе из «Повести временных лет» о том, что «русская земля широка и богата, а порядка в ней нет», увы, пустила глубокие корни и в нашем Отечестве, и вплоть до XIX века была фактически господствующей[1].

[1] Норманнская теория, представители которой утверждают, что древние руссы — варяги — были родом из Скандинавии, возникла в первой половине XVIII века благодаря научной деятельности российских академиков

Начиная со средневековых времен, практически все европейские путешественники, которым довелось посетить наши края, не прошли мимо соблазна указать на «неевропейский», «азиатский» характер Руси-России. Даже австрийский барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486—1566), при всей своей благорасположенности к московитам, в своих знаменитых «Записках о Московитских делах» не отошел от этой традиции[1].

С укреплением положения Российской Империи на международной арене снисходительно-покровительственные тона сменились чувством неприкрытой вражды и даже ненависти, смешанной с презрением. Тезис о «дремучей», «варварской» стране, чуждой всякому прогрессу, активно поддерживали и многие русские интеллигенты, предпочитавшие проводить время в «просвещенной» Европе и громогласно сокрушаться о «необустроенности» и «отсталости» родной земли со страниц какого-нибудь лондонского «Колокола».

Неудивительно, что «свидетельства» последних, наряду с застарелыми предрассудками, привели к прочному убеждению очень многих европейцев о том, что народы, населявшие царскую империю, — суть сборище варваров, готовых во имя панславянских идей превратить землю в духовную пустыню, где не будет ничего, кроме рабства (впрочем, почвенически настроенные российские авторы, со своей стороны, также демонизировали Европу и забавлялись изобретением некоего «собственного русского пути»).

В немецком обществе также получила распространение точка зрения, согласно которой славяне определялись как полуазиатские племена; говорилось о несамостоятельности русских, об их неспособности навести в своей стране элементарный порядок, искоренить

Г.Ф. Миллера, Г.З. Байера и А.Л. Шлетцера. Одним из первых оппонентов этой теории был М.В. Ломоносов. См., например: *Меркулов В.И.* Эволюция взглядов Миллера по варяжскому вопросу / Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 77—83.

[1] См.: *Герберштейн С.* Великая Московия: Записки о Московитских делах. М., 2008. 336 с. Автор, наряду со многими похвальными качествами русского народа (религиозность, благочестие, храбрость), подчеркивает и слабости московитов. Труд фон Герберштейна пестрит сообщениями вроде того, что знатные люди в столице не гнушались подбирать шелуху от чеснока и лука и корки дынь, брошенные австрийским посольством. — *Примеч. авт.*

нечистоплотность и т.д. Впрочем, есть малочисленная категория людей, в основном благородного происхождения и с германскими корнями, сдерживающая напор «азиатских народов». Если кто-то в России еще не утратил связь с Европой, то только образованные слои российского общества. Какова будет их судьба, если наружу вырвется разрушительный «восточноазиатский» поток, предсказать было нетрудно[1].

Опасения этой категории немецких граждан было можно понять, ведь Германию и Россию связывали тесные взаимоотношения. Начиная с Петра I, немецкое присутствие на российских землях было весьма значительным. Интеллигенция и дворянство были представлены, в частности, остзейскими баронами, потомками лифляндского, курляндского, эстляндского и эзельского рыцарства [они были вассалами Тевтонского ордена. — *Примеч. авт.*], верно служивших династии Романовых. Достаточно назвать только несколько имен — Паткуль, Миних, Вейсман фон Вайсенштайн, Крузенштерн, Беллинсгаузен, Багговут, Бистром, Литке, Бенкендорф, Тотлебен, Эссен, Вирен, Врангель, Фелькерзам, фон Плеве, Ренненкампф, фон Унгерн-Штернберг, Келлер...

Немцы внесли немалый вклад в создание регулярной русской армии, в развитие отечественной науки и образования, проявили себя самым лучшим образом во многих других областях. Разумеется, о том, сколько сделали немцы для России, было известно и в самой Германии. Именно поэтому часть немецкого общества серьезно переживала за судьбу России, и, естественно, не хотела, чтобы русские «забывали» о том, кто якобы «помог» им обрести европейский и в некотором роде «цивилизованный» вид...

Можно согласиться с мнением известного немецкого исследователя Карла Шлегеля, который полагает, что «образы, созданные немцами и русскими друг о друге, располагаются между полюсами великих ожиданий и столь же великого страха, притяжения и отторжения, культами русофильства и германофильства и образом врага, созданного пропагандой». Шлегель отмечает, что в XIX веке русские

[1] Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция. Берлин, 1994. С. 15.

и немцы в своих взаимных оценках «исходили из такой категории, как "душа народа", и научно исследовали его психологию. В результате получались идеальные типы "русского" и "немца". Их лучшие экземпляры населяли литературу в виде управителя Штольца из "Обломова" Ивана Гончарова, простого солдата Гриши из романа Арнольда Цвейга "Спор об унтере Грише" или образа мадам Шуша из "Волшебной горы" Томаса Манна»[1]. Но были и другие — преимущественно коллективные — образы...

В 1848 году в революционном Берлине была напечатана листовка, авторы которой негодовали по поводу предстоящего вторжения русской армии в Европу, чтобы поддержать умирающие монархии. Листовка начиналась словами «Смерть русским!» и рассказывала, к чему следует готовиться немцам: «Эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т.д. десятками тысяч горят скотским желанием вновь разграбить Германию и нашу едва рожденную свободу, нашу культуру, наше благосостояние, уничтожить, опустошить наши поля и кладовые, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности». В конце агитки отмечалось, что среди «русских солдатских орд» культивируются идеи «ниспосланного» Богом панславизма, а император Николай I решил крепко покарать Германию и, таким образом, исполнить волю Господню[2].

Как видно из листовки, в глазах революционеров русские, как народ, ассоциировались с представителями кочевых племен, сохранивших дикие обычаи и нравы. Стараниями пропагандистов народы, населявшие Россию, слились в некое единое целое, которое было проще простого объединить под именем титульной нации.

Разумеется, устойчивый имидж России как «жандарма Европы» не для всех европейцев носил отрицательные коннотации. Представители знати и добропорядочные бюргеры различных германских государств и земель видели в русском царе спасителя от революционных беспорядков и анархии. Так, министр-президент Баварского королевства фон дер Пфордтен в 1851 году в разговоре с русским

[1] *Шлегель К.* Расколотое зеркало. Образы Германии и России в 20 веке / Берлин — Москва. 1900—1950. Мюнхен — Нью-Йорк — Москва, 1996. С. 21.

[2] Война Германии против Советского Союза... С. 12.

академиком Якоби заявлял: «При остром кризисе, который мы переживаем, мы обращаем наши взоры на Север [подразумевается Санкт-Петербург. — *Примеч. авт.*], где нашим глазам представляется единственный во всей истории пример неизмеримой материальной силы, поддерживаемой еще более великой моральной силой, восхитительным разумом и истинно христианской умеренностью. Провиденциальная миссия вашего великодушного императора стала для нас более ясной, чем когда-либо: в нем лежит будущее всего света»[1].

Многие немецкие традиционалисты, такие как философ Франц фон Баадер (1765—1841), возлагали на царскую Россию особые надежды, основывая их на сохранении здесь того «религиозного инстинкта», который в Западной Европе заглох под влиянием антирелигиозного просвещения[2]. Фридрих Ницше также видел в России «единственную державу, у которой есть еще время, которая может ждать, еще что-то обещать». Ему казалось, что «способность к воображению и к напряжению воли в наибольшей и неиспользованной мере присутствует у славян»[3].

Конечно, не все разделяли это восторженное отношение. Когда началась Крымская война, Сергей Аксаков писал сыну: «Какая злоба, какое предательство и неблагодарность в целой Европе против нас! Александр I спас от раздела Пруссию, а Николай I спас от падения Австрию. В Пруссии единогласно все были против нас, кроме короля, а в Австрии — кроме императора, Радецкого и Шлиха»[4]. Однако взаимные симпатии русских и немцев (преимущественно из среды дворянства и интеллигенции) вовсе не испарились полностью. Известно, что в 1870 году, когда началась Франко-Прусская война, Иван Тургенев заявил: «Сейчас я — немец»[5].

---

[1] Цит. по: *Волковский Н.Л.* История информационных войн. Часть 1. СПб., 2003. С. 299.

[2] *Алексеев С.* Бенедикт-Франц-Ксаверий Баадер / Брокгауз и Ефрон. Биографии. Энциклопедический словарь в 12 томах. Т. 1. М., 1991. С. 553—556.

[3] Цит. по: *Крауз Г.-К.* «Закат Европы». Россия в исторической мысли Освальда Шпенглера / Германия и Русская революция. 1917—1924. М., 2004. С. 269.

[4] *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 312.

[5] См.: *Копелев Л., Кенен Г.* Проигранные войны, выигранное благоразумие. Беседа о прошлом в конце эпохи / Германия и русская революция... С. 32.

Впрочем, в дальнейшем стараниями всевозможных публицистов в Германии все больше и больше культивировались страхи перед славянской и, в частности, русской «угрозой». К. Шлегель констатирует, что «уже в пору Отто фон Бисмарка обозначилось опасное взаимное отчуждение русской и германской империй, которое на фронтах Первой мировой войны превратилось в противостояние. В силу этого в Германии лишилась основы переходившая из поколение в поколение консервативная русофилия, а в России — казавшаяся естественной ориентация на Германию»[1].

В дневнике прибалтийского немецкого писателя Виктора фон Хена (1867) встречается такой пассаж: «Казаки придут на своих лошадях с плетками и пиками и всех затопчут. У них нет никаких потребностей, они мастера разрушений, ведь у них нет сердца, и они бесчувственны. И вместо убитых сотен тысяч придут другие сотни тысяч, ведь они как саранча. И опять может предстоять решающая битва при Халене, об исходе которой никто не знает. Все это уже было. Монголы, пришедшие из глубины Востока, застряли в Силезии, славяне запросто могут остановиться у Атлантического океана. Пока их уничтожает только алкоголь, который в данных обстоятельствах может стать благодетелем для человечества»[2].

Данная цитата весьма показательна, она позволяет увидеть, какие стереотипы волновали сознание радикальных немецких шовинистов в то время. Как показывает отрывок из дневника, славяне — это несметное, брутальное племя, склонное к деструкции и не отягощенное моралью. Столь дерзкая оценка дополняется аллюзией, ставящей вневременный знак равенства между монголами и славянами. Нельзя также считать субъективным нюансом образ казаков, с которым автор, вероятно, связывал понятие о некоем «славянском аван-

[1] *Шлегель К.* Расколотое зеркало... С. 21.

[2] Война Германии против Советского Союза... С. 12. Хену принадлежит и следующая характеристика русского народа: «Они бессовестны, бесчестны, подлы, легкомысленны, непоследовательны, не имеют чувства самостоятельности, но только в навязанных формах культуры, которые требуют развитой, самостоятельной субъективности; но неизменно нравственны, тверды, надежны, когда речь идет об их собственном древнеазиатском примитивном образе жизни». Цит. по: *Розенберг А.* Миф XX века. Таллин, 1998. С. 155.

гарде», готовом ворваться в Европу и втоптать все живое в землю. Для В. фон Хена казаки — уже устоявшийся символ, олицетворяющий собой всеобщий кошмар, настоящий «азиатский апокалипсис».

Не менее резкие утверждения можно найти в политических требованиях генерала Фридриха фон Бернарди о завоевании русских прибалтийских губерний (1892). В своей анонимной брошюре «Videant consules» он не вел речь о том, насколько ужасны славяне, казаки или кого-либо еще, а говорил о целенаправленной борьбе против России, об установлении немецкого контроля над Балтийским морем. На фоне таких противников Германии, как французы, русские, по мнению фон Бернарди, являются национальными врагами немцев. Антирусскую позицию, подчеркивал генерал, ни в коем случае нельзя считать «следствием сиюминутного политического положения. Напротив, сегодняшняя политическая ситуация... подводит нас непосредственно к войне, которая станет необходимым выражением состояния, имеющего глубокие корни»[1].

В годы Первой мировой войны образ русского человека с легкой руки кайзеровских пропагандистов был превращен в «контрастного» индивида, заключающего в себе неразрешимое противоречие. Это противоречие живет в нем за счет непостижимого соединения меланхолии, славянского благодушия и жуткой кровожадности, унаследованной от «азиатских кочевников». Формирование такого типа людей было, по мысли авторов мифа, связано с тремя причинами: влиянием татарского ига, деспотичной формой правления в России и крепостным правом. Естественно, выходом для русских из «дремучего состояния» могло быть только покорение их страны немцами, знающими толк в том, как организовывать жизнь государства и его подданных.

Весьма показательную позицию заняли германские социал-демократы, в августе 1914 года поддержавшие военную политику имперского руководства. Гуго Гаазе, председатель фракции СДПГ в рейхстаге, заявил, что «для нашего народа и его свободного будущего... многое, если не все, поставлено на карту в случае победы

[1] Война Германии против Советского Союза... С. 14.

русского деспотизма, запятнавшего себя кровью лучших представителей собственного народа»[1].

Таким образом, Российская Империя, как и несколько десятилетий назад, обвинялась в деспотизме и азиатском варварстве. Через обвинение русских в нежелании навести порядок в собственном государстве многие авторы внушали мысль о высшем предназначении германской нации для России, о колониальной миссии, несущей кардинальные преобразования.

Вторая глава

НСДАП И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Несмотря на то что во время Первой мировой войны Германия была противником России, в первые же годы после революции 1917 года в Рейх хлынул необычайно мощный поток русских беженцев. В начале 1920-х годов здесь обосновалось около полумиллиона изгнанников из «страны социализма»[2].

Германию в качестве своей второй родины выбирали в основном люди правых взглядов, многие из которых исповедовали радикальную борьбу с большевизмом, не брезгуя никакими средствами. Историк Михаил Назаров в этой связи пишет, что «часть правой эмиграции, помня о поведении правительств Антанты в Гражданской войне, не связывала с ними надежд на помощь... Правые русские эмигранты придавали большое значение укреплению национальных немецких сил, желая, чтобы они превратились либо во влиятельную оппозицию, либо сами переняли бы правительство»[3].

Те, кто придерживался более умеренных позиций — либералы, «непротивленцы» и т.п., — со временем предпочитали переместиться во Францию и Соединенные Штаты. Эта своеобразная самофильтрация русского эмигрантского сообщества достигла своего апогея после прихода нацистов к власти, а концу 1930-х годов в Третьем

---

[1] *Царуски Ю.* От царизма к большевизму / Германия и русская революция... С. 105.

[2] *Стефан Дж.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1923—1945. М., 1992. С. 19.

[3] *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 110.

рейхе оставались почти исключительно те политически активные русские изгнанники, кто был вполне лоялен гитлеровскому режиму и разделял идею «крестового похода против большевизма».

Надо сказать, что русские эмигранты не нашли особенного участия к своей судьбе со стороны приютивших их немцев. Правые круги протестовали против чрезмерного — в условиях экономического кризиса, инфляции и безработицы — количества «приезжих с Востока», левые силы — видели в русских беженцах представителей враждебных классов (осенью 1922 года коммунисты на страницах своей газеты «Роте фане» открыто возмущались фактом наличия в Германии «высланной из России контрреволюционной интеллигенции», задаваясь вопросом, «как эти официальные связи с белогвардейцами согласуются с договором в Рапалло?»[1]). Позицию германских властей также сложно назвать дружественной: фактически речь шла о планомерном выдавливании эмигрантов с использованием всех находившихся в арсенале немецких чиновников бюрократических возможностей[2].

Все это совмещалось с устоявшимися пропагандистскими штампами, рисующими «восточные народы» в мрачных и презрительных тонах. В одном из школьных учебников Веймарской республики (1925) было написано: «Русский дух как таковой, видимо, не приспособлен к творческой созидательной деятельности; почти всем, что создано Россией во внешних и внутренних делах, она обязана немцам, состоявшим на русской службе, или прибалтийским немцам»[3].

Нельзя утверждать, что подобное отношение к русским господствовало повсеместно. Было немало немецких публицистов и ораторов (многие из них были сами выходцами из России или беженцами

---

[1] *Винник А.В.* Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. / Русский Берлин. 1920—1945. Международная научная конференция 16—18 декабря 2002 года. М., 2006. С. 372.

[2] После прихода к власти в Германии национал-социалистов в 1933 году там оставалось около 50 тыс. русских эмигрантов, из них примерно 10 тыс. — в Берлине. См.: *Жданов Д.Н.* Русские национал-социалисты в Германии (1933—1939 гг.) / «Россия и современный мир». 1998. Вып. № 3 (20). С. 8; *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920—1930-е гг. / Русский Берлин… С. 368—405.

[3] Цит. по: Война Германии против Советского Союза... С. 15.

из «советского рая»), которые — по крайней мере внешне — проявляли сочувствие к покоренным большевизмом народам. Были и те, кто всерьез пытался усмотреть в новой России «свет с Востока», причем среди таковых находились не одни только коммунисты, но и критично настроенные по отношению к «ветхой» Европе консервативно-революционные мыслители... Освальд Шпенглер уже в 1919 году высказал мысль о том, что «русские вообще не являются народом, таким, как немецкий или английский; они содержат в себе возможность многих народов будущего, так же как германцы эпохи Каролингов... Русская душа является обещанием грядущей культуры»[1].

Интересно, что в ранний период деятельности (до 1923 года) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — НСДАП) ее лидеры, идеологи и пропагандисты публично сочувствовали русским, видя в них «заложников мирового еврейства». В тексте одного из плакатов, приглашавшего на массовый митинг НСДАП, говорилось: «Мы, германские национал-социалисты, требуем, чтобы русскому народу была оказана помощь, но не путем поддержки его нынешнего правительства, а путем устранения его нынешних губителей. Кто сегодня жертвует для России, дает не для русского рабочего, а для его грабителя — еврейского комиссара»[2].

13 августа 1920 года Гитлер заявил, что во время октябрьского переворота погибло 300 тысяч русских, но ни одного еврея, и большевистская верхушка на 90 % состоит из евреев. 28 июля 1922 года вождь нацистов сказал, что в России 30 миллионов человек замучено до смерти, казнено в застенках или умерло от голода. Эти жертвы не последние: если начнется большевизация Германии, то гибель немецкой культуры и государства неизбежны; лучшее доказательство этому — судьба России[3].

В другом своем выступлении того же периода фюрер вещал: «В удивительном сотрудничестве демократия и марксизм сумели

---

[1] Цит. по: *Крауз Г.-К.* Указ. соч. С. 296.

[2] Цит. по: *Мазер В.* История «Майн Кампф». Факты, комментарии, версии. М., 2007. С. 275.

[3] *Пленков О.Ю.* Третий рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). СПб., 2004. С. 258.

разжечь между немцами и русскими совершенно безрассудную, непонятную вражду; первоначально же оба народа относились друг к другу благожелательно. Кто мог быть заинтересован в таком подстрекательстве и науськивании? Евреи». Гитлер позволил себе даже следующую, полную негодования, сентенцию: «Да, Бебель, который не соглашался дать проклятому милитаризму ни единого солдата, ни единого гроша для защиты против Франции, — этот Бебель заявил: когда дело дойдет до войны с Россией, я сам вскину на плечо ружье»[1].

Подобные трактовки легко объясняются фактом довольно широкого присутствия в рядах первых национал-социалистов эмигрантов из России. Многие из них происходили из среды аристократов, армейских офицеров, политических деятелей, многие воевали в составе белых армий или под знаменами Добровольческого корпуса генерал-майора графа Рюдигера фон дер Гольца в Прибалтике. Потеряв семьи, имущество и Родину, они были охвачены идеей, что революцию в России устроили евреи и азиаты и вот-вот то же самое случится в Западной Европе.

Существенную роль в формировании идеологии НСДАП в 1919—1923 годы играли русские эмигранты, в частности, прибалтийские немцы. Как пишет К. Шлегель, «в результате образования самостоятельных Балтийских государств и проведенных в них демократических земельных реформ они потеряли свой жизненный базис и переселились в Германскую империю. Эта группа была не столь уж многочисленной, но благодаря своим влиятельным позициям в таких крупных балтийских городах, как Рига, Либава (Лиепая), Динабург (Двинск, он же Даугавпилс), Пярну, Ревель (Таллин) и Нарва, она имела необычайно сильное культурное влияние и обширные связи»[2].

Российские немцы, одинаково хорошо владевшие русским и немецким языками, образовали очень прочное промежуточное звено между правым флангом русской диаспоры и нацистами. Хотя среди

---

[1] Цит. по: *Гейден К.* Путь НСДАП. Фюрер и его партия. М., 2004. С. 139—140.

[2] *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919—1945). М., 2004. С. 159—160.

них было немало людей, сохранивших преданность дому Романовых (к примеру, земляк Альфреда Розенберга Отто фон Курзель, уже будучи членом НСДАП, основал в Мюнхене «Русский монархический союз»[1]), большая часть со временем начала видеть в себе, как пишет исследователь Джон Стефан, «восточный бастион тевтонской цивилизации, форпост Deutschtum», то есть германизма[2].

Под влиянием русских эмигрантов — бывших «черносотенцев» — в нацистской партии в моду вошли выражения «еврейский большевизм» и «советская Иудея», и вскоре центральным пунктом национал-социалистического образа врага стал стереотип «еврейского большевизма», победившего в России в 1917 году, угрожавшего Германии в ноябре 1918 года и теперь стремившегося к господству над всем миром.

Автор классического исследования по ранней истории нацизма Конрад Гейден отмечал, что российские белоэмигранты, вставшие под знамена со свастикой, «очень желали вовлечь Германию в кампанию борьбы против Ленина... Было бы преувеличением назвать начинающуюся отныне внешнюю политику национал-социализма царистской. Но фактически ее духовные истоки находятся в царской

---

[1] *Баур Й.* Революция и «сионские мудрецы». К вопросу об изменении образа России в ранней НСДАП / Германия и русская революция... С. 157.

[2] *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 38. Жизнь многих балтийских немцев настолько сильно переплелась с нацистским движением, что они, войдя в его ряды, оставались верными ему до самого конца. Показательна судьба прибалтийского немца Арвида Тейермана (род. в 1892 году). Во время Первой мировой войны он служил в русской императорской армии, а после революции выехал в Германию, где вступил в НСДАП. В 1930 году Тейерман уже командовал штандартом СА 42 в Грейфсвальде. В 1934 году он возглавил одну из бригад СА в Западной Померании. В ходе «Ночи длинных ножей» он был арестован эсэсовцами, однако Тейермана оставили в живых. В 1935 году он перешел в СС. В начале Второй мировой войны Тейерман служил в Командном штабе рейхсфюрера СС, с 1 апреля по 11 июля 1942 года — находился при штабе Добровольческого легиона СС «Нидерланды». С 12 декабря 1942 года по 9 апреля 1943 года он был прикомандирован к штабу высшего фюрера СС и полиции на Кавказе. 25 января 1945 года, будучи уже штандартенфюрером, Тейерман возглавил Кавказское соединение войск СС. См.: *Семенов К.К.* СА — Штурмовые отряды НСДАП. М., 2006. С. 267; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 289.

России, в России черносотенцев и "Союза русского народа". Вынужденные эмигрировать из России и скитаться на чужбине, эти слои приносят в Среднюю и Западную Европу свои представления, свои мечты и свою ненависть. Мрачное, кровавое русское юдофобство пропитывает более благодушный немецкий антисемитизм»[1].

В итоге «старое русское юдофобство» стало исходным пунктом германского национал-социализма в области его внешней политики, а русские эмигранты активно публиковались в центральной партийной газете — «Фелькишер Беобахтер» («Volkischer Beobachter», «Народный наблюдатель») и выступали на нацистских собраниях[2]. По одной из версий, и саму газету «Фелькишер Беобахтер» нацисты купили частично на деньги русских монархистов[3]. Альфред Розенберг в своих воспоминаниях также пишет о том, что «наиболее состоятельная финансовая поддержка оказывалась партии русскими белоэмигрантами, которые любой ценой хотели добиться выхода своей антисоветской пропаганде». Одним из основных спонсоров «Фелькишер Беобахтер» Розенберг называет генерала В.В. Бискупского[4].

Деятельность так называемого «русского» (или «русско-балтийского») сектора в нацистской партии, как правило, связывают с именем Макса Эрвина фон Шейбнер-Рихтера. Он родился 21 января 1884 года в Риге, в семье композитора и дирижера Карла-Фридриха Рихтера. В составе отрядов самообороны Макс Рихтер участвовал в подавлении революционных выступлений в 1905—1907 годах. После женитьбы на Матильде фон Шейбнер (и приобретения дворянской двойной фамилии) он в декабре 1910 года переехал в Мюнхен, где стал дипломированным инженером. Здесь к этому времени уже сформировалось ядро «русско-балтийской группы», которая позднее почти в полном составе вступила в НСДАП. В 1914 году Шейбнер-Рихтер поступил добровольцем в баварский полк легкой кавалерии,

---

[1] *Гейден К.* Указ. соч. С. 61.

[2] Там же. С. 62.

[3] Российская эмиграция во Франции в 1940-е (публикация Д. Гудзевича и Е. Макаренковой) / Диаспора. Новые материалы. Т. 8. СПб.; Париж, 2007. С. 562.

[4] *Розенберг А.* Мемуары. С комментариями С. Ланга и Э. фон Шенка. Харьков, 2005. С. 99.

однако вскоре был отправлен в Турцию в качестве уполномоченного министерства иностранных дел. В декабре 1917 года его назначили офицером разведки при главнокомандующем Восточным фронтом в Прибалтике. Он активно участвовал в борьбе с большевиками, а в 1919 году вернулся в столицу Баварии, где через А. Розенберга установил контакты с русскими эмигрантами.

В ноябре 1920 года Шейбнер-Рихтер вступил в НСДАП и быстро вошел в ближайший круг Адольфа Гитлера. Одновременно он организовал русско-германское общество «Возрождение» («Aufbau»), целью которого стало объединение русских и украинских правых эмигрантов с германскими националистами. В списках общества тогда значились такие заметные фигуры русской эмиграции, как П.О. Гусаков, герцог Г.Н. Лихтенбергский и барон Кеппен. Несколько членов «Aufbau» потом служили Третьему рейху: Альфред Розенберг, Арно Шикеданц, генерал-майор Василий Бискупский, Петр Шабельский-Борк, полковник Иван Полтавец-Остраница[1]. Средства для партийной деятельности (как для «Aufbau», так и для НСДАП) Шейбнер-Рихтер умело добывал у эмигрировавших в Германию членов российской императорской фамилии[2]. Кроме того, он завел многочисленные связи среди промышленников, с королевским домом Виттельсбахов и церковными иерархами. В круг его друзей входили стальной магнат Фриц Тиссен, герой Танненберга генерал Эрих Людендорф.

В издаваемом обществом журнале постоянно подчеркивалось, что будущее немецкого народа — «в совместных действиях с Востоком, прежде всего с Россией», а врагами немецкого и всех «национально чувствующих народов» назывались «еврейско-интернациональная пресса» и особенно «интернациональный марксизм»[3]. Шейбнер-Рихтер писал, что «народы начинают понимать, где их враг, они видят, что под лозунгом извращенного, ложно понятого национализма они уничтожали друг друга в угоду общему врагу»[4].

---

[1] *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 39.

[2] *Ганфштенгль Э.* Гитлер. Утраченные годы. Воспоминания сподвижника фюрера. 1927—1944. М., 2007. С. 89.

[3] *Баур Й.* Указ. соч. С. 159.

[4] *Гейден К.* Указ. соч. С. 139.

В конце мая 1921 года под эгидой «Aufbau» фон Шейбнер-Рихтер организовал в Бад-Рейхенхалле съезд русских и украинских националистов. Со всей Европы в это баварское курортное местечко съехались делегаты, принявшие резолюцию о совместной борьбе против коммунистов, евреев и масонов. Важным итогом съезда стало также избрание Высшего монархического совета во главе с Николаем Евгеньевичем Марковым (1866—1945) — одним из самых известных лидеров «Черной сотни», депутатом Государственной Думы и антисемитским публицистом. Забегая вперед, отметим, что Марков будет активным сподвижником нацистов и участником громких пропагандистских антисемитских акций. Ему принадлежит следующая показательная сентенция: «По духу русское движение было аналогично национал-социализму и внесло неоценимый вклад в его зарождение и развитие»[1].

«К 1923 году, — отмечает историк Константин Семенов,— установились достаточно прочные связи между русским очагом в Кобурге — двором Великого князя Кирилла Владимировича — и НСДАП. Многие эмигранты посещали митинги последней, небезосновательно полагая, что "коричневое" движение способно справиться с коммунизмом. Это стало причиной для участия ряда эмигрантов в "Пивном путче" в ноябре 1923 года. Связующим звеном между нацистами и эмигрантами был Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер»[2]. Немецкий историк Иоахим Фест пишет, что влияние фон Шейбнер-Рихтера «на

---

[1] Цит. по: *Демин В.* Мои этапы. Севастополь, 2007. С. 540. Книги Маркова (например, «Войны темных сил») пользовались у немецких националистов большой популярностью. В 1934 году Марков был привлечен в качестве эксперта защиты для участия в Бернском процессе, организованном рядом еврейских организаций с целью доказать подложность «Протоколов сионских мудрецов». В 1935 году он был приглашен В. Флешауэром (сотрудником Й. Геббельса) в русскую секцию антисемитской пропагандистской организации «Мировая служба», а с 1936 года стал редактировать русский выпуск бюллетеня «Мировая служба. Международная корреспонденция по просвещению в еврейском вопросе». В те же годы Марков активно участвовал в работе над антисемитской энциклопедией «Segila Veri». Сотрудничество Маркова с ведомством Геббельса продолжалось и после 1941 года. См.: *Богоявленский, Иванов А.* «Курский зубр» / Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 109—142.

[2] *Семенов К.К.* Русские фюреры СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 8.

Гитлера было огромным, и он был единственным из сподвижников Гитлера, погибших 9 ноября 1923 года у Фельдхеррнхалле, кого тот считал незаменимым»[1].

Шейбнер-Рихтер прямо или косвенно поспособствовал карьерному росту (в рамках НСДАП) целого ряда русских немцев. Пожалуй, наиболее загадочной фигурой среди них является Григорий (Грегор) Шварц-Бостунич — необычайно плодотворный антисемитский и антимасонский автор, который пользовался почти безграничным доверием рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, и к 1944 году сумел дослужиться до штандартенфюрера СС[2].

Он родился 19 ноября 1883 года в Киеве в семье сотрудника полиции Вильгельма Бертольда Шварца (выходца из старинного рижского аристократического рода) и Ольги Бастуновой-Бостунич (ее отец был обрусевшим сербом, а мать, урожденная Риглер, происходила из Баварии)[3].

Задолго до революции Бостунич увлекся изучением теософии, оккультизма и астрологии, будучи при этом не чуждым и идеям черносотенных кругов. Он не принял ни Февральскую, ни Октябрьскую революции. В своих статьях и книгах Бостунич изображал большевизм как апокалиптическое явление и «выступление темных сатанинских сил». В 1920 году ему пришлось эмигрировать в Константинополь, откуда он перебрался сперва в Болгарию, затем — в Югославию, а в августе 1922 года — в Мюнхен. Все это время Григорий Бостунич выступал с антибольшевистскими лекциями, в которых уделял большое внимание «Протоколам сионских мудрецов» и разоблачению франкмасонства.

---

[1] *Фест И.* Гитлер. Биография. Путь наверх. М., 2006. С. 227. Э. Ганфштенгль утверждает, что план Мюнхенского путча «был фактически разработан Шейбнер-Рихтером» (Указ. соч. С. 98).

[2] Редким сведениям о Г.В. Шварце-Бостуниче авторы обязаны историку А.И. Колпакиди, который любезно предоставил в наше распоряжение рукопись статьи М. Хабинейстера «Жизнь Грегора Шварца-Бостунича». — *Примеч. авт.*

[3] Сам он в связи со складывавшимися обстоятельствами использовал то фамилию отца, то фамилию матери, а с 1924 года носил двойную фамилию — Шварц-Бостунич. На митингах НСДАП в 1920-е годы он также часто пользовался псевдонимом «доктор Грегор». — *Примеч. авт.*

В Баварии Бостунич сошелся с Шейбнер-Рихтером, стал сотрудничать в ряде русских монархических изданий, но в конечном итоге, заявив о своем германском происхождении, примкнул к нацистской партии, на митингах которой он впоследствии неоднократно выступал в качестве оратора. В 1924 году Бостунич познакомился с Генрихом Гиммлером. В начале 1925 года он женился на медсестре, фанатичной нацистке Фриде Вольф. Его книги («Масонство и русская революция», «Еврейский империализм» и т.п.) пользовались неизменным успехом у националистически настроенной публики и выдержали множество изданий. В 1920-е годы он также сошелся с представителями «народнического» крыла НСДАП, в частности с нацистским гауляйтером Тюрингии Артуром Динтером, впоследствии исключенным из партии по приказу Гитлера за «сектантскую деятельность»[1]. Под влиянием «народников» Шварц-Бостунич «проникся» теорией Ганса Гербигера о «вечном льде», а также написал ряд сомнительных опусов, вроде «Евреи и женщина. Теория и практика еврейского вампиризма, эксплуатации домашнего и народного хозяйства» (опубликована в Берлине в 1939 году).

Известно, что Г. Гиммлер, будучи главой Охранных Отрядов, в течение некоторого времени (приблизительно до середины 1930-х годов) оказывал покровительство представителям «народнических» кругов. Неудивительно, что и Шварц-Бостунич сумел найти приют в «Черном ордене». В апреле 1935 года он получил чин гауптштурмфюрера СС, был назначен начальником 1 отдела (масонство) V управления службы безопасности (СД) и куратором «Музея масонства» в Берлине[2].

---

[1] Как известно, сам Гитлер был резким противником оккультизма и разнообразных «народнических» теорий; в «Майн Кампф» он именует «фелькиш-теоретиков» «невеждами и бездельниками», «тихими работничками», «ленивой и трусливой сволочью». Подробнее см., например: *Жуков Д.А.* «Оккультный рейх». Главный миф XX века. М., 2009. 352 с.

[2] См.: *Семенов К.К.* Русские фюреры СС... С. 9. В НСДАП Шварц-Бостунич вступил в декабре 1931 года. При вступлении в СС у него возникли некоторые трудности, так как он не смог предоставить необходимые документы, доказывающие его арийское происхождение. В конечном итоге Шварцу-Бостуничу помогло личное поручительство Гиммлера, который называл его своим «любимым борцом» (в свою очередь, Бостунич именовал рейхсфюрера «искренне любимым шефом»). — *Примеч. авт.*

Через шесть месяцев Шварц-Бостунич был вынужден оставить свой пост по указанию шефа СД Рейнхарда Гейдриха, формально сославшегося на слабое здоровье «специалиста по масонству» (он был переведен в резервное подразделение «Ост» Общих СС в Берлине). На самом деле Гейдрих всегда был против покровительственного отношения Гиммлера в отношении Бостунича и не упускал возможности, чтобы подсунуть своему шефу аналитические материалы с разоблачением псевдонаучной деятельности «профессора». 19 июня 1941 года он информировал рейхсфюрера о том, что одна из работ Шварца-Бостунича представляет собой «бессистемную публикацию списка масонских преступников», перемежающуюся «скандалами и сенсациями». Из этого Гейдрих делает вывод о том, что Шварц-Бостунич «не может быть никаким фюрером СС» и в «политическом отношении не представляет из себя ничего иного, кроме как жалкого невежду».

Однако до этого — 12 октября 1935 года — Шварц-Бостунич был произведен в штурмбаннфюреры СС, а 30 января 1937 года — в оберштурмбаннфюреры СС. Вплоть до указанного рапорта Гейдриха он все еще продолжал выступать с лекциями, однако 26 сентября 1941 года получил от Гиммлера письмо, в котором рейхсфюрер с подчеркнутой вежливостью указывал: «Прошу вас правильно меня понять, но ваша лекторская и публицистическая деятельность в будущем может быть разрешена лишь после того, как я ознакомлюсь с ее содержанием и получу о ней полное представление».

Вся дальнейшая деятельность Шварца-Бостунича свелась в основном к написанию доносов в гестапо с жалобами на «саботаж чиновников». В феврале 1944 года он перебрался в Силезию. Видимо, из сострадания, Гиммлер дал указание приписать его к штабу XXI округа Общих СС, а 4 ноября 1944 года Шварц-Бостунич получил свой последний чин — штандартенфюрера СС. При приближении советских войск он выехал на Запад и сдался в плен американцам. Последнее упоминание о нем датируется маем 1946 года: его имя числилось в списке немецких военных преступников — офицеров войск СС, составленном Главным штабом американских войск в Германии.

Большим влиянием в НСДАП пользовался еще один российский эмигрант — Альфред Розенберг, небезуспешно претендовавший в

партии на роль «главного идеолога» (а позже — «главного философа Рейха»). Он родился 12 января 1893 года в Ревеле в семье руководителя местного отделения Германской коммерческой палаты, осенью 1910 года поступил в Высшее техническое училище, которое в 1915 году из-за военного положения было переведено в Москву. Здесь Розенберг в начале 1918 года сдал государственный экзамен по архитектуре. Лично пережив кошмар большевистской революции, молодой прибалт принял решение эмигрировать в Германию через оккупированный германскими войсками Ревель.

Между прочим заметим, что факты биографии А. Розенберга были курьезным образом искажены известным журналистом С. Веревкиным («Бывший... русский офицер, участник Гражданской войны в России... Александр Васильевич Розенберг»[1]). На самом деле Розенберг никогда не служил в армии. В своих мемуарах он вспоминает, как хотел стать немецким солдатом после оккупации Ревеля германскими войсками: «Я отправился в комендатуру, чтобы спросить, когда можно записаться добровольцем. Несмотря на мое искреннее желание, мне было отказано, поскольку я жил на оккупированной территории»[2].

В конце 1918 года Розенберг прибыл в Мюнхен, где, познакомившись с Дитрихом Эккартом, вступил в знаменитое «Общество Туле» (в воспоминаниях Розенберг охарактеризовал эту организацию так: «Туле была одной из тех, которые отстаивали концепцию арийской расы, и их собрания посещали не только Дитрих Эккарт и Рудольф Гесс, но также и большинство антисемитски настроенных русских белоэмигрантов»[3]), а затем — в Немецкую рабочую партию, из которой затем сформировалась НСДАП.

Историк Йоганнес Баур утверждает, что «в первые послевоенные годы образ России еще не был у Розенберга столь однозначно русофобским, как в позднейших его сочинениях». Уже в самых ранних своих публикациях (например, сочинение «Еврей» относится к июлю 1918 года) Розенберг отождествлял большевиков с евреями, целью которых была «гибель России как государства», при этом

---

[1] *Веревкин С.И.* Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 34.

[2] *Розенберг А.* Мемуары... С. 55.

[3] Там же. С. 76.

«сотни тысяч лучших русских людей, стремившихся защитить свое Отечество... пали под пулями этих палачей»[1]. Розенберг вполне допускал равноправное сотрудничество с русскими националистами в борьбе против общих врагов — «еврейства» и большевизма. Более того, в «Фелькишер Беобахтер» он пророчествовал: «Придет время, когда... будет французская национал-социалистическая рабочая партия, английская, русская и итальянская»[2].

Розенбергу импонировали русские эмигрантские газеты, где Гитлера часто сравнивали с Петром Великим, и он позитивно оценивал труд «черносотенцев» по «изобличению» еврейства. Большевистская революция, писал он, была чуждым русской природе феноменом; она была восстанием «потомков монголов против нордических форм культуры», и потому была «стремлением к степи, ненавистью кочевников против корней личности», означала попытку вообще отбросить Европу[3].

Вплоть до 1923 года Розенберг поддерживал тесные отношения со своими товарищами по несчастью из числа русских эмигрантов. Совместно с основателем «Русского монархического союза» О. фон Курзелем в 1921 году он опубликовал стотысячным тиражом антисемитскую брошюру «Могильщики России» (в издании принимал участие также Дитрих Эккарт). Плодотворными можно назвать и его контакты с бывшим «черносотенцем», полковником русской императорской армии Федором Викторовичем Винбергом (1868—1927), проповедовавшим со страниц своих изданий — газеты «Призыв» и журнала «Луч света» — объединение «усилий православной и католической церквей для противостояния еврейско-масонским силам как антихристианским» (в журнале «Луч света» публиковался, в частности, Г.В. Шварц-Бостунич) [4]. Винберг входил в состав не-

---

[1] *Баур Й.* Указ. соч. С. 160—161.

[2] *Гейден К.* Указ. соч. С. 138.

[3] Цит. по: *Артамошин С.В.* Идейные истоки национал-социализма. Брянск, 2002. С. 125.

[4] *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции... С. 112—113. О Ф.В. Винберге подробнее см.: *Иванов А.* «Я не изменил своей присяге». Гвардии полковник Федор Викторович Винберг / Воинство Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 532—542.

формальной организации, занимавшейся активной пропагандой одного из источников разжигания ненависти к евреям — «Протоколов сионских мудрецов», которые потрясли немецкое общество и руководство НСДАП. Ближайшие соратники Винберга — будущие русские нацисты Сергей Владимирович Таборицкий и Петр Николаевич Шабельский-Борк — стали известными после покушения на либерального деятеля П.Н. Милюкова в марте 1922 года (жертвой этого акта стал отец известного писателя В.Д. Набоков[1]). Некоторые исследователи утверждают, что именно Винберг «помог» нацистам своими сентенциями о том, что «евреев может остановить только физическое уничтожение»[2].

После 1923 года во взглядах Розенберга произошло известное изменение, общее также для Гитлера и других теоретиков партии: Россия из потенциального союзника превратилась во внешнеполитического противника. Со стабилизацией советской власти стало излишним отделять друг от друга правителей и представителей национальной интеллигенции, участвовавших в Гражданской войне и оказавшихся в эмиграции. Если до 1922—1923 годов русская революция интерпретировалась, прежде всего, как продукт «еврейско-большевистского заговора», то позднее ответственность за такой ход истории возлагалась... на «расовые дефекты» самого русского народа[3].

Так, в публикации «Советская Иудея» (в журнале «Мировая борьба», № 2, июль 1924 года) Розенберг утверждал: «В том, что в

---

[1] Осужденные на 14 и 12 лет соответственно, Таборицкий и Шабельский-Борк были освобождены через 5 лет, остались в Германии и впоследствии играли видную роль в русском эмигрантском сообществе. По некоторым сведениям, Таборицкий был членом НСДАП. См.: *Чистяков К.А.* Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг. / Русский Берлин... С. 407, 416.

[2] *Williams R.C.* Culture in Exile. Russian Emigres in Germany, 1881—1941. London, 1972. P. 34. М.В. Назаров утверждает, что фразы о «тотальном физическом уничтожении» евреев в книгах Винберга не содержится (Миссия русской эмиграции... С. 112). Й. Баур указывает на то, что Винберг требовал «истребления... бесконечно вредных для человека социалистических животных» (Указ. соч. С. 165).

[3] *Баур Й.* Указ. соч. С. 161. К 1923 году Розенберг окончательно потерял надежду вернуться в Россию и стал воспринимать себя уже не как русского эмигранта, а как подданного Германии. — *Примеч. авт.*

России были сожжены тысячи имений, что сотни тысяч людей были казнены и вырезаны в бессмысленном порыве разрушения, видно лишь истинно русское начало». В подтверждение этого своего вывода он ссылается на соответствующие примеры и образы из русской литературы (упоминается «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Идиот» Ф.М. Достоевского, «От двуглавого орла к красному знамени» П.Н. Краснова): «Если я думаю о русской революции, то первое, что мне приходит на ум — так это эпизод из "Идиота", когда русский из зависти к чужим серебряным часам, без какого-либо морального сомнения закалывает их владельца словно скотину, не забывая перед этим рьяно перекреститься».

Впрочем, Розенберг все еще искренне сочувствует главной жертве революции — национальной интеллигенции: «В течение 1918 года все более или менее зрячие увидели, как спала маска большевистского сфинкса, и выяснилось, что большевизм не был и не является борьбой за социальную идею. Это политическая борьба евреев всех стран против национальной интеллигенции всех народов, чтобы с помощью натравленных против нее низших слоев народа уничтожить ее и на ее место поставить евреев или зависимые от них создания»[1].

Постепенно Розенберг начал приходить к мысли о необходимости расчленения СССР по национальному признаку и замене его мозаикой подчиненных Германии марионеточных государств. В 1927 году в Мюнхене была опубликована его брошюра «Будущий путь германской внешней политики», где он призывал руководство Веймарской республики всемерно поддерживать сепаратистские настроения в

[1] Цит. по: Война Германии против Советского Союза... С. 24. Ср., например, со статьей А. Розенберга в «Фелькишер Беобахтер» от 26 ноября 1921 года, где начисто отсутствуют аллюзии насчет некой предрасположенности русских к революционному хаосу и виновником произошедшего называется исключительно «интернациональное еврейство»: «Но чтобы не дать русским людям проснуться и сбросить с себя этот еврейский кошмар, евреи в быстром темпе произвели уничтожение всей русской интеллигенции и вообще грамотных людей. Под лживым предлогом того, что преступления прошлого царского режима должны быть наказаны, большевистская власть послала иностранных наемников, чтобы убить каждого морского и армейского офицера, полицейского, государственного служащего, инженера, всякого, кто способен думать и анализировать события самостоятельно».

Советском Союзе. Он рассчитывал на поддержку нерусских народов в борьбе против русских, уже тогда «проповедуя» идею «санитарного кордона» для изоляции «Московии» от внешнего мира[1]. Отсюда становится ясно, почему во время войны, являясь главной министерства занятых восточных территорий («Reichsministerium fur die besetzen Ostgebiete»), он одобрял сепаратистские устремления украинцев и представителей других наций Советского Союза.

В своем главном сочинении — «Миф XX века» (1930) — Розенберг посвящает характеристике русской души целую главу. Вновь ссылаясь на Достоевского (именуя того «увеличительным стеклом русской души», через личность которого «можно понять всю Россию в ее трудном для объяснения многообразии»), «главный партийный философ» подчеркивает, что «существует абсолютно исконная потребность русского человека в его стремлении к страданию, в беспрерывном страдании... во всем, даже в радости»[2].

Розенберг полагает, что «русский — единственный в мире, кто не внес ни одной идеи в множество человеческих идей, и все, что он получил от прогресса, было им искажено. Русский хоть и движется, но по кривой линии, которая не ведет к цели, и он подобен маленькому ребенку, который не умеет думать правильно»[3].

Хотя автор и признает, что «Россия — это страна, которая сохранила в своей груди истинный образ Христа, предполагая однажды, когда народы Запада собьются с пути, вывести их на новый справедливый путь», причиной этого называется лишь «мучительное стремление подарить миру нечто самостоятельное».

Итоговый вывод печален: «В 1917 году с “русским человеком” было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмыко-татарин Ленин стал правителем. Демонизм этой крови инстинктивно направлен против всего, что еще внешне дей-

---

[1] *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 42.

[2] *Розенберг А.* Миф XX века... С. 153 (глава 7, книга первая: «Борьба ценностей», часть вторая: «Любовь и честь»). Также приводятся многочисленные примеры из творчества Тургенева, Горького, Андреева, Чаадаева.

[3] Там же. С. 155.

ствовало смело, выглядело по-мужски нордически, как живой укор по отношению к человеку, которого Лотар Штоддард правильно назвал "недочеловеком"... Смердяков управляет Россией. Большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане»[1].

Справедливости ради, стоит отметить, что изначальное «русофильство» нет-нет, да и проявлялось у Розенберга и в последующие годы. Так, в письме к генералу Василию Бискупскому (своему приятелю в начале 1920-х годов) от 30 декабря 1931 года он заявлял, что «знал в России многих прекрасных людей» и «оглядывается в прошлое лишь с самой большой симпатией к ним и ко многому в русской жизни»[2].

Тем не менее к этому времени новый вектор партийной политики был определен, свидетельством чему стало появление в труде лидера НСДАП «Майн Кампф» расхожего утверждения о неспособности русских к государственному управлению. После смерти Шейбнера-Рихтера связи нацистской верхушки с русскими монархистами оказались прерваны, поэтому Гитлер мог без оглядки на чье-либо стороннее мнение писать: «Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет имен-

---

[1] Там же. С. 157. Добавим, что коллега Розенберга, балтийский немец барон фон Мантойфель-Катцданге, анализируя революцию в России, отмечал: «Еврейский комиссар безраздельно управляет... как когда-то татарский хан. Ленин сам был татарином и во многом напоминал великих монгольских завоевателей, таких, как Чингисхан и Тамерлан.... Под этим углом зрения весь большевизм представляется новым монгольским нашествием, возвращением к монгольским набегам, которые однажды уже потрясли арийскую расу и арийско-германскую культуру, угрожая полным уничтожением».

[2] *Баур Й.* Указ. соч. С. 161.

но германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи»[1].

Тем не менее деятельность нацистской партии продолжала положительно восприниматься радикально настроенной частью русской эмиграции, не желавших видеть в сентенциях идеологов НСДАП какого-либо оскорбления и унижения своего национального достоинства.

Третья глава

РУССКИЕ НАЦИСТЫ

Несмотря на то что взгляды руководства партии на русскую проблему изменились, а близкое русско-немецкое сотрудничество в рамках НСДАП фактически сошло на нет, контакты по отдельным направлениям продолжались.

Так, с 1924 года активно действовало полувоенное формирование — «Русский вспомогательный отряд» («Russische Hilfstruppe»), имевший связи с НСДАП и регулярно участвовавший в занятиях Штурмовых отрядов (СА) — в местечке Ценден, примерно в 80 км к северо-востоку от Берлина, на территории обширного поместья бранденбургского юнкера Вильгельма фон Флоттова. В отряд входили ветераны армии генерал-майора Павла Бермондта-Авалова и русская эмигрантская молодежь. Члены русского отряда собирались в одной из пивных на Гайзбергштрассе. В 1928 году их формирование влилось в состав подразделений СА в Берлине-Шенеберге[2].

Никогда не порывал с нацистами уже неоднократно упомянутый генерал-майор Василий Викторович Бискупский[3]. После провала

---

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. Munhen, 1935. S. 742—743. Приведенный отрывок относится ко второй части книги (глава 14: «Восточная ориентация или восточная политика»), опубликованной в 1927 году.

[2] *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 45—46.

[3] В.В. Бискупский (1879—1945). Участник Русско-японской и Первой мировой войн, во время Гражданской войны — командующий войсками гетмана Украины П.П. Скоропадского (1918), премьер-министр т.н. Западнорусского правительства в Берлине (1919). Участник Капповского путча. О нем см.: *Dodenhoeft B.* Vasilij von Biskupskij — Eine Emigrantenkarriere in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europaischen Burgerkrieg. Berlin, 1995. S. 219—228.

«Пивного путча» 9 ноября 1923 года он, по утверждению некоторых исследователей, укрывал у себя на квартире Адольфа Гитлера[1]. Несмотря на смерть фон Шейбнер-Рихтера, Бискупский старался не потерять контактов с нацистами. Он приветствовал триумф НСДАП в январе 1933 года и направился в Берлин, где встречался с различными партийными деятелями, занимавшими высокое положение. В апреле 1933 года генерал добился аудиенции у главы внешнеполитического ведомства НСДАП («Fussenpolitisches Amt der NSDAP»), «старого друга», — Розенберга, и предложил ему преобразовать министерство иностранных дел в более мощную структуру, способную стать противовесом Третьему интернационалу. Кроме того, он предложил Розенбергу организовать при НСДАП «русский отдел», построенный по принципу «конспиративной ячейки». Но здесь Бискупского ожидало фиаско[2].

Не унывая, он в конце 1933 года установил связь с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером и отправил ему информацию о деятельности русских эмигрантов. В 1935 году он подготовил для СС сообщение о движении монархистов, начиная с 1920 года, включив в него всю информацию о степени их политической активности. Это сообщение произвело впечатление на рейхсфюрера СС и его окружение[3].

В мае 1936 года Бискупский при поддержке СС и Министерства пропаганды был назначен главой имперского координационного агентства по делам эмигрантов — Бюро русских беженцев («Vertrauenstelle fur Russische Fluchtinge»). Основанием для создания бюро послужила необходимость пресечь постоянные споры между различными эмигрантскими группировками и в интересах сохранения порядка и безопасности в обществе устранить этот источник нестабильности. В задачу бюро входил организационный учет, контроль

---

[1] *Акунов В.В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918—1923 гг. М., 2004. С. 81.

[2] *Dodenhoeft B.* Op. cit. S. 222. 28 июня 1933 года Бискупский был арестован баварским гестапо по обвинению в «принадлежности к агентам большевиков и ГПУ» (видимо, вследствие доноса многочисленных недоброжелателей из числа русских эмигрантов). 19 сентября он был освобожден (Ibid).

[3] Ibid. S. 223.

и обслуживание всех проживавших в Германии русских эмигрантов. Ближайшими сотрудниками Бискупского стали убийцы В.Д. Набокова — П.Н. Шабельский-Борк (он стал секретарем управления) и С.В. Таборицкий (занял должность главы молодежного отдела) [1].

Усилия, предпринимаемые В.В. Бискупским, были направлены на то, чтобы объединить русские группы эмигрантов вокруг его ведомства и укрепить, таким образом, его авторитет и положение в Германии, в ее властных структурах, а также среди выходцев из России; он вел активную политическую жизнь, питая надежду, что когда-нибудь избранная им форма коллаборационизма принесет пользу русскому народу — поможет с помощью немцев изменить политическую систему в СССР. Немецкая исследовательница Беттина Доденхофт замечает в этой связи, что «в СС были положительно оценены предложенные Бискупским планы воссоздания России»[2]. Однако едва ли эти планы имели под собой какую-то реальную почву. В любом случае, известно, что с началом войны ведомство Бискупского активно сотрудничало с СС и абвером на ниве привлечения для нужд германской армии (и, в частности, разведки) эмигрантов в качестве переводчиков и агентов[3].

Рупором нацистской идеологии в среде русских эмигрантов в Германии была издававшаяся в Берлине с июля 1933 года газета «Новое слово». Ее редактор — Владимир Михайлович Деспотули (1895—1977) пользовался покровительством Розенберга и, по слухам, имел тесные связи с СС (отсюда его прозвище — Гестапули) [4].

---

[1] *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 554.

[2] *Dodenhoeft B.* Op. cit. В 1938 году Розенберг жаловался Гитлеру, что созданный в Министерстве пропаганды центр по борьбе с большевизмом предлагает в отношении будущей судьбы СССР совсем иную концепцию, чем разработал он. Вместо разделения России тамошние сотрудники хотят восстановления положения, существовавшего в России до революции.

[3] Б. Доденхофт называет цифру в 1200 эмигрантов. Ibid. S. 227. Добавим, что информация о том, что Бискупский был якобы причастен к заговору против Гитлера в 1944 году, а в конце войны был арестован гестапо и умер в концлагере (см., например: Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 728), является ложной. В.В. Бискупский умер в Мюнхене 18 июня 1945 года.

[4] О В.М. Деспотули см.: Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов. М.—Париж, 2001. С. 18—19.

Надо сказать, что в первые годы после прихода нацистов к власти положительные чувства к Третьему рейху испытывали отнюдь не только политически ангажированные люди, но и вполне «умеренные» русские эмигранты. Так, известный мыслитель Иван Александрович Ильин, которого едва ли можно упрекнуть в расизме и антисемитизме, в мае 1933 года опубликовал в парижской газете «Возрождение» статью «Национал-социализм», в которой выступил фактически адвокатом Гитлера («Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе»[1]). Справедливости ради, заметим, что в 1945 году Ильин в одной из своих статей писал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением»[2].

Между тем в самой Германии в 1930-е годы радикально настроенными эмигрантами было предпринято несколько попыток скопировать нацистский опыт и использовать последний в политической борьбе с большевиками. Уже летом 1933 года представитель подобных кругов русской эмиграции в Германии, русский нацист Н. Никольский опубликовал «Открытое письмо», в котором писал, что «русский национал-социализм зарождался и креп в душе русского эмигранта по мере того, как рос успех немецкого национал-социализма, объявившего беспощадную войну всем разрушительным силам своей страны... Нам не приходится здесь защищать честь России... нам не приходится слышать, что чувства патриотизма нам не присущи, что Достоевский, Толстой и Тургенев проповедовали те же идеи, которые проводятся сейчас коммунизмом, не слышим мы также призывов к искренней дружбе с Советской Россией и никто не говорит нам о том, что нас, эмигрантов, надо "прижечь каленым железом"... Но самое главное, что мы видим, — это, что именно здесь нанесен сокрушительный удар коммунизму»[3].

---

[1] *Ильин И.* Национал-социализм / «Возрождение» (Париж). 1933 год, № 2906, 17 мая. С. 2—3; *Ильин И.А.* Собрание сочинений. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906—1954). М., 2001. С. 316—324.

[2] Цит. по: *Решетников Л.* «А Родина милей...». Белая эмиграция и Великая Отечественная война / «Родина». 2010. № 5. С. 64.

[3] Цит. по: *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920—1945 гг.). М., 2001. С. 339.

Автор письма был членом образованного 9 апреля 1933 года Российского освободительного национального движения (РОНД). Инициаторами его создания стали Н.П. Дмитриев, Щербина и несколько балтийских немцев во главе с Ф. Лихингером. Вскоре власть в организации перешла к бывшему белогвардейцу, члену НСДАП Андрею Светозарову (наст. Генрих Пельхау). Первый раз РОНД громко заявил о себе 1 мая 1933 года. В этот день в Берлине более 200 дружинников организации под русским флагом со свастикой в одной колонне в СА вышли на демонстрацию. Кроме берлинской ячейки филиалы РОНДа были открыты в Саксонии, Силезии и Гамбурге. Отношения между штурмовиками и дружинниками были настолько дружественными, что СА передали РОНДу трофейное знамя одной из частей русской императорской армии, захваченное немецкими войсками в годы Первой мировой войны, а гимн РОНДа исполнялся на мотив песни «Хорст Вессель» и начинался почти теми же словами[1].

Однако 27 сентября организация была закрыта в пределах Пруссии распоряжением Министерства внутренних дел. Запрет объяснялся тем, что руководству РОНД «не удалось поставить свое движение на почву национал-социалистической идеологии... в рядах движения находятся люди, которые не являются ни национал-социалистами, ни русскими по крови»[2].

Правда, уже в начале октября генерал-майор князь П.М. Бермондт-Авалов (1884—1973)[3] получил разрешение на организацию «Партии российских освобожденцев — Российского национал-социалистического движения» (ПРО—РНСД). Бермондт-Авалов был давно известен своей прогерманской ориентацией. Еще в апреле 1919 года он сформировал в Прибалтике из русских и немецких добровольцев партизанский отряд, выступивший против красных в

---

[1] *Жданов Д.Н.* Указ. соч. С. 8—9.

[2] *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 342.

[3] Павел Рафаилович Бермондт родился в Тифлисе. По материнской линии принадлежит к княжескому грузинскому роду Авалишвили. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1919 году в Риге был усыновлен грузинским князем Аваловым, и по его имени стал называться Михайловичем. Перед Второй мировой войной эмигрировал в США.

союзе с немецкими добровольческими формированиями. В последующем он командовал русско-немецкой Западной добровольческой армией, входившей в состав армии генерала Юденича. В нарушение приказа последнего, Бермондт начал боевые действия против армии Латвии и занял Ригу, но его части были разбиты латвийскими и пришедшими им на помощь эстонскими войсками при содействии флота Антанты в ноябре 1919 года, а их остатки были вынуждены бежать в Пруссию.

Значительную роль в РОНД и РНСД играл барон Александр Владимирович Меллер-Закомельский (1898—1977, псевдоним — Мельский), редактировавший партийную газету «Пробуждение России». Кроме того, Меллер-Закомельский активно сотрудничал с германскими пропагандистскими организациями, в том числе — в геббельсовском «Антикоминтерне». На этом поприще он стал автором ряда публицистических произведений, в том числе — «У истоков великой ненависти. Очерки по еврейскому вопросу» (Берлин, 1942)[1]. Некоторое время Меллер-Закомельский совместно с В.Д. Головачевым руководил небольшой нацистской группой под названием «Немецко-русский штандарт» (Deutsche-russische Standart), влившейся впоследствии в РНСД. В одном из своих докладов Меллер-Закомельский кликушествовал: «Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи»[2].

В 1934 году на финансовой почве произошел конфликт между Бермондт-Аваловым и начальником штаба ПРО—РНСД, немцем с

---

[1] Политическая история русской эмиграции... С. 750; *Чистяков К.А.* Указ. соч. С. 417. Упомянутая работа Меллера-Закомельского активно пропагандировалась в годы войны на захваченных гитлеровцами территориях, главы из нее публиковались в оккупационной прессе. См., например: Великие люди об иудеях / «Мелитопольский край». 1943 год. № 77 (185). 18 сентября. С. 2; Вольтер о евреях / «Эхо Приазовья» (Мариуполь), 1943. № 60 (83). 9 июля. С. 3.

[2] Цит. по: *Назаров М.* Накануне 41-го: надежды и иллюзии... / «Родина» (Москва). 1993. № 7. С. 72.

Дальнего Востока, капитаном Фрицем Мелленгофом. На сторону последнего в июле перешел весь берлинский филиал партии, а за Бермондтом осталось дрезденское отделение во главе с полковником Николаем Дмитриевичем Скалоном. 27 июля Бермондт-Авалов и Мелленгоф были ненадолго арестованы гестапо, и в дальнейшем отошли от политической деятельности (при этом Бермондт вообще эмигрировал в Америку).

Во главе РНСД оказался Н. Скалон. Историк А.В. Окороков отмечает: «Несмотря на настороженное отношение к русским национал-социалистам со стороны немецких властей, РНСД вскоре стала одной из влиятельных эмигрантских организаций. Отделы движения были созданы в 22 регионах Германии, в том числе в таких городах как Лейпциг, Аугсбург, Бреслау, Гамбург и Дармштадт, где на организованный РНСД "Русский вечер" 10 апреля 1937 года пришли около 800 гостей»[1].

18 мая 1938 года в Берлине был организован так называемый «Российский национальный фронт» (РНФ), в который помимо РНСД вошли такие эмигрантские организации, как Русский национальный союз участников войны генерала А.В. Туркула, «движение штабс-капитанов» И.Л. Солоневича и Российский фашистский союз К.В. Родзаевского. Основание РНФ было «последней предвоенной попыткой объединения, предпринятой правыми кругами российской политической эмиграции». Однако «не имея координирующего органа и не предприняв никаких совместных действий, кроме заявлений и нескольких собраний представителей организаций-участников, РНФ в итоге так и остался только попыткой объединения»[2].

К началу войны с Советским Союзом число русских изгнанников (не говоря уже о представителях других национальностей Советского Союза), вполне искренне желающих поучаствовать в кампании на Востоке, было довольно внушительным. Многочисленные праворадикально настроенные эмигранты, в том числе соратники фашистских и профашистских организаций, давно были одержимы идеей

[1] *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 353.

[2] *Чистяков К.А.* Указ. соч. С. 409.

«Второго похода» и мечтали — неважно с чьей помощью — вновь оказаться на Родине, чтобы перестроить ее в соответствии со своими убеждениями (порой довольно курьезными).

Один из идеологов этой части русских эмигрантов, Михаил Михайлович Гротт-Спасовский, на страницах печатного органа Всероссийской национал-революционной партии — журнала «Фашист» — писал: «Пусть немцы освобождают Украину. Пусть японцы освобождают Дальний Восток, Сибирь. Пусть еще кто-нибудь освобождает наш Север или Прикаспий и т.д. Буквально все способы и все средства хороши для разгрома СССР.

— Но ведь такое освобождение связано с отторжением, с захватом, с колонизацией!.. Значит, прощай Украина, прощай Сибирь, прощай наш Север или там Прикаспий! — волнуются слепыши, явно играя на руку большевикам.

Все такие рассуждения о "захватах" вздор сплошной, — мы об этом писали уже не однажды. И еще раз подчеркиваем, — когда 180-миллионный народ сбросит цепи большевиков и расправит свои плечи, поверьте, он быстро сообразит, как с кем быть... Нечего бояться расчленения России. Коли будут созданы и охранены наше общерусское национальное единство и крепкая авторитарная власть, то будет воссоздана и сохранена и Великая Россия. Мы приветствуем освобождение России по частям, — мы приветствуем всякий удар по большевикам, в какой бы форме, где бы и как бы он не проявлялся»[1].

В эмигрантской литературе порой довольно искаженно показываются мотивы участия русских эмигрантов в вооруженной и пропагандистской борьбе с Советским Союзом. Как правило, утверждается, что основная часть эмигрантов пошла на эту «сделку с совестью» вынужденно, а на самом деле — якобы «предвидела» будущее «неминуемое» поражение нацизма и не питала иллюзий в отношении истинных планов верхушки Третьего рейха[2].

---

[1] Цит. по: *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 280 (со ссылкой на: *Гротт М.* Наши лозунги и наши мысли / «Фашист». 1937. № 32. С. 15).

[2] Одним из наиболее характерных образчиков подобной точки зрения является книга члена НТС *А.С. Казанцева* (наст. — Г. Като) «Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом» (М., 1994. 344 с.).

О степени этого «предвидения» говорит, к примеру, следующий факт, отмеченный в дневнике имперского министра пропаганды и народного образования Йозефа Геббельса. В записи от 7 июня 1941 года Геббельс отмечает: «Солоневич предлагает свое сотрудничество. В настоящее время еще не могу его использовать, но вскоре, определенно, это будет возможно»[1]. И действительно, в ходе войны И.Л. Солоневич стал одним из самых «тиражных» и печатаемых авторов на оккупированной советской территории.

С началом войны соратники праворадикальных эмигрантских организаций предоставили свои услуги различным ведомствам Рейха, и активно включились в «борьбу с большевизмом» — кто-то с пером, а кто-то с оружием в руках. Так, в составе вооруженных подразделений, созданных под эгидой СД, служили бывший руководитель испанского очага Всероссийской фашистской партии Игорь Константинович Сахаров, глава германского отдела той же организации Сергей Никитич Иванов, начальник 1-й группы бразильского сектора Всероссийской фашистской организации князь Леонид Сергеевич Святополк-Мирский[2].

Историк Леонид Решетников справедливо указывает на то, что «большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им еще придется с оружием в руках бороться с большевизмом. Понимая, что самим с советской властью им не справиться... эмиграция строила планы в расчете на "возрождающуюся" после Версаля Германию»[3].

Наиболее активной организацией профашистского толка, поставлявшей эмигрантские кадры для вооруженной, идеологической и разведывательно-диверсионной борьбы с советской властью, являлся Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП, впоследствии НТС), который еще в довоенные годы охотно шел на со-

---

[1] См.: *Агапов А.Б.* Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2002. С. 320.

[2] *Онегина С.В.* Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи / «Вопросы истории» (Москва). 1997. № 6. С. 156; *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 165, 166, 277.

[3] *Решетников Л.* Указ. соч. С. 63.

трудничество с разведывательными службами Японии и Польши, а с началом Второй мировой войны — Германии[1].

Советский публицист Ефим Черняк в своей книге «Жандармы истории», в главе «Эсэсовское "освобождение России"» писал: «"Обработкой" военнопленных в германских лагерях рядом с гестаповскими камерами пыток занимались контрреволюционная эмигрантская организация "НТС"... превратившаяся в агентуру Гиммлера, и руководимые ее главарями подсобные организации»[2].

Вместе с тем сотрудничество «новопоколенцев» с Третьим рейхом шло в основном по линии абвера и пропагандистских структур. Кроме того, члены НТС, не разделяя целый ряд положений национал-социализма, старались вести «свою игру», что всегда вызывало со стороны СС настороженное отношение, вскоре перешедшее в открытую вражду. Дело закончилось тем, что в 1944 году, когда эсэсовцы подчинили себе все разведывательные и контрразведывательные структуры Германии, НТС был фактически объявлен вне закона, а многие его представители оказались в концлагерях.

Американский исследователь А. Даллин охарактеризовал НТС как «решительную и хорошо организованную группу», которая «смогла внедриться практически во все германские структуры, связанные с русским вопросом... Но русские национальные интересы, как их видел НТС, взяли вверх над приспособленчеством, что привело к конфликту с гестапо и к аресту руководителей НТС летом 1944 года»[3]. Тем не менее известно, что несколько «новопоколенцев» служили и в подразделениях СД. В их числе были сотрудники «Цеппелина» — Николай Николаевич Рутыч (Рутченко) и Игорь Леонидович Юнг[4].

---

[1] Первые попытки НТСНП наладить контакты с германским Генеральным штабом относятся к весне 1938 года, когда в Берлин для консультаций прибыл секретарь Исполнительного бюро Союза М.А. Георгиевский. См.: НТС: мысль и дело. 1930—2000. М., 2000. С. 16—21. Идеологически довоенный НТСНП ориентировался на салазаровскую Португалию. См.: *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 458.

[2] *Черняк Е.Б.* Жандармы истории. Контрреволюционные интервенции и заговоры. М., 1969. С. 425.

[3] *Dallin A.* German Rule in Russia. 1941—1945. London. 1957. P. 526.

[4] *Чуев С.Г.* Спецслужбы... С. 410, 426.

Несмотря на то что в первые месяцы войны более широкие возможности в деле использования эмигрантских кадров имелись не у СС, а у других ведомств и структур (вермахта, Министерства пропаганды, Министерства по делам оккупированных восточных территорий и т.д.), эсэсовцы не собирались отказываться от проведения «своей линии» в вопросе организации коллаборационизма на советских территориях. Более того, в планы СС входило полное подчинение русских коллаборационистских структур. Бывший сотрудник отдела пропаганды вермахта В. Штрик-Штрикфельдт свидетельствует, что летом 1942 года полковник К. фон Штауфенберг предупреждал его, что «СС, несмотря на свою теорию об унтерменшах, без стеснения пойдет по пути использования людей. И если Гиммлер возьмется за русское освободительное движение, он привлечет для СС и сотни тысяч русских. Одни поверят обещаниям, другие пойдут по бесхарактерности или из карьеризма»[1].

И действительно, как констатирует современный американский исследователь П. Биддискомб, «с началом войны служба внешней разведки СС начала предпринимать собственные попытки использования агентуры по ту сторону Восточного фронта, невзирая на то, что это предусматривало тесные контакты с русскими "недочеловеками". В течение войны целый ряд параноидальных расистских эсэсовских аксиом были нивелированы...»[2]

Таким образом, вопреки распространенному мнению, русские эмигранты без особого труда могли включиться в работу (пропагандистскую, разведывательную, диверсионную и т.п.) на оккупированных территориях, разумеется, при условии изъявления лояльности в отношении нацистских властей. В тот момент речь еще не шла о привлечении национальных кадров непосредственно к вооруженной борьбе с СССР, т.к. высшее германское военно-политическое руководство отрицательно относилось к подобной перспективе. Впро-

---

[1] *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 125—126. К. фон Штауфенберг в указанное время был офицером организационного отдела Генерального штаба. 20 июля 1944 года совершил неудачное покушение на Гитлера в Ставке «Вольфшанце». Казнен.

[2] *Biddiscombe P.* Unternehmen Zeppelin: The Deployment of SS Saboteurs and Spies in the Soviet Union, 1942—1945 / Europe-Asia Studies. Vol. 51, № 6, 2000. P. 1115.

чем, историк С.Г. Чуев справедливо отмечает: «Все измышления и указания гитлеровского руководства о недопущении эмигрантов к борьбе на Восточном фронте попросту игнорировались инстанциями на местах. Армейские структуры, органы абвера и СД активно использовали белоэмигрантов в своих целях» [1].

Вербовку эмигрантов для работы в интересах Службы безопасности и абвера осуществляли, в частности, ведомство генерала В.В. Бискупского, находившееся под плотным контролем СД, и созданное по его «образу и подобию» Управление делами русских эмигрантов во Франции (Vertrauensstelle der Russischen Emigranten in Frankreich)[2]. Использовались и другие каналы.

Таким образом, с первых лет существования НСДАП русские эмигранты приняли самое активное участие в становлении партии Гитлера, и хотя в последующем отношения между нацистами и выходцами из России несколько охладели, определенная часть бывших подданных Российской Империи связала себя узами сотрудничества с Третьим рейхом, полагая, что союз с немцами спасет их Отечество от большевиков и евреев. Безусловно, эмигранты не могли не видеть, сколь резкие заявления иногда делают лидеры НСДАП относительно славян. Однако данные сентенции часто воспринимались ими в смысле одного политического мнения, не определяющего общую стратегию Рейха, в которой, как думали они, главенствует тезис о беспощадной борьбе с «еврейским большевизмом» и сталинской системой, что само по себе исключало решение «славянского вопроса» или по крайней мере делало его вторичным на фоне еврейской проблемы.

Приложение 1

Из статьи Ивана Ильина «Национал-социализм» (1933 год)

Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слу-

---

[1] *Чуев С.Г.* Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006. С. 140.

[2] О деятельности этой организации см.: Полицейский отчет 1948 года («Русская колония в Париже»). Публикация *Гудзевича Д., Макаренковой Е., Гудзевич И.* / Диаспора: новые материалы. Т. 8. СПб. — Париж, 2007. С. 406, 462—463.

хам, всем россказням «очевидцев», всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую перекличку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту перекличку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор. Нам, находящимся в самом котле событий, видящим все своими глазами, подверженным всем новым распоряжениям и законам, но сохраняющим духовное трезвение, становится нравственно невозможным молчать. Надо говорить, и говорить правду. Но к этой правде надо еще расчистить путь...

Прежде всего, я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние, но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм. Да и странно было бы, если бы немецкие евреи ждали от нас этого. Ведь коммунисты лишили нас не некоторых, а всех и всяческих прав в России; страна была завоевана, порабощена и разграблена; полтора миллиона коренного русского населения вынуждено было эмигрировать; а сколько миллионов русских было расстреляно, заточено, уморено голодом... И за 15 лет этого ада не было в Германии более пробольшевистских газет, как газеты немецких евреев — «Берлинер Тагеблатт», «Фоссише Цейтунг» и «Франкфуртер Цейтунг». Газеты других течений находили иногда слово правды о большевиках. Эти газеты — никогда. Зачем они это делали? Мы не спрашиваем. Это их дело. Редакторы этих газет не могли не отдавать себе отчета в том, какое значение имеет их образ действия и какие последствия он влечет за собою и для национальной России, и для национальной Германии... Но наша русская трагедия была им чужда; случившаяся же с ними драматическая неприятность не потрясает нас и не ослепляет. Германский национал-социализм решительно не исчерпывается ограничением немецких евреев в правах. И мы будем обсуждать это движение по существу — и

с русской национальной, и с общечеловеческой (и духовной, и политической) точки зрения.

Во-вторых, я совершенно не считаю возможным расценивать новейшие события в Германии с той обывательско-ребячьей, или, как показывают обстоятельства, улично-провокаторской точки зрения, — «когда» именно и «куда» именно русские и германские враги коммунизма «начнут совместно маршировать». Не стоит обсуждать этого вздора. Пусть об этом болтают скороспелые политические младенцы; пусть за этими фразами укрываются люди темного назначения. Помешать им трудно; рекомендуется просто не слушать их соблазнительную болтовню. Их точка зрения не может служить для нас мерилом.

Наконец, третье и последнее. Я отказываюсь судить о движении германского национал-социализма по тем эксцессам борьбы, отдельным столкновениям или временным преувеличениям, которые выдвигаются и подчеркиваются его врагами. То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом «революция». Это есть движение национальной страсти и политического кипения, сосредоточившееся в течение 12 лет, и годами, да, годами лившее кровь своих приверженцев в схватках с коммунистами. Это есть реакция на годы послевоенного упадка и уныния: реакция скорби и гнева. Когда и где такая борьба обходилась без эксцессов? Но на нас, видевших русскую советскую революцию, самые эти эксцессы производят впечатление лишь гневных жестов или отдельных случайных некорректностей. Мы советуем не верить пропаганде, трубящей о здешних «зверствах», или, как ее называют, «зверской пропаганде». Есть такой закон человеческой природы: испугавшийся беглец всегда верит химерам своего воображения и не может не рассказывать о чуть-чуть не настигших его «ужасных ужасах». Посмотрите, не живет ли Зеверинг, идейный и честный социал-демократический вождь, на свободе в своем Билефельде? Тронули ли национал-социалисты хоть одного видного русского еврея-эмигранта? Итак, будем в суждениях своих справедливы. Те, кто жили вне Германии или наезжали сюда для обывательских дел и бесед, не понимают, из каких побуждений возникло национал-

социалистическое движение. Весь мир не видел и не знал, сколь неуклонно и глубоко проникала в Германию большевистская отрава. Не видела и сама немецкая масса. Видели и знали это только три группы: коминтерн, организовывавший все это заражение; мы, русские зарубежники, осевшие в Германии; и вожди германского национал-социализма. Страна, зажатая между Версальским договором, мировым хозяйственным кризисом и перенаселением, рационализировавшая свою промышленность и добивающаяся сбыта, пухла от безработицы и медленно сползала в большевизм. Массовый процесс шел сам по себе; интеллигенция большевизировалась сама по себе. Коминтерн на каждой конференции предписывал удвоить работу и торжествующе подводил итоги. Ни одна немецкая партия не находила в себе мужества повести борьбу с этим процессом; и когда летом 1932 года обновившееся правительство заявило, что оно «берет борьбу с коммунизмом в свои руки», и никакой борьбы не повело, и заявлением своим только ослабило или прямо убило частную противокоммунистическую инициативу, — то процесс расползания страны пошел прямо ускоренным путем. Реакция на большевизм должна была прийти. И она пришла. Если бы она не пришла, и Германия соскользнула бы в обрыв, то процесс общеевропейской большевизации пошел бы полным ходом. Одна гражданская война в Германии (а без упорной, жестокой, бесконечно кровавой борьбы немцы не сдались бы коммунистам!) нашла бы себе немедленный отклик в Чехии, Австрии, Румынии, Испании и Франции. А если бы вся организаторская способность германца, вся его дисциплинированность, выносливость, преданность долгу и способность жертвовать собою — оказались в руках у коммунистов, что тогда? Я знаю, что иные враги немцев с невероятным легкомыслием говаривали даже: «что же, тем лучше»... Как во время чумы: соседний дом заражен и вымирает; ну что же из этого? Нам-то что? Слепота и безумие доселе царят в Европе. Думают о сегодняшнем дне, ждут новостей, интригуют, развлекаются; от всего урагана видят только пыль и бездну принимают за простую яму. Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе. Этот процесс в Европе далеко еще не кончился; червь будет и впредь глодать Европу изнутри. Но не по-прежнему.

Не только потому, что многие притоны коммунизма в Германии разрушены; не только потому, что волна детонации уже идет по Европе; но главным образом потому, что сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию — европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет... Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. И европейские народы должны понять, что большевизм есть реальная и лютая опасность; что демократия есть творческий тупик; что марксистский социализм есть обреченная химера; что новая война Европе не по силам, — ни духовно, ни материально, и что спасти дело в каждой стране может только национальный подъем, который диктаториально и творчески возьмется за «социальное» разрешение социального вопроса. До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты; что они не уважают права; что они не признают свободы; что они хотят вводить какой-то новый социализм; что все это «опасно» и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор «Фоссише Цейтунг»), эта глава в истории Германии, «надо надеяться, будет короткой»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны. Но постараемся же хоть сами понять правду. Итак, в Германии произошел законный переворот. Германцам удалось выйти из демократического тупика, не нарушая конституции. Это было (как уже указывалось в «Возрождении») легальное самоупразднение демократически-парламентского строя. И в то же время это было прекращением гражданской войны, из года в год кипевшей на всех перекрестках. Демократы не смеют называть Гитлера «узурпатором»; это будет явная ложь. Сторонники правопорядка должны прежде всего отметить стремительное падение кривой политических убийств во всей стране. Сторонники буржуазно-хозяйственной прочности должны вдуматься в твердые

курсы и оживленные сделки на бирже. И при всем этом то, что происходит в Германии, есть землетрясение или социальный переворот. Но это переворот не распада, а концентрации; не разрушения, а переустройства; не буйно-расхлестанный, а властно дисциплинированный и организованный; не безмерный, а дозированный. И что более всего замечательно, — вызывающий во всех слоях народа лояльное повиновение. «Революционность» состоит здесь не только в ломающей новизне, но и в том, что новые порядки нередко спешно применяются в виде административных распоряжений и усмотрений, до издания соответствующего закона; отсюда эта характерная для всякой революции тревога и неуверенность людей ни в пределах их правового «статуса» вообще, ни даже просто в сегодняшнем дне. Однако эти административные распоряжения быстро покрываются законами, которые обычно дают менее суровые, более жизненные и более справедливые формулы. Это во-первых.

Во-вторых, эти новые распоряжения и законы, изливающиеся потоком на страну, касаются только публичных прав, а не частных или имущественных. В них нет никакой экспроприирующей тенденции, если не считать опорочения прав, приобретенных спекулянтами во время инфляции и возможного выкупа земель, принадлежащих иностранным подданным. О социализме же в обычном смысле этого слова — нет и речи. То, что совершается, есть великое социальное переслоение; но не имущественное, а государственно-политическое и культурно-водительское (и лишь в эту меру — служебно-заработанное). Ведущий слой обновляется последовательно и радикально. Отнюдь не весь целиком; однако, в широких размерах. По признаку нового умонастроения; и в результате этого — нередко в сторону омоложения личного состава. Удаляется все, причастное к марксизму, социал-демократии и коммунизму; удаляются все интернационалисты и большевизаны; удаляется множество евреев, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. Удаляются те, кому явно неприемлем «новый дух». Этот «новый дух» имеет и отрицательные определения и положительные. Он непримирим по отношению к марксизму, интернационализму и пораженческому бесчестию, классовой травле и реакционной классовой привилегированности, к публичной продажности, взяточничеству и растратам.

По отношению к еврейству этой непримиримости нет: не только потому, что частное предпринимательство и торговля остаются для евреев открытыми; но и потому, что лица еврейской крови (принимают во внимание два деда и две бабки, из коих ни один не должен быть евреем), правомерно находившиеся на публичной службе 1 августа 1914 года; или участвовавшие с тех пор в военных операциях; потерявшие отца или сына в бою или вследствие ранения; или находящиеся на службе у религиозно-церковных организаций — не подлежат ограничению в правах публичной службы (указ от 8 мая с.г.). Психологически понятно, что такие ограниченные ограничения воспринимаются евреями очень болезненно: их оскорбляет самое введение презумпции не в их пользу — «ты неприемлем, пока не показал обратного»; и еще «важна не вера твоя, а кровь». Однако одна наличность этой презумпции заставляет признать, что немецкий еврей, доказавший на деле свою лояльность и преданность германской родине, — правовым ограничениям (ни в образовании, ни по службе) не подвергается.

«Новый дух» национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское «sacrificio»), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти верующие, именно верующие лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: «да есть ли на свете народ, который не захотел бы создать у себя движение такого подъема и такого духа?..» Словом — этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения. Каждое из этих трех движений имеет несомненно свои особые черты, черты отличия. Они объясняются и предшествующей историей каждой из трех стран, характером народов и размерами наличного большевистского разложения (1917 г. в России, 1922 г. в Италии, 1933 г. в Германии), и расово-национальным составом этих

трех стран. Достаточно вспомнить, что белое движение возникло прямо из неудачной войны и коммунистического переворота, в величайшей разрухе и смуте, на гигантской территории, в порядке героической импровизации. Тогда как фашизм и национал-социализм имели 5 и 15 лет собирания сил и выработки программы; они имели возможность подготовиться и предупредить коммунистический переворот; они имели пред собою опыт борьбы с коммунизмом в других странах; их страны имеют и несравненно меньший размер и гораздо более ассимилировавшийся состав населения. А еврейский вопрос стоял и ставился в каждой стране по-своему. Однако основное и существенное единит все три движения; общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно-жертвенное служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, искание новой социальной справедливости и непредрешенчество в вопросе о политической форме. Что вызывает в душе священный гнев? чему предано сердце? к чему стремится воля? чего и как люди добиваются? — вот что существенно. Конечно, германец, итальянец и русский — болеют каждый о своей стране и каждый по-своему; но дух одинаков и в исторической перспективе един. Возможно, что национал-социалисты, подобно фашистам, не разглядят этого духовного сродства и не придадут ему никакого значения; им может помешать в этом многое, и им будут мешать в этом многие. Но дело прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идет от коминтерна; и противоестественна, когда она идет из небольшевистских стран.

Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят перед всеми народами. Искать путей к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее освистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой неудачи — неумно и неблагородно. И разве не клеветали на белое движение? Разве не обвиняли его в «погромах»?

Разве не клеветали на Муссолини? И что же, разве Врангель и Муссолини стали от этого меньше? Или, быть может, европейское общественное мнение чувствует себя призванным мешать всякой реальной борьбе с коммунизмом, и очистительной, и творческой, — и ищет для этого только удобного предлога? Но тогда нам надо иметь это в виду...

См.: «Возрождение» (Париж). 17 мая 1933 г. № 2906. С. 2—3.

Приложение 2

Из книги И.Л. Солоневича «Россия и гитлеризм» (1938 год)

Для нас, русских, как впрочем и для всего остального мира, гитлеровский режим в Германии имеет две стороны, которые и противники и сторонники его путают безнадежно. Этот режим мы можем рассматривать с двух точек зрения.

1. Этот режим привел к чрезвычайному усилению Германии. Из разбитой в войне, ограбленной в Версале, опутанной долгами, раздираемой борьбой партий, наводненной агентурой Кремля и безоружной страны Германия в фантастически короткий срок, правда с огромными усилиями, восстановила и свою суверенность, и свою экономику, и свою вооруженную силу. Да, масла не хватает, но есть пушки. Мы, русские, очень хорошо знаем, что иногда при нехватке пушек не хватает не только масла, но и хлеба — у нас пушек не хватило. Никакой режим, противоречащий желаниям народных масс, не может создать сильного государства. Гитлеровский режим и формально, в результате целого ряда выборов, которые проходили по всем правилам веймарской конституции, и по существу — в результате огромного усиления Германии, необходимо признать режимом, целиком и полностью отвечающим интересам немецкого народа.

2. Всякое усиление всякого государства неизбежно вызывает опасения его соседей. Ведь недаром выросла английская система, благодаря которой Англия всегда выступала против сильнейшей державы на континенте. Все прошлое столетие сильнейшей державой на континенте была Россия, и английская политика неизменно направлялась против нас. Обязаны ли были мы считаться с опасения-

ми Англии и сокращать свою военную мощь? Мы не были обязаны и мы не считались. Мы не считались даже и с договорами. По Парижскому договору, закончившему Крымскую войну, мы обязались не держать в Черном море военного флота. Во время франко-прусской войны Россия наплевала на этот договор и стала строить корабли, т.е. сделала то же самое, что сделала Германия по отношению к Версальскому договору. С Парижским договором мы поступили как с клочком бумаги — так же, как поступила с Версальским Германия. Англия с такой же легкостью наплевала на обязательства, данные ею во время войны арабам, отчего возмущенный полковник Лоуренс ушел в отставку. Польша с самого высокого дерева плюет на права национальных меньшинств, и в особенности русского, закрепленные целым рядом договоров. И вообще от всех этих вильсоновских и версальских либерально-пацифистских знамен остались только портянки, да и то рваные. Не нужно становиться в позу готтентотского моралиста и утверждать, что ежели Иванов силен, то это хорошо, ежели Смит силен — это тоже хорошо, но ежели силен Шмидт, то он прохвост, нарушитель договоров, империалист и вместо пива пьет невинную ритуальную еврейскую кровь.

3. Всякое усиление всякого государства таит в себе опасность для его соседа. Советская власть является для Польши лучшим из всех мыслимых соседей, ибо она обеспечивает слабость России. В известной степени усиление Германии опасно и для нас. И именно на этой опасности, на струнах нашей боязни за судьбы грядущей России играют наши доморощенные политики обоих вероисповеданий, как православного, так и иудейского. Вот именно здесь медвежья болезнь подавляюще преобладает над доводами истории, географии и логики.

Само собой разумеется: тот факт, что в мировую войну Германия являлась нашим врагом, сейчас не имеет ровно никакого значения. Таким же врагом она была и Италии, что не мешает существованию римско-берлинской оси. В 1905 году Германия обеспечивала нам дружественный нейтралитет, а Япония субсидировала революционное движение. В мировую войну мы сняли все войска с Дальнего Востока, а революционное движение субсидировала Германия. Все меняется в этом мире... но все-таки до мировой войны мы имели больше ста лет очень мирных и очень дружественных отношений с Германией.

Россия не является соседом Германии. Для того, чтобы овладеть Украиной надолго, т.е. на срок, превышающий длительность существования советской власти, нужно раньше и тоже надолго ликвидировать Польшу и Чехословакию, имея в тылу Францию и Англию и перед собой всю остальную послебольшевистскую Россию, которая за воссоздание своего единства и своей мощи будет драться, если нужно, десятилетиями, а если придется, то и веками. Это очень невеселая перспектива. Но она невесела для обеих сторон. Очень плохую услугу обеим сторонам оказывают те люди, которые толкают Германию к этой перспективе. В числе этих людей есть много русских. Эти русские, сами того не ведая (а может быть и ведая), кладут свои очень увесистые гири на антирусскую чашу весов. По существу, «русский вопрос» в Германии еще не решен. Есть различные высказывания и есть разные точки зрения, но окончательной линии еще нет. И в каком именно виде она сложится — еще неизвестно... Может быть — при наличии в тылу сильной национальной России — и колонии окажутся доступнее, чем сейчас.

См.: ГАРФ.Ф. 5853, оп. 1, д. 65, лл. 188—189.

Четвертая глава

ЦЕЛИ И ХАРАКТЕР ВОЙНЫ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Немецкий историк Герд Юбершер отмечает, что «война с СССР предназначалась для того, чтобы реализовать старую расово-идеологическую "восточную программу" Гитлера. Было бы неверно думать, что Гитлер развязал "войну на Востоке" из-за политических разногласий с Москвой или что он рассматривал эту войну всего лишь как стратегическую альтернативу, позволявшую ему за счет этого продолжить войну с Великобританией». Итак, фюрером движила идея осуществить «программную цель войны и идея приобретения "жизненного пространства на Востоке"»[1].

[1] *Юбершер Г.Р.* «Пакт с сатаной ради изгнания дьявола». Германо-советский договор о ненападении и военные намерения Гитлера в отношении Советского Союза / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 455.

Программной целью войны против СССР называлась «мировоззренческая битва», борьба против «большевистского режима», который сродни «антиобщественному преступлению»[1]. На СС в этой войне возлагались некоторые специфические задачи. В «Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план "Барбаросса")» от 13 марта 1941 года, подписанной начальником Главного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем, говорилось, что рейхсфюрер СС «получает специальное задание, которое вытекает из идеи борьбы двух диаметрально противоположных систем. В рамках этого задания рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность»[2].

«Специальное задание» Гиммлера состояло в том, чтобы проводить на занятой территории комплекс репрессивно-карательных мер, начиная от арестов и уничтожения советских партийных работников, офицеров НКВД, армейских политруков и заканчивая ликвидацией евреев. Именно на решение «еврейского вопроса» обращалось главное внимание. Уничтожение евреев было одной из центральных задач «крестового похода» против «еврейско-большевистской» системы.

Гиммлер отвечал за то, чтобы выполнение мероприятий, связанных со «специальным заданием», не нарушало хода боевых действий. Остальные детали он был обязан согласовать с главным командованием сухопутных войск (ОКХ). Эту задачу Гиммлер поручил шефу полиции безопасности и СД группенфюреру СС Рейнхарду Гейдриху.

Переговоры между ОКХ и главным управлением имперской безопасности (РСХА) завершились 26 марта 1941 года составлением совместного проекта приказа «О деятельности зондеркоманд и оперативных групп и команд в оперативной зоне»[3]. После согласования

---

[1] *Halder F.* Kriegstagebuch: Tagliche Aufzeichungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939—1942. Stuttgart, 1964. Bd.II. S. 335.

[2] Цит. по: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.). М., 1985. С. 21.

[3] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Frankfurt-am-Main, 1985. S. 118.

с ОКВ 28 апреля был подписан приказ «О регулировании деятельности полиции безопасности и СД в сухопутных войсках»[1]. 14 июня его дополнили еще одним приказом — «О военной организации и применении сил полиции порядка и полиции безопасности (СД)»[2].

В документах, регламентирующих деятельность оперативных групп полиции безопасности и СД («Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD»), не было ни одного слова относительно того, чтобы русское население как таковое должно было быть подвергнуто планомерному уничтожению. Речь всегда и везде велась о ликвидации лиц, связанных с коммунистической партией, а также евреев. Итак, расовую войну нацисты собирались вести только против представителей еврейского народа. В отношении других национальностей, проживавших в Советском Союзе, борьбу следовало вести, исходя из политических соображений. А они, насколько известно, вращались вокруг одной идеи — устранения большевизма и его последователей.

2 июля 1941 года шеф РСХА Гейдрих подписал специальную директиву, адресованную начальникам СС и полиции на оккупированных территориях СССР. В четвертом разделе («Экзекуции») конкретно указывалось, кого следует уничтожать. Здесь были перечислены «...сотрудники Коминтерна, как и все профессиональные коммунистические деятели; сотрудники высшего и среднего ранга, а также наиболее активные сотрудники низшего ранга в партии, Центральном комитете, областных и районных комитетах; народные комиссары; евреи — члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т.п.)...»[3]

Израильский историк А. Шнеер, анализируя этот документ, делает следующий вывод: «Обращает на себя внимание то, что подобными распоряжениями только евреи — рядовые члены партии и государственные служащие — были обречены на смерть. К рядовым ком-

---

[1] *Ueberschar G.R.* Hitlers Entschiup zum «Lebensraum» — Krieg im Osten. Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion. Frankfurt-am-Main, 1991. S. 249.

[2] *Krausnick H.* Op. cit. S. 306.

[3] Цит. по: Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1991. С. 40.

мунистам и государственным служащим других национальностей смертная казнь в обязательном порядке не предусматривалась»[1].

Подобная политико-идеологическая линия присутствует и в распоряжениях, подготовленных Верховным командованием германских вооруженных сил. Внимание исследователей часто фокусируется на двух документах — приказе «О военной подсудности в районе "Барбаросса" и об особых полномочиях войск» (от 13 мая 1941 года) и «Приказе о комиссарах» (от 6 июня 1941 года).

В первом документе говорится почти о полном освобождении немецких солдат от судебного преследования, в случае совершения ими противоправных действий в отношении советского гражданского населения. Приказ требовал силой подавлять любое сопротивление со стороны местных жителей, партизан и других групп людей, враждебно настроенных к вермахту. Почему приказ рекомендовал прибегать к жестким мерам? Ответ давался следующий: «При обсуждении подобных действий необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918 году, последовавший за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлись результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл».

Этот приказ, разумеется, дал толчок к серии актов неконтролируемого насилия. В приказе также прописывалось, кто из местного населения и за что подлежит наказанию. В нескольких пунктах документа встречается словосочетание «враждебные гражданские лица». В число этих лиц входили люди, сотрудничавшие с партизанами и коммунистами, оказывавшие им помощь, укрывавшие евреев и т.д. В приказе, кроме того, определялось, в каких случаях следует проводить расследование и привлекать военнослужащих к суду[2].

Второй документ — «Приказ о комиссарах» — приравнивал советских политруков к партизанам. От комиссаров следовало ожидать полного ненависти, негуманного и очень жестокого обращения с военнопленными. Поэтому брать их в плен было нельзя, а следовало «устранять» по приказу офицера вне непосредственной зоны боевых

[1] *Шнеер А.* Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941—1945. Москва — Иерусалим, 2005. С. 410.

[2] Цит. по: Преступные цели — преступные средства... С. 29.

действий. Слово «комиссары» в нацистской терминологии фактически было синонимом слова «евреи».

«Приказ о комиссарах» на начальной стадии войны способствовал тому, что часть политруков (по разным оценкам, от 7 до 8 тысяч человек) были уничтожены. Но не везде военнослужащие вермахта выполняли этот приказ. Так, начальник Генерального штаба Франц Гальдер зафиксировал в дневнике, делая запись о боях 17-й танковой дивизии в сентябре 1941 года: «Поведение войск с комиссарами и т.д.: не расстреливают»[1].

В мае 1942 года «Приказ о комиссарах» был отменен. На смену ему пришли уже совсем другие распоряжения. Так, 29 апреля 1943 года начальник Генерального штаба генерал-полковник Курт Цейтцлер издал приказ № Р/500/43 «Местные вспомогательные силы на Востоке — добровольцы. Об отношении к командирам и бойцам Красной армии, перешедшим на сторону немцев». В первом пункте документа было подчеркнуто, что добровольно перешедшие на немецкую сторону советские офицеры, политруки, младшие командиры и бойцы «будут рассматриваться как противники советской власти, и к ним будут соответственно относиться». Согласно второму пункту, добровольно перешедших следовало тотчас отделять от основной массы военнопленных, обеспечивать их хорошим питанием, оставлять им ценные вещи (деньги, одежду, знаки различия и т.д.) и оказывать необходимую медицинскую помощь[2].

Политический акцент заметен и в вышедшей 6 июня 1941 года директиве ОКВ по проведению пропаганды в вермахте. В ней отмечалось: «...Противником Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистическая партия». В директиве также рекомендовалось избегать таких выражений, как «Россия», «русские», «русские вооруженные силы». Вместо них следовало говорить: «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная Армия»[3].

---

[1] *Кнопп Г.* История вермахта. Итоги. СПб, 2009. С. 112.

[2] *Романько О.* Мусульманские легионы... С. 294.

[3] *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 194.

Из приведенного перечня документов, регламентировавших деятельность СС и вермахта на занятой территории Советского Союза, становится ясно, что основные усилия нацисты направляли на то, чтобы, во-первых, уничтожить СССР, как «восточноазиатское государство», где «у власти находятся евреи». Во-вторых, ликвидировать «еврейский большевизм», как «преступную идеологию», которая исторически связана с извечным нашествием татаро-монгольских орд и опасностью для Европы. В-третьих, истребить евреев, как народ, представлявший угрозу для существования немцев и Европы. В-четвертых, уничтожить как можно больше коммунистов и партийных чиновников. В-пятых, разгромить РККА, как средство, «используемое еврейскими комиссарами и фанатиками-большевиками в целях порабощения и террора». И, в-шестых, создать условия для проведения в будущем политики по переселению немецких колонистов на Восток и германизации представителей восточных народов, близких к «нордическому типу».

В осуществлении этих задач важное место уделялось коллаборационистам — представителям местного населения. О позиции СС и СД в этом вопросе свидетельствует бывший руководитель эсэсовской внешней разведки Вальтер Шелленберг: «Теория Гейдриха... заключалась в следующем. Военное поражение настолько ослабит советскую систему, что последующая засылка политических агентов в Россию довершит ее гибель»[1]. В качестве агентов в начале войны активно использовались завербованные абвером и СД русские эмигранты. Но в последующем акцент постепенно начал смещаться на коллаборационистов из числа советских военнопленных.

17 июля 1941 года Гейдрих подписал оперативный приказ № 8, адресованный командам полиции безопасности и СД «Об отношении к советским военнопленным».

Несмотря на то что основной объем документа посвящен механизму экзекуций над некоторыми политически враждебными категориями советских военнопленных, глава РСХА также требует от своих подчиненных выделять среди русских, находящихся в лагерях, лиц,

[1] *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 189.

«заслуживающих доверия... которых поэтому можно будет использовать в операциях по восстановлению оккупированных областей». Здесь же говорится, что «заслуживающих доверия лиц следует вначале привлечь к работе по фильтрации и к исполнению других заданий руководства лагеря... Если они оказываются подходящими для операций по восстановлению в оккупированных областях, то следует отказывать ходатайству об их возвращении на родину только в том случае, если они представляют интерес для контрразведывательной службы». В приложении 2 к этому приказу специально оговаривается, что необходимо находить среди пленных элементы, заслуживающие доверия, «невзирая даже на то, что речь идет о коммунистах»[1].

27 августа и 12 сентября 1941 года Гейдрих подписал дополнительные директивы, касающиеся основных направлений деятельности команд полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных. В частности, во втором из указанных документов еще раз подчеркивалось, что «задачей оперативных команд полиции безопасности и СД является выявление не только подозрительных элементов, а также и тех надежных элементов вообще, которые могут пригодиться для восстановительной работы в Восточных областях... Я предписываю, чтобы в еженедельных отчетах обращали внимание на пункт "4" (число выявленных лиц, не внушающих подозрения). О военнопленных, не внушающих подозрения, которые перед этим занимали в советско-русском хозяйстве руководящие посты, следует особо указывать на отрасль их работы и последнее место службы»[2].

Первоначально отбор «заслуживающих доверия» военнопленных представители полиции безопасности и СД проводили в шта-

---

[1] См.: Оперативный приказ № 8 начальника РСХА командам полиции безопасности и СД об отношении к советским военнопленным / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 618—624.

[2] См.: *Зегер А.* «Гестапо-Мюллер». Карьера кабинетного преступника. Р-н-Д, М., 1997. С. 246; Дополнения к директивам начальника полиции безопасности и СД для команд, направленных в стационарные и пересыльные лагеря / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 511—512.

лагах (стационарных лагерях для рядового и сержантского состава; Stammannschaftslager — Stalag) и офлагах (офицерских лагерях; Offizierlager — Oflag), сформированных на территории Рейха и Генерал-губернаторства. К концу лета 1941 года таковых насчитывалось 14 (7 шталагов и 7 офлагов для советских военнопленных). В лагеря для военнопленных на оккупированной территории СССР доступ оперативных команд СД был поначалу запрещен. Однако 7 октября 1941 года этот запрет был снят. 5 мая 1942 года Верховное командование вермахта (ОКВ) издало распоряжение о проведении проверок лишь в тех лагерях, которые находились восточнее старой германской границы, а 31 июля оперативные команды СД были выведены из лагерей, расположенных в Германии[1].

Отобранные представителями СД «заслуживающие доверия лица» размещались отдельно от основной массы военнопленных, а также задействовались в пропагандистской работе и использовались в качестве осведомителей.

Бывшие советские специалисты, изъявившие желание сотрудничать с немцами, направлялись в так называемый «Институт Ванзее», созданный под эгидой СД еще в середине 1930-х годов в Бреслау. С началом войны институт был передислоцирован в пригородный район Берлина и подчинен VI управлению РСХА и переориентирован на исследование вопросов, связанных с СССР: его сотрудники изучали положение в Красной армии, сельском хозяйстве, промышленности и других областях жизни Советского Союза[2].

В контексте нашего исследования нельзя пройти мимо такого интересного документа, как инструкция уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря, группенфюрера СС Эрнста Герберта фон Бакке о поведении должностных лиц на территории Советского Союза, намеченной к оккупации (от 1 июня 1941 года).

Герберт фон Бакке родился в Российской империи в 1896 году, в немецкой семье. Долгое время он жил в Батуме, где закончил гимназию. Во время Первой мировой войны в числе многих других немцев Бакке был интернирован, а после войны — переехал в Германию.

---

[1] Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 149—150.

[2] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 266—267.

В 1922 году вступил он в СА, НСДАП, а затем в СС. В 1935 году Гиммлер назначил его пост начальника Главного управления расы и поселений СС. С 1941 года фон Бакке — уполномоченный особого штаба «Ольденбург», созданного для экономического и хозяйственного использования ресурсной базы занятых районов СССР в пользу Германии[1].

Инструкция фон Бакке (ее иногда еще называют «Двенадцатью заповедями поведения немцев на Востоке и их обращении с русскими») представляет собой свод рекомендаций, опирающихся на личный опыт общения с русскими, опыт немца, долго жившего в России. Этот опыт искусно переплетается с задачами, поставленными руководством Третьего рейха в войне против СССР, в первую очередь в части, касающейся экономической политики[2].

Говоря об огромном количестве общественных пороков, якобы сопровождающих жизнь русского народа, фон Бакке нацеливает свою аудиторию на жесткое пресечение подкупов, доносов, взяточничества и т.д. По мнению автора инструкции, русских не надо обращать на путь национал-социализма, главное «их сделать орудием» в немецких руках. Здесь Бакке особое внимание обращает на молодежь, «зараженную большевизмом». Если она не будет подчиняться, саботировать работы, — ее следует наказывать[3].

Инструкция фон Бакке — документ практического характера, поэтому в нем акцент сделан на такие качества, как решительность, мужество, смелость, хладнокровие и деловитость. «Вы должны быть людьми дела, — отмечает чиновник, — которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам».

Рекомендации фон Бакке не лишены и экскурса в прошлое. Отталкиваясь от норманнской теории, он формулирует основную мысль — русские всегда хотят, чтобы ими управляли. Так было на протяжении всей истории России: вначале господствовали монголы,

---

[1] *Залесский К.* СС. Охранные отряды НСДАП. М., 2004. С. 38—39.

[2] Преступные цели — преступные средства... С. 33.

[3] Там же. С. 34.

потом поляки и литовцы, потом «самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина».

В конечном итоге русские, сами когда-то призвавшие норманнов, вовсе не отказались от собственных слов: «Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами». Поэтому, напутствуя сотрудников своего аппарата, фон Бакке видит в них представителей Великой Германии, знаменосцев «национал-социалистической революции и новой Европы», чье присутствие на Востоке необходимо закрепить на целые столетия[1].

Тезисы фон Бакке отражают только одну из точек зрения нацистов на «восточную проблему». Хотя в них сконцентрировано немало пренебрежительных мотивов, унижающих достоинство местного населения, в документе не содержится фраз, призывающих к физическому истреблению. Нигде фон Бакке не пишет, чтобы должностные лица, занимающиеся вопросами экономики и продовольствия, убивали русских. Он, напротив, призывает немцев высоко держать свой авторитет в глазах «народов с Востока».

Пятая глава

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ОСТ»

Нередко в связи со славянской политикой национал-социалистов упоминается так называемый «Генеральный план Ост», в котором, как утверждается, приведены основные доказательства того, как немцы в случае своей победы собирались поступить с «восточными народами». Считается, что в результате намеченных в плане мер «славянские народы будут ликвидированы как этнические единицы, а многие из них вообще истреблены»[2]. Советский публицист Л.М. Лещинский убеждал своих читателей, что «план Ост» предусматривал «физическое истребление всего еврейского населения Европы, массовые убийства поляков, чехов, словаков, болгар, венгров,

[1] Преступные цели — преступные средства... С. 33.

[2] Цит. по: Фашистский «новый порядок»: политика, оккупационный режим / Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. С. 324.

физическое уничтожение 25—30 миллионов русских, украинцев, белорусов»[1].

Вместе с тем следует согласиться с мнением одного из наиболее авторитетных исследователей проблемы — польского историка Чеслава Мадайчика, который отмечает, что «информация о "Генеральном плане Ост" до сих пор даже среди историков остается очень скромной. На эту тему... опубликовано лишь несколько статей и около десятка документов... "Генеральный план Ост" — это отнюдь не однозначное понятие»[2].

Действительно, «Генеральный план Ост» представляет собой комплекс документов, посвященных вопросам заселения «восточных территорий» (Польши и Советского Союза) в случае победы Германии в войне. Концепция плана разрабатывалась на основе расовой доктрины под патронажем Имперского комиссариата по укреплению германской народности (Reichskommissariat fur die Festigung deutsches Volkstums RKV; РКФ). С 7 октября 1939 года его возглавлял рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Будучи убежден, что Восток будет принадлежать «Черному ордену», он поручил разработать проект по заселению немцами территории вплоть до Урала. После войны рейхсфюрер СС собирался представить план Гитлеру, чтобы гарантировать себе позицию единоличного властителя на Востоке[3].

При этом окончательного варианта плана «Ост» в виде некоего единого документа не существует. Все, чем на сегодняшний день располагают ученые, — шесть различных версий документа. Пять из них было подготовлено отделом планирования РКФ и один группой планирования из III управления РСХА[4].

---

[1] *Лещинский Л.М.* Хойзингер — военный преступник. М., 1961. С. 51. Понятно, что сентенция об убийстве чехов, словаков, болгар и венгров является не более чем чисто пропагандистским утверждением.

[2] *Мадайчик Ч.* Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? / Вторая мировая война... С. 670.

[3] *Мюллер Р.-Д.* Торговый партнер или объект эксплуатации? / Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 206.

[4] Относительно недавно вокруг «плана Ост» был поднят настоящий ажиотаж. В одном из материалов телекомпании НТВ сообщалось, что обнаружен текст «плана Ост». На самом деле речь идет о проекте проф. Конрада Майе-

Подобная работа, надо подчеркнуть, велась не только в СС, но также в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга и в аппарате Германа Геринга, ответственного за четырехлетний план («Зеленая папка»). Разумеется, между ведомствами развернулась конкурентная борьба за то, чьи проекты наиболее реалистичные и перспективные. Поэтому следует вести речь о различных программах каждого министерства.

Несомненно, в некоторых пунктах точки зрения соперничающих организаций совпадали, однако этот факт еще не говорит о том, что было достигнуто согласие по всем принципиальным вопросам. Программа заселения постоянно перерабатывалась и уточнялась, и в конечном итоге уже не ограничивалась только восточными землями, но нацеливалась и на этническое преобразование западноевропейских областей, в результате чего «план Ост» получил другое наименование — «Генеральный план поселений» (в конце 1942 — начале 1943 года[1]). В дальнейшем, учитывая неблагоприятный для стран Оси характер войны, план утратил свою релевантность. Никто из высших руководителей Рейха, и в частности Гитлер, его так и не подписал.

В подготовке проектов по заселению Восточной и Западной Европы свои услуги в качестве экспертов предложили многие известные германские ученые, занимавшиеся вопросами аграрной политики, строительства, экономики, народоведения, антропологии и т.д. Среди них можно выделить антропологов Отто Рехе, Фрица Ленца и Ойгена Фишера. Их научные публикации, касавшиеся в том числе проблемы «демографического обеспечения немцами завоеванного Востока», имели характер частных мнений. Отчасти к ним прислушивались, но последнее слово всегда оставалось за теми, кто обладал в Рейхе большими властными полномочиями.

Первенство в разработке проектов по заселению восточных территорий, разумеется, принадлежало ведомству Гиммлера. Взяв за основу концепцию «меча и плуга» (которая практиковалась еще со времен Фридриха Великого), рейхсфюрер СС дал осенью 1939 года

ра, который давно имелся в широком доступе. Просто на сайте в Интернете, где он был размещен, появилось его факсимиле из Бундесархива.

[1] *Мадайчик Ч.* Указ. соч. С. 673.

указания ординарному профессору и руководителю института агрономии и аграрной политики Берлинского университета Конраду Майеру[1] подготовить документ о переселении и освоении немецким населением Западных областей оккупированной Польши. В РКФ Майер (имевший к тому времени звание штандартенфюрера, а позднее — оберфюрера СС) возглавлял отдел планирования и почвы. Насколько позволяют судить документы, до середины 1941 года его подчиненные занимались исключительно «польским вопросом».

Аналогичная работа велась Расово-политическим управлением НСДАП. Его руководитель, профессор Вальтер Гросс[2], в ноябре 1940 года направил в СС секретный документ, посвященный тому, как следует обращаться с коренным населением Генерал-губернаторства. Гросс писал: «При обращении с лицами ненемецкой национальности на Востоке мы должны проводить политику, заключающуюся в том, чтобы как можно больше выделять отдельные народности... Выходцев из таких народностей... мы будем, разумеется, использовать в качестве служащих полиции и бургомистров. Главами у таких народностей могут быть только бургомистры и представители местных полицейских властей... Принципиальным вопросом при разрешении всех этих проблем является вопрос об обучении и тем самым вопрос отбора и фильтрации молодежи... Родители, которые с самого начала хотят дать своим детям лучшее школьное образование, как начальное, так и позднее, среднее, должны для этого обратиться с заявлением к высшим руководителям СС и полиции. Решение по заявлению принимается в первую очередь в соответствии с тем, является ли ребенок безупречным в расовом отношении и удовлетворяет ли

[1] К. Майер (1901—1973) вступил в СС 20 июня 1933 года. В течение двух лет руководил учебными курсами при 51-м штандарте СС в Геттингете. В 1935 году. стал сотрудником Главного управления СС по расовой и переселенческой политике. С 1956 по 1968 год — профессор Университета в Ганновере, специалист по земельному планированию.

[2] В. Гросс (1904—1945), доктор медицины, профессор. В 1925 году вступил в НСДАП. В 1933 году возглавил комиссию по народной и расовой политике, которая в апреле 1934 года была переформирована в Расово-политическое управление НСДАП. В сентябре 1942 года управление было расформировано, а Гросс — переведен начальником отдела расы и науки в Министерство А. Розенберга. Покончил жизнь самоубийством.

он нашим условиям. Если мы признаем, что ребенок нашей крови, то родители будут иметь возможность послать своего ребенка на учебу в Германию…

Руководствуясь чувством и разумом, я считаю нормальным, что с детьми и родителями с момента их приезда в Германию будут обращаться в школе и в общественной жизни не как с париями, а что после изменения ими своей фамилии им с полным доверием… будет позволено включиться в жизнь немецкого народа. Не должно быть такого положения, чтобы дети чувствовали себя чуждыми в нашей среде, ибо мы ведь верим в нашу собственную кровь, которая благодаря ошибкам немецкой истории попала в чужую национальность, и убеждены, что наше мировоззрение и наши идеалы найдут отклик в одинаковых в расовом отношении душах этих детей…

В таком случае после последовательного осуществления этих мероприятий в течение ближайших десяти лет население Генерал-губернаторства будет состоять из оставшихся местных жителей… Это население, не имея своего руководства, будет служить источником рабочей силы, поставлять Германии ежегодно сезонных рабочих и рабочих для производства особых работ… При этом у него будет возможность больше есть и лучше жить, чем в условиях польского господства…»[1]

В марте 1941 года по указанию Гиммлера была проведена пропагандистская выставка «Планирование и построение нового порядка на Востоке», которую посетили видные деятели НСДАП, и в первую

---

[1] Цит. по: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969. С. 503—505. Следует заметить, что столь радикальные предложения нацистских экспертов в отношении будущего польского народа лицемерно «оправдывались» многочисленными эксцессами, связанными с притеснением немецкого меньшинства в довоенной Польше. Очень серьезный резонанс получили и инциденты начала войны, максимально использованные геббельсовской пропагандой. В частности, 3 сентября 1939 года в городе Быдгощь польскими войсками при поддержке городского населения было проведено беспощадное уничтожение проживавших в городе немцев. По официальной польской версии 2004 года, за один день в Быдгоще было убито до 300 немцев. Немецкие специалисты утверждают, что жертв было не менее 400. Кроме этого, было убито 100 поляков, выступивших в защиту немцев. См.: *Земляков К.* Кровавые воскресенья мира / «Коммерсантъ-Власть» (Москва). 2010. 28 июня. № 25. С. 42.

очередь заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс. Хотя выставка оказалась успешной и Гиммлер сумел добиться главенствующего положения в сфере подготовки переселенческих проектов, все же было бы преждевременным считать ее полной победой СС. Планы, разработанные отделом Майера, были еще мало привязаны к реальности, фактически — они существовали только на бумаге, и никто не брался сказать, каким образом они будут реализованы. Конечно, некоторые «эксперименты» в данной области уже к тому времени были проведены. Так, поляки принудительно выселялись с «исконно немецких земель» — из «Вартегау» и Верхней Силезии (а еврейское население частично было ликвидировано оперативными группами полиции безопасности и СД, частично выдворено на территорию Генерал-губернаторства и сконцентрировано в заранее предусмотренных местах для последующего уничтожения).

Если в отношении поляков использовался комплекс принудительно-исправительных мер, вызванный, безусловно, застарелой немецко-польской враждой, то в отношении чехов — другой. Здесь процесс начался еще в 1938 году, и серьезных притеснений со стороны немцев, как нередко утверждают некоторые историки, чехи не почувствовали, несмотря на то, что в аннексированных Германией Судетских областях возникло определенное волнение. Для Протектората Богемия и Моравия существовали планы на будущее иного порядка, нечто похожее на «наслаивание» на местное население руководящих ремесленных слоев из числа германского народа. Гейдрих, шеф РСХА, вступивший в должность Имперского протектора Богемии и Моравии осенью 1941 года, вполне откровенно говорил о последующем онемечивании чехов. Однако, по его представлениям, это должно было происходить «естественным путем», без форсирования событий, за счет «скрытой» германизации, исключающей применение силовых мер воздействия, уместных в других случаях.

Разумеется, подобные «щадящие» правила никоим образом не распространялись на коммунистов и евреев, равно и на тех, кто относил себя к убежденным противникам немецкой оккупации. В целом же Чехия, как регион, насыщенный индустриальными предприятиями, имевшими военную специфику, воспринимался руководством Рейха как важный цех, где «куется оружие победы». Поэтому ни о

какой дискриминационной политике не могло быть и речи. К тому же нацисты всегда отмечали прилежание и трудолюбие чехов, и, безусловно, планировали сделать из них помощников немецких колонистов[1].

С началом войны против Советского Союза появилась потребность пересмотреть часть вопросов, касающихся заселения восточных областей. Майеру пришлось подготовить новый проект, учитывавший новую ситуацию. Интересы СС уже не ограничивались одними польскими землями; сама логика войны нацеливала подчиненных Гиммлера на советские территории, к которым внимательно присматривались.

Однако какими бы дерзкими ни были представления Майера, в его отделе не теряли чувство реальности. В документах очередного плана (за май 1942 года, основным разработчиком данного проекта выступил Институт сельского хозяйства при Берлинском университете, тесно контактировавший с РКФ), отправленных на подпись к Гиммлеру, содержались весьма осторожные мнения по поводу того, как вести колонизацию. Было предложено поэтапное заселение завоеванной территории в течение 25 лет. Вводились квоты по онемечиванию для различных национальностей. Местное автохтонное население планировалось выселить в сельскую местность и использовать в крупномасштабных аграрных мероприятиях. Для контроля областей с не преобладающим поначалу немецким населением предполагалось ввести форму «маркграфств». В документе разговор шел только о трех из них: Ингерманландия (Ленинградская область), Готенгау (Крым, Херсон) и Мемель-Нарев (Литва-Белосток). В Ингерманландии население городов должно было быть снижено с 3 миллионов до 200 тысяч человек. В Польше, Белоруссии, Прибалтике, Украине было намечено создание сети опорных пунктов (около

[1] *Muller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt a. Main, 1991. S. 103, 203. По мнению немецкого историка Г. Умбрайта, в Протекторате в перспективе планировалось разместить внеимперских немцев («фольксдойче»), оставить примерно половину чехов, которых предстояло «онемечить», а остальных — переместить на Восток. См.: *Умбрайт Г.* Германская оккупационная администрация: концепция и типизация / Вторая мировая война… С. 572.

36), обеспечивавших эффективную связь маркграфств друг с другом и метрополией. Через 25—30 лет маркграфства должны были быть германизированы на 50 %, а опорные пункты на 25—30 %[1].

В конце плана подчеркивалось, что успех программы заселения будет зависеть от воли и колонизационной силы германцев, и если она выдержит эти испытания, то уже следующему поколению удастся сомкнуть северный и южный фланги колонизации (то есть заселить Украину и центральную часть РСФСР) [2].

Обратим внимание на такую немаловажную деталь. Ни в этом плане, ни в следующем, также составленном Майером, никаких статистических выкладок не делалось, как не было и конкретных цифр, какое количество жителей завоеванных областей подлежит выселению. Некоторые исследователи, прекрасно зная это, тем не менее заявляют о миллионах граждан, которых ожидала самая печальная участь. Цифры они выводят из разницы между фактическим количеством жителей и планируемым (с учетом немецких переселенцев и местного населения, «годного к онемечиванию»).

Данные подсчеты, на наш взгляд, не совсем корректны, поскольку они базируются исключительно на произвольных умозаключениях, в то время как подручные Майера не спешили оперировать цифрами попусту. Расовый волюнтаризм, неизменно сопутствовавший «исследовательской» деятельности РКФ, не был, однако, лишен прагматической линии, всегда отличавшей ведомство Гиммлера.

В контексте обсуждаемой проблемы часто фигурируют «Замечания и предложения по Генеральному плану Ост», составленные в виде служебной записки для министра А. Розенберга 27 апреля 1942 года референтом по расовым вопросам в политическом департаменте Министерства по делам оккупированных восточных территорий д-ром Э. Ветцелем. Чиновник сделал эти записи, ознакомившись с проектом, подготовленным группой планирования III

---

[1] *Teil C.* Abgrenzung der Siedlungsraume in den besetzten Ostgebieten Seite und Grunzuge des Aufbaues. Generalplan Ost. Rechtliche, wirtschaftliche und raumliche Grundlagen des Ostaufbaus. Vorgelegt von SS-Oberfuhrer Professor Dr. XX. Berlin-Dahlem, 28. Mai 1942 / Kopie der 100-seitigen Fassung aus dem Bundesarchiv Berlin-Licherfelde. S. 28—32.

[2] Ibid.

управления РСХА в декабре 1941 года (сам источник утерян и до сих пор не найден). Как отмечает Ч. Мадайчик, «экспертное заключение Ветцеля было весьма критичным в отношении деталей и косвенно констатировало некомпетентность разработчиков из РСХА»[1]. Документ воспринимается многими исследователями неоднозначно, а некоторые вообще склонны считать его фальшивкой. Однако, на наш взгляд, эти «замечания и предложения» способны пролить свет на возможное будущее «народов Востока».

Источник состоит из четырех разделов: 1) «Общие замечания по генеральному плану Ост»; 2) «Общие замечания по вопросу об онемечивании, особенно о будущем отношении к жителям бывших прибалтийских государств»; 3) «К решению польского вопроса»; 4) «К вопросу о будущем обращении с русским населением».

В первом разделе Ветцель касается вопроса о переселении немцев на восточные территории. Переселение планировалось проводить в течение 30 лет после окончания войны. На пространствах бывшего СССР, завоеванных Германией, должны были остаться в немецком районе расселения 14 млн славян. Их предполагалось поставить под контроль 4,5 млн немцев. «Нежелательных в расовом отношении местных жителей» следовало отправить в Западную Сибирь. 5—6 млн евреев, находящиеся в восточных областях, подлежали ликвидации еще до начала основных мероприятий по переселению[2].

У Ветцеля возникают серьезные сомнения относительно осуществления этих пунктов программы. Если «еврейский вопрос» решить еще можно, то со славянами дело обстоит не так просто. Ветцель недоволен тем, почему такая инстанция, как РКФ, игнорирует факт поселения лиц, «пригодных для онемечивания, в пределах собственно германской империи»[3].

Далее чиновник критически относится к подсчетам численности славянского населения, предназначенного к переселению. Статистические данные, подготовленные в недрах РКФ, представляются

---

[1] *Мадайчик Ч.* Указ. соч. С. 671.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Сост. В.И. Дашичев. М., 1967. С. 109—111.

[3] Там же.

Ветцелю ошибочными: они мало привязаны к реальности, совсем не учитывают того, какие народы дружественно или враждебно относятся к немцам[1].

Словом, из первого пункта записки Ветцеля не видно, чтобы немцы всерьез и с присущей им педантичностью собирались решать «славянский вопрос» самыми жесткими и бесчеловечными методами. Зато четко прослеживается желание нацистов подходить к реализации будущей программы дифференцированно. Во-первых, часть славян поселить на территории Рейха и «онемечить». Это «процедуру» должны пройти 14 млн человек. И, во-вторых, отправить в Западную Сибирь только «нежелательных в расовом отношении» славяноязычных граждан.

Во втором разделе Ветцель рассматривает мероприятия по так называемому «онемечиванию», т.е. включению в орбиту Рейха тех граждан, которые обладают «ярко выраженными признаками нордической расы, проявляющимися во внешнем облике, в поведении и в способностях»[2]. Уже из самой этой формулировки следует, что речь идет не только о тех людях, которые соответствуют «классическому образцу» («белокурые бестии» с правильным черепом), но и о тех, которые имеют близкие к нордической расе качества, — например, благородную сдержанность, холодную деловитость, умеренность и самообладание и пр. Этот пункт записки Ветцеля, на наш взгляд, согласуется с рекомендациями Ганса Гюнтера, как-то сказавшего: «Люди, сведущие в расологии, знают, что многие темноволосые и темноглазые личности являются более нордическими, чем многие голубоглазые блондины»[3].

Среди тех, кто подходил для «онемечивания», или расового «обновления» («Umvolkung»), в соответствии с критериями «нордического типа», были, к примеру, литовцы, эстонцы и латыши[4]. Представители этих народов, по Ветцелю, нужны для того, чтобы с их помощью осуществлять управление обширными территориями на Востоке. Прибалтийцы подходили на эту роль, так как они воспиты-

[1] Там же. С. 111.

[2] Там же. С. 112.

[3] *Гюнтер Г.* Указ. соч. С. 93.

[4] *Muller R.-D.* Hitlers Ostkrieg… S. 20.

вались в европейском духе и «усвоили по меньшей мере основные понятия европейской культуры»[1]. С учетом этих пояснений никак нельзя понимать под «онемечиванием» физическое уничтожение, на чем почему-то настаивают публицисты Д. Мельников и Л. Черная[2].

В третьем разделе Ветцель описывает предполагаемую линию поведения немцев по «польскому вопросу». Опираясь на историю взаимоотношений между нациями, он делает вывод, что поляки «являются наиболее враждебно настроенным» и «самым опасным народом»[3]. Вместе с тем он отмечает, что «польский вопрос нельзя решать путем ликвидации поляков». «Такое решение, — считает он, — обременило бы на вечные времена совесть немецкого народа и лишило бы нас симпатии всех, тем более что и другие соседние с нами народы начали бы опасаться, что в одно прекрасное время их постигнет та же участь»[4].

В том же разделе чиновник останавливается на будущей судьбе украинцев и белорусов. Ветцель говорит, что около 65 % украинцев будут переселены в Сибирь. То же самое планируется сделать и с белорусами, но переселены будут 75 %, а 25 % «подлежат онемечиванию»[5].

Последний раздел заметок посвящен «русскому вопросу». Ветцель считает его весьма важным в контексте «всей восточной проблемы». Здесь он приводит точку зрения доктора антропологических наук Вольфганга Абеля, предлагавшего или полностью уничтожить русских, или онемечить определенную их часть, имеющую «явные нордические признаки». Предложение Абеля Ветцель считает частной «инициативой», требующей еще дальнейших дискуссий, а потому и неопределенной. Конструкция «уничтожить или онемечить» — далека от конкретности. Чуть ниже Ветцель замечает: «Предложенный Абелем путь ликвидации русских как народа, не говоря уже о том, что его осуществление едва ли было бы возможно, не подходит для нас также по политическим и экономическим соображениям»[6].

---

[1] Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 112.

[2] См.: *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 374.

[3] Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования!»... С.113.

[4] Там же. С. 114.

[5] Там же. С. 115.

[6] Там же. С. 117.

Корпус документа пестрит явными фактическими ошибками. Так, в последнем разделе Ветцель пишет о горьковском и тульском генеральных комиссариатах, хотя чиновник не мог не знать, что эти территориальные единицы именовались в официальных бумагах округами (даже не генеральными округами, как Литва, Латвия, Эстония и Белоруссия)[1]. Сложно допустить, чтобы этот чиновник не был знаком со структурой собственного министерства.

Много в «замечаниях» и совершенно нелепых предложений. Скажем, Ветцель предлагает переселить часть поляков «в Южную Америку, особенно в Бразилию»[2].

Словом, напрашивается вывод, что заметки Ветцеля — «сырой» материал, далекий от какой-либо конкретики. Эти записи нельзя считать надежным документом, поэтому многие западные исследователи предпочитают на них не опираться.

Встречаются ссылки и на письмо Гиммлера бригадефюреру СС Грейфельту по поводу «Генерального плана Ост». Но из письма не видно, чтобы существовала какая-либо четкая программа по решению «славянского вопроса» в целом. Разговор идет только о поляках и прибалтийских народах. Рейхсфюрер СС говорит о том, чтобы в течение 20 лет после войны онемечить «население Эстонии и Латвии, а также всего генерал-губернаторства»[3]. Никаких указаний об истреблении в письме нет.

Словом, проекты К. Майера, записка Э. Ветцеля и письмо Гиммлера не дают, на наш взгляд, оснований утверждать, что немцы хотели решить «славянский вопрос» радикальным путем. Конечно, во время войны пропаганда разжигала ненависть к противнику, что выливалось в страшные факты, подобно зверскому (иначе и не скажешь) отношению к местному населению со стороны всякого рода карательных отрядов и зондеркоманд. Однако деятельность карателей регулировалась другими документами.

---

[1] Там же. С. 118.

[2] Там же. С. 114.

[3] Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 625.

Внутри организации СС вопрос со славянами и колонизацией восточных территорий поднимался не раз. Гиммлер неоднократно говорил об этом в кругу приближенных лиц. Несмотря на ряд действительно жестких и однозначных заявлений («низшей расе всего нужно меньше, но больше всего нужно, чтобы самой этой расы было как можно меньше»[1]), его позицию все-таки нельзя назвать до конца твердой и окончательной.

Представления Гиммлера о славянах претерпевали изменения. Так, в январе 1941 года во время заседания в Вевельсбурге шеф СС доверительно сказал группенфюреру СС фон Бах-Зелевскому, что для осуществления его планов на Востоке нужно устранить 30 миллионов славян[2]. Это серьезное заявление впервые прозвучало на процессе в Нюрнберге из уст самого Бах-Зелевского (в ходе допроса 7 января 1946 года), пытавшегося сохранить себе жизнь: «Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Вевельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил тогда, что целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек»[3]. Заметим, что ряд исследователей утверждают, что Бах-Зелевский исказил подлинные слава своего шефа. Кроме того, как отмечает немецкий историк Карл Хюзер, указанная в показаниях дата гиммлеровской речи является «ошибочной, поскольку единственное совещание Гиммлера с группенфюрерами СС в замке Вевельбург имело место с 11 по 15 июня 1941 года»[4].

---

[1] Цит. по: *Филоненко С.И.* Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942—1943. Воронеж, 2006. С. 63.

[2] *Hohne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburge, 1998. S. 290.

[3] Из протокола допроса свидетеля Э. Бах-Зелевского. Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 января 1946 года / Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 5. М., 1991. С. 267.

[4] *Huser K.* Wewelsburg 1933—1945. Stellung und Bedeutung der Burg und des Konzentrationslagers Niederhagen fur Himmlers SS-Orden / Wewelsburg 1933 bis 1945. Kult- und Terrorstatte der SS. Berlin. 1982. S. 7. См. также: *Жуков Д.А.* Вальхалла Гиммлера. История замка Вевельсбург / Тайны СС. «Черный орден» Гиммлера. М., 2010. С. 7—8.

Известно также мнение рейхсфюрера СС о русском народе и будущем России, высказанное им в беседе с Феликсом Керстеном в Харцвальде (15 января 1943 года). Гиммлер тогда сказал своему врачу: «Когда в России будет искоренен большевизм, восточные территории перейдут под немецкое управление по образцу "марок", которые Карл Великий учредил на востоке своей империи; методы управления будут аналогичны тем, с помощью которых Англия превратила свои колонии в доминионы. После полного восстановления мира и экономического процветания эти территории будут возвращены русскому народу, чтобы тот жил в полной свободе, и с новым правительством будет заключен мир и торговый договор на двадцать пять лет»[1]. Как замечает немецкий исследователь Бернд Вегнер, в сентябре 1942 года Гиммлер отвел будущей России «роль "форпоста" в "решающей борьбе против Азии, которая рано или поздно непременно начнется"... На смену Великогерманскому рейху придет... Германо-Готский рейх, территория которого будет простираться до Урала». Двумя месяцами позже рейхсфюрер грезил, что «восточные земли... сегодня станут колонией, завтра районами переселения, а послезавтра будут присоединены к Рейху»[2].

Таким образом, Гиммлер высказывал по «русской проблеме» разные мысли, которые не всегда состыковываются с устоявшимися представлениями.

Приложение 1

Протокол совещания у доктора Б. Клейста по вопросам онемечивания, в частности, по Прибалтийским странам (4 февраля 1942 года)

На заседании вместе с другими присутствовала группа представителей заинтересованных учреждений.

Вел совещание доктор Клейст. Кроме него, от министерства по делам оккупированных восточных территорий присутствова-

---

[1] Цит. по: *Керстен Ф.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940—1945 гг. М., 2004. С. 352.

[2] Цит. по: *Вегнер Б.* Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение / Вторая мировая война... С. 517.

ли: доктор Кинкелин, профессор фон Менде, руководитель рачобей группы Вейтнауер, оберрегирунгсрат Лабс, асессор Шютте.

Ведомство рейхсфюрера СС было представлено следующими сотрудниками:

Главное управление имперской безопасности — оберштурмбаннфюрер Гуммич, представлявший штандартенфюрера Элиха (при этом интересно, что, хотя Гуммич представлял наиболее заинтересованное и наиболее влиятельное учреждение службы рейхсфюрера СС, — мне хотелось бы напомнить, что генеральный план «Ост» был разработан именно там, — он вообще не произнес ни слова), а также партайгеноссе Гиргензон.

Главное управление по вопросам расовой и переселенческой политики — штандартенфюрер профессор Б.К. Шульц.

От рейхскомиссара по укреплению немецкой расы — начальник отдела Бубер.

От института по изучению приграничной и зарубежной обстановки — доктор Тейх.

Кроме того, в совещании участвовал профессор Ойген Фишер — от института антропологии имени кайзера Вильгельма.

После вступительного слова доктора Клейста, обрисовавшего те проблемы, которые вытекают из предполагаемого онемечивания Остланда, а также выступлений по этому вопросу профессора Фишера и доктора Кинкелина, слово взял Б.К. Шульц, подчеркнувший необходимость проводить различие между теми частями населения Остланда, которые с расовой точки зрения пригодны для онемечивания, и теми, кого нужно отвергнуть. Из его высказываний следовало, что он явно склоняется к мнению, что большая часть населения не годится для онемечивания. Он выступил за то, чтобы нежелательные в расовом отношении части населения были эвакуированы на Восток, тогда как расово приемлемые прошли бы онемечивание в коренной части Рейха или же, возможно, в Остланде. Выступивший затем Шуберт в еще более резкой форме высказал эту же мысль, заявив, что нежелательные лица должны быть выселены в Западную Сибирь. В начале выступления он еще раз подчеркнул единоличную компетентность в этих делах рейхскомиссара по укреплению немецкой расы. Он исходил из того, что проверка

поляков выявила всего 3 процента ценных в расовом отношении и поэтому пригодных для онемечивания людей. Как мне позднее заявил Б.К. Шульц, эти данные Шуберта были неправильными. Полученные до сих пор результаты обследования, которое охватывало только сельское население, дали 5 процентов. В отношении городского населения, в котором доля расово полноценных должна быть значительно выше, до сих пор расового обследования вообще не проводилось. Шуберт не может не знать этих данных. У прибалтийских народов, продолжал Шуберт, число расово полноценных также невелико. Заселение территории немцами не выглядит невозможным. В ответ на эти высказывания с нашей стороны были выдвинуты следующие возражения: если те или иные народы в результате отторжения расово нежелательных частей будут разделены путем принудительной высылки последних в восточные районы, и в частности в Сибирь, то следствием этого может стать лишь то, что также и расово полноценные части народа с учетом существующих связей с другими частями народа не захотят и думать о своем онемечивании. Если им к тому же придется переселяться на территорию коренного рейха, то положение может еще более усугубиться в результате того, что для этих людей может не найтись подходящих мест работы и их социальное положение ухудшится, из-за чего их готовность подвергнуться онемечиванию может сойти на нет. Нужно взвесить, нельзя ли в результате индустриализации прибалтийского пространства растворить расово нежелательные части населения. Если им дать достаточно высокую оплату труда, поднять их культурный уровень, то в этом случае можно будет, вероятно, ожидать снижения у них рождаемости.

На это профессор Фишер возразил, что идея растворения представляется ему сомнительной, поскольку более высокий жизненный уровень может легко привести к повышению рождаемости (это высказывание Фишера представляется правильным только в том случае, если речь идет о явно асоциальных элементах расово неполноценных частей населения Остланда). Возражения против идей растворения были выдвинуты и со стороны представителей СС. Шуберт утверждал, что фюрер уже отдал приказ об их эвакуации. Партайгеноссе Гиргензон от Главного управления имперской

безопасности после этого долго распространялся о том, что хотя принудительная эвакуация из Прибалтики расово неполноценных частей населения представляется крайне сомнительной и должна быть отвергнута, однако уже при царском режиме эстонцев, латышей и других народов наметилась тенденция к добровольному переселению в глубинные русские районы, если им там будут предоставляться надежные рабочие места. Он убежден в том, что и сегодня можно многого добиться путем такого рода добровольного переселения. Практика теперь показала, что с помощью русских кадров невозможно создать территориальную администрацию. Поэтому с учетом недостаточности в любом отношении немецких сил придется действовать с привлечением представителей других народов. Ему поэтому представляется весьма целесообразным внедрить туда расово нежелательных представителей прибалтийских народов в качестве среднего сословия. Этим людям нужно будет установить хорошую для их положения зарплату. Русификации вряд ли можно ожидать. Б.К. Шульц заявил на это, что у него тоже появились большие сомнения относительно принудительной эвакуации людей из этих стран в Сибирь. Нужно попытаться побудить их к добровольному переселению. К этой точке зрения присоединился и Шуберт. Он заявил, что немцы должны играть роль спартанцев, средняя прослойка из латышей, эстонцев и других — роль периэков, а русские занимать положение илотов. Мнение Гиргензона о том, что расово неполноценные части народов следует перемещать в глубины русского пространства по возможности добровольно, явно встретило одобрение у участников совещания. При этом был поднят также вопрос о чехах и поляках. Было высказано мнение, что чехов, если они окажутся нежелательными, можно было бы, вероятно, включить в состав средней прослойки, с условием, что дело не будет касаться подозрительных в политическом отношении лиц. Для поляков же, как отмечалось, можно рассматривать лишь возможность переселения в Западную Сибирь. К концу совещания для всех стало как бы то ни было ясным, что поселение немцев может происходить лишь таким способом, что сначала должны быть заселены близлежащие территории Вартского округа и т.п., а что касается Остлан-

да, то необходимо сперва провести точную проверку расового состава населения, которая должна быть проведена не как расовый отбор, а замаскирована как гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызвать беспокойства среди населения. Участникам совещания было также ясно, что все вопросы переселения на территории Остланда представляют собой задачи, к решению которых нельзя приступить немедленно.

Доктор Ветцель

См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 588—590.

Приложение 2

Письмо Г. Гиммлера У. Грайфельду об осуществлении в Прибалтике генерального плана «Ост» (12 июня 1942 года)

По вопросу: Генеральный план «Ост» — правовые, экономические и территориальные основы преобразования восточного пространства.

Дорогой Грейфельд!

Я ознакомился с генеральным планом «Ост», который мне в целом нравится. В подходящий момент я хотел бы представить этот план фюреру. Для этого необходимо, однако, чтобы мы подготовили сводный план колонизации, который обобщал бы ранее составленные планы для Западного Данцига, Пруссии, Вартского округа и Верхней Силезии, Юго-Восточной Пруссии, а в общих чертах для Богемии и Моравии, равно как для Эльзас-Лотарингии, Верхней Крайны и Южной Штирии. Все это нужно объединить в общем плане, в частности также в целях изготовления карт и производства общих расчетов.

Мне кажется, что в одном пункте меня неправильно поняли. Этот двадцатилетний план должен включать в себя тотальное онемечивание Эстонии и Латвии, а также всего генерал-губернаторства.

Мы должны осуществить это по возможности за 20 лет. Я лично убежден, что сделать это возможно.

Теперешнее положение покрыть территорию генерал-губернаторства и всего Остланда только опорными пунктами не соответствует моим мыслям и желаниям. Сложнее обстоит дело с Литвой. Здесь мы меньше сможем рассчитывать на онемечивание имеющегося населения. Правильнее разработать общий план колонизации и заселения этих территорий. И это должно быть сделано.

До того как мне будет представлен сводный план в той же форме, что и генеральный план «Ост», я прошу переслать мне для ознакомления проект, из которого была бы ясно видна наша потребность в людях, рабочей силе, денежных средствах и т.д. и, кроме того, указывалось, сколько и чего нам понадобится в каждом из годов четырехлетнего плана. Лишь после этого мы сможем решить, от чего можно отказаться, если что-либо окажется неосуществимым.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Гиммлер

См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 625—626.

Шестая глава

ОБРАЗ СЛАВЯН В НАЦИСТСКОЙ РАСОВОЙ ТЕОРИИ И ПРОПАГАНДЕ. ПАМФЛЕТ «УНТЕРМЕНШ»

Согласно нацистской науке о человеческих расах, необходимо различать расовые и филологические признаки, которые зачастую могут не совпадать. Ведущий немецкий расовый теоретик Ганс Гюнтер писал: «Есть германские, романские и славянские языки, но нет германской, романской или славянской расы… Языковые границы никогда не являются расовыми… Раса и народ не совпадают…

В расы следует объединять лишь такие группы людей, которые всегда воспроизводят себе подобных»[1].

Гюнтер и другие ученые, занимавшиеся расовыми проблемами в нацистской Германии, не раз подчеркивали, что, во-первых, в Европе нет «чистых», с расовой точки зрения, народов. Во-вторых, все народы, включая и немцев, представляют собой расовые смеси; и, в-третьих, ценность расы определяется не по тому, насколько она «полноценна» или нет, а по тому, насколько она «ценна» для определенной цивилизации[2]. Например, нордическая раса, по классификации Гюнтера, представляет ценность для европейской цивилизации. Она явилась духовно-творческим стержнем, повлиявшим на развитие Европы. Евреи, как представители переднеазиатской и ориентальной рас, не стояли у истоков европейской культуры, напротив, их появление в Европе было связано с ее упадком. Для немецкого народа, чья кровь и без того несет в себе компоненты других европейских рас (западной, динарской, восточной), — смешение с евреями нежелательно. Кровь евреев неевропейского происхождения, и поэтому она может так изменить облик немецкого народа, что получится «европейско-азиатско-африканское расовое болото, как в гниющей Римской империи»[3].

Касались немецкие ученые и «славянского вопроса». В частности, в 1938 году в Штутгарте вышла книга доктора философии, ассистента Антропологического института при Университете Бреслау Ильзе Швидецки «Расология древних славян». Это исследование, опиравшееся на богатый научный материал, в том числе и советских антропологов, давало беспристрастную оценку тому, кто такие славяне, и было полностью лишено какой-либо славянофобии. Швидецки писала: «...общий вид расовой картины славянских народов современности ясно обозначен уже в древнеславянское время. Хотя большая временная близость к индогерманско-праславянскому происхождению еще отчетлива, и именно — благодаря высокой доле присутствия нордического компонента, тем не менее в процессе распространения восточноевропеоидов во всех племенах особен-

[1] *Гюнтер Г.* Избранные работы по расологии. М., 2002. С. 115, 117.

[2] Там же. С. 101.

[3] *Гюнтер Г.* Указ. соч. С. 102.

ный характер славян среди семьи индогерманских народов уже ярко выражен»[1]. Таким образом, Шведецки пришла к заключению о принадлежности славян (а стало быть, и русских) к белой европейской цивилизации. «Низшей» расой она их не считала.

Объективно говоря, в отношении практических выводов большинство ученых германской расологической школы того периода были более чем сдержаны в своих оценках. Например, глава расового ведомства НСДАП, профессор Вальтер Гросс в открытой партийной прессе настаивал на том, что никаких «высших» и «низших» рас не существует, кроме того, указывал, что, упирая на нордическую тему, нужно быть максимально сдержанным и корректным[2].

Возникает вполне закономерный вопрос: насколько руководители Третьего рейха и, в частности, Гитлер, прислушивались к мнению исследователей расовых проблем? Как видно из документов, расовые наработки германских ученых оказались востребованными при составлении, например, «Закона о гражданстве Рейха и Закона о защите германской крови и германской чести» (от 15 сентября 1935 года). Позволим себе процитировать один из отрывков: «Германская кровь не образует своей расы. Германский народ состоит из представителей разных рас. Но всем этим расам свойственно то, что их кровь взаимно совместима и смесь этих кровей в отличие от крови, которая им не родственна, не создает препятствий и напряжений. К германской крови можно, без сомнения, приравнять кровь тех народов, расовый состав которых родствен германскому народу. Это относится ко всем народам, населяющим закрытые пространства Европы. Кровь, родственная немецкой, одинаково рассматривается по всем направлениям. Поэтому гражданами Рейха могут стать представители живущих в Германии меньшинств, например, поляки, датчане и т.д.»[3].

---

[1] *Швидецки И.* Расология древних славян. Царицын, 2008. С. 55. Данная работа также опубликована в: *Тейлор И.* Славяне и арийский мир. М., 2009. С. 287—412.

[2] *Авдеев В., Иванов А., Ригер Ю.* Ганс Ф.К. Гюнтер — пророк нордической расы / *Гюнтер Г.* Указ. соч. С. 48.

[3] Организация национал-социалистической немецкой рабочей партии. Рига, 2002. С. 638.

Этот документ показывает, что нацисты не только прислушивались к мнению специалистов по расовым проблемам, но и применяли их наработки на практике. Причем ни о каком «окончательном решении славянского вопроса» не могло быть и речи. Проблема заключалась в том, чтобы собрать всю «здоровую европейскую кровь» под началом Рейха. Эта кровь, в первую очередь нордическая, по мнению нацистов, могла быть не только у поляков, но и у русских. Здесь можно привести слова рейхсфюрера СС Гиммлера из его выступления в Познани 4 октября 1943 года: «Все, что нации могут предложить в виде хорошей крови нашего типа, мы возьмем»[1]. А еще через десять дней, на очередном совещании, шеф СС отметил: «Я считаю, что в вопросе, касающемся населения иностранных государств, в особенности славян, мы должны исходить из немецкой точки зрения... Конечно, при таком смешении людей могут найтись хорошие расовые типы. Поэтому я полагаю, что нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения»[2].

Чем руководствовался Гиммлер, делая такие заявления?

Прекрасно знакомый с современными ему исследованиями по расологии, шеф СС исходил из того, что с древнейших времен нордические расовые ядра, как «носители света» и единственные представители «культуротворящей первичной силы», вторгались в массы других народов и подчиняли их себе. Пользуясь плодами труда покоренных этносов, люди нордической расы получили возможность развивать свои творческие задатки и двигать вперед всю человеческую цивилизацию[3]. Разумеется, в ходе этого сложного и продолжительного по времени процесса происходило определенное слияние между носителями нордической крови и теми, кто им повиновался. Расовое смешение не представляло опасности до тех пор, пока существовали жесткие ограничительные законы, а на вершине общественной иерархии, как, например, в древней Индии, находились

---

[1] Цит. по: *Мэнвэлл Р., Франкель Г.* Генрих Гиммлер. Ростов-на-Дону, 2000. С. 190.

[2] Цит. по: *Звягинцев А.Г.* Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М., 2006. С. 660.

[3] *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск, 2001. С. 420.

люди нордического типа и благородного происхождения. Упадок же цивилизации происходил после того, как кровь благородного сословия, индоевропейцев, повсеместно смешивалась с кровью некогда покоренных народов. В результате наступал расовый хаос, духовное и нравственное вырождение, деградация, приводившая людей к грандиозной трагедии — к историческому концу их общества, созданного когда-то арийцами.

Конечно, опираясь на эту концепцию, Гиммлер учитывал реалии своего времени. Он понимал, насколько далеко ушло человечество по пути «первородного греха расового смешения». Европа, как «священный ареал белой цивилизации», уже давно подверглась массированной расовой атаке со стороны этносов, чья кровь губит нордическую расу и ведет ее к неминуемой гибели. Избежать трагического финала можно только в том случае, если будут приняты кардинальные и своевременные меры по защите людей с нордической и близкой к ней кровью, для чего нужно найти и вывести этих людей за рамки прежней «среды обитания», где они смешивались с кем попало, и объединить под эгидой СС.

Рассуждая подобным образом, Гиммлер не мог не смотреть на Восток Европы, где, как и на Западе, проживали расовые типы, кровь которых в той или иной степени соответствовала нацистским стандартам. Такие типы могли быть в Польше и в Советском Союзе, поэтому организация СС не ставила себе основной целью поголовно уничтожить славян. Задача была другая — везде, где только есть такая возможность и необходимость, отбирать «ценные» в расовом отношении «экземпляры», одновременно не забывая проводить мероприятия по пресечению вредоносного и паразитического влияния на германскую нацию со стороны «расово неполноценных» и политически враждебных элементов из разных народов.

Вышеуказанные представления неизбежно отразились и на пропагандистском обеспечении подчиненных Гиммлеру структур, в частности Войск СС.

Небезынтересным представляется вопрос о формировании и генезисе образа врага в эсэсовских пропагандистских материалах. Как уже отмечалось, главным своим врагом нацисты считали «еврейский большевизм», который нередко увязывался с «азиатчиной»

и находил конкретное воплощение в образе «недочеловека» (Der Untermensch).

Ошибочными следует признать утверждения некоторых российских историков (например, Б.Н. Ковалева и О.Ю. Пленкова), что впервые в Германии термин «унтерменш» употребил 6 августа 1941 года постоянный автор нацистского официоза «Volkischer Beobachter» Густав Херберт[1]. Если бы отечественные исследователи были знакомы с брошюрой «Недочеловек», они бы по крайней мере обратили внимание на слова шефа СС Гиммлера, сказанные им в 1935 году: «До тех пор, пока существуют люди, борьба между человеком и недочеловеком будет являться историческим правилом»[2].

Еще с 1920-х годов этот же самый термин охотно употреблял в своих произведениях Альфред Розенберг, говоря о «гибели» русского народа, переставшего существовать после победы большевизма в России. Как отмечалось, Розенберг видел в большевизме «молодую, варварскую, разрушительную силу», власть «вырождения». В СССР появился «советский человек», а по сути своей — «недочеловек», который является «живым укором» по отношению к нордическому человеку. Известный американский исследователь нацистской пропаганды Э.Р. Герцштейн пишет, что в 1931 году штурмовики называли своих противников «коммунистическими недочеловеками»[3].

Собственно говоря, можно привести еще несколько десятков фактов, которые будут уводить нас в XIX век, когда в среде немецких националистов стало произноситься слово «унтерменш». Сегодня нельзя со стопроцентной уверенностью сказать, кто именно ввел его в оборот (Розенберг в «Мифе XX века» пишет, что впервые этот термин употребил Лотар Штоддард). Любопытно, что слово «недочеловек» использовалось и либеральной германской прессой, биче-

---

[1] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. М., 2004. С. 237; *Пленков О.Ю.* Третий рейх. Война: до критической черты. СПб., 2005. С. 290. Оба исследователя, по всей видимости, встретили эту сентенцию у историка А. Даллина (*Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Russland. 1941—1945. Eine Studie uber Besatzungspolitik. Dusseldorf, 1958. S. 81).

[2] Цит. по: Недочеловек / *Ковтун И.* «Унтерменш». Технология ненависти. Харьков, 2009. С. 28.

[3] *Герцштейн Р.Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 452.

вавшей националистов-антисемитов, чьи заявления бросали тень на немцев, как нацию образованных людей. Нацисты увидели в слове «унтерменш» прекрасный образец для создания своего «образа врага». В конечном итоге они получили неограниченное право на его эксплуатацию, в зависимости от политической обстановки, и право на рецепцию тех его содержательных компонентов, которые были созвучны с пропагандой НСДАП.

Многие авторы связывают использование нацистами понятия «недочеловек» с философией Ницше. Так, Сергей Воропаев заявляет, что «в "недочеловеке" нацистско-расистская пропаганда в течение 20 лет видела антипод ницшеанскому сверхчеловеку». Аналогичные сентенции можно обнаружить у немецких исследователей Кристиана Центнера и Гюнтера Дешнера[1].

Однако известно, что термин «унтерменш» появился раньше, чем учение Ницше о сверхчеловеке[2]. Более того, по замечанию Иринга Фетшера, «философия Ницше никогда не составляла центра нацистской идеологии; ни Гитлер, ни Розенберг, ни Геббельс не пользовались аргументами или формулировками Ницше»[3]. Конечно, некоторые нацистские пропагандисты зачастую применяли такие понятия ницшеанской философии, как «воля к власти», «сверхчеловек» и т.д. Но эти категории никогда не были основой нацистской пропаганды.

Нацистские органы пропаганды придали образу «унтерменша» зловещую универсальность. «Недочеловеком» мог быть кто угодно, в том числе и немец, предавший фюрера, нацию и Рейх. Однако в первую очередь использование термина был направлено на разжигание ненависти к большевикам и, прежде всего, к евреям (ядром идеологии военного времени, по словам Й. Геббельса, был антисемитизм[4]).

---

[1] Энциклопедия Третьего рейха / Сост. *С. Воропаев.* М., 1996. С. 463; *Zentner Ch.* Adolf Hitler. Eine Biographie in Texten, Bildern, Dokumenten. Berlin, 1990. S. 69; *Deschner G.* Generalplan Ost — Besatzungspolitik in Russland / «Das Dritte Reich» (Hamburg). № 36. S. 424.

[2] *Гарин И.И.* Ницше. М., 2000. С. 231.

[3] *Fetscher I.* Friedrich Nietzsche und die Dialektik der Aufklarung, in Entdecken und Verraten. Zu Leben und Werk Friedrich Nietzsche. Wemar, 1999. S. 361.

[4] *Герштейн Р.Э.* Указ. соч. С. 452.

Брошюра «Недочеловек» была одним из проявлений военной пропаганды, где во главу угла был поставлен «образ врага», олицетворявший собой «абсолютное зло», которое связывалось с «еврейско-азиатским», «иудео-большевистским» и коммунистическим типом людей.

Герцштейн полагает, что эсэсовский памфлет — гимн расовой ненависти, оскорблявший «все народы Востока»[1]. Это, однако, не совсем так. Горизонт расовой неприязни здесь несколько шире (Герцштейн почему-то «забыл» про негров, чьи изображения в памфлете также присутствуют). Но основная порция грязи была предназначена евреям и большевикам («Сегодня олицетворение этой разрушительной воли носит имя «большевизм»[2]).

Тот же исследователь заявляет, что «народы Востока» (а под ними он подразумевает русских) назывались в памфлете «грязными, монголоидными, скотскими ублюдками»[3] (ту же сентенцию слово в слово повторяет историк А. Гогун[4]). Однако в тексте подобных оскорблений не встречается (зачем Герцштейн обманывает читателя — не понятно). Еще дальше идет исследователь Б. Ковалев. На страницах его монографии появляются непонятно откуда позаимствованные слова о «славянско-татарской гидре с еврейскими головами» (то же самое пишет О. Пленков) [5]. И вновь ничего подобного мы в тексте документа не обнаруживаем.

Известный немецкий историк Вольфрам Ветте считает, что в СС «с помощью фотографической техники» исказили «лица славянам»[6]. Между тем достаточно заглянуть в брошюру, чтобы убедиться в нелепости подобных допущений. Не было никакой надобности ретушировать «славянские» лица, — пропагандисты вполне

---

[1] Там же. С. 451.

[2] Недочеловек... С. 28.

[3] *Герцштейн Р.Э.* Указ. соч. С. 451.

[4] *Гогун А.* Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М., 2004. С. 36.

[5] *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. С. 237; *Пленков О.Ю.* Третий рейх. Война... С. 290.

[6] *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза / Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995)... С. 229.

могли найти подходящие для их целей изображения советских военнослужащих — представителей еврейского народа. Под фотоснимками помещен следующий текст: «На этот раз еврей хотел действовать совершенно определенно и уверенно. Теперь он, сам произведя себя в офицеры, являясь комиссаром и командиром, принимает решения...»[1]

Цитируя один из отрывков, Ветте заявляет, что этот текст сопровождают фотографии представителей восточноевропейских народов[2]. Однако на соответствующих снимках, объединенных в два коллажа, видны лица негров, арабов, евреев, монголов[3], которые представлены в качестве маргиналов и представителей преступного мира. Если негры, арабы и монголы — восточноевропейцы, тогда профессор Ветте, надо полагать, плохо учил географию.

Среди западных ученых только Клаудия Кунц заняла более-менее обоснованную позицию. Она ограничилась замечанием, что в памфлете идет чередование расовых типов с описаниями опустошений, произведенных представителями «варварских рас — от Аттилы и Чингисхана до евреев, подчинивших себе Советский Союз»[4].

Брошюра «Унтерменш» была подготовлена к изданию Учебным управлением Главного управления охранных отрядов совместно с Комитетом полиграфии Юппа Даэлера и отпечатана в берлинском издательстве «Nordland GmbH» весной 1942 года. Памфлет был подготовлен коллективом пропагандистов во главе с гауптштурмфюрером СС Кенигом[5].

52-страничная (включая обложку) брошюра форматом А4 была снабжена богатым фотоиллюстративным материалом. Среди авторов и владельцев иллюстраций на последней странице обложки приведены агентства «Atlantic», «Associated-Press», «DAF-Gau-Bilderdienst», издательства «Nibelungen», «Orbis», «Presse-Bild-Centrale», «Landsbildschtelle Wien», фотографы Хельга Гласснер, Макс Гелльнер, Анна Винтерер, Ханс Ретцлафф, Эрна Лендвей-Дирксен,

---

[1] Недочеловек... С. 38.

[2] *Ветте В.* Указ. соч. С. 228.

[3] Недочеловек... С. 33—34.

[4] *Кунц К.* Совесть нацистов. М., 2007. С. 277.

[5] *Штеенберг С.* Генерал Власов. М., 2005. С. 139.

Шарлота Рорбах и другие. Указаны также Государственная лаборатория наглядных пособий, рота пропаганды СС и само Главное управление СС. Таким образом, снимки были сделаны не только немецкими военными корреспондентами в начальный период войны (лето — осень 1941 года), но и журналистами (в том числе американскими), побывавшими в СССР в 1920-е и 1930-е годы. Некоторые снимки СС экспонировались на выставке «Советский рай» (1942), пользовавшейся большим успехом, и не только в Рейхе, но и в оккупированных Германией странах (например, в Протекторате Богемия и Моравия).

К сожалению, нет точных сведений, каким тиражом выпустили брошюру. По-видимому, тираж был внушительным (не менее ста тысяч экземпляров). Изначально памфлет предназначался для военнослужащих войск СС, воюющих в Советском Союзе, то есть для ограниченной аудитории. Только в середине 1942 года тираж «Унтерменша» допечатали, а его читателями стали не только члены «Черного ордена», но граждане Рейха.

Основным композиционным приемом брошюры является противопоставление (лица настоящих европейцев — лица индивидов «низших рас»; молодежь Европы — забитые советские юноши и девушки; старики Европы — нищие люди преклонного возраста; крестьянские дворы — унылые колхозы; красивые дома Европы — жалкие лачуги; высокая культура — «дегенеративное искусство»; христианство — богоборчество).

Из 50 страниц памфлета только 10 не содержат «текстового и визуального дуализма». Но это было сделано с тем, чтобы усилить образный ряд, связанный, прежде всего, с преступлениями НКВД (в тексте — ГПУ), голодомором и другими злодеяниями сталинизма.

Перед глазами читателя встают портреты «еврейских комиссаров», евреев из гетто (в Генерал-губернаторстве), государственных деятелей (Черчилля, Рузвельта, Ла Гуардия, Сталина), поддерживавших, по мнению нацистов, политику еврейской мировой экспансии. Между ними, как убеждает памфлет, нет никакой разницы: «Все они — подельники и члены одной преступной шайки»[1]. Всем

[1] Недочеловек... С. 41.

этим «унтерменшам» противостоят европейцы, начиная от простых людей (молодого итальянца, испанского рыбака, голландского моряка) и заканчивая военными (офицерами вермахта, СС, люфтваффе и кригсмарине). Они — защитники всего «доброго и хорошего, что есть на этом свете»[1].

К слову сказать, авторы брошюры положительно отзываются о славянах, в частности — о болгарских крестьянах. Далее, где идет сравнение бытовых условий, в которых живут европейцы и граждане СССР, с похвалой говорится о словацкой молодежи[2]. Наряду с этим памфлет пробуждает в читателях чувство жалости, особенно когда приводятся снимки, где запечатлены голодные, умирающие русские дети. Для усиления чувственного эффекта используются словосочетания «несчастное существо», «бедное маленькое создание», «малыши посреди ужаса» и т.д. Таким образом, пропагандисты вызывают ощущение сопереживания («даже столетия не в силах осушить это море выплаканных детских слез»[3]).

Материалистический подход к жизни, установленный в СССР, давал немало поводов для немецкой пропаганды. Например, под «увеличительное стекло» нацистов попала проблема борьбы с религией. В брошюре ей отводится целых четыре страницы. Эсэсовцы поместили снимки с разрушенными и осквернеными церквями, с храмами, чьи помещения оборудованы под склады. В отличие от «арийской Европы», где верят в Бога и каждому оставляют право на религиозную свободу, в СССР евреи и прочие «недочеловеки» разграбили церкви, а там, где «храмы вызывали раздражение больше всего» — их взорвали[4].

Тема преступлений большевизма — финальный аккорд брошюры. Здесь пропагандисты не жалеют черной краски. Ключевыми словами тут выступают «террор», «ужас», «пытки», «садизм» и «палачи».

Необходимо отметить, что тема военных преступлений и преступлений против человечности во время войны всегда была и будет

---

[1] Недочеловек... С. 35, 39.

[2] Там же. С. 43, 59.

[3] Там же. С. 46.

[4] Там же. С. 68—71.

козырной картой пропагандистских структур любой воюющей страны. Это — одно из эффективных средств манипулирования сознанием. С его помощью можно вносить раскол среди людей, которые по стечению различных обстоятельств попали на оккупированную территорию, и теперь их нужно настроить против государства, где они родились и жили. Можно вызывать ненависть у солдат своей армии, воюющей в чужой стране (что и делается в эсэсовской брошюре). А можно приписывать все преступления противнику, мобилизуя население на борьбу против оккупантов (именно этим занимались советские пропагандисты, отрицая какую-либо причастность СССР к убийствам в Львове, Самборе, Добромиле, Луцке, Кременчуге, Злочеве и в других местах).

Приводя фотографии изуродованных детей, изнасилованных и убитых женщин, эсэсовцы искусственно вызывали два чувства — сострадания и ненависти. Но на первое место они ставили ненависть. Она задает фон («террор и ужас — последние элементы устрашения, используемые недочеловеком»[1]), она заставляет присмотреться к деталям преступлений («сотни тел, разорванных в тесных тюремных камерах на куски... изрезанных в припадке кровожадности...»[2]), она же предупреждает («так же, как этих русских женщин, заставят плакать и вас, женщины Европы!»[3]) и она же призывает ко мщению («Европа! Защити себя!»[4]). Только на одной странице, где вновь появляются снимки скорбящих и утирающих слезы людей, мотив ненависти сменяется состраданием («ужасно неописуемо горе отцов, матерей, жен, невест, детей и сестер с братьями, у которых безо всякой вины жестоко отобрали самое дорогое и любимое на свете»[5]).

Пропагандисты СС не связывали понятие «унтерменш» со славянами и русскими. «Недочеловеком» мог быть «большевик», «комиссар» и т.д. Разъяснения на это счет были, кстати, даны в одном из эсэсовских циркуляров об употреблении слов «русский» и «красноармеец» (Rotarmist). Согласно этому документу, германской прес-

---

[1] Недочеловек... С. 72.
[2] Там же. С. 75.
[3] Там же. С. 78.
[4] Там же. С. 79.
[5] Там же. С. 77.

се и радио «принципиально вменялось в обязанность говорить не о России и русских», а называть военнослужащих РККА «советскими солдатами и красноармейцами»[1]. Эта же тенденция проглядывается и в брошюре.

Концепция «еврейского большевизма», нашедшая свое отражение в брошюре «Недочеловек», по мнению целого ряда исследователей, была призвана подтолкнуть эсэсовцев к уничтожению «славянских народов» СССР. Однако, в представлении немцев, уничтожения в первую очередь заслуживали евреи. Русские, утверждали нацисты, были порабощены евреями.

Итак, памфлет «Недочеловек» не являлся руководством по истреблению славян. В принципе подтвердил это сам глава СС во время встречи с генерал-лейтенантом А. Власовым (16 сентября 1944 года). Гиммлер подчеркнул следующее: «Брошюра, о которой вы мне напомнили, относилась исключительно к "большевистскому человеку", продукту системы, к тому, что угрожает тем же Германии, что он сделал на вашей родине. В каждом народе есть "унтерменши". Разница лежит в том, что в России "унтерменши" держат власть в своих руках, в то время, как в Германии я посадил их под замок и засовы. Вашей первой задачей является провести ту же самую акцию и у вас в отечестве»[2]. Власова, насколько известно, данный ответ удовлетворил[3].

Надо, однако, сказать, что беседа между Гиммлером и Власовым состоялась в последний период войны, когда поражение Германии было предрешено. В этот момент нацисты обращались к любой возможности, чтобы отсрочить катастрофу. И обращение к Власо-

---

[1] *Орлов Ю.Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985. С. 94.

[2] Цит. по: *Киселев А.*, прот. Облик генерала Власова (Записки военного священника). Нью-Йорк, б.г. С. 178. Примерно так же передает эти слова С. Штеенберг: «Он сказал, что обеим сторонам следует избегать обобщений. В памфлете речь шла о человеческих созданиях при коммунистической системе, которые угрожают России не меньше, чем Германии. Сам факт данной встречи доказывает, что никто не считает недочеловеками всех русских». См.: *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 201.

[3] *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 342—343.

ву, который давно добивался, чтобы РОА приняла участие в борьбе против сталинизма, было весьма симптоматичным. Власов, прямо задавший вопросы об отношении немцев к русским, конечно, был опечален тем, что некоторые в Рейхе считали русских людьми «второго сорта», чему, как думал он, способствовала и эсэсовская брошюра. Тем не менее, на наш взгляд, Власов и его окружение переоценивали влияние памфлета. Уже в начале 1943 года брошюра была изъята практически из всех газетных киосков (хотя спрос на издание оставался[1]).

Тому, что «Недочеловек» исчез из продажи, историки, как правило, дают одно объяснение — памфлет был настолько «вызывающим и оскорбительным», что против него запротестовал даже Й. Геббельс, увидевший в нем едва ли не причину сокращения притока рабочий силы в Рейх из занятых областей СССР[2]. Подтверждение этой точки зрения мы можем найти в обзорном докладе по поводу антибольшевистской деятельности Министерства пропаганды от 31 декабря 1944 года. Здесь отмечается: «В отношении же "остарбайтеров" Восточный отдел стремился, помимо само собой разумеющегося обслуживания пропагандным материалом, улучшить их судьбу и общее положение. К сожалению, почти во всех слоях среди чиновников и прочего населения все еще господствовало представление, почерпнутое из брошюры "Унтерменш". Только против одной этой брошюры шла борьба в течение почти целого года, пока удалось добиться ее изъятия»[3].

На самом деле брошюра «Недочеловек», как одно-единственное издание, не могла формировать взгляды всего немецкого общества. На этом «поприще» трудились сотни немецких пропагандистов (из ведомства Й. Геббельса, из вермахта, из Управления прессы при Министерстве иностранных дел и т.д.). На оккупированной территории памфлет открыто не распространялся, а если все-таки туда

---

[1] *Казанцев А.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 201.

[2] *Гогун А.* Указ. соч. С. 36.

[3] Обзор деятельности отдела работ д-ра Тауберта (антибольшевизм) рейхсминистериума пропаганды до 31.12.1944 / *Жуков Д.* Власовцы и нацистская пропаганда. М., 2000. С. 32.

попадал (по словам А. Казанцева, выпускники Дабендорфской школы пропагандистов РОА увозили с собой на Восточный фронт по нескольку экземпляров[1]), то в ограниченном количестве. В общих чертах брошюра не противоречила знаменитым указаниям Й. Геббельса «О пропагандистском обеспечении европейских народов» (от 15 февраля 1943 года), где говорилось, что «нельзя называть восточные народы... скотами, варварами», а следует подвергать критике Сталина и «чудовищность большевистской системы»[2].

Более того, «Унтерменш» не идет ни в какое сравнение с некоторыми известными образчиками советской военной пропаганды, наиболее одиозным представителем которой является Илья Эренбург. Тексты, опубликованные им в советских и иностранных газетах в период 1941—1945 годов, совершенно недвусмысленно и откровенно призывали к физическому уничтожению немцев и Германии[3].

Продолжая сопоставление, приходится констатировать и то, что нацисты никогда (даже и в ходе войны) не ущемляли права русских эмигрантов в том объеме, как это делалось в СССР в отношении немцев, предки которых издавна жили в России. Историк Виктор Кригер замечает, что «массовое поражение в правах и клевета на советских немцев обнажили тот факт, что пропаганда национальной ненависти, шовинистические высказывания и любой способ ущемления немцев не будет наказываться. "Много у нас к этой фашистской сволочи гуманизма", — такой взгляд на ссыльных немцев был типичен не только для секретаря райкома одной из областей Северного Казахстана»[4].

---

[1] *Казанцев А.* Указ. соч. С. 201.

[2] Цит. по: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 378.

[3] В самой известной статье Эренбурга «Убей немца!» (1942) содержатся, к примеру, такие строки: «Мы поняли: немцы не люди... Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал... Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов». Подробнее о личности Эренбурга см.: *Урбан Т.* Илья Эренбург как военный пропагандист / Россия и Германия в XX веке. Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. М., 2010. С. 324—349; *Фомин Е.* Певец расовой ненависти. Война Ильи Эренбурга / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 3. С. 36—40.

[4] *Кригер В.* Политические процессы над немцами СССР в годы германо-советской войны / Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. С. 877.

Будущий литературовед Александр Дементьев в начале 1943 года издал книгу «Реакционная роль немцев и истории России». Год спустя тот же автор опубликовал тщательно подобранные фрагменты произведений классической русской литературы, в которых русские немцы представали в самом неприглядном виде. Эти две книги, как и бесчисленное множество других аналогичных публикаций, «были напичканы предубеждениями, подозрениями и измышлениями различного рода»[1].

Что касается нацистской и эсэсовской пропаганды (в частности, брошюры «Унтерменш») то она, как правило, не была специально направлена против славян. Борьбу с СССР эсэсовцы понимали как устранение «еврейско-большевистской системы», использующей различные народы для сохранения своей власти, — что в целом согласовывалось с общей тенденцией германской пропаганды на Восточном фронте. Немецкий историк Иохен Янссен отмечает, что «нацистская армейская пропаганда постоянно изображала войну против Советского Союза как нацеленную на освобождение порабощенных людей, в конце концов преследующую гуманные цели»[2].

Вместе с тем, поскольку большинство коммунистов относилось к русским, украинцам и белорусам, — война превращалась и в противостояние славянам. Однако это противостояние носило политическую, а не расовую (как в случае с евреями) окраску. Привлечение советских граждан на службу в СС и другие коллаборационистские формирования, безусловно, подтверждает это. Впрочем, сослагательный вопрос о месте славянских народов в послевоенном мире, захваченном нацистами, навсегда останется без ответа.

---

[1] Там же.

[2] *Янссен И.* «Большевизм» как образ врага в учебной литературе для рейхсвера и вермахта 1933—1945 гг. Развитие и противоречия / Россия и Германия в XX веке… Т. 1. С. 306.

Часть вторая

РУССКИЕ ВО ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ, ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ СД, СПЕЦИАЛЬНЫХ И КАРАТЕЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ СС

Первая глава

СС И РУССКАЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ

В ходе оккупации Советского Союза на захваченной нацистами и их союзниками территории был создан чрезвычайно разветвленный аппарат с целью обеспечения поставленных руководством германского Рейха задач. По характеру эти задачи можно классифицировать как: а) административные; б) экономические; в) военно-полицейские; г) карательные.

Административные задачи предусматривали создание сети военных, полицейских и гражданских органов для управления оккупированными территориями.

Под экономическими задачами подразумевалась организация на захваченных территориях режима, который позволял бы обеспечивать ведение войны за счет использования промышленного (сельскохозяйственного, ремесленного, кустарного и проч.) потенциала оккупированной страны. Кроме того, руководство Германии планировало воспользоваться сырьевыми ресурсами СССР. Также осу-

ществлялись мероприятия по вывозу рабочей силы на территорию Рейха.

В круг военно-полицейских задач входило главным образом недопущение в тылах действующей армии развертывания партизанской войны и вооруженного сопротивления. В ходе войны по инициативе представителей вермахта возникла задача по привлечению в ряды вооруженных сил и вспомогательных формирований добровольцев из числа местного населения.

К военно-полицейским примыкали карательные задачи, обусловленные как мировоззренческо-идеологическими предпосылками, так и соображениями военного характера. Сюда следует отнести уничтожение еврейского населения, непосредственную борьбу с партизанами и подпольем, так называемое «замирение местности».

За осуществление всех этих задач было ответственно значительное число немецких ведомств, армейских и полицейских структур, а также коллаборационистские органы и формирования, в частности вспомогательная полиция[1].

Хотя многие вопросы организации вспомогательной полиции ложились на вермахт (оккупированная территория СССР была разделена на зоны «А», где управление осуществляли военные власти, и «В», которая находилась в введении Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий[2]), основной груз ответственности за последующее оформление полицейских коллаборационистских сил был возложен на ведомство рейхсфюрера СС Г. Гиммлера.

---

[1] См.: *Жуков Д.А.* Германские оккупационные органы на территории СССР. Структура и юрисдикция / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 2—5. О вспомогательной полиции см. также: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская полиция. М., 2010. 304 с.

[2] За организацию вспомогательной полиции в зоне «А» отвечали комендатуры, тайная полевая полиция, полевая жандармерия и некоторые другие подразделения и органы вермахта. В группе армий «А» и «В» полицейские формирования носили название «вспомогательные команды охранения» (Hilfswachmannschaften), в группе армий «Центр» — «служба порядка» (Ordnungsdienst), в группе армий «Север» — «вспомогательные команды охранения и боевые подразделения из числа местных жителей» (Hilfswachmannschaften und Einwohnerkampfverbande).

Еще накануне войны с Советским Союзом А. Гитлер провел ряд совещаний с участием высших представителей вермахта и СС. Это нашло отражение в директивах к плану «Барбаросса» от 13 марта 1941 года, в которых указывалось, что выполнение «специальных задач» в районе боевых действий ложится на рейхсфюрера СС. Как мы уже говорили, под «специальными задачами» подразумевалось уничтожение определенных групп населения (в первую очередь — евреев), что должны были осуществлять особые формирования СС — так называемые айнзатцгруппы, которые подразделялись на айнзатцкоманды и зондеркоманды.

Уже 29 июня 1941 года в телеграмме начальника РСХА Рейнхарда Гейдриха командирам айнзатцкоманд рекомендовалось создавать из местных коллаборационистов «предварительные команды», куда следовало отбирать людей, готовых делать «все, что потребуется»[1]. Эта рекомендация была принята к сведению, и в последующем число русских коллаборационистов в эсэсовских карательных формированиях неуклонно возрастало. Так, командир айнзатцгруппы «А» бригадефюрер СС Вальтер Шталлекер издал приказ с прямым требованием «создать русские подразделения охраны»[2].

25 июля 1941 года рейхсфюрер СС подписал приказ «О задачах полиции на оккупированных территориях»[3]. В документе подчеркивалось: «Необходимо создать дополнительные охранные формирования из подходящей для нас части населения оккупированных областей». О привлечении местных жителей в полицию речь велась и в приказе Гиммлера от 31 июля 1941 года «О создании охранных формирований»[4].

6 ноября 1941 года рейхсфюрер СС подписал приказ, регламентирующий вопросы формирования и деятельности вспомогательной полиции на территории зоны оккупации «В». Согласно этому документу, все созданные в гражданской зоне оккупации из местного

---

[1] Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 11—12.

[2] *Бахвалов А.Л.* Генерал Власов: предатель или герой? СПб., 1994. С. 52.

[3] Трагедия Литвы... С. 12.

[4] *Birn R. B.* Die Hoheren SS-und Polizeifuhrer. Himmlers Vertreter im Reich und den besetzten Gebieten. Dusseldorf, 1986. S. 225.

населения охранные и полицейские формирования объединялись во «вспомогательную службу полиции порядка» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei). Последняя подразделялась на 4 категории: «индивидуальная служба» (Schutzmannschaft-Einzeldienst) по охране порядка в городах (охранная полиция, Schutzpolizei) и сельской местности (жандармерия, Gendarmerie); батальоны вспомогательной полиции (Schutzmannschaft-Bataillonen); пожарная охрана (Feuerschutzmannschaft); вспомогательная охранная служба (Hilfsschutzmannschaft), предназначенная для охраны лагерей военнопленных, тюрем и пр. Общая численность вспомогательной полиции зоны оккупации «В» к началу 1943 года достигла 330 тысяч человек, причем в охранной полиции, жандармерии и пожарной охране было задействовано 253 тысяч человек[1].

19 ноября 1941 года статус вспомогательной полиции в зоне гражданского управления был окончательно закреплен в совместном приказе шефа СС и министра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга «О подчиненности полицейских служб на оккупированных территориях»[2].

Механизм передачи созданных военными властями вспомогательных полицейских формирований в ведение СС был зафиксирован и в документах высшего командования вермахта. Так, в приказе начальника Главного штаба сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера № 8000/42 указывалось: «Вспомогательная полиция с момента передачи зоны военных действий гражданской администрации... передается в соответствующие полицейские органы»[3].

Под «соответствующими полицейскими органами» подразумевались представители «Черного ордена» в лице высших фюреров СС и полиции (Hohere SS und Polizeifuhrer, HSSPF). Последние фактически подчинялись лично рейхсфюреру СС. Высшие фюреры руководили командующими полиции порядка и командующими полиции

---

[1] *Haberer E.* The German police and genocide in Belorussia, 1941—1944. Part I: Police deployment and Nazi genocidal directives / Journal of Genocide Research, 2001. Vol. 1 (3). P. 16—17.

[2] *Ковтун И.И.* Белорусы на службе в СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 39.

[3] Цит. по: *Ульянов В., Шишкин И.* Предатели. Облик. М., 2008. С. 10.

безопасности и СД, а через них — всеми отрядами СС и частями полиции порядка, а также местными службами полиции безопасности и СД.

Представители партизанского движения в своих воспоминаниях не жалели черной краски и жестких эпитетов в адрес русских полицейских. Так, начальник штаба брянского партизанского отряда им. Щорса (в последующем партизанской бригады им. Щорса) В.А. Андреев писал: «Нас, участников партизанской борьбы, до глубины возмущало то, что среди русских людей находились отщепенцы, которые шли на немецкую службу. Они вербовались из числа забулдыг, преступников или кулацких отпрысков. Отыщут, бывало, гитлеровцы такого проходимца, назовут его полицейским, вручат ему бумагу с фашистским орлом и свастикой, дадут винтовку с одним-двумя патронами, и заново испеченный служака начинает властвовать»[1].

И. Ильиных, воевавший в составе 4-й Клетнянской партизанской бригады (Орловская область), вспоминал: «С оккупацией из всех щелей вылезли подонки, уголовные преступники. С их помощью фашисты огнем и мечом стали насаждать в районе «новый порядок». По окрестным селам разъезжали вооруженные банды, сгоняли жителей и объявляли им о создании волостных управ и назначении старост»[2].

Командир Житомирского партизанского соединения А. Сабуров, начинавший войну в лесах Орловской области, отмечал: «Да, немцы назначают полицейских, старост, бургомистров, даже городскую управу. Но что это за люди? Это преступники, бежавшие из тюрьмы, бывшие кулаки, эмигранты. Да, эмигранты. Их привозят в Советскую Россию из Франции, Германии, Чехии, Венгрии, Австрии, — отовсюду. Они выдают себя за советских людей, становятся во главе самоуправлений и не смеют шага шагнуть без разрешения фашистского начальства»[3].

Составители сборника очерков истории органов внутренних дел Ставропольского края пишут: «Вступившие на территорию края ок-

---

[1] *Андреев В.* Народная война. М., 1949. С. 131.

[2] *Ильиных И.А.* Шестьсот дней в боях и походах. Тула, 1969. С. 207.

[3] *Сабуров А.* За линией фронта. (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М., 1953. С. 258.

купанты разместили свои службы безопасности, гестапо, полицию в сохранившихся зданиях органов внутренних дел. Оккупанты приняли меры по организации полиции и привлечению в нее местного населения. В нее вербовались, прежде всего, недовольные советской властью, репрессированные, обиженные, осужденные, высланные во время коллективизации, раскулаченные, дезертиры, уголовники и т.д. Кроме того, оккупанты привлекали к сотрудничеству людей различными посулами: оплатой, пайком, а также угрозами. И это им в значительной мере удавалось сделать»[1].

Таким образом, по убеждению указанных авторов, личный состав русской полиции набирался из числа опустившихся и деградировавших людей, а также социально и политически чуждых элементов. Так ли это было на самом деле?

Действительно, политическая лояльность была необходимым условием для приема. Поэтому к полицейской службе активно привлекались бывшие кулаки, имевшие свои счеты с советской властью. В ряде полицейских подразделений вместе с отцами служили их дети. В докладной записке УНКВД по Ленинградской области от 11 января 1942 года говорится, что в «Волосовском районе созданы карательные отряды из местной молодежи (сыновей кулаков)»[2].

Из семьи кулака происходил исполняющий обязанности начальника Иванинской полиции Курской области Петр Константинович Меснянкин, 1919 года рождения, в последующем получивший звание Героя Советского Союза. В 1941 году он при попытке выхода из окружения был пленен, через два месяца бежал из Орловской тюрьмы и добрался до своей родной деревни Комякино. Согласно обвинительному заключению от 29 июля 1948 года, Меснянкин «занялся восстановлением своего прежнего кулацкого хозяйства, вселился в ранее конфискованный у них дом, вызвал к себе родственников, а

---

[1] *Сапрунов А.Г., Акинин В.В., Булыгина Т.А., Зозуля И.В., Киселев А.К., Колесникова М.Е., Судавцов Н.Д., Суханова Н.И.* Из века в век служа закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь, 2005. С. 235.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января — 3 июня 1942 года. М., 2003. С. 35.

в феврале 1942 года добровольно поступил на службу в немецкие карательные органы». Вначале он служил помощником начальника полиции, следователем мирового суда районной управы, а затем исполнял обязанности начальника районной полиции, имевшей аппарат численностью до 80 человек[1].

Перспективной считалась вербовка граждан, которых в соответствии с большевистским новоязом именовали «бывшими людьми» (офицеры русской императорской армии, дворяне, городовые, представители купеческого сословия и т.д.). Оккупанты делали на них ставку, не без оснований полагая, что они, как люди старшего поколения, жертвы большевистских репрессий, помогут установить «новый порядок». К примеру, после того как войска группы армий «Север» вошли в Великий Новгород, была организована городская управа. В нее обратился Никита Яковлевич Расторгуев, до революции служивший полицейским в Санкт-Петербурге. Расторгуев предъявил справку, где отмечалось, что в период советской власти он был арестован и осужден на 10 лет. После этого Расторгуев был назначен на должность начальника охраны Великого Новгорода[2].

Аналогичный эпизод произошел в городе Ржеве. Там на посту начальника полиции осенью 1941 года оказался бывший белый офицер Авилов Дмитрий Петрович 1900 года рождения, отбывавший наказание и бежавший из мест заключения. Авилов неоднократно менял фамилии, легализовался в Ржеве, где завел семью и устроился на работу в столовую станции Ржев-II в качестве экспедитора. После прихода оккупантов он явился в комендатуру и изъявил желание сотрудничать. При этом Авилов назвался Лапиным Митрофаном Петровичем. Его заместители был назначен Загорский Николай Иванович — сын священника, в прошлом учащийся духовной семинарии и работавший до войны старшим бухгалтером в межрайонном Управлении кинофикации[3].

---

[1] *Звягинцев В.Е.* Война на весах Фемиды: Война 1941—1945 гг. в материалах судебно-следственных дел. М., 2006. С. 671—673.

[2] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России... С. 119—120.

[3] *Федоров Е.С.* Правда о военном Ржеве. Документы и факты. Ржев, 1995. С. 7—8.

Полицию г. Мглин возглавил бывший дворянин, совершенно слепой И.П. Маркович. Поначалу штаб полиции размещался в собственном доме Марковича, а затем переместился в помещение прежней полиции дореволюционного времени[1].

Некоторые сотрудники полиции имели за плечами весьма бурное прошлое. Так, начальник службы порядка г. Суземка (Орловская область) Богачев был до революции подполковником русской армии. Во время Гражданской войны перешел на сторону красных, вступил в партию и в 1925 году занял руководящий пост в Орловском военном округе. Однако тут его карьера рухнула. У него была любовница, иностранная актриса, которая была задержана при попытке перехода границы с секретными документами из штаба округа. Началось следствие. Богачеву удалось убедить следователя, что он ни при чем, что актриса — агент иностранной разведки, ловко подсунутый ему. Богачева лишили партийного билета и высокого положения. Он обосновался в поселке Брусна, где его застала война. Учитывая, что раньше Богачев был русским офицером и вел антибольшевистскую борьбу, его сразу же назначили на пост начальника полиции. В последующем он сполна оправдал оказанное ему доверие, готовил операции против партизан и засылал к ним агентов[2].

Включались в состав полиции и русские эмигранты, прибывавшие вместе с немцами на захваченную территорию. Немцы относились к эмигрантам по-разному, но можно сказать, им доверяли, как бескомпромиссным борцам с большевизмом. Это, однако, не означало, что русским, в том числе и прибывшим из Европы, позволят занять все важные должности в гражданской администрации. Так, военный комендант Старой Руссы (Ленинградская область) Мосбах посоветовал бургомистру Невскому подобрать на должность начальника стражи порядка человека нерусской национальности, например, из эстонцев или латышей, так как русский начальник полиции, по его мнению, стал бы сводить счеты со своими недругами. Исходя

---

[1] *Чуприк-Малиновский И.П., Кусачев М.Д.* Непокоренная земля Мглинская. М., 2005. С. 96.

[2] *Сабуров А.* Указ. соч. С. 88.

из этих соображений, полицию в Старой Руссе поручили возглавить эстонцу Александру Карловичу Кютту[1].

Охотно назначались на полицейские должности российские немцы, по нацистской терминологии — «фольксдойче». Составители сборника очерков истории органов внутренних дел Ставропольского края отмечают: «Большое внимание было уделено привлечению к сотрудничеству с оккупационными властями этнических немцев, оставшихся на территории края. При этом спецслужбы воздействовали на их национальные чувства... В числе активных сотрудников оккупантов оказался Д.Я. Миллер, выслужившийся за короткое время до начальника Буденовской окружной полиции. Д.Я. Миллер, 1911 года рождения, был выходцем из обрусевших немцев. В августе 1941 года он был выслан из Крымской АССР в Орджоникидзевский край. Здесь он работал в Серафимовской школе. Летом 1942 года он уклонился от эвакуации. А когда пришли немецкие войска, поступил в полицию вначале переводчиком, где служил добросовестно и вскоре был назначен следователем, а затем стал начальником Прикумской окружной полиции. Служил он верой и правдой. В работе проявлял служебное рвение, упиваясь властью. Отличался жестокостью в обращении с арестованными, которых любил допрашивать по ночам в нетрезвом виде "с пристрастием". Провел большую работу по организации полиции, насаждению агентуры, выявлению советских активистов»[2].

Как ни странно, на службу в полицию попадали и те советские граждане, которые, казалось бы, должны были бы отстаивать «завоевания революции» любой ценой. В их числе — милиционеры и военнослужащие войск НКВД. Первый случай такого рода произошел на Украине. Уже 2 июля 1941 года, на третий день после оккупации Львова, большинство милиционеров, оставшихся в городе, выразили готовность продолжить службу при новом режиме[3].

---

[1] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России... С. 119.

[2] *Сапрунов А.Г., Акинин В.В., Булыгина Т.А., Зозуля И.В., Киселев А.К., Колесникова М.Е., Судавцов Н.Д., Суханова Н.И.* Указ. соч. С. 235.

[3] См.: *Йонес Э.* Евреи Львова в годы Второй мировой войны и катастрофы европейского еврейства 1934—1944. М., 1999. С. 100.

Аналогичные эпизоды имели место и на оккупированный территории РСФСР. Так, в партизанском документе о положении в станице Северская (Краснодарский край) отмечалось: «В ст. Северская создана полиция из местного населения, в состав которой вошли бывшие работники Северского райнного отдела НКВД Матюшков Петр Моисеевич (бывший заместитель начальника РО НКВД) и Васильев Григорьевич Михайлович (бывший участковый уполномоченный). Первый назначен начальником полиции»[1].

Шесть бывших сотрудников НКВД несли полицейскую службу в селе Данино, под Ельней (Смоленская область)[2]. Бывший старший инспектор ОВИР Ржевского ГО НКВД М.И. Комаров (в 1940 году он был награжден медалью «За отвагу») в апреле 1942 года поступил на службу в Ржевскую городскую полицию и служил в 4-м полицейском участке. Следователем полиции Великих Лук работал бывший военнослужащий внутренних войск НКВД Ершов. Он провел до 60 следственных дел, по которым оккупантами были расстреляны 20 советских граждан[3].

Практически во всех положениях о приеме на службу в полицию говорилось, что люди, состоявшие в комсомоле и коммунистической партии, не имеют права с оружием в руках «защищать Россию в рядах русской полиции»[4]. Тем не менее были случаи, когда в полицейских управах служили бывшие члены ВКП (б) и ВЛКСМ.

Иногда они шли в полицию с целью ее разложения по заданию органов НКВД. В отчете районной комендатуры 1/532 о ее деятельности в период с 1 по 7 ноября 1941 года сообщалось, что в службу порядка Ржева «проник коммунистический функционер, который был разоблачен и расстрелян»[5].

Весьма солидным партийным стажем обладал начальник уголовного отдела городской полиции Смоленска Стефан Юзефович Пон-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 1045, л. 9.

[2] *Уайберг Г.* Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области / *Армстронг Д.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943. М., 2007. С. 58.

[3] «Следствие продолжается» / «Родина» (Москва). 2008. № 12. С. 76.

[4] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России... С. 134.

[5] *Федоров Е.С.* Указ. соч. С. 12.

нер. По косвенным данным можно предположить, что он являлся агентом НКВД. Будучи австро-венгерским поданным, Поннер попал в русский плен в 1915 году. Он увлекся большевистскими идеями, а после революции в составе интернациональной бригады воевал с белыми. В 1922 году Поннер вступил в компартию. Вероятнее всего, он разделял взгляды «оппозиции», так как в 1935 году его исключили из ВКП(б) и даже арестовали. Однако заключения по неизвестным причинам ему удалось избежать. До начала войны Поннер работал на фабрике «Пролетариат» г. Калинина (сегодня — Тверь). После оккупации города он сумел поступить на должность начальника криминальной полиции Калинина. В декабре 1941 года Поннер бежал (возможно, опасаясь разоблачения), затем оказался в Смоленске, где возглавлял уголовный розыск местной городской полиции с января 1942 года по сентябрь 1943 года. С ноября 1943 года Поннер являлся начальником 1-го отдела криминальной полиции Минска. При этом ему было присвоено специальное звание оберштурмфюрера. Однако незадолго до освобождения столицы Белоруссии Поннер был уволен из полиции, после чего он уехал в Германию, где впоследствии получил подданство[1].

Очень большое внимание уделялось и вербовке в полицию советских военнопленных командиров (офицеров, сержантов) и рядовых РККА. Уже летом 1941 года из плена были выпущены сотни тысяч красноармейцев, некоторые из которых согласились поступить в службу порядка. В этом смысле показательна судьба жителя Ржева Дмитрия Пояркова. Он ушел на фронт, 13 октября 1941 года попал в плен, после чего содержался в Ржевском лагере военнопленных. Его жена, узнав от знакомых, что ее муж находится в лагере, подала на имя бургомистра Ржева заявление. 10 ноября 1941 года Поярков в числе других 18 человек был взят на поруки. 4 декабря 1941 года его назначили квартальным старостой. 18 декабря 1941 года Поярков стал полицейским 3-го участка[2].

Бывшими военнопленными была насыщена служба порядка Монастырщинского района Смоленской области. По словам В.Г. Грачe-

[1] Там же. С. 100.

[2] *Александров К.М.* Тайное оружие вермахта / «Посев» (Москва). 2001. № 6. С. 6.

ва, работавшего начальником 2-го отдела районной полиции и задержанного после войны сотрудниками НКВД, он курировал работу 11 участков. Участок в Монастырщине возглавлял бывший лейтенант Красной армии Василий Бойко. Ему подчинялось 60 человек. Вторым участком, расположенным на больничном дворе райцентра, командовал Леонид Кленов, бывший лейтенант РККА. Ему подчинялось около 60 полицейских, в основном из числа бывших военнопленных. Третий участок дислоцировался в селе Стергимово. Тридцатью полицейскими командовал бывший лейтенант Николай Кремлев. Полиция села Сычевка Барсуковской волости состояла из 20 человек, во главе с неким Корольковым. В селе Досугово начальником полиции (личный состав участка — 20 человек) был Жаренков. 20 и 40 полицейских охраняли порядок в селе Лосево и Татарске, соответственно. В Кадино было 15—20 полицейских. Бывший военнопленный лейтенант РККА возглавлял полицию села Доброселье Татарской волости. Ему подчинялось 40 человек. Аналогичная картина была и в селе Любавичи. Наконец, в одиннадцатом участке, расположенном в селе Лыза, служило 20 стражей порядка[1].

Не отказывались вербовщики от того, чтобы принимать на службу представителей интеллигенции (как творческой, так и технической). Почти повсеместно интеллигенция составляла основу гражданской администрации, принимала активное участие в создании полицейских органов и в первое время даже возглавляла их, пользуясь едва ли не полным расположением немцев.

Начальником управления полиции Смоленска с конца 1942 года и вплоть до освобождения города был Николай Георгиевич Сверчков, который до войны проживал в Калинине и работал художником. По воспоминаниям бургомистра Смоленска Б.Г. Меньшагина, Сверчков говорил: «Лучше перестрелять, чем не дострелять». В 1943 году Сверчков возглавил полицию Минска, затем руководил полицейской школой, вступил в РОА, был награжден «Железным крестом» и медалями, а в конце войны получил немецкое подданство[2].

---

[1] *Цынман И.* «Бабьи Яры» Смоленщины / Книга памяти мирных жителей. Смоленск, 2005. Т. 5. С. 99—100.

[2] *Меньшагин Б.Г.* Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... Париж, 1988. С. 88; *Федоров Е.С.* Указ. соч. С. 201.

Начальником полиции в Белгороде был бывший старший инженер маслозавода Белых, репрессированный в конце 1930-х годов[1]. В Ржеве секретарем городской полиции был Константин Кириллов, подозревавшийся в причастности к «вредительской организации» работников местной промышленности[2]. Начальником полиции в станице Татаровской (Краснодарский край) был некто Бураков — бывший директор фабрики[3]. Секретную часть полиции Армавира возглавлял бывший преподаватель физики педтехникума Подбережный[4].

Разумеется, сотрудниками службы порядка становились и лица с уголовным прошлым. Так, Иван Анисимович Речкалов, будучи досрочно освобожден из места заключения, где он отбывал наказание за кражу, и, уклонившись от мобилизации в Красную армию, в августе 1942 года добровольно поступил на службу в полицию, откуда через некоторое время «за ревностное отношение к службе» был переведен в зондеркоманду 10-а[5].

Однако процент подобных граждан, вопреки распространенному мнению, был незначительным, если не сказать ничтожным, так как криминальные личности не пользовались доверием у немцев. При проверке кандидата с его поручителей требовали расписку в том, что «будущий полицейский в партии коммунистов и комсомольцев не состоял, судим не был, и поведения хорошего»[6]. Эта позиция неоднократно озвучивалась и в оккупационной прессе, где «уголовники-урки» то и дело назывались лучшими друзьями большевиков[7].

Структура вспомогательной полиции во всех оккупированных районах РСФСР была в основном стандартной. Как правило, городское полицейское управление подчинялось городской управе и руководило деятельностью полицейских участков, а также паспортных

---

[1] *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. С. 125.

[2] *Федоров Е.С.* Указ. соч. С. 8.

[3] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 1045, л. 49.

[4] «Следствие продолжается»... С. 74.

[5] *Звягинцев В.Е.* Указ. соч. С. 651.

[6] *Ульянов В., Шишкин И.* Предатели... С. 130.

[7] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России... С. 127.

столов, пожарной команды и иногда санинспекции. В крупных городах, имеющих районное деление (например, Смоленске), городскому полицейскому управлению подчинялись районные полицейские управления. Основной обязанностью личного состава полицейских участков было несение службы по охране порядка. Деятельностью городской полиции в зоне оккупации «А» руководила военная комендатура, в большинстве случаев — через посты полевой жандармерии. Кроме этого, зачастую существовало подразделение, ответственное за пресечение криминальных и политических преступлений. Это подразделение контролировалось органами полиции безопасности и СД (в зоне оккупации «В» они направляли работу всей вспомогательной полиции).

На органы и подразделения вспомогательной полиции оккупантами возлагались довольно многообразные функции. Русские полицейские несли патрульно-постовую службу на улицах населенных пунктов, выявляли уголовных преступников, нейтрализовывали притоны, боролись с тайным изготовлением и продажей самогона и т.д. Конечно, большинство задач в конечном итоге выполнялось в интересах оккупантов (проведение регистрации жителей и выдача им документов, сбор налогов, конфискация теплых вещей для германской армии, отправка населения на хозяйственные работы, обеспечение своевременного выполнения сельскохозяйственных поставок оккупантам, проведение проверок жителей и задержание политически неблагонадежных лиц, охрана немецких объектов и конвоирование военнопленных).

Петербургский историк Н. Ломагин отмечает: «Обязанности вспомогательной полиции постоянно расширялись, поскольку немецкие власти убеждались в том, что местная полиция прекрасно справлялась со своими обязанностями. Число уголовных преступлений в оккупированных областях по сравнению с советским временем резко сократилось»[1]. При этом полицейских было значительно меньше, чем милиционеров, а все делопроизводство чрезвычайно упростилось.

[1] *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб., 2004. С. 377.

Разумеется, личный состав русской вспомогательной полиции периодически привлекался и к выполнению карательных задач. Наиболее активно в этих мероприятиях принимали участие батальоны вспомогательной полиции, или «шума». Историк Юрген Маттхаус отмечает, что эти полицейские формирования «стали важным элементом в руках немцев, желавших "очистить" Советский Союз от фактических и потенциальных врагов. В конце 1942 года только в оккупационной зоне гражданского управления было приблизительно 100 000 местных полицейских»[1].

Надо признать ошибочным мнение некоторых авторов о том, что «на территории России не было создано ни одного русского батальона "шума"»[2]. Конечно, формально в русских областях запрещалось создавать подобные части, однако, как отмечает Д. Каров, этот приказ не выполнялся: «Немецкое командование на местах быстро убедилось в его нелепости, и поэтому всех полицейских, часто без их ведома, стали объявлять украинцами, белогвардейцами, ингерманландцами и т.п.»[3].

Согласно приказу Гиммлера от 6 ноября 1941 года, для батальонов «шума» была установлена следующая нумерация: рейхскомиссариат «Остланд» — от 1-го до 50-го, белорусские и русские области в зоне военного управления — от 51-го до 100-го, рейхскомиссариат «Украина» и украинские области в зоне военного управления — от 101-го до 200-го. Позднее эта нумерация была расширена за счет прибалтийских батальонов[4].

Надо отметить, что во многих батальонах «шума», сформированных как украинские и белорусские части, оказалось огромное количество русских, которые, желая облегчить свое положение, выдавали себя за украинцев и белорусов. Аналогичная ситуация сложилась и

---

[1] *Matthaus J.* Die Beteiligung der Ordnungspolizei am Holocaust, in: Tater in Vernichtungskrieg. Der Uberfall auf die Sowjetunion und der Volkermord an den Juden. Berlin-Munchen, 2002. P. 136.

[2] *Кожемякин М.* Вспомогательная полиция. Организация, униформа, знаки различия / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 44.

[3] Цит. по: *Ломагин Н.А.* Указ. соч. С. 377.

[4] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 гг. М., 2004. С. 237.

в Прибалтике, где русские в массовом порядке поступали на службу в так называемые «латгальские батальоны» (из русского населения были созданы 314-й и 315-й батальоны).

Первый вспомогательный полицейский батальон был сформирован 10 июля 1941 года в Белостоке как «украинский». На деле в него записалось и значительное число русских военнопленных. В августе батальон прибыл в Минск, где был разделен на 41-й и 42-й батальоны «шума». Причем первым командовал бывший лейтенант РККА Александр Яловой, а вторым — бывший летчик лейтенант РККА Крючков. В оба батальона входило 1086 человек[1]. Формально украинскими, а по существу — русскими, были сформированные в Ростове-на-Дону 166-й, 167-й, 168-й и 169-й батальоны «шума». Очевидно, русскими по составу были белорусские батальоны «шума» № 60, 64 и 65, которые впоследствии были включены в состав 30-й гренадерской дивизии войск СС (2-й русской), а в конце войны — переданы на формирование 600-й русской дивизии вермахта.

В оккупированном Крыму к ноябрю 1942 года было создано 8 батальонов «шума»: № 147 и № 154 — в Симферополе, № 148 — в Карасубазаре, № 149 — в Бахчисарае, № 150 — в Ялте, № 151 — в Алуште, № 152 — в Джанкое, № 153 — в Феодосии. Хотя большая часть личного состава этих подразделений была набрана из крымских татар, в некоторых из батальонов служили и русские. За формирование крымских подразделений отвечали, в частности, русские коллаборационисты, в том числе будущий командующий военно-воздушными силами РОА В. Мальцев[2].

Кроме того, немцами создавались и казачьи батальоны «шума». Следует напомнить, что казаков оккупанты считали отдельным этносом и называли их «равноценными соратниками, которые вместе с германскими солдатами участвуют в борьбе против большевист-

---

[1] Показания бывшего полицейского *Ларионова Александра Васильевича* от 30 октября 1942 года. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500, оп. 2, д. 1299, л. 163—165.

[2] *Мальгин А.В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941—1944 гг. Симферополь, 2008. С. 39, 43.

ских врагов»[1]. Из казаков были созданы следующие части вспомогательной полиции и заводской охраны: 135-й, 159-й, 160-й, 209-й, 210-й, 211-й полицейские батальоны, 557-й и 558-й батальоны заводской охраны. Общая численность этих формирований составляла от 2400 до 4000 человек[2].

Каждый батальон «шума» по штатному расписанию состоял из штаба и четырех стрелковых рот (в каждой — три стрелковых и один пулеметный взводы, всего 124 человека). Общая численность батальона должна была составлять около 500 человек, но на практике некоторые батальоны насчитывали до 1000 полицейских[3]. Батальоны «шума» находились в распоряжении соответствующих высших фюреров СС и полиции, но могли придаваться, к примеру, охранным соединениям тыловых войск вермахта.

Батальоны «шума» обмундировывались в основном в черную униформу, позаимствованную у «общих СС». При этом воротники, обшлага рукавов и клапаны нижних карманов мундиров и шинелей обшивались серым сукном. Иногда, впрочем, расцветка могла быть и иного оттенка. Так, Р. Солоухина-Заседателева, вспоминая Орел времен оккупации, отмечает: «В городе много русских в немецкой форме. У них шинели черного цвета. Синие манжеты, синие воротники»[4].

Для бойцов «шума» вводились следующие звания: рядовой (стрелок), унтер-капрал, вице-капрал, капрал, вице-фельдфебель, ротный фельдфебель. Их знаки различия представляли собой углы и полосы, которые нашивались на рукава. В 1943 году система званий и знаков различий «шума» была уточнена: рядовой (стрелок), капрал, вице-фельдфебель, цугфюрер (лейтенант), оберцугфюрер (старший лейтенант), компани-фюрер (капитан), батайлон-фюрер (майор). Были введены соответствующие этим званиям петлицы[5].

---

[1] Приказ № 8000 от августа 1942 года / *Ульянов В., Шишкин И.* Указ. соч. С. 10.

[2] *Дробязко С.И.* Перечень казачьих соединений и частей в вермахте / «Эхо войны». 2007. № 1. С. 29.

[3] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 239.

[4] *Солоухина-Заседателева Р.* На задворках победы. М., 2008. С. 50.

[5] *Дробязко С.И.* Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000. С. 4, 6.

К выполнению «специальных задач» активно привлекались и криминальные подразделения вспомогательной полиции, подчиненные непосредственно соответствующим органам полиции безопасности и СД (иногда последние ошибочно объединяются в литературе под названием «гестапо», хотя государственная тайная полиция на оккупированной территории СССР не действовала).

Так, в Севастополе «русская гражданская вспомогательная полиция» была создана сразу же после оккупации города — в июле 1941 года. Возглавил ее полицмейстер Б.В. Кормчинов-Некрасов, формально подчинявшийся бургомистру Н. Мадатову. Когда в город прибыло подразделение полиции безопасности и СД во главе с оберштурмбаннфюрером Фриком, из вспомогательной полиции была выделена следственно-розыскная часть, или криминальная полиция (она именовалась также «русская вспомогательная полиция безопасности»). Она была подчинена Фрику и активно привлекалась к уничтожению еврейского населения, а также к репрессиям против партсоветского актива. В 1942 году в ее составе служили 120 человек, в 1944 году — около 300.

Примерно аналогичная ситуация складывалась и в других оккупированных городах РСФСР. В Новгороде криминальную полицию возглавлял Борис Андреевич Филистинский, в прошлом — ученый-востоковед и писатель. Филистинский лично принимал участие в разоблачении и уничтожении коммунистов и евреев. В конце войны он стал офицером одного из разведывательно-диверсионных подразделений VI управления РСХА. Впоследствии он сумел избежать расплаты, после войны натурализовался в США под именем Филиппов, где вернулся к литературному труду. Вообще очень многие русские сотрудники криминальных отделов вспомогательной полиции впоследствии были приняты на службу в СД с присвоением эсэсовских званий.

Итак, объектами репрессий и уничтожения в первую очередь становились евреи. Верховное командование вермахта уже 13 августа 1941 года приказало во всех тыловых районах на захваченных землях создать гетто для еврейского населения[1]. Параллельно

[1] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 146.

с этим уже летом — осенью 1941 года стали проводиться экзекуции под контролем сотрудников полиции безопасности и СД. В частности, расстрелы, в которых были замечены русские полицейские, прошли в окрестностях города Борисова (Минская область). С 20 по 22 октября 1941 года, когда осуществлялась очистка борисовского гетто, полиция расстреляла 7 тысяч человек. Среди тех, кто убивал евреев, был Константин Пинин, ленинградец, отличавшийся невероятной жестокостью. Всего в очистке гетто участвовало 200 полицейских, некоторую часть из них составляли русские — Архип Орлов, Петр Артемов, Геннадий Васильев, Леонид Глазов, Владимир Горбунов, Владимир Карасев, Михаил Добровольский, Григорий Кононов и др.[1]

В конце 1941 года — в начале 1942 года под руководством начальника русской криминальной полиции Андрея Лазаренко и начальника полиции Андрея Семенова была проведена акция по уничтожению евреев в деревне Полынковичи (Могилевская область) [2].

В северо-западных и центральных областях РСФСР почти не было стихийных погромов (как в Прибалтике и на Украине), но уже осенью 1941 года в оккупированных российских городах начали создаваться гетто. Еврейские гетто были организованы в Калуге, Брянске, Орле, Смоленске, Твери, Пскове и в других местах (всего было создано 41). Евреям предписывалось носить специальные повязки с желтой звездой, а жителям других национальностей строго-настрого запрещалось приветствовать евреев[3].

Гетто на территории РСФСР были относительно немногочисленны. В занятой немцами Калуге, к примеру, осталось 155 евреев, из них 64 мужчины и 91 женщина. 8 ноября 1941 года приказом № 8 Калужской городской управы «Об организации прав жидов» на берегу реки Ока в кооперативном поселке Калуги было организовано гетто. Из городских квартир туда выселили всех евреев. Ежедневно под конвоем полицейских свыше 100 человек работали на очистке

---

[1] *Ботвинник М.* Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск, 2000. С. 34; *Дин М.* Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941—1944. СПб., 2008. С. 75.

[2] *Ботвинник М.* Указ. соч. С. 278.

[3] См.: *Ткаченко А.И.* Указ. соч. С. 51.

общественных туалетов и мусорных ям, расчистке улиц и завалов. 20 декабря 1941 года силами полиции была предпринята ликвидация гетто[1].

Отмечено участие русской полиции в истреблении евреев Смоленской области. Так, гетто в Смоленске было создано 5 августа 1941 года, то есть спустя неделю после прекращения боев за город. Полевая жандармерия с помощью «местных активистов» из городской охраны, которую возглавлял Глеб Умнов, очистила возле еврейского кладбища (местечко Садки, северо-восточная окраина города Заднепровье) большой квартал — около 80 частных домов. Городская охрана вместе с фельджандармерией вылавливала евреев и загоняла их в гетто. Для решения «еврейского вопроса» в город прибыло специальное подразделение оперативной группы «Б» полиции безопасности и СД — особая команда «Смоленск» (командир — обершарфюрер СС Массков). Городская охрана (в последующем — городская стража) активно помогала СД уничтожать евреев[2].

15 июля 1942 года, по настоянию оккупационной администрации, была проведена самая крупная акция в Смоленске. Из гетто в направлении деревни Могалинщина Корохоткинского сельсовета было вывезено около 2000 евреев, где они были убиты разными способами. Акцией руководили заместитель бургомистра Г.С. Гандзюк и начальник политического отдела городской стражи Н.Ф. Алферчик[3]. Активность в ходе уничтожения евреев проявил полицейский Тимофей Тищенко. Он вывозил узников гетто на расстрел, снимал с них одежду, а потом распределял ее среди сослуживцев. За одежду, снятую с убитых, он получал водку и продукты. Через месяц газета «Новый путь» поместила о нем материал «Образцовый страж порядка»[4].

---

[1] Калужская энциклопедия: Сборник материалов. Калуга, 1977. Вып. 3. С. 61.

[2] *Цынман И.И.* Указ. соч. С. 31—34.

[3] Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1992. С. 215, 232.

[4] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России... С. 248.

Проводились расстрелы евреев в поселке Монастырщина, которые осуществлялись при непосредственном участии начальника местной службы порядка Исаенкова, а также его помощников, бывших армейских дезертиров, — Николая Чехиркина, Виктора Сысоева и Шенделева. В январе 1942 года немцы и полицейские расстреляли 1008 человек[1]. Там же, в Монастырщине, было проведено еще несколько экзекуций. Согласно показаниям свидетелей, старательно выполнял свои «обязанности» полицейский Дудин. На судебном процессе его спросили, бросал ли он детей живыми в могилу. Дудин ответил: «Не бросал, а клал»[2].

Полицейская команда, действовавшая при айнзатцгруппе «Б», 28 января 1942 года оказала помощь СД в ликвидации Велижского гетто (Смоленская область)[3]. Полицейские, которыми командовал начальник районной службы порядка Иван Кириенков, загнали евреев в свинарник и подожгли его, а затем спалили все гетто (при этом 100 евреев смогли убежать)[4]. Когда под Велижем начались ожесточенные бои, полицейских во главе с Кириенковым немцы отправили в Демидовский район, в деревню Мидюльки. Здесь стражи порядка занимались патрулированием, охраняли военные объекты, вели бои с партизанами. Здесь же лейтенант полевой жандармерии Дебелес наградил Кириенкова знаком «За храбрость»[5].

20 марта 1942 года полиция, по приказу коменданта и начальника службы порядка Хиславичского района (Смоленская область), расстреляла около 1000 евреев из Хиславичского гетто. Через полтора месяца было убито еще 500 евреев в селе Захарино. По словам очевидцев, за каждого найденного и убитого еврея сотрудники полиции получали от коменданта несколько пачек махорки[6].

---

[1] Книга Памяти мирных жителей. Смоленск, 2005. Т. 5. С. 89—90.

[2] *Стеклов М.* Праведники / «Край Смоленский». 1992. № 7—8. С. 6.

[3] Из истории Велижа и района. Смоленск, 2002. С. 232—233.

[4] Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии. М., 1996. С. 65.

[5] *Цынман И.И.* Указ. соч. С. 126.

[6] Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о катастрофе советских евреев (1941—1944). М., 1993. С. 397.

Евреев из Духовщины в той же Смоленской области убивал начальник районной полиции Шершуков. 7 марта 1942 года в городе Себеже (Калининская область), опять же по приказу местного военного коменданта Мюллера, полицейские расстреляли 97 евреев. Экзекуцией командовал начальник городской полиции Вильгельм Бусс[1].

Известно несколько случаев участия полиции в расстрелах евреев Орловской области. Акции проводились в феврале — марте 1942 года. В частности, в поселке Злынка полиция казнила около 200 человек, еще 500 евреев были казнены в тюрьме города Мглина. В Орле и его окрестностях поиском и уничтожением евреев занимался начальник сыскного отделения полиции (уголовной полиции) М. Букин[2].

В целом в центральных и северо-западных регионах РСФСР русская полиция не выступала инициатором массовых экзекуций еврейского населения. Полиция действовала по указанию военных комендантов и офицеров СД. Сотрудники службы порядка охраняли евреев в гетто и в тюрьмах, в принудительно-трудовых и концентрационных лагерях, обеспечивали оцепление мест, где проводились расстрелы. Исключением можно считать деятельность полиции в Смоленской области.

Иная ситуация была в южных регионах РСФСР. Истребление евреев начиналось здесь сразу после прихода оккупантов. До создания гетто дело не доходило. Так было в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ейске, Пятигорске и Майкопе. В некоторых городах еще не была сформирована полиция, а местное население, распаленное антисемитизмом, уже реагировало на призыв немцев выявлять и карать евреев.

Характерный пример — массовая экзекуция в Ростове-на-Дону летом 1942 года[3]. Операция заняла несколько дней. Многие евреи

---

[1] *Квич И.* Себежское подполье / Мы, калининские партизаны...: Хроника, воспоминания, документы. Тверь, 1995. С. 268; *Марго В.И.* Пылающий лес... С. 33.

[2] *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941—1945 гг. М., 2002. С. 228, 263, 265.

[3] *Angrick A.* Einsatzgruppe D / Einsatzgruppen C und D in the Invasion of the Soviet Union. London: The Holocaust Educational Trust Research Papers, 2000. Vol. 1. P. 25.

бежали по дороге на Змиевскую балку, где велись расстрелы; некоторые убежали даже из ямы; большинство из них, по наивности, возвращалось на прежнее место жительства в надежде, что соседи помогут им спрятаться. Но местное население сдавало беглецов оккупантам и полиции. Всего в Змиевской балке было уничтожено около 27 тысяч человек[1].

Совместно с немцами русская полиция убивала евреев в селе Ворошиловском, в станицах Лабинской и Ладожской (Краснодарский край), где, по показаниям свидетелей, особенно «отличился» полицейский Птухин, зарезавший ножом пять евреев[2].

Немало евреев при помощи полиции было убито в Ставропольском крае в августе 1942 года. Расстрелы происходили в городе Буденновске, в районном центре Георгиевске, в станицах Александрийской, Боргустанской, Мартинской и Горячеводской, в селах Донском, Алексеевском и Ипатово, в райцентре Гофицкое и других местах[3]. В сентябре 1942 года были истреблены евреи города Минеральные Воды[4]. Во всех указанных случаях полиция работала под контролем СД.

Среди карательных подразделений, действовавших в южных регионах РСФСР, заметную роль сыграла зондеркоманда 10-а. В ней состояли лица, ранее служившие в сельской и городской полиции. Например, в состав отделения был включен полицейский Скрипкин, который ранее служил в Таганроге и оказался на хорошем счету у немцев. За усердие в борьбе с евреями и подпольщиками некоторых переводили в зондеркоманду, в специальное русское отделение полиции безопасности. Его члены в течение полугода (с августа 1942 по январь 1943 года) постоянно участвовали в антиеврейских акциях[5]. Группефюрером (командиром отделения) в указанной команде слу-

---

[1] Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 3613, оп. 1, д. 2, л. 1—7; д. 6, л. 1—3; д. 30, л. 7—11.

[2] *Кандель Ф.* Книга времен и событий. История евреев Советского Союза. Уничтожение еврейского населения. Москва — Иерусалим, 2006. Т. 5. С. 135.

[3] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1368, оп. 1, д. 151, л. 19; д. 76. л. 9; д. 179, л. 1—3; д. 78. л. 1.

[4] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации… С. 241.

[5] См.: *Майоров Н.* Краснодарский процесс / Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими па-

жил Николай Семенович Пушкарев, в августе 1942 года добровольно поступивший на службу в полицию. Он лично участвовал в погрузке евреев в автомобили типа «душегубка». В этих автомобилях жертвы умервщлялись путем отравления окисью углерода. Старшиной в зондеркоманде служил Василий Петрович Тищенко, также начавший свою работу на оккупантов в полиции. Впоследствии Тищенко был назначен следователем криминальной полиции Краснодара. Из полиции в зондеркоманду 10-а были переведены Иван Анисимович Речкалов, Иван Федорович Котомцев, Григорий Павлович Тучков, Григорий Никитович Мисан (последний — в качестве поощрения за убийство некоего Губского, проводившего антифашистскую деятельность).

Военный трибунал Северо-Кавказского фронта, который заседал в Краснодаре с 14 по 17 июля 1943 года, установил, что указанные лица причастны к уничтожению около 7 тысяч евреев (официально — «ни в чем не повинных советских людей»)[1]. В ходе сбора материалов Чрезвычайной комиссией удалось эксгумировать лишь 623 трупа.

В ходе процесса В. Тищенко подробно рассказал об устройстве автомобиля-«душегубки». Это были машины грузоподъемностью до 8 тонн со специальными будками, имеющими двойные стенки и фальшивые окна. В задней стенке будки размещалась герметически закрывавшаяся дверца. На полу находилась решетка, а под ней — труба, по которой отработанный газ из двигателя машины поступал в будку. При работе автомобиля, стоявшего на месте, смерть находившихся в будке людей наступала через 6—7 минут, при движении — приблизительно через 10 минут[2].

Большинство фигурантов Краснодарского процесса были приговорены к смертной казни через повешение, а Тучков, Павлов и Парамонов — к двадцати годам каторжных работ («как менее активных

лачами и агентами империалистических разведок. М., 1984. С. 153; 156—157; *Гинзбург Л.* Бездна. Потусторонние встречи. М., 1990. С. 41.

[1] *Звягинцев В.Е.* Указ. соч. С. 620, 648—653.

[2] *Зайцев В.П., Туков В.В.* Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2007. С. 144—145.

пособников, уличенных в оказании содействия немецко-фашистским злодеяниям») [1].

Значительную роль подразделения вспомогательной полиции играли и в борьбе с подпольем, которое на оккупированных территориях создавалось согласно совместной директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 года («...Заблаговременно под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»)[2].

Действия стражей порядка по нивелированию активности советских патриотов-подпольщиков направляли представители военных комендатур, фельджандармерии, тайной полевой полиции (ГФП) и полиции безопасности и СД. Последняя, по словам М. Дина, являлась «нервным центром» полицейской структуры, «собирала информацию о различных категориях "врагов" и проводила карательные мероприятия, в том числе аресты, допросы и расстрелы»[3].

В докладной записке УНКГБ по Орловской области от 4 октября 1943 года сообщались данные о деятельности Сыскного отделения полиции Орловской городской управы: «С оккупацией немцами г. Орла... в составе Орловской городской управы было организовано... так называемое сыскное отделение полиции, позднее переименованное в государственную уголовную полицию. Население указанный карательный, контрразведывательный орган называло "русским гестапо". Сыскное отделение полиции... проводило в городе широкую контрразведывательную работу по выявлению и аресту преданных советской власти граждан... Номинально сыскное отделение полиции подчинялось бургомистру г. Орла Старову... а фактически вся работа, которую проводило сыскное отделение полиции, исполнялась по заданию немецких контрразведывательных органов, в частности гестапо и его отдела СД — полиции государственной безопасности. Сыскное отделение полиции по роду своей работы

[1] *Звягинцев В.Е.* Указ. соч. С. 620, 653.

[2] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 1, д. 401, л. 8—11.

[3] *Дин М.* Указ. соч. С. 85.

делилось на две группы: политическую и уголовную. Начальником политической группы был Круп. Уголовную группу возглавлял Колганов.

Политическая группа занималась выявлением и розыском коммунистов, проверкой благонадежности лиц, подавших заявления в городскую управу о приеме их на работу в созданные немцами фашистские административные органы местного правления, розыском оставшихся на жительство в городе евреев, розыском и арестами лиц, занимающихся распространением среди населения советских листовок, выявлением лиц, проводящих антигерманскую агитацию среди населения, и всеми прочими делами, относящимися к рубрике так называемых политических. Борьба с антигитлеровскими элементами сыскного отделения полиции строилась на агентурной работе. Тайные агенты сыскного отделения полиции назывались секретными осведомителями.

Уголовная группа, возглавляемая Колгановым, вела работу по делам уголовных преступлений (кража вещей, хулиганство и т.д.).

Все материалы с содержанием против немецкого порядка управления (политического характера), поступающие как от гласных агентов сыскной полиции — официальные, а также от их секретных осведомителей, просматривались сначала начальником сыскного отделения полиции, затем представителями гестапо. Особо важные материалы по делам политических преступлений передавались в производство германских контрразведывательных органов, большей частью в отдел полиции государственной безопасности (СД)»[1].

В Положении о деятельности полиции города Старая Русса говорилось, что «...служба порядка будет выявлять коммунистов, комсомольцев, активистов и советски настроенных людей и арестовывать их, вести беспощадную борьбу со всеми нарушителями режима, установленного немецким военным комендантом в городе и уезде, и обеспечивать условия, исключающие всякую возможность проникновения в расположение немецких войск партизан, советских разведчиков и других подозрительных лиц»[2].

---

[1] «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 396—400.

[2] Цит. по: *Ковалев Б. Н.* Деятельность немецких разведывательных, контрразведывательных и пропагандистских служб на Северо-Западе России /

С целью лучшего контроля над населением гражданской администрации, а через нее — органам полиции, вменялось в обязанность организовывать регистрацию и паспортизацию местных жителей. Эта задача в большинстве случаев ложилась на паспортные столы полицейских управлений.

18 июня 1943 года орловская газета «Речь» опубликовала «Приказ о замене и отсрочке паспортов и временных удостоверений гор. Орла», подписанный бургомистром Старовым и полицмейстером Коньковым. Распоряжение предписывало гражданам города явиться в паспортный отдел по адресу Кромская, 4 для замены советских паспортов и действующих временных удостоверений: «Напоминаем гражданам, что отсрочка просроченных и замена негодных документов обязательна. Неисполнение этого приказа влечет за собой строгое наказание... В случае обнаружения у граждан просроченных документов, последние [так в тексте. — *Примеч. авт.*] подвергаются денежному штрафу от 100 руб. и выше, в зависимости от срока просрочки, или могут быть наказаны еще более строго, вплоть до лишения документов»[1].

Следует отметить, что подпольщики и партизаны периодически пытались внедрить свою агентуру в учетные подразделения полиции (в частности, паспортные столы), чтобы контролировать их работу и, когда потребуется, вовсе дезорганизовать ее. В Брянске паспортисткой работала подпольщица Александра Дулепова, в паспортном столе новозыбковской полиции — Мария Третьякова, в Севске — Вера Шкурова. Все они, используя свое служебное положение, добывали бланки документов, секретные сведения, распознавали предателей, а полученные сведения передавали через связных командованию партизанских отрядов. Так, Дулепова за время работы паспортисткой передала руководству подпольем 150 бланков немецких паспортов. Третьякова изготовила 17 паспортов для советских воинов, попавших в плен. С ее

Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород, 2000. С. 61.

[1] «Речь» (Орел). 1943. 18 июня. № 69. С. 4.

помощью более 60 окруженцев было переправлено в партизанские отряды[1].

Само по себе наличие перечня потенциально опасных для оккупантов лиц еще ничего не давало. Поэтому главную роль в разоблачении виновных в «недружественных акциях» должна была играть агентура полиции и соответствующих органов вермахта и СС. Так, после отступления Красной армии в Ржеве были оставлены для выполнения «особого задания» братья Петр и Николай Сафранниковы. Они сожгли пивзавод и подорвали мост через Волгу. Разоблачить диверсантов помог агент полиции Алексей Бойков, которому один из братьев почему-то рассказал о содеянном.

В 1942 году в том же Ржеве с помощью агентуры удалось разоблачить подпольную организацию, активистом которой был 20-летний Александр Беляков. Войну Беляков встретил лейтенантом, 10 октября попал в плен, однако из лагеря сбежал и после этого поселился у своей сестры в деревне под Ржевом. Здесь его завербовали местные партизаны Телешов, Новоженов, Некрасов и Латышев. По их заданию Беляков должен был собирать в Ржеве сведения о численности германских войск. Для передачи добытой информации Беляков активно использовал мальчиков 12—14 лет, которые заучивали разведданные наизусть. Деятельность Белякова продолжалась примерно три месяца, после чего с помощью агентов удалось выявить места конспиративных встреч и установить, что «под руководством бывшего старшего лейтенанта Белякова... образована банда, цель которой состояла в проведении шпионской деятельности, и с наступлением весны перейти в сельскую местность как партизанская группа... Банда состояла из прочного ядра, из 12 мужчин и 2 женщин, вокруг которых формировалось значительное количество самоактивизировавшихся».

27 марта 1942 года все подпольщики были арестованы полицией и доставлены в тюрьму. 31 числа Телешов, Беляков и Новоженов были публично повешены[2].

---

[1] *Подстольная Т.К.* Борьба комсомольцев и молодежи Брянщины в тылу врага / Шли на битву партизаны... С. 204.

[2] *Федоров Е.С.* Указ. соч. С. 14, 80—82.

Масштабную подпольную организацию следователям русской полиции удалось вскрыть в райцентре Людиново (Калужская область). Молодежное подполье, просуществовавшее здесь около года, возглавлял шестнадцатилетний Алексей Шумавцов, накануне сдачи города немцам проинструктированный сержантом государственной безопасности Василием Золотухиным. Под видом сбора ягод, велосипедных прогулок и походов для обмена вещей подпольщики собирали сведения о перемещениях немецких войск, о складах боеприпасов, оборонительных сооружениях противника. Кроме того, группа Шумавцова совершила ряд диверсий: был взорван мост, уничтожен склад горюче-смазочных материалов, подорвано несколько грузовых автомашин.

Разоблачил организацию начальник Людиновской полиции Дмитрий Иванов. Работая днем и ночью, следователи за несколько дней «раскрутили» и уничтожили все подполье. Шумавцова взяли в тот момент, когда он чинил электропроводку на уличном столбе (в целях конспирации он работал электромонтером). За «заслуги» в борьбе с подпольем Иванов был награжден двумя медалями[1].

Активно действовавшего в интересах подполья бургомистра Ялты Николая Степановича Анищенкова «разоблачил» начальник местной полиции Середа. 28 июля 1943 года Анищенков был казнен в совхозе «Красный» близ Симферополя. Вообще говоря, довольно странно, что бургомистр-подпольщик столь долго удержался на своем посту. Многим было известно, что жена Анищенко Этель Матвеевна была еврейкой[2], кроме того, бургомистр спасал евреев, выдавая им паспорта как русским, прослушивал советские радиосводки, а 7 ноября 1942 года «отметил советский праздник», приказав выдать улучшенный паек населению города[3].

---

[1] *Калиниченко Ю.* Герои и предатели: новый взгляд / «Аргументы и факты». 1995. № 25. С. 7.

[2] Исследователь С. Славич сообщает, что однажды бургомистр даже приказал изощренным образом наказать человека, который открыто говорил об этом факте: его привязали к «позорному столбу, «*по сторонам стояли двое местных полицаев с нарукавными повязками... На плакате значилось: "Я наказан за то, что оскорбил жену городского головы"*». См.: *Славич С.* Три ялтинских зимы. Симферополь, 1979. С. 109.

[3] Там же. С. 75—76, 115, 119.

За выявление участников подполья были ответственны в первую очередь сотрудники сыскных (криминальных) подразделений вспомогательной полиции, деятельность которых, как уже отмечалось, направлялась в основном органами СД. Иногда из этих сотрудников формировались специальные отряды. Например, такое подразделение было создано сотрудники СД из айнзатцкоманды-3 в Пскове. Здесь была открыта разведшкола, где кроме диверсантов велась подготовка кадров для городского полицейского управления. При школе располагалось подразделение полиции, личный состав которого охранял концлагерь СД в деревне Моглино и занимался изоляцией «неблагонадежных лиц»[1].

К слову сказать, на северо-западе РСФСР, наряду с нацистскими органами разведки и контрразведки, в Гдове, Новоржеве, Острове, Печорах, Плюссе, Стругах Красных, Старой Руссе функционировали эстонские и латвийские отделения полиции безопасности, в которых также служили русские полицейские[2].

Германские власти поручали начальникам полицейских участков подбирать лиц, способных проникнуть в подполье. К этой деятельности рекомендовалось привлекать близких родственников и знакомых. Однако подпольщики через своих агентов, работавших в оккупационной администрации, нередко заранее знали, кого оккупанты собираются к ним внедрить.

В целях выявления граждан, поддерживавших связь с народными мстителями, полиция систематически проводила обыски и облавы. В тех районах, где члены подполья действовали наиболее активно, подобные мероприятия проводились часто. В Пскове, например, летом 1943 года облавы проводились по 10—12 раз в день[3].

В отчете от 10 ноября 1942 года о проведении операции по очистке от партизан района станции Пригорье Смоленской области, которой руководил начальник полиции Рославля бывший полковник

---

[1] Псков в годы Великой Отечественной войны. Л., 1981. С. 41.

[2] *Патенко А.Н.* Северо-Запад России в планах прибалтийских коллаборационистов / Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 2006. С. 85.

[3] *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России... С. 127, 130.

РККА Волков, сообщалось: «Всего проверка проведена в 60 населенных пунктах... Из числа задержанных... 96 человек были переданы в руки СД, которая вынесла им приговор. Среди переданных находились 3 партизана, которые были посланы в деревни связными, 15 членов партии, 7 комсомольцев»[1].

Активно помогала органам полиции безопасности и СД ликвидировать местное подполье городская полиция Суража. Все 27 подпольщиков были казнены возле населенного пункта Кисловка в июле 1943 года[2].

Работа полиции по розыску и разоблачению подпольщиков была довольно эффективной, что признавали сами партизанами. Например, бывший командир партизанского полка Герой Советского Союза Петр Брайко вспоминал: «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев. Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»[3]. Аналогичным образом характеризует работу вспомогательной полиции исследователь крымского подполья Станислав Славич: «Постоянные контрольные посты были на выезде из Ялты, у гурзуфской будки, возле Алушты, на перевале и при въезде в Симферополь. На каждом могли остановить и обыскать машину. Кроме этих постов немцы время от времени выставляли заставы в самых неожиданных местах. А еще — моторизованные патрули, местные полицаи и эти цепные псы-добровольцы, которые пошли с оружием в руках служить гитлеровцам и отличались особой жестокостью. Этих, "своих", перехитрить было труднее, чем немцев или румын. Эти знали все уловки»[4].

---

[1] *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма / Антипартизанская война в 1941—1945 гг. Москва—Минск, 2005. С. 124.

[2] *Лежнев М.Р.* Сороковые роковые. Очерки, историческая повесть. Клинцы, 2005. С. 205—206.

[3] Цит. по: *Пережогин В. А.* Указ. соч. С. 128.

[4] *Славич С.К.* Указ. соч. С. 144. Приведенный отрывок относится к описанию попыток крымских подпольщиков по распространению на полуострове газеты «Крымская правда».

Взаимодействие немецких военных и эсэсовских органов с русской вспомогательной полицией привело к тому, что уже на первом этапе оккупации была ликвидирована большая часть подпольных групп и их руководителей. Так, в захваченной Смоленской области погибли секретари Кардымовского подпольного райкома партии Е.И. Быков, А.Е. Гребнев и Т.Ф. Гуреев, секретарь Ярцевского подпольного райкома партии Ф.В. Кузнецов, Глинского — Ф.Ф. Зимонин, член Смоленского подпольного комитета А.М. Коляно. В Калининской области были схвачены и расстреляны первые секретари райкомов В.Е. Елисеев, К.Т. Ломтев, С.М. Мазур, И.М. Басов, М.И. Шейко и многие другие[1]. В Ленинградской области начальник Волотовской районной полиции (агент ГФП) П.И. Мановский и его сослуживцы разгромили местную подпольную организацию во главе с коммунистом П.А. Васькиным[2]. Пустошкинская районная полиция схватила организаторов подпольного и партизанского движения Г. Сидорова и В. Степашкина, после чего они были переданы ГФП города Себежа и там расстреляны[3]. Краевед И.И. Цынман с сожалением отмечает успешные действия полиции поселка Первомайский (Шумячский район Смоленской области) по уничтожению подпольщиков и евреев[4]. В Сураже (Орловская область) осенью 1942 года, по доносу местного начальника полиции Якова Снытко, были проведены поголовные аресты наиболее патриотически настроенных жителей города. Было арестовано более 70 человек, в том числе и подпольщики, отправленные в концлагерь Гомеля[5]. В Почепском районе Орловской области благодаря активным действиям начальника полиции Супрягинской волости Н.В. Конохова были арестованы и расстреляны несколько активных советских работников, в том числе секретарь РК ВКП(б) Василий Сашенко[6].

---

[1] *Логунова Т.А.* Указ. соч. С. 95.

[2] *Михеев В.П.* Оперативно-розыскные и следственные мероприятия по привлечению к ответственности государственных преступников / Контрразведка: вчера и сегодня... С. 35.

[3] *Марго В.И.* Указ. соч. С. 50—51.

[4] *Цынман И.И.* Бабьи Яры Смоленщины. Появление, жизнь и катастрофа Смоленского еврейства. Смоленск, 2001. С. 209.

[5] *Лежнев М.Р.* Указ. соч. С. 148.

[6] *Звягинцев В.Е.* Указ. соч. С. 626, 654.

Таким образом, можно вполне согласиться с мнением Ю. Калиниченко, который полагает, что «Основную часть "работы" по борьбе с подпольщиками с чудовищной жестокостью и, увы, высокой эффективностью выполняла полиция, набранная — вплоть до командиров — из советских граждан»[1].

Для увеличения числа добровольцев, желающих посвятить себя службе по охране порядка при новом режиме, а также с целью создания положительного образа полицейского в глазах местного населения, нацистские и коллаборационистские органы активно предпринимали пропагандистские мероприятия. На страницах оккупационной печати периодически появлялись очерки и корреспонденции, призванные героизировать полицейскую профессию.

В качестве примера укажем на небольшую заметку «Награды для добровольцев», опубликованную в рыковской газете «Новая жизнь» 20 мая 1943 года. Автор пишет: «Недавно я шел по улице и встретил полицейского. Он еще издали обратил мое внимание своей стройностью и безукоризненной военной выправкой. Подойдя ближе, я имел возможность проверить свое первое впечатление и увидел у него в петличке темно-зеленую ленточку с мечами — знак отличия для добровольцев восточных областей. Он получил это отличие несколько месяцев тому назад. Что представлял из себя незнакомый мне доброволец, я не знал. Но в нем было что-то, выгодно отличавшее его от окружавших его товарищей...». Заметка заканчивалась характерным пассажем: «Германия никогда не забудет своих помощников в ее борьбе с большевизмом. Понятно теперь, почему добровольцы, награжденные знаками отличия за храбрость, пользуются всюду особым уважением»[2].

В 1943 году немецкими пропагандистами был снят фильм «Наши друзья», расписывающий преимущества службы в русской полиции. На кадрах агитки было запечатлено одно из подразделений смоленской городской полиции, во главе с Николаем Алферчиком, причем последний выступал и в качестве диктора.

---

[1] *Калиниченко Ю.* Указ. соч. С. 7.

[2] «Новая жизнь» (Рыково). 1943. 20 мая. № 11. С. 4.

Фильм начинался зарисовками «из советской жизни», запечатленными на смоленском городском рынке: грязная масса обывателей, пьющие и курящие дети, хулиганы и воры. Голос за кадром провозглашал: «Да, темные годы большевистского беспросветного существования расплодили преступность в народе. Тяжелые военные времена еще более усугубили развитие хулиганства и преступности. Эти картины знакомы и ныне. Кто же заступится за беззащитную старуху? Кто спасет от пьяных бандитов этого человека? — Это наш незаметный, но могучий друг и защитник, это сделает наша полиция».

Далее следовала сценка, в которой стражи порядка задерживали нарушителей закона и препровождали их в управление полиции. Некий чин диктует машинистке протокол задержания. И вновь голос диктора: «Полиция никому не позволит безнаказанно нарушать правила мирной жизни. Нарушитель законов — будь то пьяный обыватель или отъявленный бандит — все равно рано или поздно понесет наказание».

Сотрудники полиции отвечали и за санитарное состояние улиц: «Тысячи мелочей бытового обихода заставляют работников полиции уделять им внимание. Вот, видите, эта женщина превратила парадный вход своего дома в мусорную свалку. Она не хочет понять, что теперь она не должна мириться с грязью, а, наоборот, должна содержать дом и участок у своего дома в чистоте и порядке».

Помимо прочего, фильм запечатлел полицейских и в минуты отдыха: они играют на баяне, играют в настольные игры, читают газеты, а по вечерам — культурно проводят время со своими подругами: «Вечером в задушевных беседах с друзьями и любимыми, в веселых совместных прогулках по деревенской улице, вскрывается вся та неразрывная связь, которая соединяет работников новой полиции с народом»[1].

---

[1] Советский исследователь Л. Котов отмечал, что указанный фильм был снят в мае 1943 года немецкими пропагандистами. Фильм снимали в деревне Рай, недалеко от Смоленска. Чтобы показать, как партизаны зверствуют над гражданским населением, берлинские кинооператоры придумали сцену расправы, а также попросили германское командование, чтобы роли «лесных бандитов» исполнили члены смоленской службы порядка. Полицейские

Следует отметить, что практически все сценки фильма «Наши друзья» выглядят абсолютно наигранными. Так, совершенно неправдоподобно снят сюжет о «добровольно сдавшихся членах банды», которые были отпущены на свободу, так как «доказали, что действовали по принуждению».

Сомнительно, чтобы подобная весьма топорно сделанная пропагандистская поделка действительно могла побудить кого-либо к вступлению в ряды полиции. Как нам представляется, к этому шагу людей подталкивали несколько иные мотивы и побуждения.

Вторая глава

ПРЕДПРИЯТИЕ «ЦЕППЕЛИН»

К концу 1941 года, в условиях, когда планы молниеносной войны были фактически сорваны, военно-политическое руководство Германии потребовало от соответствующих ведомств резкого наращивания усилий в разведывательно-диверсионной и идеологической войне с СССР. Главное управление имперской безопасности (РСХА) ответило на эти требования обстоятельным «Планом действий по политическому разложению в Советском Союзе». Документ подготовил оберштурманнфюрер СС д-р Хайнц Грейфе — руководитель отдела VI С (разведка в зоне влияния СССР, а также на Ближнем и Дальнем Востоке) VI управления РСХА (AMT VI; SD/Ausland, СД/Заграница)[1].

были переодеты и загримированы под партизан, «командовал» которыми начальник окружной полиции Сверчков, а «комиссаром» был начальник политического отдела полиции Алферчик. См.: *Котов Л.В.* На земле смоленской / Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей. М., 1963. С. 130—131.

[1] VI управление РСХА во главе с В. Шелленбергом занималось вопросами закордонной разведки. В конце войны оно стало основной разведывательной службой нацистской Германии. Отдел VI С возглавляли: с апреля 1941 года — Х. Грейфе, с марта 1942 года — Э. Хенгельгаупт, с 1943 года — Р. Обсгер-Редер, с 1944 года — А. Рапп. В составе отдела было сформировано 13 рефератов, три из которых занимались работой против СССР, в том числе реферат VI C/Z («Цеппелин»).

Хайнц Грейфе родился 15 июля 1908 года в Лейпциге. Его отец Пауль Грейфе был книготорговцем и в самом начале Первой мировой войны погиб в бою на Западном фронте во Фландрии, оставив на попечение своей вдовы троих детей. В 1928 году Хайнц окончил среднюю школу с блестящими результатами. Благодаря этому он стал стипендиатом Немецкого национального академического фонда и поступил на юридический факультет Лейпцигского университета.

Будучи студентом, Грейфе живо интересовался общественно-политическими проблемами. Он был активным членом в националистическом обществе народнического толка, носившем претенциозное название «Черная рука». К слову, целый ряд тогдашних соратников Грейфе впоследствии стали его коллегами по РСХА. При этом «Черная рука» была своеобразным конкурентом набиравшего силу Национал-социалистического студенческого союза. Неудивительно, что много позже — в 1938 и 1943 годах — недоброжелатели Грейфе не упустили возможность «донести до сведения» руководства СС о том, что тот в период своей студенческой юности был «противником национал-социализма», «фелькиш-теоретиком» и даже «пацифистом».

Помимо прочего, Грейфе состоял в студенческом подразделении «Стального шлема». Поскольку эта организация после прихода Гитлера к власти была включена в Штурмовые отряды НСДАП, Грейфе также автоматически стал «нацистом», хотя вплоть до этого момента не скрывал, что считает коричневорубашечников «плебеями» (формально в нацистскую партию он вступил лишь в 1937 году).

Как известно, примерно такое же отношение к подчиненным начальника штаба СА Эрнста Рема культивировал и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, грезящий о создании элитарного «ордена нордических мужей». Поэтому вполне логично, что когда благодаря протекции одного из родственников для Грейфе открылась перспектива получить должность в Службе безопасности СС, он не упустил эту возможность. 21 декабря 1933 года Хайнц вступил в СС, получив билет № 107 213, и уже в 1934 году откровенно заявлял, что принадлежит СД «душой и телом» («mit Leib und Seele»). В обязанности Грейфе в тот момент входил мониторинг общественных настроений в Саксонии.

В августе 1934 года Грейфе сдал государственный экзамен на чин асессора, а в конце 1935 года был переведен в гестапо на должность начальника отделения тайной государственной полиции в Киле. За отличные показатели он был поощрен лично Р. Гейдрихом, и в октябре 1937 года повышен в должности до начальника отделения гестапо и СД в Тильзите (ныне — г. Советск Калининградской области).

Грейфе удалось наладить тесные контакты с представителями литовской разведки, а после присоединения Литвы к СССР — с антикоммунистическим подпольем, и создать разветвленную агентурную сеть. Несмотря на это, непосредственный руководитель Грейфе — инспектор полиции безопасности и СД в Кенигсберге бригадефюрер СС Якоб Шпорренберг, давая письменную характеристику своему подчиненному, высказал сомнения в отношении его «безусловной верности идеям национал-социализма», хотя и признал его «неоспоримые профессиональные заслуги».

Как известно, многие коллеги Грейфе по РСХА характеризовались примерно в аналогичных выражениях. Испытанным «лекарством» от недостатка лояльности было назначение «оппозиционеров из СС» в состав печально известных оперативных групп СС, «прославившихся» беспощадным уничтожением еврейского населения. Поэтому и Грейфе после начала Второй мировой войны был назначен командиром 1-й айнзатцкоманды V айнзатцгруппы, действовавшей на территории Польши.

После этой «проверки на лояльность», а также с учетом богатого опыта и блестящего образования — Грейфе свободно владел русским языком, говорил по-английски и по-французски, изучил литовский язык — он был переведен в центральный аппарат РСХА и 1 апреля 1941 года был назначен начальником группы VI С, которая, как уже говорилось, курировала работу закордонной разведки в СССР[1].

---

[1] С.Г. Чуев в своей работе «Спецслужбы Третьего рейха» (Книга II. С. 370) приводит биографическую справку на Грейфе, в которой указывается, что последний якобы был «уроженцем Москвы», а до войны — сотрудником «"Русского лектората" в Лейпциге, подчиненного отделу прессы РСХА». Даты рождения и смерти Грейфе (1906—1943) не соответствуют действительности. Вызывает вопросы и русифицированное имя Грейфе — «Георгий Эрнестович», которое фигурирует и в работе К.А. Залесского (Охран-

Именно Грейфе еще накануне войны предложил активно использовать в разведывательно-диверсионных целях русских из числа эмигрантов[1].

Здесь мы вернемся к разработанному Грейфе плану, который предусматривал создание специального разведывательно-диверсионного органа под условным наименованием «Предприятие Цеппелин». Это подразделение было призвано в короткие сроки («действие операции должно быть достигнуто уже к следующему наступлению») подготовить завербованных агентов из числа советских военнопленных для поддержки антисталинских оппозиционных групп, организации пропаганды, разведки, саботажа и создания повстанческих групп. Разумеется, меры по разложению тыла отступающей Красной армии предпринимались и до этого. Однако теперь масштаб этих мероприятий требовалось максимально увеличить.

Грейфе отмечал: «Нельзя ограничиться десятками групп для разложенческой деятельности, они для советского колосса являются только булавочными уколами. Нужно забрасывать тысячи. Это необходимо еще и потому, что даже при самом тщательном обучении и отборе агентуры следует считаться с тем, что большой процент ее ненадежен, часть ее является сознательно предательским элементом, часть отсеется как неспособная»[2].

План предусматривал создание групп по следующим различным направлениям:

ные отряды нацизма... С. 299). В действительности речь идет о двух разных людях. Оберштурмбаннфюрер СС Георг Грейфе действительно служил в «Цеппелине», занимая должность заместителя начальника главной команды «Руссланд-Норд». Наиболее полная биография Х. Грейфе изложена М. Вильдтом. См.: *Wildt M.* Op. cit. S. 104—137, 152—163 (детство и студенческие годы), 659—662 (довоенная служба в гестапо и СД), 671—673, 675—679 (служба в центральном аппарате РСХА и реферате Z).

[1] *Dallin A., R.S. Mavrogordato.* Rodionov: A Case-Study in Wartime Redefection / American Slavic and East European Review. Vol. 18, № 1, feb. 1959. p. 26.

[2] См.: Из плана мероприятий Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА) по созданию специального разведывательно-диверсионного органа под условным наименованием «Унтернемен Цеппелин-21» для политического разложения населения тыловых районов Советского Союза / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. IV. М., 2008. С. 327—356.

1. Группы связи — для перехвата и передачи политических сообщений из СССР;

2. Группы пропаганды — для проведения пропаганды путем распространения националистических, социальных и религиозных лозунгов;

3. Повстанческие группы — для проведения восстаний в тех районах, где имеются для этого условия;

4. Диверсионные группы — для проведения диверсий и террористических актов.

Агентуру предлагалось подбирать главным образом среди военнопленных, однако допускалась возможность использования гражданских лиц из оккупированных районов, а также «активных и надежных лиц» из числа эмигрантов. Агентура разделялась по четырем группам: русские, кавказцы, тюркские народности и казаки.

Далее предлагалось привлечь для проведения «разложенческой работы» айнзатцгруппы и айнзатцкоманды, которые должны были «перестроить свою работу в соответствии с новыми задачами... отыскать подходящих людей из пересыльных лагерей военнопленных и из числа местного населения». Представителям айнзатцкоманд в лагерях вменялось в обязанность уделять особое внимание, в том числе русским антибольшевикам («бывшие руководящие круги России, а также русские, настроенные антибольшевистски по причинам религиозным и другим») и коммунистической оппозиции («члены коммунистической партии, комиссары, красные офицеры и т.д., несогласные со сталинской политикой, и оппозиционные группы — троцкисты, ленинисты, приверженцы буржуазии и т.д.»).

Особое внимание Грейфе уделил «реальным предпосылкам» операции: «Забрасываемым агентам должна быть внушена мысль о том, что они выполняют правильное, необходимое для них самих дело. Для этого требуется не только материальное обеспечение, но и обещание положительного разрешения национального, социального и религиозного вопросов». Особо подчеркивалось, что «эта пропаганда не должна в очень сильной степени расходиться с действительностью на оккупированной территории. От этого зависит успех операции».

В качестве «национальных лозунгов» для русских предлагалось обещать последним «национальную свободу под немецкой защитой», «охрану старой русской культуры» и «невозвращение царя и крупных помещиков». В социальном плане «необходимо явно выраженное положительное отношение к введению в будущем единоличного хозяйства, особенно в деревне». В качестве религиозной программы требовалось обещание «свободы вероисповедания любой религии» и «защиты религиозных обрядов». Кроме того, отмечалось, что «впредь нельзя говорить о Востоке как о "колонии" Германии или Европы»[1].

План Грейфе был одобрен А. Гитлером 10 января 1942 года, а в марте были утверждены организация и штаты «Цеппелина»[2]. Подразделение получило статус специального реферата VI C/Z управленческой группы C VI управления РСХА (разведка в зоне влияния СССР, на Ближнем и Дальнем Востоке), и разместилось в берлинском районе Грюневальд, а затем была переведена в Ванзее. «Цеппелин» возглавил сам Х. Грейфе.

С июля 1942 года начальником реферата стал штандартенфюрер СС Рудольф Обсгер-Редер[3], а в марте 1943 года его сменил штандартенфюрер СС Вальтер Куррек[4]. Что касается Хайнца Грейфе, то

---

[1] Там же.

[2] *Wildt M.* Op. cit. S. 672.

[3] Рудольф Обсгер-Редер (1912—1992). Доктор философии. В 1929 году. вступил в гитлерюгенд, в 1931 году — в НСДАП. С 1935 года сотрудник СД. Во время Польской кампании в сентябре 1939 года был прикомандирован к айнзатцкоманде-16. С октября 1939 года — в РСХА. С марта по июнь 1940 года возглавлял группу II A (организационные и правовые вопросы). С июня 1940 года — и.о. инспектора полиции безопасности и СД в Данциге. С 1941 года переведен в штаб руководства операцией «Цеппелин». С июля 1942 по февраль 1943 года — руководитель реферата VI C/Z («Цеппелин»). В апреле — мае 1944 года командир айнзатцкоманды в Венгрии. После окончания войны несколько лет жил в Мюнхене, затем работал советником индонезийского диктатора Сухарто. Умер в Мюнхене.

[4] Вальтер Куррек (1911—?). В ноябре 1932 года вступил в СД. Служил в СД Мюнхена, в Главном управлении СС в Берлине. В 1939 году переведен в VI управление РСХА. В марте 1943 года возглавил реферат Z. После окончания войны привлечен американцами к сотрудничеству. Служил в организации Гелена, затем в Федеральной разведывательной службе (BND).

до своей смерти в автокатастрофе (25 января 1944 года) он занимал должность начальника школы руководящего состава полиции безопасности в Берлине[1].

Руководящий штаб организации состоял из аппарата начальника и из трех отделов: Z1 (подбор и обеспечение агентуры), Z2 (подготовка агентуры и направление ее на задание), Z3 (работа с действующей агентурой, обработка материалов).

В составе первого отдела находились офицеры СС, ответственные за вербовку агентов из числа военнопленных (подотдел Z1A). За организацию специальных лагерей для отобранных лиц отвечал подотдел Z1B. За вопросы транспортировки агентуры в сборные и подготовительные лагеря, а позже — к пунктам перехода линии фронта, подбора проводников и старших перевозочных средств отвечал подотдел Z1C. Различные вопросы обеспечения агентуры (создание хорошей обстановки, выдача новой одежды, обеспечение бельем, мылом, бритвенными принадлежностями, прививки, питание, техническое оснащение засылаемых групп и их вооружение) входили в круг обязанностей подотдела Z1D. Поскольку «посещение лагерей ораторами-пропагандистами, экскурсии групп военнопленных в города и деревни с целью показа преимуществ жизни в Германии в противоположность русской обстановке требуют наличия большого транспортного парка», организовывался подотдел Z1E, ответственный за транспортные средства.

Второй отдел подразделялся на подотделы Z2A (русские), Z2B (казаки), Z2C (кавказцы) и Z2D (среднеазиаты). Общая подготовка этих контингентов включала в себя политическое образование (критика большевизма, антисемитизм, вопрос истории народностей), а также лекции по вопросам культуры, экономики и религии. Специ-

[1] В работе «Спецслужбы Третьего рейха» (Книга II. С. 176—177) приводится не совсем точная информация: «Первоначальным руководителем органа был штандартенфюрер СС Куррек, после него штардантенфюрер СС Редер. В конце 1942 года "Цеппелин" объединился с рефератом 6Ц, и его возглавил оберштурмбаннфюрер СС доктор Хайнц Грейфе. В январе 1943 года, после гибели Грейфе в автокатастрофе, "Цеппелин" возглавил штандартенфюрер СС доктор Хенгельгаупт, в начале 1945 года — оберштурмбаннфюрер Рапп». Аналогичные ошибочные данные приводятся в книге «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е. М., 2005. С. 131.

альная подготовка состояла в изучении того задания, которое подлежало выполнению (политическая разведка, террор, пропаганда). Особой задачей отдела был подбор и обучение преподавателей для указанных контингентов.

Структура третьего отдела была аналогична второму. Задачей подразделения была обработка получаемых материалов, а также учет операций по разложению и специальных террористических заданий. С этой целью создавалась картотека агентуры и предметная картотека.

Первоначальные штаты руководящего штаба «Цеппелина» включали 19 офицеров СС, 26 унтерфюреров СС (сержантов) и вспомогательных служащих (специалистов), 5 управляющих-чиновников, 25 машинисток, 4 посыльных, 16 переводчиков и 10 шоферов[1].

В марте — апреле 1942 года сотрудники РСХА, ответственные за проведение операции «Цеппелин», приступили к развертыванию сил и средств. Так, в соответствии с планом Х. Грейфе, были созданы особые команды «Цеппелина» при четырех айнзатцгруппах (A, B, C, D) полиции безопасности и СД, с начала войны выполнявших «специальные задачи» в военной зоне оккупации. Особые команды были насыщены русскими офицерами и специалистами из числа эмигрантов, связанными с эсэсовской разведкой еще с довоенной поры. К примеру, соответствующее подразделение при айнзатцгруппе А (действовала на территории Прибалтики, Белорусской ССР, Ленинградской и Калининской областей РСФСР) некоторое время возглавлял оберштурмфюрер СС Аркадий Николаевич Кочубей — потомок первого министра внутренних дел Российской Империи. Главными обязанностями особых команд был отбор агентуры в лагерях для советских военнопленных, а также непосредственная заброска подготовленной агентуры в тыловые районы СССР.

Начальник VI управления РСХА В. Шелленберг в своих мемуарах писал: «Основной задачей... была массовая выброска групп русских военнопленных на парашютах в глубокий тыл Советского Союза. Они находились на одинаковом положении с немецкими сол-

[1] Из плана мероприятий Главного управления имперской безопасности Германии... С. 337.

датами и носили форму вермахта, получали прекрасное питание и были хорошо расквартированы. Для них организовывались демонстрации пропагандистских фильмов и поездки по Германии... После окончания подготовки их направляли на Восточный фронт...»[1]

После поражения в Сталинграде была проведена реорганизация «Цеппелина», выразившаяся, в частности, в создании на базе четырех особых команд двух главных команд: «Россия-Центр» и «Россия-Юг» (сформированы в марте 1943 года). После поражения вермахта на Курской дуге первое подразделение сосредоточило основные усилия на подрывной работе в северных регионах СССР, поэтому с августа 1943 года оно было переименовано в Главную команду СС «Россия-Север»[2].

Остается добавить, что «Цеппелин» располагал широкой сетью специальных лагерей и школ, в которых проводилась фильтрация и подготовка агентуры. Нередко эти подразделения «Цеппелина» формировались при концентрационных лагерях. В их числе следует назвать приемно-распределительный лагерь в Зоннеберге под Эрфуртом (также известен как «Военный лагерь РОА»; создан весной 1943 года, в конце 1944 года переведен в г. Попель Протектората Богемия и Моравия, где были собраны все школы и курсы «Цеппелина»), особый сборный лагерь Бухенвальд (также известный как «Приемный лагерь В», или «лагерь военнопленных в г. Веймар»; действовал до декабря 1942 года, после чего был объединен с приемно-распределительным лагерем в Зоннеберге), особый предварительный лагерь Заксенхаузен (действовал до марта 1943 года, после чего личный состав был переведен в Зоннеберг), особый предварительный лагерь Аушвиц (здесь концентрировались кавказцы, лагерь был расформирован в конце апреля 1943 года), особый предварительный лагерь в Легионово под Варшавой (в апреле 1943 года переведен в Бреслау), разведывательно-диверсионная школа в Евпатории (расформирована в конце сентября 1942 года, личный состав переведен в распоряжение особой команды при айнзатцгруппе D), разведывательно-диверсионная группа в г. Осипенко в Крыму (осе-

[1] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 257.

[2] «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е. М., 2005. С. 132.

нью 1943 года переведена в Зоннеберг), штрафной лагерь в Крейцбурге в Верхней Силезии (в январе 1945 года переведен в Лигниц), особый лагерь «Л» (именовавшийся «институтом русских инженеров»; личный состав занимался сбором и анализом информации об экономике СССР).

Особый интерес представляет разведывательно-диверсионная школа, созданная в марте 1942 года в бывшем имении графа Замойского Яблонь около Люблина. Подразделение было ориентировано на работу исключительно с русским контингентом. Здесь готовились диверсанты, радисты и разведчики. Начальниками школы были гауптштурмфюреры СС Калсен, Краус и Лютер. Одновременно в Яблони находилось до 200 курсантов. Слушатели изучали ведение разведки в советском тылу, подрывное дело, радиодело, специальное оружие. Срок обучения составлял от 3 до 6 месяцев. Личный состав привлекался к уничтожению местного еврейского населения. Летом 1942 года все русские школы были сосредоточены около Бреслау, и школа Яблонь также передислоцировалась в г. Волау. С декабря 1942 года в школе была начата подготовка русских детей-беспризорников для выполнения разведывательно-диверсионных заданий. В марте 1943 года школа переехала в м. Глубокое (Беларусь), в мае — в м. Печки (под Псковом). После наступления советских войск подразделение передислоцировалось в г. Ассари (Латвия), а в сентябре 1944 года было эвакуировано в Германию, где вместе с главной командой «Цеппелин» разместилось в городе Кольберг. В ноябре личный состав переехал в городок Попель[1].

Как отмечалось, планом Х. Грейфе предусматривалось создать особые «предпосылки», с целью убедить отобранных агентов в том, что они выполняют правильное и необходимое для них самих дело. Особое внимание уделялось русским антибольшевикам и сторонникам коммунистической оппозиции. Исходя из этого, было решено создать две антисоветские организации для концентрации и оптимизации пропагандистских усилий по указанным направлениям. Первая «партия» получила наименование Боевой союз русских националистов (БСРН), и в дальнейшем была тесно

[1] *Чуев С.Г.* Спецслужбы... С. 192—206.

связана с формированием СД «Дружина» (о которой речь пойдет несколько позже). Вторая организация, согласно первоначальному плану, была призвана объединить антисталински настроенных коммунистов.

Надо сказать, что «коммунистический проект» довольно быстро исчерпал себя, что вполне объяснимо — разного рода троцкистов и бухаринцев в лагерях для советских военнопленных оказалось относительно немного. Кроме того, объединить под одними лозунгами антисталински настроенных марксистов было практически невозможно: тут же начиналась грызня, сторонники одних «фракций» яростно нападали на представителей других, все это сопровождалось отнюдь не конструктивными «дискуссиями», а также доносами руководству о нелояльности того или иного марксиста-ленинца германскому командованию.

Возглавить так называемую «Народно-российскую партию социалистов-реалистов» было поручено выходцу из войск НКВД — комбригу Ивану Георгиевичу Бессонову, до сдачи в плен командовавшему 102-й дивизией 21-й армии[1]. Показательно, что Бессонов до войны сделал стремительную карьеру, в основном благодаря связям с одиозным заместителем наркома внутренних дел М.П. Фриновским, расстрелянным в 1940 году. Бессонову удалось избежать ареста исключительно из-за того, что он буквально завалил «компетентные органы» доносами на своих знакомых и сослуживцев, чем,

[1] Бессонов И.Г. родился в 1904 году в Перми, окончил реальное училище, работал на лесопилке, с 1920-го в Красной армии: делопроизводитель 133-го батальона связи и артдивизиона 57-й стрелковой дивизии. Окончил в Твери кавалерийскую школу. С 1930 года в войсках ОГПУ: помощник начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка войск ОГПУ, участник захвата китайского городка Кульджи и уничтожения там сибирских казаков. Награжден орденом Красного Знамени (1935). После окончания Академии им. Фрунзе назначен командиром 3-го Ленинградского полка войск НКВД. При покровительстве замнаркома НКВД Фриновского с 1938 года возглавлял отдел боевой подготовки Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР. Комбриг (ноябрь 1939). В 1939 году после расстрела Фриновского Бессонова перевели в РККА. 26 апреля 1941 года назначен начальником штаба 102-й стрелковой дивизии, 13 августа стал ее командиром. См.: *Петрушин А.* «Цеппелин» над Югрой / « Родина» (Москва). 2005. № 7. С. 16; *Александров К.М.* Восточные войска вермахта... С. 128—129.

вероятно, убедил чекистов в своей лояльности. Тем же путем он получил и должность комдива. Когда началась война, Бессонов направил командованию донос на своего командира П.М. Гудзя, обвинив последнего в пораженческих настроениях и желании сдаться в плен. Гудзя арестовали, и 13 августа Бессонов вступил в командование соединением.

Не прошло и месяца, как Бессонов сам сдался в плен в селе Раги Старосельского района Гомельской области. На первом же допросе он предложил свои услуги в борьбе с советским режимом. Через определенное время Бессоновым заинтересовались в РСХА. Он получил псевдоним «Катульский» и принялся за работу. Как мы указали выше, надежды немцев на существование сколько-нибудь влиятельной и консолидированной коммунистической оппозиции сталинизму оказались призрачными. В принципе, оппозиционеры-марксисты принесли гитлеровцам определенную пользу в качестве пропагандистов. Самым известным из них стал Милетий Зыков, сыгравший ключевую роль в оформлении пропагандистского аппарата власовского движения. Под этим псевдонимом, по мнению ряда исследователей, скрывался зять известного детского писателя Корнея Чуковского Цезарь Вольпе[1]. Вместе с тем, в 1942 году коммунистические антисталинские мотивы в гитлеровской пропаганде, адресованной военнопленным и населению на советской стороне фронта, практически исчезают, как «не оправдавшие надежд».

Организация Бессонова уже весной 1942 года была переименована в «Русскую народную партию реформистов», руководство которой было размещено в особом сборном лагере «Цеппелина» на территории концлагеря Бухенвальд. С июля 1942 года здесь же под формальным командованием Бессонова (провозглашенного «генеральным руководителем») был создан «Политический центр борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Начальником штаба ПЦБ стал бывший подполковник РККА Виктор Викторович Бродников, заместителем по политчасти — полковник Никанор Никанорович Любимов, на-

[1] Подробнее см.: *Грибков И.* Марксист на стороне Гитлера. Тайна Милетия Зыкова / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 3. С. 41—42.

чальником отделения внутренней разведки — генерал-майор Александр Ефимович Будыхо[1].

Основным занятием личного состава ПЦБ стало сочинение антисоветских листовок и брошюр. К примеру, Бродников участвовал в написании памфлета «СССР и мировая революция», а сам Бессонов стал автором «программного труда» под претенциозным названием «Что делать?».

Помимо этого, «генеральный руководитель» выполнял ответственные задания РСХА. Так, в конце 1942 года он написал письмо маршалу Василевскому с целью его компрометации, однако эта попытка не увенчалась успехом. Кроме того, в Заксенхаузене Бессонова подсаживали к старшему лейтенанту Якову Джугашвили[2]. Но наибольшую известность получил его масштабный проект, сводившийся к засылке специального десанта в глубокий советский тыл с целью освободить заключенных из лагерей системы ГУЛАГ и спровоцировать мощное повстанческое движение. Этот проект Бессонова поначалу чрезвычайно заинтересовал руководство «Цеппелина» и СД.

На послевоенном допросе Бессонов показал следующее: «...Выполняя задание немцев, я разработал предварительный план повстанческой деятельности в тылу Советского Союза, по которому предполагалось создание из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, несколько десантных групп для высадки их с самолетов на парашютах в северные районы СССР. Предполагалось высадить десант численностью 50 000 человек. В соответствии с этим, моим штабом был тщательно разработан план десантирования и боевых действий, составлены всякие схемы, на карты нанесены маршруты, основное направление ударов... Планом предусматривалось, что высадившиеся на Севере СССР крупные десантные отряды захватят расположенные там лагеря заключенных и поселения ссыльных, вооружат их после привлечения на свою сторону и, пользуясь отдаленностью этих районов от фронта и жизненных центров страны, а также отсутствием крупных воинских гарнизонов, разо-

[1] *Александров К.М.* Восточные войска вермахта... С. 104. Там же см. подробные биографические справки на Бродникова, Любимова и Будыхо.

[2] *Чуев С.Г.* Спецслужбы... С. 219.

вьют повстанческую деятельность в тылу Красной армии. При этом ставилась цель достигнуть и овладеть промышленными центрами Урала, отрезать Сибирь от Центральной части Советского Союза и лишить его важнейшей стратегической базы на востоке...»[1]

К концу 1942 года план Бессонова вступил в стадию практической реализации. В бывшем монастыре Лейбус под городом Бреслау из советских военнопленных началось формирование десантной бригады трехбатальонного состава (до весны следующего года удалось сформировать лишь один батальон, известный также как «особый отряд СС»). Переброску десантников должна была осуществлять разведывательная группа командующего люфтваффе (Aufklärungsgruppe O.b.d.L.), которая специализировалась на дальних разведывательных полетах и заброске диверсантов и агентов в глубокий тыл противника. На ее вооружении имелись самолеты He111, Ju86, Ju88 и Ar240, которые позволяли произвести доставку десанта и снаряжения с аэродромов, расположенных на территории Ленинградской и Смоленской области, а также с баз в Финляндии и на севере Норвегии до районов Воркуты и Салехарда с промежуточной посадкой на секретных базах в Архангельской области, хотя некоторые самолеты группы могли производить заброску без промежуточных посадок. В случае захвата Салехарда предусматривалось снабжение и по морю[2].

Однако к концу 1943 года руководство «Цеппелина» разочаровалось в Бессонове, поскольку усомнилось в его лояльности. Под предлогом того, что он ранее принадлежал к руководящему составу НКВД, Бессонов был арестован и отправлен в концлагерь Заксенхаузен. Туда же отправились его ближайшие сотрудники Бродников, Любимов и Будыхо. Политический центр борьбы с большевизмом был распущен, а его личный состав — распределен по различным подразделениям «Цеппелина», либо переведен в Русскую освободительную армию. Некоторые сотрудники ПЦБ продолжили разложенческую работу по линии антисоветской пропаганды, большинство — использовано в качестве диверсантов, а часть личного состава десантной брига-

[1] Цит. по: *Петрушин А.* Указ. соч. С. 16—17.

[2] *Рязанов О.* Тайные полеты люфтваффе / «Братишка» (Москва). 2009. № 9. С. 74.

ды еще в марте 1943 года передана на формирование в Белоруссии 1-го русского национального полка В.В. Гиль-Родионова[1].

Любопытна оценка фигуры Бессонова со стороны бывшего сотрудника «Цеппелина» и члена НТС Н.Н. Рутыча (Рутченко). В своем выступлении на расширенном совещании журнала «Посев» (1975) он подробно рассказал о том, как познакомился с «генеральным руководителем» ПЦБ в особом отделении Заксенхаузена (в лагерь Рутыч попал летом 1944 года в связи со своей деятельностью в НТС). Рутыч подробно излагает план Бессонова по выброске десанта, однако почему-то утверждает, что этот проект разрабатывался под патронажем люфтваффе. Причины провала бессоновского начинания Рутыч видит так: «Когда бригада Бессонова была более или менее сформирована, высшее гитлеровское руководство... перепугалось, ибо Гитлер больше всего боялся иметь дело с независимой русской силой, да еще где-то под Уралом, то есть вне какого-либо контроля. В части Бессонова были засланы агенты гестапо и, хотя они были обнаружены, он был вскоре... арестован... А бригада... была передана из военно-воздушных сил руководству СС, расформирована и побатальонно использована в борьбе с партизанами»[2].

Возникает вопрос: при чем здесь «военно-воздушные силы»? Уж кто-кто, а Н. Рутыч не мог не знать, что проект Бессонова с самого начала был тесно связан с СД и «Цеппелином»[3].

Касаясь дальнейшей судьбы руководителей ПЦБ, отметим, что Бессонов, Бродников и Будыхо сумели пережить войну, но были пе-

---

[1] *Чуев С.Г.* Спецслужбы... С. 215—220; *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М. 2000. С. 81—82.

[2] *Рутыч Н.* Между двумя диктатурами. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1975) / Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 450—457.

[3] Согласно протоколу допроса агента «Цеппелина» П.И. Таврина, исполнителя неудавшегося покушения на Сталина, Н. Рутыч возглавлял группу диверсантов, готовившихся к высадке в советском тылу в районы Волги и Камы. См.: Протокол допроса Таврина П.И. в книге «Убить Сталина» / публикация *В. Воздвиженского* / СБ. 1993. № 3. С. 16—17. Сам Рутыч категорически отрицает факт своей службы в СД (см., например: *Рутыч Н.* Мемуары или апокриф? / «Посев» (Москва). 2002. № 9. С. 43.

реданы американцами Советскому Союзу. 19 апреля 1950 года все они были расстреляны по приговору Военной коллегии Верховного Суда. Любимов умер в Заксенхаузене[1].

Попытаемся ответить на вопрос, имели ли надежды руководства РСХА на возможность организации мощного повстанческого движения в глубоком советском тылу сколько-нибудь реальные основания?

Обратимся к подготовленному в 1944 году докладу начальника Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР комиссара государственной безопасности 3-го ранга А.М. Леонтьева «О результатах борьбы с бандитизмом, дезертирством и уклонением от службы в Красной армии с июля 1941 по июль 1944 гг.». При этом нас будут особенно интересовать центральные районы РСФСР и Сибирь, так как именно эти регионы изначально рассматривались руководителями «Цеппелина» в качестве приоритетных для «разложенческой работы» («острие удара» должно было быть направлено в самое сердце страны, а не на ее окраины).

Леонтьев констатирует: «С началом военных действий бандитско-повстанческий элемент повсеместно активизировал свою вражескую деятельность. Ориентируясь на приход немцев, бывшие участники вооруженных антисоветских выступлений, разгромленных повстанческих, контрреволюционных организаций, бывшие белоказаки, кулаки, бандиты, участники религиозных сект и т.д. начали группироваться.

В целях подрыва военной мощи Советского Союза и оказания помощи немецко-фашистским войскам указанные элементы повели среди населения антисоветскую, пораженческую агитацию, агитацию за дезертирство из Красной армии и уклонение от службы. Привлекая на свою сторону бандитов, дезертиров, уклонившихся и других нелегалов, они начали создавать бандитско-повстанческие группы и формирования, ставя своей задачей организацию вооруженных выступлений в тылу Красной армии.

Подрывная деятельность антисоветских элементов значительно усиливалась с продвижением немецких войск в глубь нашей страны.

---

[1] *Александров К.М.* Восточные войска вермахта... С. 129—131.

К октябрю 1941 года в ряде тыловых районов Советского Союза возникло большое количество бандитских групп...

...С началом войны рост бандитизма в центральных районах Советского Союза шел в основном за счет выходцев из семей бывших кулаков, купцов, служителей религиозного культа и других антисоветских лиц, которые, не желая защищать советскую власть, уклонялись от призыва и мобилизации в Красную армию, переходили на нелегальное положение и объединялись в банды... Возникшие банды совершали террористические акты над советско-партийным активом, убийства отдельных граждан с целью грабежа и налеты на колхозы и совхозы»[1].

Во второй половине 1941 года органами НКВД было ликвидировано 178 антисоветских групп (1604 участника). Кроме того, за тот же период было зарегистрировано 50 «бандитских проявлений», 21 из них раскрыто. Напомним, в это время организации «Цеппелин» еще не существовало, и, вероятно, большая часть антисоветских групп возникла, так сказать, «стихийно», без помощи извне. Впрочем, по данным Леонтьева, «активизации повстанческой деятельности антисоветских элементов в Новосибирской области способствовала работа немецкой агентуры, заброшенной туда задолго до войны»[2].

Зато в следующем — 1942 году без агентуры специального «разложенческого органа», очевидно, не обошлось. Леонтьев отмечает: «Оперативная обстановка в 1942 году характеризовалась дальнейшим ростом и активизацией бандитизма. Рассчитывая на победу фашистской Германии, бандитско-повстанческие и прочие антисоветские элементы... вели активную работу по подготовке вооруженных выступлений против советской власти». Количество ликвидированных антисоветских групп в 1942 году выросло до 1381 (11 220 участников).

Далее приводились наиболее характерные примеры. Так, НКВД Якутской АССР в начале 1942 года была выявлена «повстанческая банда» в составе 19 человек, возглавляемая выходцем из кулацкой

---

[1] НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956) / Сборник документов. М., 2008. С. 504, 512.

[2] Там же. С. 513.

семьи — неким Орловым. Группа именовала себя «Обществом спасения России от большевизма» и ставила своей задачей создание крупных повстанческих отрядов и поднятие вооруженной борьбы против советской власти. Участники банды развили исключительно большую активность в июне 1942 года: «В целях приобретения оружия и создания продовольственной базы, в течение указанного месяца они совершили четыре крупных налета на склады золотых приисков и зимовки охотников, во время которых убили оперативного уполномоченного НКВД тов. Коробова, бойца приисковой охраны Быкова и двух рабочих, захватили 10 карабинов, 4 револьвера и пистолета, 10 кг взрывчатых веществ, патроны, золото, продукты и шесть лошадей. 11 июля 1942 года при проведении операции бандглаварь Орлов был убит, 18 участников арестованы. Менее активные бандповстанческие группы были ликвидированы Управлениями НКВД Омской и Иркутской областей»[1].

В 1943 году, особенно во второй его половине, органам НКВД удалось в значительной мере погасить антисоветские повстанческие проявления в глубоком тылу. Большая часть диверсантов «Цеппелина», заброшенных в глубокий советский тыл, оказалась в руках чекистов. К примеру, 9 июня 1943 года в Кожвинском районе Коми АССР была ликвидирована группа десантников «Цеппелина» из 12 человек. Группа была заброшена 2 июня и переодета в форму НКВД. В ходе боя 2 «цеппелиновца» были убиты, а остальные, в том числе руководитель группы Годов, — захвачены в плен. Еще один десант «Цеппелина» в количестве 40 человек был ликвидирован в конце 1943 года под Сыктывкаром[2].

Пожалуй, самой известной акцией «Цеппелина» стала попытка проведения диверсионно-террористического акта в отношении И.В. Сталина. Операцию было поручено провести агентам П.И. Таврину (он же Политов, он же Шилов) и его жене.

Политов с 1933 по 1940 год проживал на Украине, в Ташкенте, в Башкирии под различными фамилиями. Перед войной, используя служебное положение заведующего нефтескладом на станции Аягуз

[1] Там же. С. 515.

[2] *Чуев С.Г.* Спецслужбы… С. 220—221.

Туркестано-Сибирской железной дороги, похитил крупную денежную сумму и, скрывшись от уголовного преследования, предоставив фиктивные документы, устроился следователем в Воронежскую прокуратуру. В ноябре 1941 года был призван в РККА, где был назначен командиром взвода, а затем командиром роты. В мае 1942 года перешел на сторону германской армии и предложил сотрудничество «в борьбе с большевизмом». Кроме того, он просил назначить его на должность бургомистра одного из оккупированных советских городов. В 1943 году Политов был направлен в один из лагерей «Цеппелина» для обучения. В период учебы он помог обезвредить подпольную антифашистскую группу. В числе положительных качеств агента его кураторы называли «находчивость, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, ненависть к советскому строю». Отрицательными качествами Политова были «алчность, карьеризм, полная беспринципность».

Подготовка Политова к выполнению задания происходила в Пскове и Риге, и заняла несколько месяцев. Она включала в себя стрельбу из личного оружия, вождение мотоцикла и автомобиля. В период подготовки Политову-Шилову была найдена «жена» и, одновременно, коллега по заданию. «Фрау Шилова» обучилась работе на радиостанции, освоила шифровальное дело. В качестве инструкторов выступали офицеры «Цеппелина», сотрудники Главной команды СС «Россия-Север» гауптштурмфюрер Палбицын и эмигрант оберштурмфюрер Делле.

Было решено, что Политов будет действовать под видом майора Красной армии, получившего отпуск после тяжелого ранения. Для того чтобы повысить шансы на успех, Политов был «награжден» званием Героя Советского Союза. Из Берлина были получены орден Ленина и Золотая Звезда, принадлежавшие генерал-майору РККА И.М. Шепетову, попавшему в плен в 1941 году, а также ордена Красного Знамени, Александра Невского и два — Красной Звезды. На право ношения этих наград были изготовлены соответствующие документы, а Политову-Шилову был дан новый псевдоним — Таврин.

Для выполнения задания Таврин был снабжен реактивным гранатометом скрытого ношения «Панцеркнаке» с комплектом бронебойных снарядов и различными образцами стрелкового оружия.

В начале сентября 1944 года подготовка задания была окончена, и 5 сентября агенты вылетели из Риги на самолете, к фюзеляжу которого был прикреплен мотоцикл М-72. Самолет благополучно приземлился в районе Карманово Смоленской области. Спустя несколько часов диверсанты были задержаны на магистрали, идущей к Ржеву. При обыске у агентов «Цеппелина» было обнаружено семь пистолетов, радиостанция, «Панцеркнаке» и снаряды к нему, специальная мина, ручные гранаты, 428 тысяч рублей советских денег, 116 печатей и штампов, десятки различных бланков, обеспечивающих изготовление многих советских документов.

Провал объяснялся тем, что информация о готовящейся операции была известна чекистам. Еще в новогоднюю ночь 1944 года агенты НКВД похитили сотрудника «Цеппелина» обершарфюрера СС Лашкова-Гурьянова, при котором были обнаружены ценные документы, проливающие свет на подготовку агента Политова. После этого чекистам удалось внедрить в «Цеппелин» своего агента — лейтенанта Александра Лазарева, с заданием получить максимум информации об интересующей операции. Через некоторое время агента Таврина плотно «вели» советские разведчики, действовавшие в оккупированной Риге[1].

Когда надежды на скорое окончание войны с СССР были окончательно похоронены, цели и задачи «Цеппелина» подверглись некоторой корректировке (примерно с середины 1942 года). Вальтер Шелленберг в своих мемуарах писал, что главной целью операции «Цеппелин» стало противодействие партизанской войне, следующим образом обосновывая необходимость борьбы с народными

---

[1] Об этой операции см., например: *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 360—361; *Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В.* Провал акции «Цеппелина» / Фронт без линии фронта. М., 1970. С. 356—375; *Дегтярев К., Колпакиди А.* СМЕРШ. М., 2009. С. 429—444 (там же опубликован протокол допроса П.И. Таврина; сс. 535—549). Советская разведка неоднократно успешно внедряла в различные подразделения «Цеппелина» своих агентов. Деятельность одного из них — разведчика В.Я. Бутырина («Северова») — руководитель департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-полковник А. Безверхний назвал «вершиной оперативного искусства и профессионального мастерства». См.: *Линдер И., Абин Н.* Загадка для Гиммлера. Офицеры СМЕРШ в абвере с СД. М., 2008. С. 8.

мстителями: «Основной задачей партизанской борьбы была беспощадность сама по себе... считались оправданными любые меры, которые могли бы заставить население поддерживать эту борьбу. Совершающиеся жестокости следовало приписывать немецким захватчикам, чтобы тем самым заставить колеблющееся население включиться в активное сопротивление. Если же, исходя из русских интересов, следовало наказать ненадежные элементы, это нужно было проделать так, чтобы создать видимость репрессий со стороны немцев... НКВД было вменено в обязанность организовывать засылку некоторых самых лучших и наиболее надежных агентов в немецкую армию и ее административные учреждения в качестве консультантов и информаторов. Наряду с постановкой заведомо ложной или же недостоверной информации с помощью партизан они должны были любым способом провоцировать немецкие оккупационные власти на принятие суровых мер против определенных слоев населения, таких, например, как евреи и кулаки. Казни, ликвидации и высылки надлежало, конечно, представлять как зверства, сознательно осуществляемые немцами в отношении русского народа»[1].

Разумеется, когда Шелленберг писал свои мемуары, он преследовал определенные пропагандистские цели. Применительно к процитированному отрывку следует отметить, что одной из задач «Цеппелина» было создание лжепартизанских групп. Эти специально подготовленные команды забрасывались в те районы, где наблюдалась особенно большая активность народных мстителей. Начальник Управления НКВД по Орловской области К.Ф. Фирсанов после войны вспоминал: «...В ряде сел появились небольшие группы людей, именующих себя партизанами... Они забирали у населения продукты и вещи, избивали местных жителей, называя их изменниками Родины, угрожали расстрелом и беспробудно пьянствовали. Чекисты установили, что немцы организовали из уголовников, бывших кулаков и их прихвостней лжепартизанские отряды, чтобы дискредитировать партизанское движение и вызвать к нему ненависть народа»[2]. Белорусский партизан Анатолий Дзякович в своем военном дневни-

[1] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 257—260.

[2] *Фирсанов К.Ф.* Как ковалась победа / Фронт без линии фронта... С. 218.

ке зафиксировал: «В деревнях террор. СД ходят под видом партизан. Если кто даст хлеба или табаку — забирают. Теперь мне понятно, почему жители перестали нам давать хлеб»[1].

Третья глава

ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ЦЕППЕЛИНА»: ПЕРВАЯ РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА СС «ДРУЖИНА» И ГВАРДЕЙСКИЙ БАТАЛЬОН РОА

Хотя противодействие партизанскому движению отнюдь не было единственной и даже первоочередной функцией «Цеппелина», именно для борьбы с «бандитами», которые с 1942 года начали наносить по тылам вермахта весьма чувствительные удары, были созданы специальные воинские формирования.

В своих воспоминаниях Шелленберг указывает на факты, которые послужили обоснованием для создания указанных формирований: «Для переброски агентов в Россию в наше распоряжение была предоставлена боевая эскадрилья, причем весьма ограниченное число самолетов и еще более ограниченные запасы горючего подлежали распределению между военными и политическими секторами секретной службы, которые в то время работали самостоятельно, часто даже мешая друг другу. Вследствие этого отправка наших агентов на задания часто задерживалась. А, как известно, ничто так не нервирует агента и не подрывает его моральное состояние, как слишком продолжительное ожидание»[2].

В частности, для борьбы с партизанами под эгидой реферата Z были созданы такие формирования русских коллаборационистов, как «дружины Боевого союза русских националистов», которые в 1943 году объединились в Первую русскую национальную бригаду СС «Дружина» под командованием В.В. Гиль-Родионова, а также выделенный из последней так называемый «Гвардейский батальон РОА».

---

[1] Дневник лейтенанта Дзяковича / публикация А. Симонова и Н. Шировой // «Родина». 2010. № 5. С. 51.

[2] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 65.

История «Боевого союза русских националистов», основанного в лагере для военнопленных в Сувалках, напрямую связана с проектом Г. Грейфе. Бывший командир 1-й роты особого мотомеханизированного батальона «Дружины», капитан Г.В. Клименко после войны вспоминал: «Зимой 1941—1942 года у находившейся в лагере военнопленных Сувалки группы советских офицеров явилась мысль организовать русскую боевую группу для борьбы с большевиками. Прежде всего, была создана политическая организация под названием "Русский Национальный Союз" [по данным С.Г. Чуева, организация первоначально носила название "Национальная партия русского народа"[1]. — *Примеч. авт.*]. Во главе этой организации стал бывший советский полковник Родионов, принявший фамилию Гиль [на самом деле Гиль — настоящая фамилия, а Родионов — оперативный псевдоним; в 1941 году Гиль имел звание подполковника. — *Примеч. авт.*]. Немцы заинтересовались этой организацией, и начавшиеся переговоры привели к формированию сначала одной, а потом второй "Дружины"»[2].

Вскоре организация была переименована в Боевой союз русских националистов (БСРН). Его руководитель — Владимир Владимирович Гиль родился 11 июня 1906 года в деревне Дороганово Бобруйского уезда Могилевской губернии (сейчас Осиповичский район)[3].

---

[1] Он же отмечает, что организация была создана в марте 1942 года. См.: *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 232. С.И. Дробязко пишет, что БСРН был организован в апреле 1942 года. (Под знаменами врага... С. 137.) Однако в последнем случае за «точку отсчета» принято официальное собрание советских военнопленных, приуроченное к 20 апреля (дню рождения А. Гитлера), в ходе которого В. Гиль объявил о создании организации и призвал собравшихся вступать в ее ряды. См.: *Самутин Л.А.* Указ. соч. СПб., 2002. С. 83.

[2] *Клименко Г.В.* Правда о «Дружине» / «Суворовец» (Буэнос-Айрес). 1950. № 17. С. 3. Этот же автор сообщает о Гиле совершенно ложные сведения: «*Родионов-Гиль был личным шофером Ленина; присутствовал при покушении на Ленина Каплан; числился в автобазе Совнаркома. После смерти Ленина был отправлен в транспортную академию Красной армии, закончив которую был выпущен командиром*» («Суворовец». 1950. № 23. С. 3)

[3] *Блинец А.* От Сталина к Гитлеру и обратно / «Для служебного пользования» (приложение к «Белорусской деловой газете»). 2 апреля 2003. К.М. Александров пишет, что Гиль родился в г. Вилейка Царства Польского

В 1923 году он окончил 9 классов школы, а в октябре 1926 года вступил в ряды РККА. После окончания Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школы Гиль был назначен командиром взвода в 32-м Белоглинском кавполку. В 1931 году вступил в ВКП(б). С 1934 года Гиль командовал эскадроном, в апреле 1935 года стал помощником начальника штаба 33-го Ставропольского кавполка. Перед войной получил звание подполковника, с отличием окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, после чего служил на должностях начальника 5-й части штаба 12-й кавдивизии, начальника штаба 8-й моторизированной бригады, начальника оперативного отдела штаба 12-го механизированного корпуса. Войну подполковник Гиль встретил начальником штаба 229-й стрелковой дивизии. Он попал в плен на Витебщине в районе Сенно — Толочин, будучи раненым в бою. Вскоре Гиль стал русским комендантом лагеря для советских военнопленных в Сувалках.

Бывший коллаборационистский журналист Михаил Бобров (он же Михаил Голубовский, до войны — сотрудник газеты «Известия») после войны предпринял неудачную и сомнительную попытку «реабилитировать» Гиля. В парижском журнале «Возрождение» он опубликовал статью, где Гиль-Родионов был показан в качестве «национального героя» и «борца с большевизмом». Бобров пишет: «Полковник Родионов попал в немецкий плен, защищая в 1941 году Минск. Он был взят раненым, в бесчувственном состоянии. Дивизия советской армии, которой он командовал, рассыпалась по лесам и в значительной части сдалась в плен. Солдаты не хотели воевать за советскую власть, и Родионов ничего не мог изменить. В числе других высших офицеров Красной армии Родионов был объявлен в приказе Сталина врагом народа, так как он не выполнил приказа, предписывающего беречь "последний патрон для себя". Может быть это, а может быть общий дух антибольшевизма, разгоревшийся в лагерях для

(Восточные войска вермахта... С. 126). Бывший чекист, а в последующем известный советский и белорусский исследователь К.И. Доморад пишет, что Гиль родился в деревне Дараганово Стародорожского района Минской области (Партийное подполье и партизанское движение в Минской области 1941—1944. Минск, 1992. С. 275).

военнопленных, но что-то заставило Родионова задуматься о своем долге перед родиной»[1].

Вот как описывает Гиля бывший пропагандист «Дружины» Л.А. Самутин: «Гилю было тогда, вероятно, что-то от 36 до 40 лет, не более. Он был чуть выше среднего роста, шатен с серыми холодными глазами. Он редко смеялся, но и при смехе выражение его глаз не менялось, они оставались такими же холодными, как и обычно... Говорил он несколько странно — с каким-то акцентом, но правильно»[2]. Эмигрант К.Г. Кромиади характеризует руководителя БСРН следующим образом: «Гиль был видный мужчина, прекрасный строевой офицер, хорошо знающий свое дело... Но в то же время чувствовалось, что он хитрит, что эта широкая натура "рубахи-парня" — показная сторона»[3].

Итак, Гиль вместе с несколькими своими товарищами и бывшими сослуживцами (среди них были полковник Михаил Егоров, подполковник Вячеслав Орлов, майоры Александр Шепелев, Андрей Блажевич, Михаил Калугин и Павел Петров, капитаны Дмитрий Малиновский, Иван Тимофеев и Нисов, старший лейтенант Иван Илющенко[4]) создал антибольшевистскую группу. Эта инициатива пришлась весьма кстати: начинание бывшего подполковника РККА поддержал начальник отделения СД в лагере Сувалки штурмбаннфюрер СС Ханс Шиндовски, до войны — бургомистр Тильзита, хорошо знакомый с Х. Грейфе еще по работе в Восточной Пруссии (последний и предоставил ему возможность перевестись в Службу безопасности)[5].

---

[1] *Бобров М.* Страшное безмолвие России / «Возрождение» (Париж). 1949. № 6. С. 128.

[2] *Самутин Л.А.* Я был власовцем... СПб., 2002. С. 46.

[3] *Кромиади К.Г.* Указ. соч. С. 91.

[4] См.: *Юхнов.* Образ руководителя бандитов. Бандиту Родионову, под кличкой Гиль (Листовка, адресованная личному составу Первой антифашистской партизанской бригады) / Коллекция листовок Государственной публичной исторической библиотеки (Москва).

[5] Х. Шиндовски родился в 1904 году в Кенигсберге. В нацистской партии не состоял. В 1941 году служил в айнзатцкоманде А. См.: *McLean F.* The Field men. The SS officers who led the Einsatzkommandos — the Nazi mobile killing units. Atglen, PA, 1999. 168 p.

Вскоре организация Гиль-Родионова была включена в операцию «Цеппелин». Из организации Гиля была отобрана группа лиц, которых вначале направили в вербовочный лагерь под Бреслау, а затем — в месячную «ознакомительную поездку» по Германии[1].

Интересное свидетельство о результатах этой поездки оставил уже упомянутый нами Л. Самутин: «Через месяц вся группа возвратилась обратно. Все выглядели поправившимися, посвежевшими и одеты были в какую-то неизвестную нам военную форму из светло-зеленого добротного сукна: мундиры, брюки, пилотка, ботинки полу-гражданского образца. Оказалось — это чешская униформа... Мы узнали, что их возили в Бреслау... в какой-то особый лагерь. Там с ними обращались хорошо, возили на экскурсии по Германии, показывали деревни и города, промышленность и сельское хозяйство... Жизнь немецкого тыла поражала свежий глаз чистотой, ухоженностью, размеренностью и аккуратностью. Восторженные рассказы об этих сторонах немецкой жизни мы слышали теперь от очевидцев... Я был очень обрадован новой встрече с Точиловым. После своей поездки и экскурсий по Германии Точилов еще больше укрепился в своих германофильских взглядах, расхваливал мне все, что он увидел в Германии своими глазами, и говорил, что Советский Союз — варварская, дикая страна по сравнению с Германией. Мне стало трудно спорить с ним, потому что никаких новых, а тем более веских аргументов я не находил, в то время как Сергей Петрович рассказывал все новые и новые факты лучшей, чем у нас, организации жизни у немцев»[2].

Вскоре после возвращения группы Гиля в Сувалки в лагере произошли значительные изменения. Был облегчен режим, улучшено питание, а на территории 13-го блока был построен большой барак, внутри которого размещался зрительный зал со сценой и подсобными помещениями. Гиль привез с собой полный набор музыкальных инструментов для оркестра, среди пленных нашли бывших музыкантов и артистов, были организованы ансамбль и театральная самодеятельность. Первый концерт был назначен на 20 апреля...

[1] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500, оп. 3, д. 99, л. 220.

[2] *Самутин Л.А.* Указ. соч. С. 80—83.

Зал был набит битком, не поместившиеся толпились в открытых входах и выходах. Перед концертом и спектаклем была организована «торжественная часть». После официальных речей лагерного начальства во славу фюрера и германской армии слово было предоставлено Гилю. Он выступил с большой речью, в которой тоже произнес славословие в адрес Гитлера и его Рейха, затем рассказал о своей поездке в Германию и, наконец, о самом главном — о предоставлении русским «права принять участие в борьбе с жидо-большевизмом». Далее Гиль сообщил, что им создается военно-политическая организация под названием «Боевой союз русских националистов». После этого была объявлена программа союза.

Последняя включала в себя следующие тезисы: «Будущая Россия должна быть националистической, народам, населяющим Украину, Белоруссию, Прибалтику и Закавказье, предоставляется право на самоопределение и выделение в самостоятельные государства под протекторатом Великой Германии... У будущей России должен быть новый порядок, основанный по принципу нового порядка в Европе... Колхозы упраздняются, а вся земля, им принадлежащая, передается в частное пользование. В области торговли поощряется частная инициатива»[1].

Наконец, Гиль предложил всем желающим присоединиться к организации и к ее боевым отрядам.

Членами Союза могли быть только мужчины в возрасте от 18 лет всех национальностей, исключая евреев. В Союз не принимались бывшие сотрудники органов НКВД, политсостав РККА, бывшие ответственные работники партийно-советского аппарата. При вступлении в организацию заполнялся текст клятвенного обещания следующего содержания: «Я, вступая в Боевой союз русских националистов, обязуюсь честно и беспрекословно выполнять все поручения и обязанности, возлагаемые на меня Союзом. В случае измены с моей стороны Союзу я подлежу уничтожению»[2].

1 мая 1942 года сто бывших военнопленных лагеря в Сувалках, вступивших в «Боевой союз русских националистов», были офици-

---

[1] *Окороков А.*В. Антисоветские воинские формирования... С. 108.

[2] Там же. С. 109.

ально освобождены и переодеты в новое чешское обмундирование. Это была первая сотня, или военная группа Центра Боевого союза русских националистов. Бывших командиров РККА свели в один взвод, в котором в качестве рядовых состояли командиры со званиями от младших лейтенантов до подполковников.

Вскоре сотню в сопровождении офицеров СД передислоцировали в Парчев под Люблином. Здесь, в бывшем замке графа Замойского, располагалась «особая часть СС», или «гауптлагерь Яблонь» — подразделение «Цеппелина», которое вело разведывательно-диверсионную подготовку русских коллаборационистов. Дни вновь прибывших добровольцев были заполнены обычными военными занятиями: строевой подготовкой, изучением материальной части стрелкового оружия, тактикой. Через некоторое время личный состав начал самым активным образом привлекаться к «боевым операциям», сводившимся главным образом к убийствам местных евреев и охоте на польских партизан. В этот период формирование получило наименование «Дружина», что, по мнению исследователя Э. Молло, должно было убедить военнослужащих этого формирования в своей «элитарности»[1].

Надо отметить, что к началу 1942 года в различных гетто Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) было сконцентрировано около 2 284 000 человек. Руководство СС приняло решение о проведении широкомасштабной акции по уничтожению евреев в Генерал-губернаторстве. Эта операция, получившая название «Рейнхард», проводилась с весны 1942 до осени 1943 года[2]. Согласно документам, военнослужащие «Дружины» также прочесывали Парчевские леса, искали евреев и партизан, и уничтожили около 1500 человек[3].

---

[1] *Mollo A.* Uniforms of the SS. V. 5. Sicherheitsdienst und Sicherheitspolizei 1931—1945. London, 1992. P. 31.

[2] См., например: *Benz W.* Der Holocaust. Munchen, 2001. S. 107. По данным историка П. Блэка, в операции «Райнхард» было уничтожено по меньшей мере 1 750 000 евреев. См.: *Блэк П.* Одило Глобочник — форпост Гиммлера на Востоке / Тайны «Черного ордена SS». М., 2006. С. 197—198.

[3] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 81; *Чуев С.Г.* Бригада «Дружина» — единожды предав / «Военно-исторический архив» (Москва). 2002. № 6. С. 136.

Постепенно значительный авторитет в «Дружине» приобрел Андрей Эдуардович Блажевич, который был назначен начальником штаба. По свидетельствам очевидцев, он проявлял особую ретивость в уничтожении еврейского населения. После войны во власовских кругах бытовала версия, что Блажевич — законспирированный агент НКВД Капустин[1] (по данным С.Г. Чуева, Блажевич — бывший капитан РККА[2]). Так, Сергей Фрелих (сотрудник пропагандистских структур вермахта, прикомандированный к штабу Власова) вспоминал: «Я ему не доверял, выяснив, что в Советском Союзе он служил в частях НКВД... то есть формированиях... преимущественно предназначавшихся для террористических действий против собственного народа. Сотрудничество с НКВД отпечаталось на характере Блашевича [так в тексте. — *Примеч. авт.*]: он был бессовестным, твердым, неискренним и умел заслужить доверие своих немецких начальников своим жестоким поведением по отношению к русскому населению и взятым в плен партизанам»[3]. Нелицеприятна и оценка Блажевича, данная К. Кромиади: «Гиль умел располагать к себе людей. Однако при нем состояло два отвратительных субъекта — его адъютант и командир второго батальона, майор Блазевич [так в тексте. — *Примеч. авт.*]. Они были разными людьми, но от обоих веяло чекистским изуверством, и оба ходили за своим командиром, как тени; по-моему, они и его держали в руках»[4]. Г. Клименко называет Блажевича «офицером войск НКВД, старым большевиком и членом партии»[5]. Имеющиеся доступные данные не позволяют однозначно ответить на вопрос об истинной роли Блажевича в истории «Дружины». Известно лишь то, что он в 1944 году перешел вместе с Родионовым на сторону партизан[6].

Надо сказать, что в иностранной литературе, посвященной «Дружине», встречаются альтернативные мнения о начале ее боевого

---

[1] См., например: *Munoz A.J.* Op. cit. P. 27.

[2] *Чуев С.Г.* Бригада «Дружина» — единожды предав... С. 136.

[3] *Фрелих С.* Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Нью-Джерси, 1990. С. 60.

[4] *Кромиади К.Г.* Указ. соч. С. 91.

[5] *Клименко Г.В.* Указ. соч. С. 3.

[6] См. Приложение 6 к настоящей части.

пути. В частности, утверждается, что «боевое крещение» формирование Гиль-Родионова получило вовсе не на территории Генерал-губернаторства, а в оккупированных районах Ленинградской и Калининской областей (ныне — Псковская область).

Версия о том, что «Дружина» поначалу дислоцировалась под Псковом, встречается в работе С. Стеенберга[1]. Однако следует учитывать, что работа этого автора «Власов» изобилует фактическими ошибками (к примеру, он утверждает, что настоящее имя командира «Дружины» — «И.Г. Радионов», а Гиль — псевдоним). К сожалению, многие исследователи склонны принимать все утверждения Стеенберга на веру.

В работе А. Даллина и Р. Маврогордато отмечается, что в начале 1942 года «Дружина» («численностью до батальона») была переброшена в Невель — там разместился ее штаб, а часть дислоцировалась под Полоцком, где она занималась охраной железнодорожных магистралей[2]. Это утверждение было «позаимствовано» такими исследователями, как А. Муньос (правда, он одновременно озвучивает и версию Стеенберга насчет Пскова)[3] и Э. Молло[4]. Последний далее пишет, что в мае 1942 года «Дружина» использовалась в составе антипартизанских сил, подчиненных высшему фюреру СС и полиции в Белоруссии, а затем наряду с батальоном Зиглинга была придана боевой группе командира айнзатцгруппы «В» полиции безопасности и СД оберфюрера СС Э. Наумана (подчиненной высшему фюреру СС и полиции в Центральной России группенфюреру СС Э. фон дем Бах-Зелевскому)[5]. Эти «изыскания» Молло с некоторыми вариациями озвучены в книге Р. Михаэлиса[6]. В работе Д. Литтлджона «Иностранные легионы Третьего рейха» указывается, что «Дружина»

---

[1] *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 122.

[2] *Dallin A., Mavrogordato R.S.* Rodionov: A Case-Study in Wartime Redefection... P. 26—27.

[3] *Munoz A.J.* The Druzhina SS Brigade... P. 23.

[4] *Mollo A.* Op. cit. P. 31. Кроме того, Даллин, Муньос и Молло почему-то называют Гиля «кубанским казаком».

[5] Ibid. P. 31—32.

[6] *Michaelis R. Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS. 29. Waffen-Grenadier-Division der SS «RONA» (russische Nr. 1). 30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2). SS-Verband «Drushina». Dresden, 2006. S. 100.

была сформирована в апреле 1942 года под Псковом, и уже в марте — стала бригадой[1].

Столь разные факты, не подтвержденные надежными источниками, позволяют усомниться в их достоверности. Они входят в явное противоречие с известными документами и мемуарами непосредственных участников событий. Вместе с тем нельзя исключить, что какие-то русские коллаборационисты могли действовать в Невеле и Пскове в апреле — мае 1942 года, но не в составе формирования Гиль-Родионова, а в составе каких-либо других подразделений (в т.ч. диверсионных и подрывных групп СД, подготовленных для переброски в советский тыл).

Примерно в июле 1942 года «Дружина» значительно пополнилась и численно соответствовала уже батальону. Появилось много новых командиров в старших званиях — подполковников и полковников. Поскольку число последних превышало штатные потребности, была сформирована отдельная офицерская рота под командованием полковника Петрова. Существенным отличием «Дружины» от существовавших на тот момент подразделений и частей Восточных войск была не только подчиненность СД, но и высокая степень технической оснащенности. Знаки различия личного состава «Дружины» были аналогичны принятым в войсках СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась нарукавная лента с надписью «За Русь!».

В самом конце лета «Дружина» была направлена на Восток. 1 сентября русские эсэсовцы прибыли в Смоленск и были размещены в бывшей городской тюрьме, уже использовавшейся немцами под казарменные помещения. «Дружинников» к этому моменту насчитывалось уже свыше четырех сотен (четыре роты). Несколько раз Гиль выводил свое «войско» помаршировать по городским улицам.

Появление «Дружины» в этом городе, который во время войны стал своеобразной «столицей» русского коллаборационизма, не было случайным. 10 сентября 1942 года на территории Смоленской области началась крупномасштабная операция «Желтый слон» (Der gelbe

[1] *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose, 1994. P. 315.

Elefant) против народных мстителей северо-западного партизанского края (Руднянский, Демидовский и Духовщинский районы) — в первую очередь, против объединения «Бати» (командир Н.З. Коляда). Бригады и отряды объединения «Бати» и другие боевые формирования упорно обороняли каждый населенный пункт, но под давлением многократно превосходящего их по численности противника вынуждены были оставлять населенные пункты и отходить в леса. К 29 сентября 1942 года северо-западный партизанский край был ликвидирован[1].

Исходя из вышеизложенного, пребывание «Дружины» в Смоленске было связано с участием русского батальона СД в антипартизанских операциях. Из состава части также отбирались кандидаты для заброски в советский тыл.

В октябре 1942 года «Дружина» была переброшена в Могилевскую область Белоруссии, под Старый Быхов. Именно в этот момент, по свидетельству Л. Самутина, личному составу в приказе была наконец доведена главная цель «Дружины»: борьба с партизанами[2]. Некоторые подразделения (например, рота старшего лейтенанта Точилова) получили также задачу охранять железнодорожное полотно Могилев — Рогачев на участке южнее 15-го разъезда, в глухом лесу между Быховым и Рогачевым.

Спустя некоторое время упомянутый Точилов был назначен начальником Отдела пропаганды штаба «Дружины», одной из основных задач которого было составление и распространение печатной продукции (листовок, брошюр) «Боевого союза русских националистов» среди местного населения. В подготовленном Главным разведывательным управлением РККА для партийно-государственного руководства «Обзоре мероприятий германских властей на временно оккупированной территории» (с июня 1941 по март 1943 года) сообщалось: «Известно о существовании на оккупированной территории отрядов, причисляющих себя к “русской народной армии”. Некоторые из них скрывают свою связь с германским командованием, но открыто говорят о своей враждебности к советскому строю и

[1] Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941—1943 гг. Смоленск, 1985. С. 131.

[2] *Самутин Л.* Указ. соч. С. 93.

партизанам. Эти отряды объявляют своей целью "борьбу за новую Россию". Следует отметить, что в районе Могилева, где появлялись отряды "русской народной армии", распространялись также антисоветские брошюры от имени организации "русских фашистов"»[1].

Воззваниями и листовками БСРН щедро снабжались и диверсанты, прошедшие подготовку в школах «Цепеллина» и забрасываемые в советский тыл. В спецсообщении Управления НКВД по Саратовской области № 2069 от 12 октября 1942 года сообщалось: «В ночь на 6 октября 1942 года в районе г. Хвалынска Саратовской области с самолета противника была сброшена на парашютах группа германских разведчиков-диверсантов в составе 4 человек. Принятыми мерами розыска группа германских агентов была задержана... Все вооружены двумя пистолетами, тремя гранатами и финскими ножами. Кроме того, группа была снабжена взрывчатыми веществами, термитным порошком, радиостанцией, воззваниями и листовками контрреволюционного характера, 50 000 рублей советских денег (на каждого), шапирографом. Все задержанные окончили школу разведчиков м. Яблонь близ г. Люблин... Все задержанные, прежде чем быть направленными в школу разведчиков, были завербованы в контрреволюционный "Боевой союз русских националистов"»[2].

При «Дружине» постоянно находился немецкий штаб связи с командованием СС. Он состоял примерно из полутора-двух десятков офицеров, унтер-офицеров и солдат. Во внутреннюю жизнь «Дружины» немцы не вмешивались. «Дружина» снабжалась по фронтовому довольствию войск СС (то есть лучше, чем части вермахта). В паек входили остродефицитные вещи: «...шоколад, кофе в зернах, французские коньяки и другие подобные продукты»[3].

Подразделения «Дружины» периодически вступали в боевые столкновения с партизанами. В ходе одной из операций офицерская рота встретилась с целым партизанским соединением, в ходе последовавшего боя оттеснена на деревенское кладбище, окружена, и только ценой больших потерь вырвалась из кольца. Случались и небоевые потери. Та же рота после боя на кладбище была отведе-

[1] ГАРФ. Ф. Р-5446, оп. 43, д. 53. Копия.

[2] *Чуев С.Г.* Спецслужбы... С. 207.

[3] *Самутин Л.* Указ. соч. С. 98.

на на охрану моста через Друть на дороге Могилев — Бобруйск. За три недели партизаны сумели наладить личные контакты с русскими эсэсовцами, «распропагандировали» их, убедили перебить немцев и перейти всем составом к ним, что и случилось 25 ноября 1942 года[1].

Осенью 1942 года под Люблином (в особом лагере СС «Гайдов» при Сталаге-319) началось формирование «Дружины II», организация которой была поручена соратнику Гиля капитану Блажевичу. К последнему было прикомандировано также несколько человек из первой сотни. Пожалуй, наиболее колоритной фигурой среди них был бывший командир 48-й стрелковой дивизии РККА генерал-майор Павел Васильевич Богданов. Он сдался в плен 17 июля 1941 года и содержался в Офлаге-68, где и познакомился с Гилем. Надо сказать, что Богданов еще в сентябре 1941 года обратился к германскому командованию с просьбой разрешить формировать части для борьбы против Сталина. Руководство РСХА вполне оценило этот шаг, но решило использовать генерала прежде всего в пропагандистских целях. Богданов был ненадолго прикомандирован к школе пропагандистов в Вульгайде. Здесь он официально отказался от советского гражданства и воинского звания, что затем было отражено в листовках БСРН. В «Дружину II» Богданов (очевидно, также из пропагандистских соображений) формально вступил рядовым, но уже в январе был произведен в поручики и назначен заместителем начальника штаба[2].

Отбор личного состава во вторую «Дружину» производился в течение всего сентября (всего было отобрано 300 человек), а в октябре началось непосредственное формирование нового подразделения. Все эти мероприятия завершились 11 декабря 1942 года[3]. «Дружина II» активно привлекалась в Люблине к уничтожению евреев. По при-

---

[1] Там же. С. 98.

[2] *Александров К.М.* Против Сталина... С. 128.

[3] *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты... С. 235; *Чуев С.Г.* Бригада «Дружина» — единожды предав... С. 136. Историк А.В. Окороков, ссылаясь на статью бывшего начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П.З. Калинина, пишет, что в «Дружине II» числилось около 135 человек (Антисоветские воинские формирования... С. 81).

казу Блажевича было изготовлено знамя части — огромное черное бархатное полотнище с вышитыми золотом черепом и костями[1].

Атаман «Общеказачьего объединения в Германской империи» генерал-лейтенант Е.И. Балабин в одном из своих писем (от 22 марта 1943 года) рассказал о впечатлениях, которые оставил визит в «Дружину II» его представителя М.А. Моисеева: «Мой представитель в Генерал-губернаторстве подъесаул Моисеев прислал мне вчера письмо. Он побывал в Люблине и там провел день под бело-сине-красным флагом в русском батальоне СС. Лейтенант-немец, который является инструктором в отряде, начал с того, что Россию представляют не эмигранты, а вчерашние большевики, теперь националисты. Эмигранты же имеют множество партий и еще больше разных взглядов, и их в армию "официально" не принимают, а неофициально милости просят. Отрядам СС в Белоруссии и Великороссии будет предоставлена вся власть... Моисеев познакомился с офицерами батальона и порядками там. Подбор солдат сделан идеально — дисциплина, подтянутость и вообще "душа порадовалась". Офицерский состав носит армейские золотые погоны: прапорщик — без звездочек, поручик — две звездочки, обе вдоль погона, капитан — три звездочки, как раньше было у поручика, но к немецкому мундиру СС золото не особенно подходит. Командир батальона майор Блажевич из Петербурга... В составе батальона бывший генерал — теперь только поручик. Вообще офицерский состав напоминает бывших прапорщиков, но все большие патриоты и умеют подойти к людям. В батальоне применяют мордобойство. Все полны веры в то, что Россия будет и будет дружба между двумя великими державами»[2].

Во второй половине января 1943 года батальон Гиль-Родионова, переброшенный в Слуцк, подключили к операции «Праздник урожая» (Erntefest). Операция проводилась в Пуховичском и Слуцком районах Минской области с 18 по 27 января. Перед началом операции был зачитан приказ. В нем говорилось: «Бандитов нужно атаковать и уничтожать. За врага следует принимать бандита, еврея, цыгана и каждого заподозренного в бандитизме. Учету сельскохозяйственных

[1] *Самутин Л.* Указ. соч. С. 103—104.

[2] ГАРФ. Ф. 5761, оп. 1, д. 11, л. 71.

продуктов нужно придавать большое значение»[1]. В результате было убито 1165 человек, 1308 мужчин и женщин угнано в Рейх, захвачено 2803 головы крупного рогатого скота, 562 свиньи, 1500 овец, 393 лошади, 438 тонн зерна[2].

С 30 января по 15 февраля 1943 года в Дзержинском, Копыльском, Слуцком и Узденском районах Минской области была проведена операция «Праздник урожая II». В акции участвовало три боевых группы: «Бинц», «Грип» и «Ворм». «Дружина» находилась в составе группы «Бинц» (Kampfgruppe Binz). В эту же группу входили: особый батальон СС Дирлевангера и 1 батальон 23-го полицейского полка СС. К каждой группе были прикомандированы команды СД, подчинявшиеся начальнику айнзатцгруппы штурмбаннфюреру СС Рейнхольду Бредеру[3].

Операция свелась к проведению карательных мероприятий: к сожжению деревень и уничтожению населения, связанного с партизанами, захвату рабочей силы и сельскохозяйственных продуктов. В итоге было расстреляно 2325 человек, около 300 человек было принудительно вывезено на работу в Рейх[4].

Параллельно с зачисткой районов, «зараженных бандитизмом», проводилась «акция по переселению» евреев из Слуцкого гетто. В течение 8—9 февраля 1943 года специальная команда СД (110 человек) под руководством оберштурмфюрера СС Мюллера безжалостно уничтожила 3 тысячи евреев[5].

Личный состав одного из подразделений «Дружины», в котором служил Самутин, был свидетелем, как происходила ликвидация

---

[1] Цит. по: *Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS... S. 101.

[2] Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии 1941—1944. Минск, 1984. С. 251; *Семенова А.В.* Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами / Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.) М., 1965. С. 381.

[3] *Munoz A.J.* The Druzhina SS Brigade: A History, 1941—1943. New-York, 2000. P. 38—39. *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division der SS. Rodgau, 2004. S. 38.

[4] Нацистская политика геноцида... С. 238, 251.

[5] *Ботвинник М.* Памятники геноцида евреев Белоруссии. Минск, 2000. С. 52—53.

Слуцкого гетто: «В Слуцке было большое гетто. Однажды утром мы узнали, что гетто горит, а его обитателей немцы вывозят за город и там расстреливают... Мы… с расстояния трех километров видели, как догорали дома гетто, как выезжали за город большие черные крытые брезентом машины и скрывались вдали. Из города доносились до нас звуки редких одиночных выстрелов»...

С 16 по 26 февраля 1943 года «Дружина» приняла участие в широкомасштабной антипартизанской операции «Февраль» (или «Лютый», нем. — Hornung), общее руководство которой осуществлял бригадефюрер СС и генерал-майор полиции К. фон Готтберг. Под его началом находилось оперативное соединение, включавшее в себя 5 групп. Часть Гиль-Родионова вошла в состав боевой группы «Восток»[1]. Этой группой руководил командир 2-го полицейского полка штандартенфюрер СС Ангальт. Группа преследовала партизан, «зачищала» деревни и села, помогавшие народным мстителям, уничтожала евреев, изымала сельхозпродукты, захватывала работоспособное население. По данным белорусских исследователей, каратели расстреляли и замучили около 13 тысяч человек, 1900 домов сожгли дотла, захватили около 17 тысяч голов рогатого скота[2].

Участвуя в этих операциях, «Дружина» получила со стороны немецкого командования довольно высокую оценку. Так, фон Готтберг отправил в Берлин рапорт, в котором подчеркнул, что «эта состоящая из 1200 русских часть очень скоро будет ударной силой, и в борьбе с бандами представляется надежной…»[3]

В марте 1943 года обе «Дружины» объединились в белорусском населенном пункте Лужки. Кроме того, в Глубоком (недалеко от Лужков) появился отряд добровольцев из разведывательной школы в Волау (около 100 человек), а также Особый русский отряд (батальон) СС. Это подразделение было сформировано в начале 1943 года бывшим капитаном РККА Разумовским и князем Голицыным в Бреслау с целью участия в «бессоновском» проекте по заброске диверсантов

---

[1] *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division… S. 39—40; *Munoz A.J.* The Druzhina SS Brigade... P. 39—40.

[2] Нацистская политика геноцида... С. 251.

[3] Цит. по: *Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS... S. 102.

в глубокий советский тыл. До 22 апреля отрядом командовал бывший полковник РККА Васильев, а затем — бывший подполковник РККА Дружинин (в последующем Дружинин перешел к партизанам, а Васильев был арестован немцами)[1].

На основе указанных подразделений был создан 1-й Русский национальный полк СС (1. Russisches Nationale SS-Regiment). Личный состав полка насчитывал 1200 человек, включая 150 офицеров. На вооружении находилось 60 орудий, 95 пулеметов и свыше 200 автоматов[2]. Часть возглавил Гиль (впрочем, тогда он уже пользовался исключительно псевдонимом Родионов), а Блажевич стал вновь начальником штаба. Оба получили звания полковников (штандартенфюреров). В мае 1943 года, по данным разведки партизан, в части было уже 1500 человек[3].

Лужки стали центром района, предоставленного немецкими властями Гилю для самостоятельного управления (очевидно, по аналогии и исходя из удачного опыта Б.В. Каминского в Локте и, позднее, в Лепеле).

При этом реорганизационные мероприятия не закончились. В мае 1943 года (по другим сведениям, в конце июня) на базе полка Гиля началось формирование 1-й Русской национальной бригады СС. 80 % соединения составили полицейские и местное население, 20 % — бывшие советские военнопленные. По партизанским данным, полицейские составляли 16—17 %, 11 % — русские эмигранты, 9 % — так называемые «кулацкие элементы и буржуазные националисты», остальные — более 60 % — бывшие советские военнопленные. Русских в бригаде было 80 %, украинцев и представителей других национальностей — 20 %. На вооружении бригады находилось: полковых орудий — 5, противотанковых орудий — 10, минометов —

---

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 85—86; *Чуев С.Г.* Спецслужбы... С. 215.

[2] *Калинин П.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии / «Военно-исторический журнал» (Москва). 1962. № 10. С. 34—37.

[3] Справка № 4 о дислокации изменнических формирований (РОА), установленных разведкой партизан с 1.1 по 1.10 1943 года / *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 844—845.

20, из них батальонных — 5 и ротных — 12, пулеметов — 280. Партизаны отмечали, что «винтовками русского, немецкого и чешского образцов личный состав бригады был вооружен полностью». Помимо винтовок личный состав соединения был вооружен немецкими пистолетами-пулеметами МР-40[1].

В конце июня 1943 года мероприятия по развертыванию «Дружины» подошли к завершающей стадии. Бригада состояла из трех строевых и одного учебного батальонов, автороты, артиллерийско-минометной батареи, пулеметной роты, учебной роты (унтерофицерской школы), роты боевого питания, двух взводов кавалерии, комендантского взвода, санчасти, хозчасти, штурмовой роты, саперного взвода, роты связи и взвода полевой жандармерии, организованного Блажевичем[2].

Немалую проблему представляет вопрос о численности соединения. По мнению А.В. Окорокова, к июню 1943 года бригада насчитывала около 8 тысяч человек. В последующем, отмечает историк, произошло еще одно увеличение состава (по некоторым сведениям, до 12 тысяч человек), что привело к переформированию бригады: «Взводы были расширены до рот, роты — до батальонов, а батальоны — до полков. Были сформированы также танковый и артиллерийский дивизионы»[3]. Западногерманский исследователь И. Гофман также отмечает, что в «Дружине» было 8000 человек[4]. К.А. Залесский, редактировавший монографию И. Гофмана, утверждает, опираясь на

---

[1] *Жуков Д.А.* Русский националист, германский шпион, советский провокатор... С. 5. Не исключено, что у немцев могли существовать планы по развертыванию на базе «Дружины» 1-й русской национальной дивизии СС численностью до 12 тыс. человек. В мемуарах Самутина момент создания бригады показан так: «Гиль с согласия немцев провел “мобилизацию” молодежи из местного населения под тем предлогом, что их все равно заберут к себе партизаны. Эти-то мобилизованные парни и дезертировали чаще всего. Численность бывшей Дружины уже превысила 3 тысячи человек, и она была переименована в Бригаду. Ее гарнизоны стояли уже во многих селах и деревнях...» (Указ. соч. С. 104.)

[2] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 82.

[3] Там же. С. 83.

[4] *Гофман И.* Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944—1945. М., 2005. С. 367. Цифра 8000 также встречается в работе А. Муньоса. См.: *Munoz A.J.* The Druzhina SS Brigade... P. 61.

документы ЦШПД, что «максимальная численность "Дружины" при развертывании ее в бригаду (июль 1943 года) составляла 3 тысячи человек в составе 4 батальонов, артиллерийского дивизиона и подразделений поддержки»[1].

Не совсем понятно, каким образом «Дружина» могла за короткий срок вырасти до 8 тысяч человек. Следует учесть, что подчиненные Гиля за это время привлекались к операциям против партизан, несли потери, переходили на сторону народных мстителей. По-нашему мнению, численность самой бригады никогда не превышала 4—5 тысяч человек.

Для участия в крупных акциях командование «Дружины» старалось использовать весь личный состав соединения, хотя, видимо, не все части бригады бросались в бой, а только боеспособные. Возможно, в сведениях партизанской разведки, где фигурирует цифра 1500 человек (май 1943 года), вкралась неточность, и советские патриоты учитывали только боевой состав соединения, непосредственно привлекавшийся для выполнения задач по предназначению.

Вызывает доверие позиция, предложенная А. Муньосом и поддержанная К.М. Александровым[2]. По их мнению, численность бригады, переброшенной в Докшицкий район Вилейской области, была доведена до 3 тысяч человек с дислокацией штаба в деревне Докшицы.

Командные должности в бригаде заняли как бывшие советские офицеры, так и русские эмигранты. Среди бывших офицеров РККА можно назвать полковников Орлова и Волкова, майоров Юхнова, Андрусенко, Шепетовского, Шепелева и Точилова, капитанов Алферова и Клименко, старшего лейтенанта Самутина[3].

Среди эмигрантов на командных должностях находились капитан Дамэ (начальник штаба 1-го полка), полковник (в СС имел звание гауптштурмфюрера) князь Л.С. Святополк-Мирский (командир артиллерийской батареи), бывший офицер армии Деникина, штабс-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 708, л. 92.

[2] *Munoz A.J.* The Druzhina SS Brigade... P. 61; *Александров К.М.* Русские солдаты вермахта... С. 207.

[3] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 82.

капитан Шмелев (офицер контрразведки бригады), граф Вырубов и другие[1].

Мероприятия по развертыванию «Дружины» в полк, а затем в бригаду проходили на фоне непрекращающихся боев с партизанами. В частности, с 15 мая по 22 июня 1943 года соединение приняло участие в крупномасштабной антипартизанской операции «Коттбус».

Собственно «Дружина» была задействована против партизан Борисовско-Бегомльской зоны. Подразделения Гиль-Родионова находились в составе группы Клупма и при поддержке двух полицейских батальонов СС наступали со стороны Докшиц в общем направлении на Бегомль и вдоль дороги Докшицы — Лепель. «Дружина» наносила встречный удар в направлении оперативной группы «Север» до населенного пункта Березино. Основная задача полка Гиля состояла в том, чтобы совместно с группой «Север» восстановить дорогу Докшицы — Лепель и в дальнейшем прикрыть ее от возможных ударов народных мстителей[2].

Партизаны упорно оборонялись, не ввязывались во фронтальные бои с противником, действовали небольшими группами и маневрировали, но ситуация складывалась не в их пользу. К концу мая Борисовско-Бегомльская партизанская зона была зажата со всех сторон, а к концу июня — ликвидирована[3].

Согласно донесению фон Готтберга от 28 июня 1943 года, в итоге операции «Коттбус» советская сторона понесла следующие потери: «Убито в боях 6087 человек, расстреляно — 3709, захвачено в плен — 599. Захвачено рабочей силы — 4997 человек, женщин — 1056»[4]. По мнению Г.К. Клименко, в этот момент «Дружина» «ничем не отличалась от соседних первоклассных эсэсовских немецких,

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 82.

[2] *Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS... S. 102; *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division... S. 43—44; *Munoz A.J.* The Druzhina SS Brigade... P. 48.

[3] *Титков И.Ф.* Бригада «Железняк». Минск, 1982. С. 199—200; *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division... S. 44.

[4] Цит. по: Из боевого донесения бригадефюрера СС и генерал-майора полиции фон Готтберга об итогах карательной экспедиции «Коттбус» против партизан и мирного населения на территории Витебской, Минской и Вилейской областей в мае — июне 1943 года (от 28 июня 1943 года) / Преступления

латышских, литовских и других частей, и во многих случаях превосходя их своею доблестью и стойкостью. Приток добровольцев и перебежчиков усиливался»[1].

Ниже мы коснемся попытки руководителей «Цеппелина» переподчинить формирование Гиль-Родионова, в результате чего был образован так называемый «Гвардейский батальон РОА».

В конце апреля 1943 года — то есть в период боевого слаживания 1-го Русского национального полка СС — руководители реферата Z VI управления РСХА поручили группе своих «проверенных» русских коллег принять командование формировавшейся в Лужках частью. В группу вошли русские эмигранты братья Сергей и Николай Ивановы, К.Г. Кромиади, И.К. Сахаров, граф Г.П. Ламсдорф, В.А. Реслер. Кроме того, к ним присоединились представитель РПЦЗ архимандрит Гермоген (Кивачук) и бывший бригадный комиссар РККА Г.Н. Жиленков, формально «представлявший» Русскую освободительную армию, которая, впрочем, на тот момент существовала только гипотетически — в пропагандистских материалах вермахта, адресованных советским военнослужащим.

Практически все названные выше лица уже «отличились» на службе в подразделениях абвера или СД. Главное же, что их связывало — совместная служба в созданном под эгидой абвера отряде «Граукопф» (Abwehr Abteilung 203, Unternehmen «Graukopf»; известен также под пропагандистским наименованием «Русская национальная народная армия», РННА). Это соединение было сформировано весной — летом 1942 года в поселке Осинторф Витебской области. Политическое руководство и связь с немецким командованием осуществлял С.Н. Иванов (в 1930-е годы возглавлял германский отдел Всероссийской фашистской партии), а К.Г. Кромиади стал комендантом центрального штаба и начальником строевой и хозяйственной части. В мае он подготовил из советских военнопленных сводную разведывательно-диверсионную группу (300 человек) для участия в операции по уничтожению управления 1-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта П.А. Белова, находившегося в окруже-

---

немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941—1944. Документы и материалы. Минск, 1965.

[1] *Клименко Г.К.* Указ. соч. С. 3.

нии, а в последующем обеспечивал участие отдельных батальонов РННА в антипартизанских операциях. В сентябре 1942 года командование «Граукопфом» принял бывший полковник РККА В.И. Боярский, а политическое руководство — Г.Н. Жиленков. Однако после ряда неудачных попыток использовать РННА на фронте и участившихся случаев перехода ее военнослужащих к партизанам Жиленков и Боярский были отозваны с командных постов и присоединились к «Русскому комитету» генерала Власова. Во главе РННА встал бывший майор РККА и начальник штаба РННА Р.Ф. Риль, а соединение — ориентировано исключительно на борьбу с партизанами. В начале 1943 года РННА была расформирована, а ее личный состав — распределен по различным частям вермахта. На бывших же командиров-осинторфовцев пристальное внимание обратили сотрудники «Цеппелина»[1]...

Согласно мемуарам Кромиади, Жиленков, узнав о намерении сотрудников РСХА переподчинить 1-й русский национальный полк СС группе белоэмигрантов, «сделал предложение СД, как представитель генерала Власова, перенять Бригаду Гиля с условием переформировать ее в Бригаду Русской освободительной армии. Когда СД приняло предложение Жиленкова, тогда вся осинторфская группа согласилась войти в подчинение Власову и ехать на фронт под командой генерала Жиленкова»[2]. Эту точку зрения, явно обусловленную нежеланием афишировать свою работу на СД, некритически приняли и многие исследователи, часть из которых вообще предпочитает умалчивать о какой-либо связи «бригады РОА» с «Цеппелином»[3].

Разумеется, ни о каком «подчинении» будущего соединения Власову и речи не шло (хотя из пропагандистских соображений и заявлялось о некой связи с «Русским комитетом»). Даже Самутин

---

[1] *Littlejohn D.* Op. cit. P. 313—314; *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 77—80; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 401, 524—525, 704.

[2] *Кромиади К.Г.* Указ. соч. С. 89.

[3] См., например: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции... С. 306. А.С. Казанцев нашел нужным указать лишь то, что СС были «инициатором» создания «Дружины» и «контрагентом в переговорах» (Указ. соч. С. 128).

в своих воспоминаниях предельно откровенно отмечает, что «эта "Гвардейская бригада РОА", так же как и бригада Гиля, является детищем и иждивенцем таинственного "Цеппелина"», и что «никакого действительного формирования бригады из имеющегося в наличии батальона не произойдет»[1]. Жиленков к весне 1943 года уже прошел все необходимые проверки по линии СД, участвовал в разработке ряда операций «Цеппелина»[2], а посему уместно говорить о том, что он играл в окружении Власова роль агента эсэсовской разведки (а не наоборот).

Возглавлять группу поручили начальнику главной команды «Цеппелин "Россия-Центр"» штурмбаннфюреру СС Хансу Шиндовски. Подразделение Шиндовски было переброшено в Белоруссию вместе с «дружинниками» и дислоцировалось в непосредственной близости от них — в Лужках, а затем в местечке Глубокое. 29 апреля 1943 года Шиндовски передал вышестоящему начальству в Берлин рапорт постоянного представителя СС при «Дружине» оберштурмбаннфюрера СС Аппеля: «Положение в "Дружине" требует вмешательства со стороны высших инстанций... "Дружина" развилась в таком направлении, которое свойственно русским при их мании к величию. В то же время замечено возрастающее недовольство, направленное против Германии... Активисты "Дружины" находятся под влиянием праздношатающихся по лагерю русских, они ведут свободную жизнь бандитов, пьют и едят вдоволь и совсем не думают о предстоящей деятельности "Дружины". Такое положение создает опасность для политики империи»[3].

Вальтер Шелленберг в своих мемуарах отмечает, что он «неоднократно просил Гиммлера отстранить Родионова от ведения борьбы с партизанами». Шеф эсэсовской разведки начал сомневаться в лояльности командира «Дружины» после нескольких личных бесед с Родионовым: «У меня начало складываться впечатление, что если

---

[1] *Самутин Л.А.* Указ. соч. С. 134.

[2] Как следует из протокола допроса агента «Цеппелина» Таврина, Жиленков принимал участие в разработке плана по покушению на Сталина. См.: *Дегтярев К., Колпакиди А.* СМЕРШ... С. 540—541.

[3] Цит. по: *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 83.

первоначально он и был противником сталинской системы, то теперь его позиция претерпела изменения»[1].

В итоге руководство СД сделало вывод о необходимости переподчинения полка Гиля политически проверенным русским коллаборационистам. Иванов и Жиленков предоставили кураторам из ведомства В. Шелленберга новое штатное расписание соединения (к примеру, на должности командиров полков планировалось назначить двух бывших майоров РККА — А.М. Бочарова и И.М. Грачева).

В начале мая группа Шиндовски прибыла в Глубокое. Появление комиссии вызвало переполох у руководителей «Дружины». Самутин описывает эти события в комических тонах: «Последовал непрерывный ряд совещаний... Было решено всеми средствами бороться против передачи этим офицерам наших частей. В крайнем случае, уступить батальон, даже полк, но не отдавать всю бригаду. Серьезным возражением было то, что силы неравны... Там два генерал-лейтенанта, а у нас... Тут-то и вспомнили, что ведь и у нас есть генерал-майор, теперь, правда, майор, Богданов. Надо немедленно восстановить его в звании!.. Блажевич привез из Люблина бригаду портных, сапожников и других мастеровых людей, из евреев, конечно, которым была сохранена жизнь до поры до времени по причине их профессиональной нужности. Теперь этим евреям под страхом немедленного расстрела было дано задание — за несколько часов, оставшихся до приезда власовских генералов, сшить генерал-майорскую форму майору Богданову. Работа закипела. Последние стежки дометывались, когда машины с посланцами Власова, в сопровождении сильного немецкого конвоя для охраны в пути, уже въезжали в Лужки... Богданова обрядили в новенькую генеральскую форму и уже готовы были выпустить навстречу приезжим, как обнаружилось, что на брюках господина генерала нет лампасов, этих широких полос красного сукна, по которым за полверсты можно отличить генерала от простого смертного! Откуда было знать этим несчастным евреям про генеральские лампасы, когда они никогда живого генерала и в глаза не видели, а заправлявший всем этим делом Блажевич забыл проследить, запарившись. Вот-то началась беготня,

[1] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 265—266.

чертыхания и обещания сейчас же, как только уедут эти проклятые генералы, перестрелять всех евреев, и не только портных. Откуда-то вытащили кусок красной материи, отхватили от куска длинные полосы, которые пришивать уже не было никакого времени. Пришпилили их булавками к генеральским штанам, и чуть не тычком в спину вытолкнули свеженького генерал-майора навстречу вышедшим из своих машин приезжим генералам... Когда Богданов, взяв под козырек, подтянувшись и изобразив некоторый переход даже и к строевому шагу, направился к приехавшим генералам, правая лампасина, наспех пришпиленная булавкой, отцепилась и повисла на правой штанине... Гиль сделал было движение подскочить к Богданову и подцепить лампасину, но было уже поздно, генералы сблизились, ничего сделать уже было нельзя... Богданов представился. Он начал было представлять Гиля ...но один из двух приехавших генералов... нарочито громко и четко сказал, чтобы всем было слышно:

— У вас непорядок в туалете, господин генерал, прикажите исправить...»[1]

Начались продолжительные переговоры. Кромиади вспоминает: «Мои личные встречи с Гилем в Лужках участились... Гиль приставал ко мне, предлагая поступить к нему в Бригаду на должность начальника его штаба, а я с благодарностью отклонял это предложение, объясняя свой отказ договоренностью, связывающей меня с нашей группой». Сам Кромиади высоко оценил строевую выучку подчиненных Гиля, хотя и «выразил свое недоумение по поводу характера и размаха его хозяйственной части. Гиль на это... заявил, что он, мол, позволил своим офицерам и унтер-офицерам обзавестись походными женами, чтобы этим путем удержать их от побега... Не может быть, чтобы такой прекрасный организатор и строевик не знал, что наличие баб в войсковой части неминуемо приведет к падению дисциплины, деморализации солдат и офицеров, а также и к мародерству»[2].

Благодаря поддержке и ходатайству местных органов СД перед вышестоящим командованием в Берлине Гилю удалось (хотя, очевид-

[1] Самутин Л. Указ. соч. С. 109—110.

[2] *Кромиади К.Г.* Указ. соч. С. 91.

но, не без труда) остаться на прежней должности. При этом эсэсовцы обязали его выделить из состава вверенного ему полка несколько подразделений для передачи под командование прибывшим из Берлина коллаборационистам (Особого русского отряда СС из Бреслау, учебного батальона и пропагандистского отдела; около 300 человек, по другим данным — 500)[1].

В середине мая сформированный на основе этих подразделений батальон перебросили в деревню Крыжево, а затем — в поселок Стремутка (15 км от Пскова), где с 1942 года располагался разведывательно-диверсионный пункт «Цеппелина». Часть, куда влилось еще несколько пополнений добровольцев, подчинили местным органам СД. Сводная рота батальона участвовала в параде псковского гарнизона вермахта 22 июня 1943 года. Подразделение маршировало со знаками и эмблемами РОА. Из-за этого бывших бойцов «Дружины» почему-то часто относят к формированиям генерала Власова, хотя шевроны, кокарды, петлицы и погоны РОА к тому моменту носили многие восточные части, не имеющие никакого отношения к несуществующей на тот момент власовской армии[2].

Тогда же по псковскому радио прозвучала известная песня русских добровольцев «Мы идем широкими полями»[3], сочиненная бывшими пропагандистами «Дружины». Характерно, что в ее тексте «РОА» не упоминается.

Член НТС Р.В. Полчанинов, который в тот момент находился в Пскове, в своих мемуарах пишет, что после парада 22 июня «советские агенты во главе с одним из автоматчиков, который на параде был ассистентом у знаменосца, устроили бунт… Были убитые с обеих сторон, но восстание не удалось, так как большинство власовцев оказалось идейными врагами большевизма»[4].

---

[1] *Александров К.М.* Восточные войска вермахта… С. 101; *Жуков Д.А.* Русский националист, германский шпион, советский провокатор… С. 6; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русские эсэсовцы… С. 131.

[2] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 87; *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939—1945: Русская освободительная армия... С. 33.

[3] *Полчанинов Р.В.* Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941—1951. М., 2009. С. 136.

[4] *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 136—137.

Следует добавить, что в мае 1943 года главная команда «Цеппелина» «Россия-Центр» переехала из Глубокого под Псков — в уже упомянутые поселок Стремутка и в деревню Крыжево. В августе 1943 года команду переименовали в главную команду СС «Россия-Север» (SS-Hauptkommando Russland — Nord Unternehmen Zeppelin), во главе ее был поставлен новый начальник — штурмбаннфюрер СС Отто Краус[1].

Самутин пишет: «Я стал замечать, что все большую и большую роль в делах бригады начинают играть немцы, говорящие по-русски, из немецкой шпионской школы, размещавшейся в барачном городке на южной окраине Пскова на берегу р. Великой. Вскоре... один из этих немцев утонул в Великой, катаясь пьяным на лодке. Оставшиеся двое, майор Краус и капитан Хорват, с удвоенной энергией начали вмешиваться во внутреннюю жизнь бригады, чуть ли не ежедневно приезжая в часть. Они в придирчивом тоне вели разговоры с Ламсдорфом, презрительно третировали нас, бывших советских офицеров...»[2]

Дальнейшая судьба так называемого 1-го Гвардейского батальона (бригады) РОА (по немецким документам, 1-я ударная бригада — 1. Sturmbrigade) показательна. Его личный состав использовался в составе особых команд СД по борьбе с партизанами (например, в 113-й охотничьей команде — Jagdkommando 113), забрасывались в тыл Красной армии. Когда «Дружина» перешла к белорусскими партизанам, СД сочло нецелесообразным создание диверсионной бригады. В ноябре 1943 года 150 человек перебежали на сторону ленинградских партизан. В итоге батальон (в тот момент им командовал

---

[1] О. Краус родился в 1906 году в Риге. По специальности — архитектор. В 1933—1934 годах служил в латышской армии. В СС вступил в июне 1940 года. В нацистской партии не состоял. Свободно владел русским языком. В 1941—1942 годах служил в айнзатцкомандах А (переводчиком) и 2 (командиром охранного отделения). Затем служил в дистрикте СС «Варта», после чего переведен в штат «Цеппелина» (информация любезно предоставлена кандидатом исторических наук Р.О. Пономаренко).

[2] *Самутин Л.А.* Указ. соч. С. 134. Любопытно, что К. Кромиади довольно неубедительно пытается отрицать тесную связь части с СД. Он пишет, что *«на новом месте»* начальство из СД *«нами почти не интересовалось... В Стремутке мы были предоставлены сами себе»* (Указ. соч. С. 95).

еще один бывший «осинторфовец» — майор Рудольф Риль, псевдоним — Владимир Кабанов) разоружили и расформировали. Остатки части передали в состав русской авиационной группы в Восточной Пруссии, потом они влились в ряды Военно-воздушных сил КОНР[1].

Дальнейшие события в самой «Дружине» развивались стремительно. Бригада начала стремительно разлагаться. Г.В. Клименко свидетельствует: «Моральное состояние бригады ухудшилось. Началось с того, что Родионов и его ближайшее окружение, в частности, майор Блажевич, набросились на обильно поставляемую немцами водку. Началось пьянство, кутежи, в которых принимали участие женщины, выписываемые даже из Польши. Руководили этим "делом" тот же Родионов и Блажевич. Конечно, это заставило кое-кого задуматься над этим, тем более что в последние месяцы, еще во время пребывания в Лужках, Родионов стал вести себя в полном несоответствии с должностью руководителя национальной боевой группы. Такое положение не нравилось и немцам, которые вначале просили прекратить безобразие, а потом, когда уже начались случаи грабежа и насилия, исходящие из ближайшего окружения Родионова и Блажевича, приказали прекратить и пригрозили, что они сами займутся наведением порядка и что виновные, несмотря на их положение, будут посажены в лагерь военнопленных»[2].

Л.А. Самутин вспоминает: «Гилю было наплевать на все. Он завел себе молодую "бабу" и все больше и больше пил. Вокруг него создавался все более и теснее узкий круг прихлебателей и собутыльников. Я не был вхож в этот круг, но Точилов какое-то время принадлежал к нему и приносил мне все более и более пугавшие меня рассказы о полной безыдейности, царящей в этом кругу, о бесперспективности всего дела, о воцарившемся настроении, которое точнее всего описывается, как "пир во время чумы"»[3].

---

[1] *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова… С. 703—704.

[2] *Клименко Г.В.* Правда о «Дружине» / «Суворовец» (Буэнос-Айрес). 1950. № 20. С. 3.

[3] *Самутин Л.А.* Указ. соч. С. 104.

Итак, летом 1943 года в СД вновь засомневались в способности Гиля эффективно командовать соединением. В Берлин пошли сообщения о политической неблагонадежности солдат и офицеров, а в одном из рапортов прямо констатировалось: «Родионов не внушает доверия своим поведением» и предрекалось, что «в ближайшее время "Дружину" постигнет катастрофа»[1].

Изменение в настроении Гиля заметил и шеф VI управления РСХА Вальтер Шелленберг. Он вспоминал: «После нескольких бесед с ним у меня начало складываться впечатление, что... его позиция претерпела изменения. Он считал, что обращение немцев с русским гражданским населением и военнопленными — а против такого обращения я и сам восставал, хотя и тщетно [В. Шелленберг активно участвовал в создании оперативных групп полиции безопасности и СД, которые занимались уничтожением евреев и коммунистов. Как известно, к выполнению этих "задач" активно привлекались и подчиненные Гиль-Родионова. — *Примеч. авт.*], — должно привести к катастрофическим последствиям. С другой стороны, я вынужден был отстаивать точку зрения Гиммлера. Я просил Гиля не забывать, что обе стороны прибегали ко все более жестоким и беспощадным методам ведения войны. Если посмотреть на партизанскую войну непредвзято, то вряд ли можно утверждать, что русские не повинны в таких же зверствах, что и немцы; возможно, они даже превзошли немцев в жестокости. Родионов напомнил мне, в свою очередь, об утверждениях нашей пропаганды, что русские люди "недочеловеки". Я ответил, что он не зря употребил слово "пропаганда" — ведь на войне так трудно провести четкую грань между моральным и аморальным. Я был убежден, что белорусы, украинцы, грузины, азербайджанцы, туркмены и представители других национальных меньшинств воспримут эти лозунги должным образом, именно как пропаганду военного времени.

Когда мы начали терпеть неудачи в России, наша секретная служба в своей работе тоже, естественно, начала сталкиваться с трудностями. Возникли определенные трудности и с руководством "Дружи-

[1] Цит. по: *Доморад К.И.* Партийное подполье и партизанское движение... С. 278.

ной". Несмотря на мои неоднократные предупреждения, случилось то, чего я боялся...»[1].

Параллельно с внутренними непорядками, личный состав «Дружины» постоянно подвергался пропагандистским атакам со стороны партизан, требовавших от русских эсэсовцев перехода на советскую сторону. С мая 1943 года разложением «Дружины» занялось несколько бригад народных мстителей: им. К.Е. Ворошилова (командир — Д.В. Тябут), «Дубова» (командир — Ф.Ф. Дубровский), им. В.И. Чапаева (командир — В.В. Мельников), им. ЦК КП(б) Б (командир — А.Д. Медведев)[2].

Пристальное внимание к «Дружине» было вызвано, скорее всего, тем, что русское формирование СД помимо удачных действий против партизан могло послужить базой, как предполагали в ЦШПД, для развертывания сил РОА. Этого советские патриоты не могли допустить ни в коем случае (особенно в Белоруссии, где население отнюдь не было поголовно лояльным по отношению к советской власти). Поэтому народные мстители делали все, чтобы развалить «Дружину», и их труды, надо сказать, давали определенные результаты. В отчете командира бригады им. ЦК КП(б)Б А.Д. Медведева отмечалось: «Особенно широко пропаганда среди войск противника была развернута с мая 1943 года, имевшая своей целью разложение войск противника. В результате этой работы перешло в бригаду из 1-го русского национального белогвардейского полка 35 человек»[3].

В самый разгар противостояния Гилю стало известно, что немцы, недовольные действиями бригады, решили арестовать его, а командование передать (по одной из распространенных версий) Богданову. Теперь у него не было другого выбора: либо в лес, либо обратно в лагерь. Гиль, вступив в личную переписку с представителями партизанской бригады «Железняк», выдвинул условие, что организует переход своих подчиненных на сторону партизан, если ему будет

---

[1] *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 265.

[2] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 84.

[3] Цит. по: Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы в трех томах. Т. II. Кн. I. С. 417.

возвращено советское воинское звание и он останется в должности командира бригады. Получив положительный ответ, он согласился организовать переход бригады, выдачу генерала Богданова и гауптштурмфюрера СС князя Святополк-Мирского. 13 августа «Дружина» была поднята по тревоге. Были уничтожены все немцы, все командиры полков, почти все командиры батальонов, все сотрудники «Службы предупреждения»[1], за исключением Богданова и нескольких офицеров-эмигрантов, которые были арестованы, переданы партизанам и доставлены самолетом в Москву (Богданов был расстрелян 24 апреля 1950 года по приговору военной коллегии Верховного Суда СССР).

16 августа Гиль-Родионов объявил по своей бригаде приказ об официальном переходе соединения на советскую сторону:

«С апреля 1943 года немецкое командование, боясь русских национальных сил, на дальнейшее их увеличение не идет, силясь превратить существующие русские подразделения и части в послушное орудие для порабощения русского же народа.

Все попытки со стороны нашей бригады воспрепятствовать немецким захватчикам в сжигании сел и истреблении русского населения успеха не имели. Давая обещания и заверения, фашистские гады в то же время производили свои кровавые расправы над невинным и безоружным мирным населением.

Гитлеровские бандиты, неся смерть и уничтожение всем народам, производят дикие расправы над русским населением, лицемерно пытаясь обмануть русский народ, заявляя о доброжелательном якобы их отношении к русскому народу.

Действительность показала, что ни о какой "новой России" они не думают и что у них лишь одна цель — порабощение русского народа.

Во имя спасения Родины от порабощения ее фашистскими захватчиками приказываю:

---

[1] Клименко утверждает, что в переговорах с партизанами был непосредственно задействован также Блажевич. Тот же автор ошибочно пишет, что генерал Богданов был «предательски» застрелен в затылок адъютантом Родионова капитаном И.И. Тимофеевым (Указ. соч. С. 3).

1. С сего числа бригаду именовать "1-я Антифашистская партизанская бригада".

2. Вменяю каждому бойцу бригады беспощадно истреблять фрицев до последнего их изгнания с русской земли.

3. С сего числа приветствие "хальб-литр" отменить, приветствовать прикладыванием руки к головному убору согласно Строевому уставу РККА.

4. Все фашистские знаки — свастики, черепа, вороны и другие знаки — снять.

5. Поздравляю офицеров и бойцов с присоединением к священной борьбе за нашу великую Родину.

Слава нашему великому народу!»[1]

В дальнейшем соединение Гиля именовалось Первой антифашистской партизанской бригадой. Клименко пишет: «Не все было уничтожено. Несмотря на запугивание, что немцы расстреливают всех "дружинников", эти последние стали от Родионова бежать. Уже с первых же дней в Глубоком при СД был устроен сборный пункт для возвращающихся. Тут же собрались и уцелевшие офицеры, во главе с майором Алелековым, Юхновым и Андрусенко. Было всего только около 30 офицеров, в том числе и прибывший из командировки капитан Дамэ, старый эмигрант, начальник штаба первого полка. Немцы предложили оставшимся направиться в другие части или отправиться на частные работы. Никто за проволоку отправлен не был»[2].

Кроме того, нацисты организовали серию пропагандистских атак на личный состав Антифашистской бригады. В одной из листовок к своим бывшим сослуживцам обращался майор Юхнов. Он писал: «Глава о Гиле закончилась. Точку над главой о Родионове поставит рано или поздно НКВДист пулей в затылок у свежевырытой ямы. Жаль мне все жалкие остатки бывшей "Дружины", которые, больные сыпняком, цингой и чесоткой, ле-

[1] Цит. по: *Титков И.Ф.* Указ. соч. С. 224—225. Название 1-й Антифашистской партизанской бригады было утверждено решением ЦК ВКП(б)Б и БШПД. См.: *Калинин П.З.* Партизанская республика... С. 174.

[2] *Клименко Г.В.* Указ. соч. С. 3.

жат в лесах и ожидают своего конца. Они заслужили бы лучшей доли»[1].

Факт перехода «Дружины» на советскую сторону не остался без внимания и коллаборационистской прессы — как гражданской, так и военной. Оккупационные газеты писали, что «провокатор Гиль-Родионов» еще в лагере для военнопленных «начал свою карьеру клеветническими данными на своих же товарищей». Заняв командную должность, он «пытался подстрекать, что с партизанщиной можно покончить путем зверской жестокости и поголовного истребления», а также «саботировал приказ о хорошем обращении с населением». В последующем в оккупационной печати появлялись и не лишенные известной доли злорадства заметки о «подвигах» родионовцев-антифашистов. Так, в одной корреспонденции констатировалось, что «банды Родионова долгое время занимались насилиями и грабежами честного мирного населения, жгли хутора жителей». В статье, озаглавленной «Я только теперь узнал правду», бывший «дружинник», подписавшийся инициалами «А.С.», писал: «Особенно показали себя во всей красе командиры бандитских отрядов бригады Родионова. Шепелев и Петров, бросив свои отряды, бежали в неизвестном направлении, оставив своим подчиненным право решать свою участь». В итоге «многие бандиты», по данным корреспондента, вновь перешли на сторону немцев[2].

Рассказ о боевом пути Антифашистской бригады выходит за рамки нашего исследования[3]. Следует сказать лишь то, что 16 сентября 1943 года Родионов был награжден орденом Красной Звезды, и тогда же ему было присвоено звание полковника. Сама бригада участвовала в обороне Полоцко-Лепельской партизанской зоны, однако весной 1944 года была фактически полностью разгромлена в ходе

[1] *Юхнов.* Образ руководителя бандитов. Бандиту Родионову, под кличкой Гиль (Листовка, адресованная личному составу Первой антифашистской партизанской бригады) / Коллекция листовок Государственной публичной исторической библиотеки (Москва). Эту листовку также приводит в своей статье Г.В. Клименко.

[2] Информация любезно предоставлена историком И.В. Грибковым.

[3] Авторы подробно рассматривают боевой путь Первой антифашистской бригады в работе: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская национальная бригада СС «Дружина». М., 2010. 368 с.

операции «Весенний праздник» — самой крупной антипартизанской акции за всю войну. Бригада потеряла 1026 человек (больше половины личного состава) и перестала существовать. Сам Гиль погиб в бою 14 мая.

Клименко приводит такую версию гибели Гиля: «Сам Родионов был тяжело ранен, и тогда один из офицеров, бывших его подчиненных, подошел к нему и, произнеся "Собаке собачья смерть", тут же, на месте, застрелил его»[1].

На наш взгляд, достаточно объективную оценку действиям Антифашистской бригады и ее командира высказал после войны бывший начальник Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинин: «1-я антифашистская бригада воевала. Ее личный состав мужественно сражался с оккупантами вплоть до полного освобождения Белоруссии. Опытным командиром показал себя в боях и Гиль-Родионов. Он погиб в борьбе с фашистскими захватчиками. Тем не менее и сейчас, когда пишутся эти строки, я не могу назвать его патриотом. Разве можно умолчать о карательных экспедициях против партизан, в которых участвовали "роавцы" под его командованием. Разве можно забыть о зверствах, которые чинили они над мирным населением в Кличевском, Лепельском и некоторых других районах... Можно простить многое, очень многое... Но нельзя, невозможно простить сознательную измену родной стране, своему народу, массовые расстрелы своих братьев по крови. Вот почему я и поныне не считаю возможным сказать доброе слово о В.В. Гиль-Родионове»[2].

Последняя точка в истории «Дружины» была символически поставлена следопытами витебского поискового отряда «Пошук» в сентябре 1992 года. В районе хутора Накол Глубокского района были найдены останки полковника Гиля. Спустя несколько дней истлевшие кости бывшего русского эсэсовца и советского партизана были перезахоронены в городе Ушачи в центре братской партизанской могилы.

---

[1] *Клименко Г.В.* Указ. соч. С. 3.

[2] *Калинин П.З.* Указ. соч. С. 175. Эту же версию дублирует С. Стеенберг (Указ. соч. С. 127).

Приложение 1

Из статьи Михаила Боброва о бригаде Гиль-Родионова

Полковник Родионов попал в немецкий плен, защищая в 1941 году Минск. Он был взят раненым, в бесчувственном состоянии. Дивизия советской армии, которой он командовал, рассыпалась по лесам и в значительной части сдалась в плен. Солдаты не хотели воевать за советскую власть, и Родионов ничего не мог изменить. В числе других высших офицеров Красной армии Родионов был объявлен в приказе Сталина врагом народа, так как он не выполнил приказа, предписывающего беречь «последний патрон для себя». Может быть это, а может быть общий дух антибольшевизма, разгоревшийся в лагерях для военнопленных, но что-то заставило Родионова задуматься о своем долге перед родиной.

Родионов, в лагере военнопленных, перед лицом голодной смерти, стал антибольшевиком. Вокруг него сплотилась небольшая группа солдат и офицеров, и это содружество смертников было названо «Дружина». Всего их было 25 человек. «Дружина» вскоре стала пропагандным антикоммунистическим центром в огромном лагере, где она была. В неприглядной темноте неосвещаемых помещений члены «Дружины» делали доклады, устраивали диспуты, разжигали споры и решали идеологические проблемы. Все тогда искали для себя правильный путь в событиях, и поэтому вскоре «Дружина» стала своеобразным политическим центром военнопленных. Вскоре ей удалось завязать связи с антибольшевистскими организациями на воле, и те предприняли хлопоты об освобождении «Дружины» из лагеря. Надо сказать, что в 1941 году военнопленным солдатам и даже офицерам часто удавалось уходить из лагерей. Немецкое командование, до передачи лагерей в руки гражданских и полицейских органов, охотно выпускало военнопленных, если за ними приезжали их родственники. Часто отпускали пленных также по просьбе различных русских организаций, сельских общин и т.д. Естественно, каждая русская организация старалась освободить из плена как можно больше людей. На заводах и на фабриках, в учреждениях и в сельских общинах, везде можно было повстречать бывших военнопленных. Инженеры, врачи, педагоги — все это в основном были

пленные, отпущенные командованием немецкой армии. (Позже, когда разгорелась партизанская война, эти люди снова были взяты в лагеря военнопленных.) Удалось освободить и Дружину Родионова, 25 солдат и офицеров, ставших антикоммунистами. Формальной причиной для освобождения была необходимость поддержания порядка в одном лесном районе, куда Дружина и направилась после своего освобождения из лагеря.

Вскоре Дружина стала серьезной боевой силой. Из многих городов и районов в Дружину стекались бежавшие из советской армии солдаты и офицеры. Молодежь из городов и сел оккупированных территорий тоже рвались к организации и оружию, она вступала в Дружину или переселялась в район, где была расположена Дружина, чтобы скрыться от принудительного труда, который начинал вводиться немцами.

Выполняя пожелание политического антибольшевистского комитета, в который вошел и Родионов, принявший имя «Гиль», Дружина собирала по лесам и по укромным местам оружие, брошенное при отступлении советской армией. Немцы, я думаю, были немало удивлены, когда вскоре им стало известно, что Дружина уже насчитывает 3500 солдат и офицеров и вооружена не только легким оружием, но имеет артиллерию и даже танки, найденные по лесам и отремонтированные собственными силами.

Дружина храбро сражалась за свой район, когда в нем был выброшен крупный военный десант советских войск, и закончила бой тем, что около 250 солдат десанта перешли к ней. С тех пор она спокойно стояла в своем районе, поддерживая порядок и спокойствие и помогая населению перестроить жизнь на новых началах.

Когда начался разгром «крамолы» в немецком тылу, он коснулся и Дружины. В район, охраняемый Дружиной, явился отряд войск СС, уполномоченный министерства Розенберга и целый штаб нацистских чиновников. На первый раз Дружина просто изгнала отряд немцев и всех чиновников из своей зоны. Гиль-Родионов по предложению антибольшевистского комитета обратился к немецкому командованию со следующим заявлением:

«Дружина, которой я командую по поручению антибольшевистского комитета, является добровольным формированием,

созданным для защиты населения и поддержания порядка в порученном ей районе. Она сама добыла для себя оружие и одежду, питание же получает от населения своего района. Она является дружественной германской армии. Районы, занятые ею, добросовестно поставляли продовольствие для германской армии по нормам, установленным германской армией по соглашению с русскими гражданскими учреждениями. Это будет делаться также и впредь.

Однако я считаю своим долгом заявить, что попытка подчинить Дружину германским тыловым учреждениям, отнять в районах власть от выбранных населением и утвержденных германской армией старшин, как и попытка разрушить налаженный порядок жизни, встретит противодействие как со стороны Дружины, так и населения».

Дальше в заявлении Гиль-Родионов просил командование германских войск наказать виновных в посылке карательного отряда войск СС и в безобразиях и бесчинствах, которые учинил этот отряд и прибывшие с ним чиновники.

Ответом на эту жалобу Гиль-Родионова был приказ Дружине разоружиться. Приказ исходил не от армии, куда было подано заявление Гиль-Родионова, а от генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе, присланного Гитлером для управления завоеванной вотчиной. Кубе дал трехдневный срок для выполнения своего приказа. В это же время до Дружины дошли вести о том, что антибольшевистские организации в городах подверглись разгрому, известные Дружине антибольшевики арестованы или расстреляны. Надо было решить вопрос, подчиниться ли немцам или отстаивать свое право на свободу. И решение было принято. Во все районы, которых можно было достигнуть, были посланы оперативные группы из солдат и офицеров. Они арестовали всех немцев, найденных ими в этих районах: гестаповцев, жандармов, сборщиков налогов, ландвиртшафт-комендантов. Всего к утру в штаб Дружины было доставлено около 400 немцев. Половина из них были простые солдаты и их отпустили. Несколько десятков чиновников и офицеров, доброжелательно относившихся к населению, были также отпущены. Остальные расстреляны.

Жребий был брошен. К месту стоянки Дружины двинулись карательные отряды. На поддержку им была послана дивизия германских войск. Гиль-Родионов знал, на что он шел. Сжегши танки, уничтоживши тяжелое вооружение, Дружина ушла в непроходимые леса и болота. С боем Дружина прошла мимо Минска, уничтожая на своем пути немецкие гарнизоны, и скрылась в болотах у Пинска, куда немцы не рисковали посылать свои войска.

Вскоре Дружина Гиль-Родионова превратилась в бригаду партизан, добывшую громкую славу в боях. Она теперь называлась «За Родину». В бригаду Гиль-Родионова из Москвы были присланы специальные эмиссары. Они обещали Гиль-Родионову прощение Сталина, если только он согласится и поможет «очистить» Дружину от идейных врагов советской власти, которых в Дружине было немало. Сломленный трудностями, Гиль-Родионов согласился на это. В партизанской бригаде начались аресты и расстрелы. Прилетевшие из Москвы люди, прикрываясь авторитетом командира бригады Гиль-Родионова, арестовывали и уничтожили по одиночке тех, кто проявлял себя наиболее непримиримым к Сталину. За эту измену делу антикоммунизма Гиль-Родионов поплатился своей головой. Уже тогда, когда Сталин простил его и наградил высоким орденом «за выполнение особых заданий правительства», было принято решение убрать Гиль-Родионова. В глубоком германском тылу его убили уцелевшие антибольшевики из Дружины, вчерашние его друзья... С тех пор следы партизанской бригады Гиль-Родионова затерялись, и о ней ничего больше не было известно.

См.: Бобров М. Страшное безмолвие России / «Возрождение» (Париж). 1949. № 6. С. 128—130.

Приложение 2

Статья Г.В. Клименко «Правда о “Дружине”»

В издающемся в Париже под редакцией С.П. Мельгунова сборнике-тетради «Возрождение» (ном. 6 за ноябрь — декабрь 1949 г.) я прочел статью М. Боброва «Страшное безмолвие России». В этой статье, именно в части ее, касающейся Гиль-Родионова и его «Дружины», го-

ворится о Родионове, как о чуть ли не о русском национальном герое. Это обстоятельство заставляет меня во имя исторической правды сделать некоторое разъяснение и указать на ложность такого освещения деятельности г. Родионова.

Историю «Дружины» знаю я хорошо, т.к. был в ней почти с момента зарождения и до ее конца, в качестве командира 1-й роты, особого мотомех. батальона.

Зимой 1941—1942 года у находившихся в лагере военнопленных Сувалки группы советских офицеров явилась мысль организовать русскую боевую группу для борьбы с большевиками. Прежде всего была создана политическая организация под названием «Русский Национальный Союз». Во главе этой организации стал б. советский полковник Родионов, принявший фамилию Гиль. Немцы заинтересовались этой организацией и начавшиеся переговоры привели к формированию сначала одной, а потом второй «Дружины». Первой стал командовать полк. Родионов, его начальником штаба был подполк. Орлов. Из военнопленных же составилось и общее руководство «Дружины», в которое вошли: б. командир 47-й стрелковой, им. Калинина дивизии ген.-м. Богданов, б.н. полигона в Виннице майор Юхнов, майор Андрусенко и др. Все б. советские офицеры и солдаты, отказавшиеся бороться за советскую власть, с радостью взялись за оружие для борьбы с большевизмом, за национальную Россию. Девизом было «За Русь», и борьба шла под трехцветным национальным флагом. Группа эта, численностью около батальона, была направлена в гор. Старый Быхов. Вооружение и снабжение было дано немцами, из трофейного чешского и советского вооружения. Был дан также и автотранспорт, в виде грузовиков, боевых машин, мотоциклетов и т.п., так что почти вся группа была полностью моторизована. Так как «Дружину» взяли под свое «покровительство» «войска СС», то и для связи был придан «немецкий штаб» во главе с СС-оберштурмфюрером Попом (псевдоним).

Одновременно с организацией группы Родионова (первой «Дружины») была организована вторая «Дружина», во главе которой стал майор Блажевич, латыш по происхождению и, как ходили слухи, в прошлом офицер войск НКВД, старый большевик и член партии. В группу эту вошли майор Алелеков, кап. Малиновский, ст.

лейт. Палферов и др. «Вторая Дружина» была направлена в район гор. Люблина для охраны военных складов и лагерей.

В марте 1943 года обе «Дружины» разрослись численностью около полка каждая (за счет добровольцев из лагерей военнопленных, из населения и скитавшихся в лесах остатков разбитой советской армии) и были переброшены в район гор. Глубокого, в Белоруссии. Штаб расположился в б. польских казармах пограничных войск, в местечке Лужки. Здесь произошло объединение обеих «Дружин», было принято новое название: СС-бригада «Дружина», численностью 3000—4000 человек, и во главе бригады стал полк. Родионов-Гиль. При нем был организован штаб бригады во главе с подполк. Орловым и непосредственно подчиненный самому Родионову отдел «С.П.» (Служба Предупреждения), имевший политическо-разведывательный характер. Эту «службу» возглавлял майор Блажевич, совместно с ген.-м. Богдановым, майором Алелековым, кап. Малиновским, ст. лейт. Палферовым и др.

Сама бригада состояла из четырех батальонов (полки были введены позже), пулеметной роты, артиллерийской роты, роты связи, транспортной роты, роты боевого питания, хозяйственной роты и учебной роты (школа прапорщиков и школа младших командиров), организован майором Блажевичем взвод полевой полиции.

В Лужках «Дружине» была предоставлена возможность организоваться и расшириться. Поплыли со всех сторон добровольцы, призываемые Родионовым для борьбы с коммунистами, повсюду рассыпались воззвания и велась усиленная политическая работа. «Дружина» росла, заражая кругом всех своей национальной силой. Офицеры и солдаты становились на крепкий антикоммунистический путь. И когда в мае 1943 года «Дружина» была отправлена в бой для борьбы с большими партизанскими и парашютными частями, она ничем не отличалась от соседних первоклассных СС-овских немецких, латышских, литовских и др. частей, и во многих случаях превосходя их своею доблестью и стойкостью.

Приток добровольцев и перебежчиков усиливался.

После успешной операции «Дружина» возвратилась на отдых в тот же район гор. Глубокого, но на этот раз штаб расположился в гор. Докшицы, а части в его районе радиусом в 50 км.

СС-командование разрешило увеличить состав бригады до 12 тысяч человек. (К этому времени в бригаде было около 8000 чел.) Началась горячая работа переформирования. Взводы выросли в роты, роты — в батальоны, батальоны — в полки. Появились танковый и артиллерийский дивизионы. Приплыв добровольцев еще увеличился. Но моральное состояние бригады ухудшилось. Началось с того, что Родионов и его ближайшее окружение, в частности, майор Блажевич, набросились на обильно поставляемую немцами водку. Началось пьянство, кутежи, в которых принимали участие женщины, выписываемые даже из Польши. Руководили этим «делом» тот же Родионов и Блажевич. Конечно, это заставило кое-кого задуматься над этим, тем более что в последние месяцы, еще во время пребывания в Лужках, Родионов стал вести себя в полном несоответствии с должностью руководителя национальной боевой группы. Такое положение не нравилось и немцам, которые вначале просили прекратить безобразие, а потом, когда уже начались случаи грабежа и насилия, исходящие из ближайшего окружения Родионова и Блажевича, приказали прекратить и пригрозили, что они сами займутся наведением порядка и что виновные, несмотря на их положение, будут посажены в лагерь военнопленных. Видя это, Блажевич воспользовался угрозой и стал распространять слухи о том, что немцы хотят посадить всю «Дружину» за проволоку. Для этой пропаганды была благоприятная почва, т.к. «дружинники» немцев не любили, относились к ним с подозрением, знали, что немцы тормозят русскую национальную работу, плохо относятся с населением и военнопленными, предполагали также, что Германия хочет завоевать Россию, а кроме того, почти все прошли через лагеря военнопленных и прекрасно знали, что значит быть у немцев за проволокой. Все это и заставило некоторых людей поддаться пропаганде Блажевича. Так удалось ему собрать группу около 200 человек — любителей водки и прочих упавших духом людей. Остальной же состав «Дружины» положился полностью на Родионова, в надежде, что он найдет выход из положения. И, действительно, Родионов нашел «выход». В одно не совсем прекрасное утро части «Дружины» оказались окружены со всех сторон партизанами. Начала действовать «доверенная» группа

Родионова — Блажевича. Во-первых, зверски были убиты все чины немецкой команды (удалось спастись только одному человеку). Дальше очередь дошла и до русского командного состава. Одним из первых, личным адъютантом Родионова кап. Ив.Ив. Тимофеевым, предательски, в затылок, был застрелен ген.-м. Богданов. За ним были расстреляны нач. штаба полк. Орлов, все командиры полков, все, за исключением одного — тоже предателя, -- командиры батальонов и почти весь офицерский и мл. командный состав «Дружины». Было также расстреляно большое количество рядового состава. Сейчас же была организована активная группа, которая держала в терроре всех остальных, противных перевороту. Во главе заговора, конечно, сразу же стал сам Родионов, прицепивший в первый же день на грудь ранее заслуженный «Орден Красного Знамени». Одновременно «жены» (как Родионовцы их называли, «п.п.ж.», что обозначало «полевая походная жена») Родионова и Блажевича, с несколькими ближайшими людьми Родионова, связались с партизанскими советскими бригадами Железняка и Дубова и ввели этих партизан в Докшицы, после чего совместно начался поход на гор. Глубокое. Сметались по дороге все немецкие посты, была занята узловая станция Круглевщина и перерезана этим жел. дорога, снабжающая Полоцк и весь участок фронта. Подойдя к Глубокому, «Дружина» была встречена сильными немецкими частями и должна была отойти. Обратный путь сопровождался сожжением деревень и сел и, в конце концов, был сожжен и г. Докшицы, где также был сожжен весь автотранспорт, танки и артиллерия. После этого Родионов благополучно ушел в леса, вместе с коммунистическими партизанами.

Но этим карьера его не кончилась. Не все было уничтожено. Несмотря на запугивание, что немцы расстреливают всех «Дружинников», эти последние стали от Родионова бежать. Уже с первых же дней в гор. Глубоком при С.Д. (политическая полиция) был устроен сборный пункт для возвращающихся. Тут же собрались и уцелевшие офицеры, во главе с майором Алелековым, Юхновым и Андрусенко. Было всего только около 30-ти офицеров, в том числе и прибывший из командировки кап. Дамэ, старый эмигрант, нач. штаба первого полка. Немцы предложили оставшимся направиться в другие части

или отправиться на частные работы. Никто за проволоку отправлен не был.

Однако дело этим не кончилось. Чтобы отомстить за измену, были организованы «летучие части», которые занялись погоней. «Дружина» превратилась в советскую партизанскую бригаду «За Родину». Родионов был вызван в Москву, где лично от Сталина получил «Орден Ленина», был произведен в генерал-майоры и назначен инспектором партизан Белоруссии. Возвратившись обратно, он застал бригаду «За Родину» в жалком состоянии. Бригада еще действовала, но дни ее были уже сочтены. Зимой 1944 года, около ст. Зябки, при попытке перехода через жел. дорогу, остатки б. «Дружины», численностью около 300 человек, были окружены и полностью уничтожены. Сам Родионов был тяжело ранен, и тогда один из офицеров, б. его подчиненных, подошел к нему и, произнеся «Собаке собачья смерть», тут же, на месте, застрелил его.

Организация «Дружины» была одна из первых проб привлечения русских для борьбы на стороне немцев. Весьма интересны в этом отношении слова д-ра Клейста, б. высшего чиновника Восточного министерства — Розенберга: «Первая серьезная проба сотрудничества с Россией в более уверенной форме была в предприятии "Цеппелин" ...из лагерей военнопленных среднего и северного участка фронта начался большой набор советских офицеров и солдат, которые кроме других задач организовали военную боевую группу под названием "Дружина"...»

«...Весной 1942 года посетил я лагерь "Дружины" вблизи гор. Невеля, на среднем участке фронта. Было хорошее, товарищеское отношение между немцами и русскими...»

Дальше д-р Клейст подробно рисует картины проведенных с офицерами «Дружины» ночей в разговорах: «почему мы боремся против большевиков». Одновременно д-р Клейст признает губительную политику СС-овских офицеров, в частности высокого полицейского «СС-фюрера» Бах-Зелевского: «...Дружина должна была быть снята с фронта и внедрена в полицейские формации Баха...» «...советские пропагандисты нашли подходящую почву среди людей. Вспыхнули беспорядки, стоившие жизней нескольких германских офицеров, и "Дружина" перешла к партизанам». Еще далее доктор

Клейст описывает свои усилия изменить германскую политику на востоке, которые, несмотря на разговоры с самим Гитлером, ни к чему не привели. Дальше д-р Клейст выводит, что измена «Дружины» сильно повлияла на дальнейшие русские формирования, в том числе и на РОА ген. Власова.

Доверие к русским было подорвано.

Касаясь внутренней жизни «Дружины» и ее руководства, хотя бы вскользь, необходимо ответить на вопрос: а что же смотрели другие русские националисты, находящиеся в «Дружине»? — Вопрос этот естественный, и ответ необходим. Начиная с 1943 г., когда обе «Дружины» соединились и стали стекаться новые люди, клика Родионов — Блажевич сплотились крепко в небольшую группку, взявшую руководство в свои руки и державшую под террором весь остальной личный состав. Расстрелы не подчинявшихся этой клике были не редкостью. Всякая попытка протеста или даже высказывание неудовольствия влекло за собой репрессии. Так погибли многие, начавшие всплывать на поверхность своей доблестью, честностью и желанием настоящей борьбы. Так погибли руководители двух попыток направить «Дружину» на истинно национальный антибольшевистский путь борьбы «За Русь».

Первый попытавшийся был настоящий патриот — майор Кравчук, пользовавшийся большим авторитетом. Второй случай, это попытка стать на путь правды группы офицеров во главе с б. начальником кадров Черноморского флота, майором Кузнецовым.

Когда ген. Власов прислал своих представителей для переговоров с Родионовым о соединении «Дружины» с РОА, то несмотря на желание большинства личного состава «Дружины», понимавшего необходимость единения, Родионов не согласился на это. Приехавших ген. Малышкина, ген. Иванова и др. чествовали ужином, было устроено торжественное заседание при участии всего командного состава, но на этом все и кончилось. Генералы и офицеры, а также и прибывший пропагандный батальон «Цеппелин», должны были уехать ни с чем. Позднее стало известно, что Блажевич имел непосредственную связь с коммунистическими агентами в Литве, куда несколько раз ездил сам, а также и с Родионовым.

Кроме этого была установлена непосредственная связь и с сов. партизанами. В начале 1943 года Родионовым был специально выслан для связи с главным партизанским штабом в сел. Ушачах майор Петров, который и пребывал там все время.

Из всего этого надо констатировать, что вся деятельность Родионова-Гиля была сплошной советской провокацией, имевшей целью дискредитировать русских в глазах немцев, и этим не допустить до серьезных формирований русских националистов на стороне немцев. Конечно, это не было еще решающим фактором в германской политике, но все же, как говорит сам д-р Клейст в своих воспоминаниях, давало козырь в руки таких противников, как Гиммлер, Риббентроп, Розенберг и др., говоривших Гитлеру о невозможности какого-либо разговора с восточными «варварами».

Как же «легко» было потом другим русским национальным вождям добиваться формирований после таких предательств и измен, вроде измены Родионова-Гиля.

В дополнении ко всему вышеизложенному, я хочу передать копию обращения — листовки, разработанную оставшимися офицерами «Дружины» и подписанную майором Юхновым.

«Образ руководителя БАНДИТОВ. Бандиту Родионову, под кличкой Гиль!

Уже месяцами мы слышим все снова и снова упоминание имени Родионова в советской пропаганде. Его прославляют как героя, его воззвания проникнуты любовью к советскому отечеству, сам Сталин награждает его орденом Ленина. ***Знаете ли Вы, кто этот Родионов на самом деле?*** *Я хочу Вам это рассказать, ибо я имел случай познакомиться с этим типичным бандитом.*

Тебе, Владимир Владимирович Родионов, под кличкой Гиль, руководителю бандитов и носителю ордена Ленина, этим письмом я хочу напомнить некоторые факты и публично охарактеризовать тебя, беспринципный подлец, трус и заплечных дел мастер.

Помнишь ли ты, как 7 сентября 1941 г. ты в Сувалкском лагере военнопленных предоставил себя в распоряжение немцев для борьбы против большевизма?

Помнишь ли ты имена тех командиров, которых ты завербовал тогда для этой цели?

Ты, наверное, их еще помнишь: подполковника Вячеслава Орлова, майора Александра Шепелева, майора Андрея Блазевича, майора Павла Петрова, капитана Димитрия Малиновского, капитана Ивана Тимофеева, капитана Нисова, старшего лейтенанта Ивана Илющенко и всех остальных.

Вместе с этими своими товарищами по коварству, ты без жалости истреблял всех захваченных тобою в плен бандитов. Помнишь еще, как, например, ты собственноручно убил майора внутренних войск НКВД Гаврилова?

Когда тебя упрекали за твои нечеловеческие меры, которыми ты истязал пленных партизан, ты свою ненависть к большевикам обосновывал тем, что ты на собственной шкуре прочувствовал террор НКВД.

Твоя слепая ненависть и безжалостность ко всем приверженцам советской системы доказали твое фанатическое антибольшевистское убеждение.

Мы верили твоим словам, которыми ты призывал нас на борьбу с системой НКВД и видели в тебе вождя бескомпромиссной борьбы за свободную Россию. Когда ты организовал «Дружину», мы охотно пошли за тобой, и вели безжалостную борьбу против большевистских банд и их пособников. Производя чистку своей же Дружины, ты искоренял безжалостно даже тех, которых подозревал в симпатиях к большевизму. Помнишь ли, как ты приказал расстрелять в Парчеве 9 человек: Баранова, Ася, Тимошенко, Енашева и 5 других? Помнишь ли, как ты в Старом Быхове собственноручно убил старшего лейтенанта Ушакова? Помнишь ли, как ты в апреле 1943 г. вблизи Лужков расстрелял, якобы за трусость в борьбе с партизанами, майора Кравчука, раздел его и в голом виде оставил лежать? Помнишь ли, как 18 апреля 1943 г. ты лейтенанту Анатолию Полферову приказал расстрелять за слушание московских радиопередач 13 человек, среди которых находился младший лейтенант Мех?

Дважды награждался ты немцами якобы за храбрость, но не твоя это была храбрость, а храбрость твоих людей, ибо всегда ты

был жалким трусливым субъектом, который во время боя своих солдат с партизанами сидел за чаркой на командном пункте, как подальше от места схватки.

Но я хочу говорить о том, как ты обращался с пленными, как ты обращался с родственниками партизан и притом не только не считаясь с полученными указаниями, но даже наперекор точным и ясным приказам немецкого руководства. Помнишь ли еще кровавую бойню, устроенную тобою в Шмаках, около Старого Быхова? ***Помнишь ли еще, как ты 28 марта 1943 г. приказал расстрелять лейтенанта Сироткина, Героя Советского Союза и депутата Верховного Совета Союза ССР? Помнишь ли ты, как 4 апреля 1943 г. вместе с Блазевичем расстрелял майора Кузнецова, начальника кадров Черноморского флота?***

Тогда настал Докшицкий день, когда ты велел партизанам окружить своих солдат и заставил их, наперекор желанию большинства, перейти к большевикам. Действовал ли ты, как убежденный большевик? ***Можно ли в течение нескольких дней проделать путь от пламенного, переполненного ненавистью антибольшевика до приверженца Сталина? Я этому не верю и никто другой тебе также не поверит. Не убеждения проснувшейся твоей большевистской совести привели тебя на этот путь, но только лишь страх, ибо трусом ты был всегда.***

Ты поверил криводушной советской пропаганде о скором крушении германского фронта и надеялся, что этим предательством ты сможешь спасти свою жалкую жизнь. Но прежде всего тебе удалось своевременно избежать справедливого приговора немецкого суда, перед каковым ты должен был предстать, дабы дать отчет о всех твоих злодеяниях. На той стороне тебя хорошо приняли, ибо ты был им нужен, но никто, кто знает методы сталинского НКВД, не поверит, что ты этим предательством спас свою подлую жизнь. ***В один прекрасный день тебя ликвидируют так же, как и всех остальных перебежчиков.*** *Неужели ты в самом деле поверил, что расстрелом капитана Москалева и старшего лейтенанта Полферова, по приказу главного партизанского штаба в Ушачах, как главных свидетелей всех твоих былых злодеяний, тебе думалось* [так в тексте, в оригинале — удалось. — *Примеч. авт.*] *ликвидировать*

твое прошлое? Сколько несчастных солдат «Дружины» сегодня еще в живых — 180 или их стало уже еще меньше?

Меня удивляет только то, что все-таки еще находятся люди, которые доверяют твоему руководству. Как только ты сумеешь извлечь какую-либо свою личную пользу, они будут тобою так же преданы и ликвидированы, как и люди «Дружины». Человеческие жизни ведт вообще не играют никакой роли, если дело идет о тебе лично или исполняются твои самолюбивые личные цели!

Глава о Гиле окончилась. Точку над главой о Родионове поставит рано или поздно НКВДист пулей в затылок у свежевырытой ямы. Жалко мне тех жалких остатков бывшей «Дружины», которые, больные сыпняком, цынгой и чесоткой, лежат и ожидают своего конца. Они заслужили бы лучшей доли.

Юхнов,
майор и преподаватель
тактики отряда СС «Дружина».

Во время выхода первых статей «Правда о Дружине» мною получены добавочные интересные сведения:

Родионов-Гиль был личным шофером Ленина; присутствовал при покушении на Ленина Каплан; числился в автобазе Совнаркома. После смерти Ленина был отправлен в транспортную академию Красной армии, закончив которую был выпущен командиром.

См.: Клименко Г.В. Правда о «Дружине» / «Суворовец» (Буэнос-Айрес), № 17, 20—23, 1950 г.

Приложение 3

Из спецсообщения УНКВД по Саратовской области в обком ВКП(б) о задержании группы немецких разведчиков-диверсантов (12 октября 1942 года)

В ночь на 6 октября 1942 года в районе г. Хвалынска Саратовской области с самолета противника была сброшена на парашютах группа германских разведчиков-диверсантов в составе 4 человек...

При обыске задержанных и осмотре места их приземления установлено, что германские разведчики были снабжены каждый специальным мешком, сброшенным на грузовом парашюте, с штатской одеждой и продуктами питания.

Все вооружены двумя пистолетами, имели при себе по 3 германские гранаты и финские ножи. Кроме того, группа была снабжена взрывчатыми веществами, термитным порошком, радиостанцией, воззваниями и листовками контрреволюционного характера, по 50 000 рублей советских денег и шапирографом.

В процессе предварительного допроса задержанных установлено, что последние являются:

1. Бойко Василий Федотович, 1922 г. рождения, уроженец Чкаловской области, поселок 57, бывший командир РККА, имел фальшивые документы на имя Гладкова Василия Федотовича, военного и гражданского образца.

2. Еремин Константин Матвеевич, 1912 г. рождения, уроженец г. Ульяновска, бывший красноармеец, имел фальшивые военные и гражданские документы на имя Чернова Павла Васильевича и свою настоящую фамилию.

3. Максимов Василий Васильевич, 1917 г. рождения, уроженец д. Дели Михайловского района Калининской области, бывший сержант РККА, имел документы на имя Яковлева Василия Васильевича и Капралова Василия Васильевича.

4. Левин Николай Павлович, 1921 г. рождения, уроженец г. Москвы, бывший мл. лейтенант РККА, имел документы на имя Михеева Николая Павловича и свою настоящую фамилию.

Все задержанные окончили школу разведчиков в м. Яблонь, близ города Люблин, причем Бойко, Максимов и Левин окончили отделение разведчиков-диверсантов, а Еремин — 3-месячные курсы радистов.

Характерная особенность контрреволюционной шпионской группы состоит в том, что все они, прежде чем быть направленными в школу разведчиков, были завербованы в контрреволюционный «Боевой союз русских националистов».

Арестованный радист-разведчик Еремин по этому вопросу дал показания, что он, находясь в плену в г. Штаргарде, в числе 50 че-

ловек был направлен, как знающий радиодело, в Берлинский концентрационный лагерь, где обрабатывался в течение 3 месяцев в контрреволюционном духе, слушая лекции антисоветского характера и изучая подобного рода литературу.

В процессе «учебы» в лагере Еремин был завербован одним из инструкторов этого лагеря (бывшим капитаном РККА) в «Боевой союз русских националистов» и только после этой вербовки был переведен в школу разведчиков-радистов в м. Яблонь.

Аналогичные показания по этому вопросу дают и остальные арестованные, с той лишь разницей, что в Берлине были завербованы в «союз» Еремин и Левин, Бойко же и Максимов завербованы в концлагере Бреславля.

После оформления вербовки в «Боевой союз русских националистов» разведчикам устраивали ряд экскурсий по заводам Берлина, показывали город, возили в кино и другие места Германии.

Задачи «Боевого союза русских националистов» изложены в прилагаемом воззвании.

О руководящем составе «союза» разведчик Бойко показал, что руководящий центр «союза» находится в Берлине, а на территории Советского Союза имеются филиалы, которые уже ведут активную борьбу против советской власти под руководством берлинского центра.

Руководит «союзом» якобы изменник Родины бывший полковник РККА Гиль, ныне командующий карательным отрядом по борьбе с партизанским движением в Польше. При направлении в советский тыл перед группой были поставлены задачи:

1. Осесть в районе Куйбышев — Старая Майна и устроиться в зависимости от условий и обстановки.

2. Связываться с социально-чуждыми элементами (кулаками, торговцами, белогвардейцами и проч.), из среды которых вербовать и создавать в населенных пунктах ячейки «Боевого союза русских националистов».

В лесах связываться с дезертирами и организовать вооруженные группы.

Через указанный контингент проводить работу в разрезе задач «Союза русских националистов».

3. Как путем личных наблюдений, так и через вновь завербованных в члены «Боевого союза русских националистов» собирать данные:

а) о политических настроениях населения и бойцов РККА;

б) о расположении войсковых соединений, их вооружении и передвижении войсковых частей;

в) о наличии оборонных предприятий и выпускаемой ими продукции.

4. Через вновь завербованных проводить диверсионную работу как в промышленности, на транспорте, так и в сельском хозяйстве (поджоги, взрывы и т.п.).

5. Вести среди населения активную профашистскую агитацию, проводя эту работу через вновь вербуемых членов «Боевого союза русских националистов».

6. Организовать восстания в тылу Красной армии и совершать террористические акты в отношении советско-партийного актива.

7. Размножать на специально полученном шапирографе воззвания и листовки контрреволюционного характера, распространяя их среди населения.

8. О результатах работы группа обязана сообщать немецкой разведке через специально приданного ей для этой цели радиста-разведчика.

Следует отметить, что арестованная группа германских разведчиков — членов «Боевого союза русских националистов» на следствии ведет себя неискренне.

Следствие продолжаем вести с задачей вскрытия возможных контрреволюционных формирований «Боевого союза русских националистов» в советском тылу.

О ходе дальнейшего следствия будем информировать.

Приложение: листовки и воззвания, фотоснимки вещественных доказательств и членов группы.

Начальник УНКВД
по Саратовской области
капитан государственной безопасности
Викторов.

См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 года. М., 2003. Т. 3. Кн. 2. С. 352—356.

Приложение 4

Из сообщения И.В. Сталину о подготовке русских диверсантов в школах СД (26 апреля 1943 года)

Служившие в частях СС русской национальной армии Власова [так в тексте. — *Примеч. авт.*] *бывший полковник, начальник учебной части Киевской автобронетанковой школы Гаврилов Федор Григорьевич и старший лейтенант, начальник 15-й заставы 2-го погранотряда Карчин Алексей Константинович, захваченные в плен белорусскими партизанами, доставлены в Москву.*

На предварительном допросе Гаврилов проявил большую осведомленность о методах, применяемых немцами при комплектовании частей изменников, структуре и организации подразделений, формах и методах подготовки личного состава, действиях частей изменников против партизан, а также школах разведчиков, находящихся в Бреславле и Берлине.

Установлено, что заместителями Власова по войскам «националистов» являются бывший генерал-майор Малышкин и бывший полковник Радионов-Гиль. Начальником отдела пропаганды назначен Садовский, эмигрант, до 1932 года проживавший в СССР. Начальником жандармерии и одновременно начальником школы по подготовке шпионов в Бреславле является Бессонов, бывший начальник боевой подготовки Внутренних войск НКВД по Забайкальскому округу. Помощником начальника жандармерии СД назначен бывший командир Особого полка НКВД в Москве Пастушенко...

По имеющимся у нас данным, Власов во время своего выступления в местечке Глубокое Вилейской области в качестве примера приводил полковника Гаврилова, который «попал в руки партизан» и, выполняя специальное задание, держался стойко.

Гаврилов и Карчин переданы в НКВД...

См.: Губернаторов Н.В. «Смерш» против «Буссарда» (репортаж из архива тайной войны). Жуковский — Москва, 2005. С. 274—275.

Приложение 5

Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) Белоруссии В.Н. Малина в оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) о переходе на сторону партизан бригады Гиль-Родионова (не ранее 16 августа 1943 года)

В результате работы, проведенной по заданию ЦК КП(б)Б партизанской бригадой «Железняк» (командир — т. Титков) по разложению соединений так называемой русской освободительной армии и по организации перехода на сторону партизан бойцов и командиров этих формирований, 16 августа с.г. бригада «Родионова»-Гиля численностью 2800 чел., истребив немецких представителей, с полным вооружением перешла на партизанские действия, приняв наименование Первой антифашистской бригады...

Создание немцами националистических формирований, имевших своей основной задачей борьбу с партизанами, из числа русских военнопленных, находящихся в лагерях, относится к началу 1942 г.

Отряд «Родионова»-Гиля был сформирован в г. Бреслау в июне 1942 г. и направлен для борьбы с партизанами в Смоленскую область.

«Родионов»-Гиль Владимир Владимирович — 1902 г. рождения, бывший член ВКП (б), национальность точно не установлена, имеет высшее образование — окончил академию им. Фрунзе. До пленения служил начальником штаба 229-й стрелковой дивизии, имел звание подполковника.

Попал к немцам в плен в июле 1941 г. в районе Сувалки на литовско-германской границе. В плену окончил школу гестапо в Берлине. За активные действия в борьбе против партизан немецким командованием был награжден двумя орденами Железного креста и получил звание полковника.

Находясь в лагере военнопленных, «Родионов»-Гиль по поручению немецкого командования вместе с другими военнопленными из числа бывших командиров Красной армии принял участие в организации так называемого Боевого союза русских националистов и вошел в

г. Бреслау в состав местного комитета «русских националистов». В своей работе «Родионов» имел связь с изменником, командующим РОА, — Власовым.

В октябре 1942 г. отряд Родионова в составе 500 человек был переброшен в Могилевскую область для борьбы с партизанами, действующими в Кличевском районе (Усакинские леса). Вместе с немецкими карательными отрядами и полицейскими соединениями отряд «Родионова»-Гиля участвовал в операции против партизанских соединений в Кличевском, Белыничском и Березинском районах.

Уже в этот период подпольные организации и партизанские отряды развернули большую работу по разложению личного состава националистических формирований. В результате этой работы 25 ноября 1942 г. близ станции Каличенко Белыничского района офицерская рота в количестве 60 человек из состава полка «Родионова», перебив немецких солдат и офицеров, перешла на сторону партизан, взорвав железнодорожный мост через р. Друть, который она ранее охраняла.

После этого отряд Родионова немецким командованием был переброшен в Слуцкий район Минской области, где также проводил операцию против партизан.

В марте 1943 г. «Родионов»-Гиль со своим отрядом был переброшен в Плисский район Вилейской области. Здесь в конце марта 1943 г. отряду «Родионова»-Гиля была придана вторая дружина «русских национальных войск» под командованием капитана Блажевича и был сформирован «Первый русский национальный полк СС».

Командиром полка немцами был назначен «Родионов»-Гиль, начальником штаба (он же ведал делами гестапо) — Блажевич, начальником контрразведки полка — бывший генерал-майор Красной армии Богданов Павел Васильевич.

В полку насчитывалось 1200 человек, из них 150 офицеров. В составе полка было 3 стрелковых батальона по 3 роты в каждом батальоне, мотоэскадрон из двух взводов на 36 мотоциклах, один веловзвод из 18—20 велосипедистов, артдивизион, рота связи с 3—4 рациями и санчасть полка.

На вооружении полка имелось: 2 противотанковые пушки, две 45-мм пушки, одна 70-мм пушка и одна 152-мм пушка, 15 станко-

вых пулеметов системы «Максим», 40 чешских ручных пулеметов, 18 минометов, из них 6 батальонных, свыше 200 автоматов и винтовок. В полку имелось 30 автомашин.

«Русский национальный полк СС» кроме своего основного назначения — вооруженной борьбы с партизанами — имел своей задачей проведение широкой политической работы среди населения под флагом борьбы с большевизмом за создание «новой России». В этих целях в Плисском районе Вилейской области была отведена полку территория размером в 100 кв. км с севера на юг от г. Полоцка и южнее на запад, куда входили города Дрисса и Десна.

На этой территории полку было поручено ликвидировать партизанское движение и вести политическую работу среди населения с тем, чтобы изменить отношение его к немцам и организовать местное самоуправление.

В начале 1943 г. в полк «Родионова» прибыли представители так называемой Русской освободительной армии Власова: генерал Жиленков... и генерал Иванов (белоэмигрант, бывший капитан царской армии).

В результате переговоров «Первый русский национальный полк СС» стал именоваться полком РОА.

В мае 1943 г. «Родионову»-Гилю было разрешено немцами произвести пополнение полка за счет мобилизации местного населения в районах Вилейской области. Не желая ехать на каторжную работу в Германию, местное население, особенно молодежь, вынужденно была идти в так называемую русскую освободительную армию. Первый полк РОА пополнился личным составом до 1500 человек и в конце июня с.г. был реорганизован в бригаду и передислоцирован в район Бегомль Минской области. В июле «Родионов»-Гиль приступил к формированию дивизии РОА. Для этой цели немцы в районе Докшицы (75 км западнее г. Лепель) и дер. Бересневка (37 км юго-западнее г. Лепеля) начали концентрацию «добровольцев» из лагерей военнопленных и мобилизованных из населения западных областей Белоруссии.

В первых числах августа 1943 г. бригада «Родионова»-Гиля дислоцировалась в дер. Бересневка Бегомльского района Минской области. К этому времени командование бригады состояло: командир

бригады — «Родионов»-Гиль, начальник штаба — подполковник Орлов, заместители командира бригады — майор Блажевич и капитан Малиновский, помощник начальника штаба — майор Глазов и майор Раевский, начальник контрразведки — бывший генерал-майор Богданов. Численный состав бригады к этому времени вырос до 2800 человек...

Политико-моральное состояние бойцов бригады «Родионова» было очень неустойчивым. Карательные экспедиции против населения, проводившиеся по приказам немецкого командования, и организованный террор партизанских соединений усиливали стремление солдат и офицеров бригады к переходу на сторону партизан. Этому в большой степени способствовала работа наших партийных организаций по разложению личного состава бригады «Родионова», с другой стороны, немцы не доверяли полностью «Родионову» и командному составу бригады немецким штабом под руководством шефа — капитана Рознера.

15 августа 1943 г. «Родионов» вступил в личные переговоры с командиром партизанской бригады «Железняк» т. Титковым и секретарем Бегомльского РК КП (б) т. Манковичем. 16 августа весь личный состав бригады перешел на сторону партизан.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии

В. Малин.

См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 года. — М.: Издательство «Русь», 2008. Т. 4. Кн. 2. С. 255—258.

Приложение 6

Из спецсообщения НКГБ БССР в НКВД СССР о результатах разработки антисоветских организаций и вооруженных формирований (1 сентября 1943 года)

Доношу: от нашей агентурно-оперативной группы, которая в настоящее время находится в тылу противника и проводит агентурно-оперативную работу в бригаде «Родионова»-Гиля, получены следующие данные о «Первой национальной бригаде» под командованием Гиля («Родионова»), созданном им так называемом

Боевом союзе русских националистов и якобы имевшихся переговорах предателя Власова с немецким командованием.

«Боевой союз русских националистов» (БСРН) создан был в апреле 1942 г. в г. Сувалки по инициативе «Родионова»-Гиля с участием бывших военнослужащих... впоследствии занимавших руководящее положение в сформированной «Первой русской национальной бригаде».

Организация ставила своей целью борьбу за «новую Россию» и создание «Русского национального государства».

По имеющимся данным, эта организация, как и его бригада, якобы не примыкала к Власову, хотя со стороны последнего приняты были к этому меры. Например, в апреле 1943 г. в бригаду «Родионова» прибыли представители «Русской освободительной армии» генерал-лейтенант Иванов, бывший эмигрант, в прошлом капитан царской армии, полковник Сахаров, тоже бывший эмигрант, сын генерал-полковника царской армии, и еще несколько офицеров, возглавляемые генерал-лейтенантом Жилинковым (бывший корпусной комиссар Красной армии, звание генерала ему присвоено Власовым), с предложением о переформировании бригады в гвардейскую часть и передаче ее в распоряжение Власова под командованием генерал-лейтенанта Иванова. «Родионовым»-Гилем это предложение якобы было отвергнуто, несмотря на угрозы со стороны предателя Власова расформировать и разоружить бригаду.

«Боевой союз русских националистов» имел свою программу, составленную «Родионовым» совместно с немецким командованием, последнее пыталось использовать эту организацию для диверсионной работы на советской территории...

О Власове и его взаимоотношениях с верховных немецким командованием получены материалы от Блажевича А.Э. — заместителя руководителя БСРН, перешедшего к партизанам в составе бригады. Последний сообщил, что в разговорах с белоэмигрантом Ильинским (Ковно), епископом Сергием (Рига), Ставровским (немецким поверенным по делам русского населения в Литве) и другими во время поездки в Латвию и Литву для вербовки добровольцев в бригаду «русских националистов», а также

из стенограммы речи Власова, которую Блажевич лично читал, он выяснил, что Власов якобы в июне сего года в г. Риге выступил на совместном совещании представителей РОА и местных белоэмигрантских организаций, где сообщил о результатах своих переговоров с немецким верховным командованием о дальнейшем формировании РОА.

По этим данным, перед немецкой ставкой Власов якобы поставил четыре условия: 1. Дать ему возможность объединить все эмигрантские и русские отряды при немецких частях в одно целое — РОА. 2. Свободу РОА для проведения самостоятельных боевых операций на определенном участке фронта, в частности на Ленинградском. 3. После занятия частями РОА Ленинграда объявить состав «Русского национального правительства». 4. Признание германским правительством РОА союзной армией на правах румынской, итальянской и др. Власов заявил, что его условия немцами якобы были отвергнуты. Власов призывал надеяться только на свои силы и русскому народу готовиться к борьбе против большевизма и немцев...

По поступившим за последнее время данным, штаб РОА Власова состоит из бывшего генерал-майора Красной армии Малышкина — заместителя Власова; генерал-майора Жиленкова — редактора фашистской газеты «Заря», бывшего работника Политуправления Красной армии; Зыкова — бывшего работника редакции «Известий»; полковника Иримиади — белоэмигранта; генерал-майора Иванова — белоэмигранта, и Калугина Михаила Алексеевича — бывшего капитана Красной армии.

От руководителя той же нашей опергруппы получены следующие данные:

Со слов «Родионова», ему из бесед с немецкими офицерами, в частности с начальником СС и полиции оккупированных областей Белоруссии генералом Готтбергом, стало известно, что якобы немецкое верховное командование считает основным ключом решения современной войны разгром островов Великобритании и готовит эту операцию к осени сего года с наступлением туманов. Идея решения сводится к сохранению положения на Восточном фронте с использованием побережья и Скандинавского полуострова (Норве-

гия) как плацдарма для нападения, имея в виду применение еще неизвестного в этой войне вооружения.

Он же сообщил, что, по заявлению Готтберга, в планах борьбы против партизан Белоруссии имеется в виду создание линий заграждения с севера на юг вдоль старой советско-польской границы по р. Березине и далее с целью преграждения проникновения партизан на Запад и ликвидации партизанских групп, опираясь на занятую полицейскими частями линию заграждения...

Народный комиссар
государственной безопасности
Белорусской ССР
Цанава.

См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 года. — М.: Издательство «Русь», 2008. Т. 4. Кн. 2. С. 302—305.

Четвертая глава

ОСОБАЯ ГРУППА «К», ИЛИ ПОЛК СС «ВАРЯГ»

Еще одной частью, сформированной под эгидой «Цеппелина», стала Особая группа «К», известная также как Особый полк СС «Варяг». Командиром этого формирования стал бывший офицер Российской императорской армии Михаил Александрович Семенов.

Он родился в 1894 году в Петергофе в дворянской семье офицера Русской Императорской армии. После окончания 1-го кадетского корпуса в Санкт-Петербурге Михаил поступил в Императорский Александровский лицей. В 1915 году он поступил в Павловское военное училище и в том же году, получив звание фельдфебеля, был назначен в Егерский полк 1-й гвардейской пехотной дивизии. За отличия в боях Семенов неоднократно награждался, а в июне 1917 года получил первое офицерское звание. После революции он продолжил службу в белой армии на юге России. Участвовал в боевых действиях на территории Таврической, Полтавской и Киевской губерний.

В 1922 году Семенов эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Оставаясь убежденным монархистом, он участвовал в политической жизни русской эмиграции, и, будучи владельцем собственной мебельной фабрики, щедро спонсировал деятельность некоторых организаций.

Германо-югославскую войну 6—17 апреля 1941 года Семенов встретил в Осиеке, под Загребом. Он быстро нашел общий язык с представителями оккупационной администрации, получил статус «фольксдойче» (обнаружив в своем роду германские корни, он смог прибавить к своей фамилии аристократическую приставку «фон» и получить германское подданство) и установил контакт с представителями отдела VI С эсэсовской разведки[1] (персонально, видимо, с В. Курреком).

29 апреля Семенову было поручено создание русского добровольческого батальона под эгидой «Цеппелина»[2]. При этом было объявлено, что подразделение будет задействовано при проведении десантной операции в районе Новороссийска. Семенов получил звание гауптштурмфюрера СС (по некоторым сведениям, он был формально зачислен в 7-ю добровольческую горную дивизию «Принц Евгений» — 7. SS-Freiwilligen-Division «Prinz Eugen» — которая формировалась из воеводинских немцев[3]) и с помощью русских эмигрантов, офицеров Н.Н. Чухнова, Г.М. Гринева, Э.П. Лаврова, Остермана и других, приступил к пехотной подготовке добровольцев (примерно 400—600 человек). Личный состав был расположен в гвардейских казармах на Баннице в Белграде, а штаб батальона разместился в здании «Палас-отеля» в центе сербской столицы.

Однако подчиненное ему подразделение вместо отправки на Восточный фронт было переформировано в отряд вспомогательной полиции (HIPO, или «хипо»; от «хильфсполицай»). В конце лета эта часть, численностью 600 человек, приступила к несению охранно-

---

[1] *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 761.

[2] HIPO / «Русское дело» (Белград). 1944. 5 марта. С. 4.

[3] *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941—1945. М., 2010. С. 36.

караульной службы и операциям против партизан. Подразделения дислоцировались в придунайских городах к востоку от Белграда — в Смедереве и Пожаревце. Позднее из русской молодежи был сформирован отдельный кавалерийский эскадрон, который действовал в придунайских областях Сербии и Баната.

Впрочем, на этом связи Семенова с РСХА и «Цеппелином» не оборвались. Весной 1943 года он был вызван в Берлин, где его принял новый руководитель реферата Z оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Куррек (сменил на этой должности Х. Грейфе в марте того же года). Последний предложил Семенову непосредственно участвовать в подготовке диверсантов, которых планировалось забросить в советский тыл. В ходе вполне доверительной беседы, по воспоминаниям Николая Чухнова, «Семенов, всегда очень корректный и сдержанный, вдруг неожиданно возбудился и произнес буквально прокурорскую речь, обвиняя Третий рейх и Гитлера во всех их преступлениях... Куррек сказал ему: — Камрад, я вполне согласен с вашими... сентенциями, но будьте осторожны: ведь я по долгу службы должен был бы вас отдать под суд, но я использую вашу речь для своего очередного доклада»[1]. В конце концов Семенов сформировал в лагере «Цеппелина» Зоннеберг (в районе Эрфурта) две группы парашютистов, одна из которых летом была заброшена на Южный Урал[2].

Осенью 1943 года гауптштурмфюрер СС Семенов приступил к формированию из молодежи русской диаспоры в Югославии и советских военнопленных Особой группы «К» (по имени главы «Цеппелина» В. Куррека), известной также как добровольческий особый полк СС «Варяг» (Freiwilligen SS-Sonderregiment «Warager»). Часть добровольцев была направлена в Германию в сопровождении Семенова для подготовки к разведывательно-диверсионной деятельности на территории СССР. По данным А.В. Окорокова, первая такая группа в составе 36 человек была откомандирована в лагерь Брейтенмарк (Верхняя Силезия). Этому событию посвящена небольшая заметка «HIPO за Родину» (подразделение Семенова, возможно из конспи-

[1] Цит. по: *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 764.

[2] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 143.

ративных соображений, в прессе продолжало именоваться «хипо»), опубликованная Н. Чухновым в белградской газете «Русское дело» 12 сентября 1943 года:

«Их пятьдесят. С ними их командир капитан Семенов. Двадцать три года ждали они этого дня; двадцать три года таких томительных и долгих с точки зрения продолжительности человеческой жизни и таких мгновенных в исторической перспективе.

Они едут на Родину для дальнейшей борьбы с растлителями Русского народа. Они едут на войну, войну желанную, войну священную.

Я убежден, что многие из них запишут свои имена в скрижали доблести. Я верю, что много подвигов совершат они. Я знаю, что они победят.

Горят тремя национальными цветами нарукавные нашивки. Глаза сияют счастьем. Учащенно бьются Русские сердца под серыми мундирами.

Трогается поезд. Приветливо машут платками их остающиеся друзья и родные.

Прощай, Белград! Прощай навсегда, серая эмигрантская обывательщина!

Впереди — подвиг, победа или славная смерть за Родину, за Русский народ»[1].

Зимой 1944 года было закончено формирование I батальона полка (командир — гауптштурмфюрер А. Орлов). Батальон формировался в уже упомянутом лагере «Цеппелина» Брейтенмарк. Впоследствии это подразделение было направлено в Словению для участия в борьбе против титовских партизан. Штаб полка был также вскоре переведен в словенскую столицу Лайбах (Любляну).

К началу лета 1944 года были сформированы II и III батальоны «Варяга» (помимо этого, в составе части находились парашютно-диверсионная команда и минометный взвод; общая численность достигала 1500 человек). Эти подразделения были также задействованы в антипартизанских операциях.

---

[1] *Чухнов Н.* НІРО. За Родину / «Русское дело» (Белград). 1943. 12 сентября. С. 4.

В первой половине того же года газета «Русское дело» разместила на своих полосах еще целый ряд статей и заметок под рубрикой «HIPO», в основном за подписью Н. Чухнова, посвященных части М. Семенова и подготовке добровольцев в германских учебных лагерях. Так, в номере от 5 марта 1944 года читатели могли ознакомиться с краткой историей отряда Семенова, причем автор статьи подчеркивал, что германское командование оказало «гауптштурмфюреру СС М.А. Семенову... бывшему Русскому офицеру... исключительное доверие. Это доверие очень скоро удалось оправдать созданием образцовых частей, которые давно уже несут ответственную и почетную службу по охранению общественного порядка в Сербии, активно участвуя в борьбе против коммунистов». При этом «Семенов полагает, что все те, кто находится, независимо от мундира, в составе частей, ведомых германским военным гением, являются братьями по оружию в борьбе против мирового жидовства, коммунизма и англо-американского капитализма. Чины HIPO служат идее Фюрера и как и где будут служить ей дальше — зависит исключительно от их командования». Далее приводились всевозможные примеры эмигрантского коллаборационизма, причем утверждалось, что «Семенов подошел более близко к цели: он поставил себе задачей не только борьбу с коммунизмом, но и сближение с представителями германского народа». В итоге «Германское командование имеет в настоящее время в своем распоряжении известный кадр уже проверенных и надежных людей, способных выполнить в деле установления нового порядка различные ответственные задачи»[1].

За заслуги в боях с партизанами Семенов неоднократно поощрялся германским командованием. В 1944 году он получил чин оберштурмбаннфюрера СС, был награжден Железным крестом I и II класса, знаками отличия для восточных народов. К этому времени полк Семенова насчитывал уже до 2500 человек, большинство из которых было набрано из числа советских военнопленных. 60 процентов командирских должностей также занимали бывшие советские офицеры[2].

---

[1] HIPO / «Русское дело» (Белград). 1944. 5 марта. С. 4.

[2] В это время полк включал 3 батальона трехротного состава, минометную, караульную и разведывательную роты, артбатарею, комендантский взвод, саперный взвод, хозяйственную и медицинскую службы. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования... С. 55.

Качество этого контингента Н. Чухнов охарактеризовал следующим образом: «Надо сказать, что полученное нами пополнение, несмотря на свою более или менее длительную службу в РККА, в строевом отношении было ниже всякой критики; большинство людей не умели даже ходить в ногу или поворачиваться через левое плечо, а об обращении с оружием имели самое смутное понятие. Кажется невероятным, как Сталин мог посылать это войско на фронт. Очевидно, расчет был не на качество, а на количество. Но природные военные свойства русского человека в умелой обработке наших унтерфюреров сказались в полной мере и в кратчайшие сроки мы получили часть, годную не только для боя, но даже для смотра»[1].

В апреле 1945 года полк «Варяг» был формально передан в состав Зальцбургской группы Вооруженных Сил Комитета освобождения народов России генерал-майора А.В. Туркула, хотя часть оставалась на позициях в Словении. В мае Семенов отдал подразделениям полка приказ перейти словенско-итальянскую границу, после чего часть сдалась британцам.

Пленные военнослужащие «Варяга» были размещены в лагере под Таранто. Семенову удалось добиться гарантий для офицеров из числа эмигрантов, однако он не смог предотвратить репатриацию ста пятидесяти чинов — бывших граждан СССР.

В 1947 году он был освобожден из плена и в дальнейшем проживал в Мюнхене, а с 1950 года — в Бразилии[2].

Приложение

Статья Николая Чухнова о подготовке Особой группы «К» в лагере «Цеппелина» Брейтенмарк (май 1944 года)

Прошло всего три недели со дня прибытия в лагерь группы особого назначения, но искусство и жертвенное горение наших командиров сделало свое. Нам удалось в этот короткий срок без особых усилий сбить прекрасную строевую часть.

---

[1] *Чухнов Н.* НІРО. За Родину / «Русское дело» (Белград). 1944. 20 мая. С. 4.

[2] М.А. Семенов умер от разрыва сердца в Сан-Паулу 4 февраля 1965 года.

Надо сказать, что полученное нами пополнение, несмотря на свою более или менее длительную службу в РККА, в строевом отношении было ниже всякой критики; большинство людей не умели даже ходить в ногу или поворачиваться через левое плечо, а об обращении с оружием имели самое смутное понятие.

Кажется невероятным, как Сталин мог посылать это войско на фронт. Очевидно, расчет был не на качество, а на количество.

Но природные военные свойства русского человека в умелой обработке наших унтерфюреров сказались в полной мере, и в кратчайшие сроки мы получили часть, годную не только для боя, но даже для смотра.

В один прекрасный день, действительно чудный, погожий, осенний день, в лагерь прибыл капитан с представителями германского начальства, и когда они посмотрели нашу часть и поговорили с нашими «цуг- и обервахтмейстерами Hipo», то судьба нашего формирования сразу же определилась...

Каждый военный с недоверием отнесется к сообщению, что в трехнедельный срок была сделана из сырого материала строевая часть, но оказалось, что достичь такого результата по методу капитана действительно можно.

Секрет заключается в том, что сотрудниками нашего капитана являются люди, понимающие его с полуслова. Капитану удалось благодаря своей удивительной способности проникать в человеческую душу подобрать группу командиров, среди которых нет ни одного инакомыслящего. В нашей группе не существует элементов, разлагающих эмиграцию: интриганства, местничества, тщеславия и зависти. Каждый предан идее и во имя ее работает не ради чинов, а ради общего успеха.

По существу, при теперешнем положении вещей каждый наш фельдфебель — готовый майор, но каждый из них предпочитает быть в группе фельдфебелем.

Затем, наш капитан дал точные инструкции в деле обучения наших солдат, которые заключаются в том, чтобы строевая подготовка не превращалась бы для людей в бессмысленную шагистику, а была бы приятным спортивным удовольствием. Постоянное общение командиров с людьми, совместное чтение, интересные лекции

и уроки Русской истории и литературы действительно действуют поразительно облагораживающе.

Режим выработал у подсоветских людей совершенно новые свойства характера и особенности. Так, например, они никогда при разговоре не смотрят в глаза друг другу. Наши солдаты свое начальство уже «едят глазами».

Подсоветский человек странен в беседе даже со своим родным братом. На вопросы он не дает точных ответов, сам спрашивает невпопад и не по существу. Вообще, очень трудно уловить логику советского обмена мыслей.

Оказывается, как мне объяснил мой новый приятель, старший лейтенант Х., каждый советский гражданин твердо усвоил, что прежде чем произнести какое-либо слово, он должен быстро в уме оценить, какую пакость может за это слово сделать ему собеседник и, в зависимости от размера этой предполагаемой пакости, он слово или заменяет другим или вообще искажает весь смысл речи.

Конечно, понятно, что при таком условии добиться связанности в разговоре очень трудно. Но наши командиры достигли и этого. Просто они внушили своим подчиненным полное к себе доверие, и страх у людей исчез. Русский человек, вчерашний советский раб, находит свою душу...

См.: Чухнов Н. НІРО. За Родину / «Русское дело» (Белград). 1944. 20 мая. С. 4.

Пятая глава

РУССКИЕ В СОСТАВЕ УЧЕБНОГО ЛАГЕРЯ СС «ТРАВНИКИ»

В связи с судебным процессом над Иваном Демьянюком слово «травники» стало известно не только специалистам, но и широким кругам общественности. Ниже мы обратимся к истории этих специфических формирований СС, в которых служили и русские «борцы с евреями и большевизмом».

Следует сказать, что в конце июля 1941 года фюрер СС и полиции дистрикта «Люблин», бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Одило Глобочник обратился к Гиммлеру с прошением о выделении ему непольской вспомогательной силы из бывших приграничных

районов Советского Союза, поскольку местное население уже не могло удовлетворить экономические потребности СС[1].

Получив 17 июля 1941 года должность «уполномоченного по созданию опорных пунктов СС и полиции в новых восточных областях», Глобочник должен был приложить максимум усилий, чтобы подготовить необходимые условия для больших поселений немецких колонистов, размещения здесь немецких военных строителей, гражданских специалистов по сельскому хозяйству и тяжелой промышленности. Глобочник, кроме того, отвечал за то, чтобы город Люблин и район «Замосць» образовали своеобразный пояс вокруг будущих немецких поселений в Польше, путем возведения положенной инфраструктуры соединились с такими же «опорными пунктами», как в Прибалтике и в Зибенбюргене. Все польское население, проживавшее на территории дистрикта «Люблин», подлежало постепенному переселению далее на восток. Наконец, проведение столь масштабных мероприятий включало в себя решение «еврейского вопроса»[2].

На первом этапе в обязанности Глобочника входило накопление достаточных трудовых резервов и организация безопасности в округе, исключение какой бы то ни было возможности организованного сопротивления со стороны польских партизан и евреев. На предварительном этапе акции по ликвидации еврейского населения Глобочник приказал создать специальный лагерь для подготовки кадров, предназначенных для этих операций, а также для охраны принудительно-трудовых и концентрационных лагерей. Для этого в 40 км юго-восточнее Люблина, в местечке Травники, на территории сахарного завода было решено открыть учебный лагерь (SS-Ausbildungslager Trawniki)[3]. Обязанности по его созданию и подбору контингента Глобочник возложил на двух офицеров СС — штурмбаннфюреров Германа Хофле и Карла Штрайбеля. Первый взял на

---

[1] *Browning R. Ch.* Ordinary man. Reserve Police Battailon 101 and the Final Solution in Poland. London, 2001. P. 52.

[2] *Блэк П.* Одило Глобочник — форпост Гиммлера на Востоке / Тайны «Черного ордена SS». М., 2006. С. 196—198.

[3] *Семенов К.К.* Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение. М., 2007. С. 17.

себя вопросы материально-технического обеспечения лагеря, параллельно создавая в Люблине бюро по координации действий в решении «еврейской проблемы». Второй занимался вербовкой и отбором граждан, которым предстояло выполнять охранные и карательные функции.

В августе — сентябре 1941 года штурмбаннфюрер СС Карл Штрайбель колесил по западным областям оккупированной территории СССР. Внимание Штрайбеля привлекли большие стационарные лагеря военнопленных — «шталаги», где он подыскивал нужные кадры. Помимо украинцев, поляков и прибалтов в число будущих травниковцев попали и русские военнопленные.

Советские военнопленные, согласившиеся с предложением Штрайбеля, проходили собеседование, в ходе которого выяснялось их отношение к коммунистам и евреям. Несомненно, причины, толкавшие военнопленных на сотрудничество с немцами, были разными, начиная от обычного желания выжить, не умереть с голоду, и заканчивая возможностью получить определенные выгоды. Присутствовал и специфический «мотив мести»...

Первая группа военнопленных прибыла в Травники в октябре 1941 года. До конца декабря в лагерь было переведено около 1000 человек. Преимущественно они происходили из сельской местности, у большинства было простое школьное образование, многие до войны работали плотниками, водителями, механиками, электриками и поварами. Некоторые из них были призваны в РККА накануне войны. Все они проходили медицинскую комиссию, затем подписывали свидетельство, что не имеют еврейских предков и не состоят в коммунистической партии. В конце анкетирования они расписывались под заявлением со следующими словами: «Мы, военные заключенные, вступаем в германские отряды СС для защиты интересов Великой Германии».

После медосмотра и заполнения анкет военнопленных отправляли на вещевой склад, где им выдавали форму. В большинстве случаев это была униформа черного цвета образца 1932 года, установленная для ношения в подразделениях «общих СС» (Allgemeine-SS). Из-за этого польские евреи, привезенные на принудительные работы в лагерь, называли травниковцев «чернокожими»

или «тараканами»[1]. Кроме черной формы иногда выдавалась и полевая униформа армейского образца (цвет «фельдграу»), принятая в вермахте и в Войсках СС. По словам бывшего «травника» Николая Малагона, «сначала мы носили нашу собственную одежду, потом нам дали бельгийскую форму, позже нам всем выдали специальную униформу: черный костюм — брюки и китель, черное пальто с серым воротником и манжетами, и черные пилотки. Мы также получили кокарды с черепом и перекрещенными костями».

При исполнении оперативно-служебных задач травниковцы получали оружие — трофейные советские винтовки. Боеприпасы выдавались в ограниченном количестве. В последующем, в зависимости от места службы, травниковцев вооружали пистолетами и кнутами.

Учебный процесс в Травниках был организован на основе программы подготовки, принятой в частях СС «Мертвая голова», откуда приезжали опытные специалисты из самых известных концлагерей Германии (Дахау, Бухенвальда, Заксенхаузена и т.д.). Эти инструкторы добивались того, чтобы травниковцы стали людьми, которые действуют с безоговорочной преданностью и повинуются любому приказу. За относительно короткий срок они сумели подготовить сотни фанатичных охранников. Полугодичный курс обучения включал в себя, помимо огневой, строевой и физической подготовки, отработку различных приемов по конвоированию и охране заключенных, проведению облав[2].

Весь личный состав учебного лагеря был распределен на два батальона. Командовали батальонами унтерштурмфюрер СС Вилли Франц и оберштурмфюрер СС Иоганн Шварценбахер. В каждом батальоне был штаб, от 5 до 8 рот, в каждой роте было по три взвода, во взводе — три отделения по 8—12 человек[3]. Штрайбель, следивший за тем, как идет подготовка, ввел для учащихся четыре специальных звания:

— вахманн (Wachmann — охранник);

---

[1] *Schelvis J.* Sobibor: a history of a Nazi death camp. Oxford—New-York, 2007. P. 34.

[2] *Залесский К.* СС... С. 508.

[3] *Кудряшов С.* Травники. История одного предательства / «Родина» (Москва). 2007. № 12. С. 95.

— обервахманн (Oberwachmann — старший охранник);

— группенвахманн (Gruppenwachmann — командир отделения охранников);

— цугвахманн (Zugwachmann — командир взвода охранников) [1].

На командные должности немцы стремились назначать «фольскдойче». Некоторым русским и украинцам иногда присваивали звания старших охранников. Командирами взводов становились преимущественно граждане немецкого происхождения.

С октября 1941 по май 1944 года, когда лагерь Травники прекратил свое существование, в нем было подготовлено около 5082 охранников[2]. Кроме русских и украинцев, здесь обучались караульному делу литовские, латвийские, эстонские, польские, болгарские, словацкие, хорватские и, по некоторым данным, «туркестанские» добровольцы.

Качество отбора значительно снизилось весной 1942 года, в результате в лагерь попало немало пленных, пошедших на сотрудничество с эсэсовцами только потому, чтобы не умереть голодной смертью, и надеявшихся при первой возможности бежать к партизанам. Но, как показали дальнейшие события, осуществить эти планы удалось только единицам. Исследователь С. Кудряшов утверждает, что за время войны из числа травников дезертировало 469 человек, или около 9 процентов[3]. Эта цифра сильно завышена. Жесткий распорядок, режимные объекты, где травники несли службу, почти исключали возможность дезертирства и самовольных отлучек. Если кому-то из охранников все-таки удавалось дезертировать, то далеко он не уходил. По всей вероятности, число дезертиров не превышает 100 человек[4].

Таким образом, к моменту проведения широкомасштабных мероприятий СС в Польше немецкий персонал и личный состав лагеря Травники был готов к выполнению оперативно-служебных задач.

---

[1] *Pohl D.* Die Trawniki-Manner im Vernichtungslager Belzec 1941—1943 / Gottwaldt A., Kampe N., Klein P. NS-Gewaltherrschaft. Beitrage zur historischen Forschung und juristischen Aufarbeitung. Berlin, 2005. S. 282.

[2] *Кудряшов С.* Указ. соч. С. 96.

[3] Там же. С. 97.

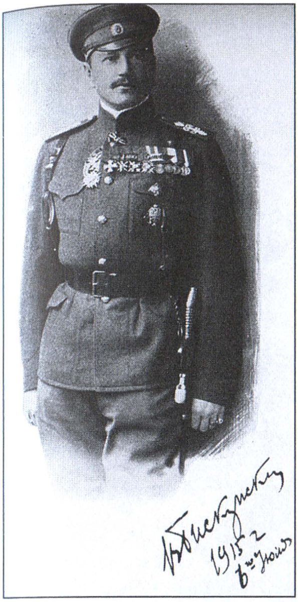
[4] *Pohl D.* Die Trawniki-Manner... S. 286—287.

Макс Эрвин
фон Шейбнер-Рихтер

Григорий Шварц-Бостунич

«Встреча двух зубров».
Карикатура Б. Ефимова на Н. Маркова. 1936 год

«Украинские кадры ясновельможного Розенберга».
Карикатура Б. Ефимова. 1936 год



Генерал Василий Бискупский

Berlin, 9. 7. 1944

Nowoje Slowo—Neues Wort

Russische Zeitung

НОВОЕ СЛОВО

Preis: 20 Pfg.
Цена: 20 пф.

Выходит по средам и воскресеньям

Главный редактор В. М. ДЕСПОТУЛИ / Herausgeber W. M. DESPOTULI

12. Jahrgang
12 год изд.

Редакция и контора, Berlin C 2, Magazinstraße 15-16 / Телефоны: конторы и отдела объявлений — 51 15 05, 51 15 06; редакции — 52 12 13. Подписка принимается в Германии во всех почтовых отделениях: на 1 год — 17,04 германских марок; на ½ года — 8,52 герм. мар.; на ¼ года — 4,26 герм. мар. (включая дополнительный почтовый сбор). Заграницей: на 1 год — 20,— герм. мар.; на ½ года — 10,— г. мар.; на ¼ года — 5,— г. мар.

№ 55 (645). Воскресенье, 9 июля 1944 г.

Verlag: Nowoje Slowo-Neues Wort G. m. b. H., Berlin C2, Magazinstraße 15-16. Tel.: 51 15 05 51 15 06; Schriftleitung: 52 12 13. Postscheckkonto: Berlin Nr. 55115 (Russ. Zeitung „Nowoje Slowo") / Bankkonto: Deutsche Bank, Depka F, Berlin C2, Alexanderstr. 65; Bezugspreis: durch die Post vierteljährlich RM. 4,26 (einschließlich Postgebühr und Zustellgeld). Im Ausland: für 1 Jahr — RM. 20,—; für ½ Jahr — RM. 10,—; für ¼ Jahr — RM. 5,—

Адольф Гитлер:

МЫ ВЫИГРАЕМ ВОЙНУ

Речь Адольфа Гитлера к руководителям германского военного производства

Адольф Гитлер выступил на собрании ответственных руководителей германского военного производства, созванном имперским министром Шпеером, с целью дать им руководящие указания. Помимо имперского министра Шпеера и шефа его министерства, говорили также государственный министр Рикке, по поручению министра Бакке, о продовольственном положении германского народа.

Имперский министр Шпеер сделал обзор положения военного производства, причем констатировал, что благодаря чувству ответственности руководителей военной промышленности и упорному труду германских рабочих, а также вследствие рационализации производства,

несмотря на англо-американский воздушный террор, германское вооружение уда-

каждый в отдельности должен был пожертвовать, возместит все заботы и всю пролитую кровь».

«Эта война, — сказал далее Адольф Гитлер,

является не только войной солдат, но и, прежде всего, — войной техников.

Технические изобретения наложили на нее с самого начала свой отпечаток. В течение войны врагам Германии удалось кое-чему научиться на германском опыте, в некоторых областях догнать достижения немцев, а в некоторых даже и обогнать. Однако,

германский изобретательный дух готовится восстановить техническое равновесие и создать предпосылки, чтобы резко по-

Один из германских быстроходных катеров, с таким успехом действующих против «флота вторжения»

Вопли лицемеров

Британская печать поднимает злобные вопли по поводу продолжающейся бомбардировки Англии оружием «V 1». Она требует даже возмездия и говорит о «неблагородном оружии», делая вид, как-будто англо-американское военное командование неповинно в воздушном терроре. Однако, все эти злобные вопли объясняются очень просто: в Лондоне сердятся, что не знают, какое новое оружие: Чер-

сообщает, что земледельцы в южной Англии работают на полях в стальных шлемах. Лондонские газеты требуют снятия цензуры, так как слухи, которыми питается население, только подрывают его стойкость и дух.

Корреспондент газеты «Сут Африка» говорит о том, что все пытаются разгадать загадку «V 1»: «Каждый второй встречный рассказывает о ...

Главный рупор нацистской пропаганды в среде русских эмигрантов в Германии — берлинская газета «Новое слово»

Р. Гейдрих проводит оперативное совещание. Прага. 1941 год

Глава расово-политического ведомства НСДАП Вальтер Гросс

Служащий полиции порядка на оккупированной территории СССР. 1942 год

Сотрудники вспомогательной полиции и представители немецкой комендатуры в ходе обеспечения отправки местного населения на работу в Германию. 1943 год

Поручительство

1943 года Февраля месяца 24 дня.

Я, нижеподписавшийся Иваненко Николай Васильевич

даю настоящее поручительство в том, что гражданин Евлашов Ал-др Петрович проживающий с Лямичая

в партии коммунистов и комсомольцев не состоял, судим Нет и поведения хорошего, а поэтому рекомендую на работу в Охрану и за свою рекомендацию несу ответственность.

Поручитель: [signature]

Типовое поручительство за кандидата на службу во вспомогательной полиции. 1943 год

Сотрудники службы порядка приносят присягу. 1942 год

У входа в здание районной полиции

SS-Sonderkommando 10a
AUSWEIS Nr. 306/
Der Inhaber dieses Ausweises
Gudez Iwan
ist bis auf Widerruf Angehöriger der Taganroger Miliz und zum Tragen von Waffen berechtigt. Er darf jederzeit bei Tag und Nacht die Straßen betreten.
SS-Sonderkommando 10a
Chef.

С. С. Особая команда 10а
УДОСТОВЕРЕНИЕ №306
Место фотогр.
Предъявитель настоящего удостоверения Гудец
Иван Тимофеевич
до момента отозвания принадлежит к сотрудникам Таганрогской Милиции, имеет право ношения оружия и хождения по улицам во всякое время дня и ночи.
м. п.
С. С. Особая команда 10а
Шеф.

Служебное удостоверение сотрудника Таганрогской милиции И.Т. Гудец, выданное зондеркомандой 10а

Германские жандармы и русские полицейские осуществляют проверку документов на улицах одного из оккупированных городов. Весна 1943 года

Начальник районной полиции и представители полевой жандармерии во время операции по задержанию евреев. 1942 год

Задержанные советскими органами госбезопасности полицейские. Впереди — начальник полиции и председатель суда Кулаков. Невель. 1943 год

Эсэсовцы и русские коллаборационисты на оперативном совещании перед проведением антипартизанской операции. Белоруссия. 1943 год

Начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко (в центре)

Высший фюрер СС и полиции в Центральной России Э. фон дем Бах-Зелевский

Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе

Русские эсэсовцы перед боевой операцией. 1943 год

Генерал А. Власов с офицерами своего штаба. Слева — К. Кромиади. 1944 год

ОБРАЗ РУКОВОДИТЕЛЯ БАНДИТОВ

БАНДИТУ РОДИОНОВУ, ПОД КЛИЧКОЙ ГИЛЬ!

Уже месяцами мы слышим все снова и снова упоминания имени Родионова в советской пропаганде. Его прославляют как героя, его воззвания проникнуты любовью к советскому отечеству, сам Сталин награждает его орденом Ленина. **Знаете ли Вы, кто этот Родионов** на самом деле? Я хочу Вам это рассказать, ибо я имел случай хорошо познакомиться с этим типичным бандитом.

Тебе, Владимир Владимирович Родионов, под кличкой Гиль, руководителю бандитов и носителю ордена Ленина, этим письмом я хочу напомнить некоторые факты и публично охарактеризовать тебя, беспринципный подлец, трус и запятнанных дел мастер.

Помнишь ли ты еще, как 7 сентября 1941 г., ты в Сувалкском лагере военнопленных предоставил себя в распоряжение немцев для борьбы против большевизма? Помнишь ли ты имена тех командиров, которых ты завербовал тогда для этой цели?

Ты, наверно, их еще помнишь: подполковника Вячеслава Орлова, майора Александра Шепелева, майора Андрея Власевича, майора Павла Петрова, капитана Димитрия Малиновского, капитана Ивана Тимофеева, капитана Нисова, старшего лейтенанта Ивана Илущенко и всех остальных.

Вместе с этими своими товарищами по коварству, ты без жалости истреблял всех захваченных тобою в плен бандитов. Помнишь еще, как например, ты собственноручно убил майора войск НКВД Гаврилова? Когда тебя упрекали за твои нечеловеческие методы, которыми ты истязал пленных партизан, ты свою ненависть к большевикам обосновывал тем, что ты на собственной шкуре прочувствовал террор НКВД.

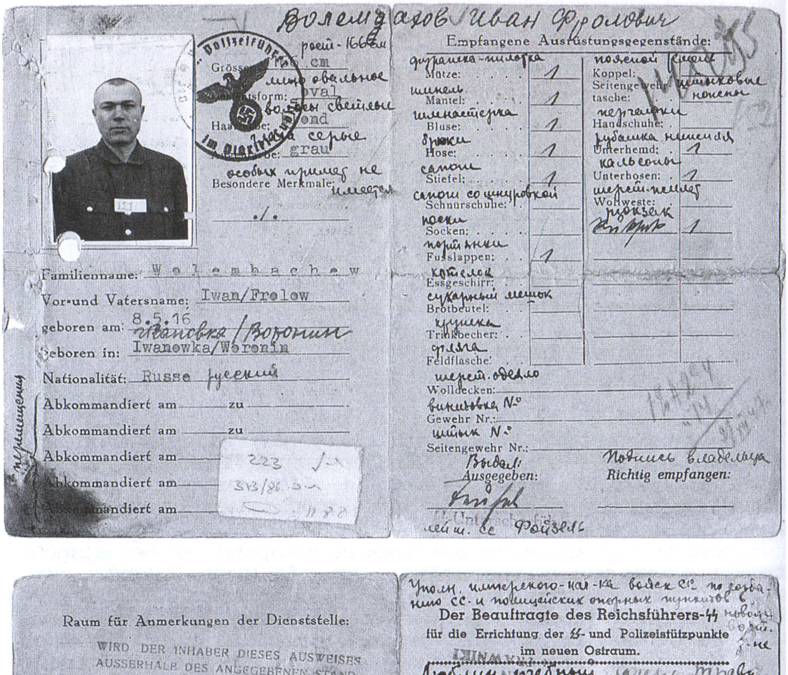
Твоя слепая ненависть и безжалостность ко всем приверженцам советской системы доказали твое фанатическое антибольшевистское убеждение.

Мы верили твоим словам, которыми ты призывал нас на борьбу с жидовской системой НКВД и видели в тебе вождя безкомпромиссной борьбы за свободную Россию.

Когда ты организовывал «дружину», мы охотно пошли за тобою, и вели безжалостную борьбу против большевистских банд и их пособников. Производя чистку своей же дружины, ты искоренял безжалостно даже всех тех, которых подозревал в симпатиях большевизму. Помнишь ли, как ты приказал расстрелять в Парчеве 9 человек: Баранова, Ися, Тимошенко, Енашева и 5 других? Помнишь-ли, как ты в Старом Быхове собственноручно убил старшего лейтенанта Ушакова? Помнишь-ли, как ты в апреле 1943 г. вблизи Лужков расстрелял яко-бы за трусость в борьбе с партизанами майора Кравчука, раздел его и в голом виде оставил лежать? Помнишь-ли, как 18 апреля 1943 г. ты лейтенанту Анатолию Полферову приказал расстрелять, за слушание московских радиопередач, 13 человек, среди которых находился младший лейтенант Мех?

Дважды награждался ты немцами, яко-бы за храбрость, но

Нацистская листовка, адресованная Гиль-Родионову после перехода «Дружины» на сторону партизан



Воленбахов Иван Фролович

рост - 166 см
Grösse: 166 cm
лицо овальное
Gesichtsform: oval
волосы светлые
Haarfarbe: blond
глаза серые
Augenfarbe: grau
особых примет не
Besondere Merkmale: имеется
./.

Familienname: Wolembachew
Vor-und Vatersname: Iwan/Frolow
geboren am: 8.5.16
Ивановка / Воронин
Geboren in: Iwanowka/Woronin
Nationalität: Russe русский
Abkommandiert am ______ zu ______
Abkommandiert am ______ zu ______
Abkommandiert am ______ 223
Abkommandiert am ______ 313/86
Abkommandiert am ______ 1188

Empfangene Ausrüstungsgegenstände:

фуражка-пилотка Mütze:	1	поясной ремень Koppel:	
шинель Mantel:	1	штыковые ножны Seitengewehrtasche:	
гимнастерка Bluse:	1	перчатки Handschuhe:	
брюки Hose:	1	рубашка нижняя Unterhemd:	1
сапоги Stiefel:	1	кальсоны Unterhosen:	1
сапоги со шнуровкой Schnürschuhe:		шерст. жилет Wollweste:	
носки Socken:		рюкзак	1
портянки Fusslappen:	1		
котелок Essgeschirr:			
сухарный мешок Brotbeutel:			
кружка Trinkbecher:			
фляга Feldflasche:			

шерст. одеяло
Wolldecken:
винтовка №
Gewehr Nr.:
штык №
Seitengewehr Nr.:

Выдал: Ausgegeben: — Подпись владельца Richtig empfangen:

SS-Unterscharführer — лейт. СС Фойзель

Raum für Anmerkungen der Dienststelle:

WIRD DER INHABER DIESES AUSWEISES AUSSERHALB DES ANGEGEBENEN STANDORTES ANGETROFFEN, IST ER FESTZUNEHMEN UND DER DIENSTSTELLE ZU MELDEN.

Res.-Lazarett Lublin 23.9.43 — 17.11.43

Если владелец данного свидетельства будет обнаружен вне указанного гарнизона, его следует задержать и сообщить в часть.

Имеется пометка: Резервный госпиталь г. Люблин 23.9.43 г. — 17.11.43 г.

Перевела: переводчик 4 Упр. МГБ СССР
Василевская
27/X-47 г.

Уполн. имперского нач-ка войск СС по созданию СС- и полицейских опорных пунктов в новом вост. р-не

Der Beauftragte des Reichsführers-SS für die Errichtung der SS- und Polizeistützpunkte im neuen Ostraum.

Люблин, учебный лагерь Травники

Свидетельство о прохождении службы

Dienstausweis Nr. 1211

Волембахов Иван

Der Wolembachew, Iwan
(Name des Inhabers)

ist in den Wachmannschaften des Beauftragten des RF-SS für die Errichtung der SS-und Polizeistützpunkte im neuen Ostraum als Wachmann tätig.

служит охранником в командах уполномоч. имп. нач-ка СС по созданию СС- и полиц. опорных пунктов в новом вост. р-не.

i. A.

SS-Hauptsturmführer

Печать: СС- и полицейфюрер дистрикта Люблин

Служебное удостоверение русского «травниковца» Ивана Волембахова

Русские дети-диверсанты Миша Кругликов и Петя Маренков. 1943 год

Русские «воспитанники СС» принимают присягу в Торгау (Германия). Фотография из берлинской газеты «Новое слово». 26 июля 1944 года

Нацистские плакаты, призывающие русских подростков вступать в организацию «воспитанников СС» и идти «в авангарде своего народа». 1944 год

Военнослужащие РОНА в Варшаве

Казаки — военнослужащие XV казачьего кавалерийского корпуса СС

К началу 1942 года в различных гетто на территории бывшей Польши было отобрано 2 284 000 человек, и руководство СС приняло решение о постепенной концентрации этих евреев в специальных лагерях. Одило Глобочник получил приказ Гиммлера организовать несколько таких лагерей. В помощь ему был направлен комиссар криминальной полиции Штутгарта гауптштурмфюрер СС Кристиан Вирт[1]. Вместе с ним из Рейха прибыли три зондеркоманды (около 450 человек, набранных из охранных полков СС «Мертвая голова»[2]). Глобочник, выслушав доклад Вирта о подготовке операции «Рейнгард» (Einsatz Reinhard), приказал ему связаться со Штрайбелем, чтобы подключить личный состав из Травников к строительству и охране концлагерей. Всего предполагалось построить три лагеря.

В начале ноября 1941 года началось строительство концентрационного лагеря недалеко от деревни Бельзец, рядом с железнодорожной веткой Люблин — Лемберг. Примерно через две недели сюда прибыла первая команда из Травников. В ее задачу входило вырубать лес и подготовить маскировку лагеря. Через неделю команду сменили польские строители, которых отпустили на отдых незадолго перед Рождеством. В январе 1942 года основные работы были в целом закончены, хотя еще оставалось оборудовать административную территорию лагеря, где размещались комендант, его аппарат, казармы для охранников[3].

Вторым лагерем был Собибор. Его решили расположить неподалеку от железной дороги, соединявшей Влодаву и Хелм. Строительство Собибора прошло быстро: в феврале 1942 года появились первые бараки, а уже в апреле концлагерь открыл свои двери. Третьим концлагерем, созданным в рамках операции «Рейнгард», была Треблинка (примерно в 80 км на северо-восток от Варшавы)[4].

---

[1] *Кнопп Г.* Холокост. Неизвестные страницы истории. Харьков, 2007. С. 104.

[2] *Benz W.* Der Holocaust / Wolfgang Benz. Orig.-Ausg. 5. Aufl. Munchen, 2001. S. 109.

[3] *Pohl D.* Die Trawniki-Manner... S. 280.

[4] *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 345.

Для обеспечения охраны концлагерей из Травников выделялись команды. В Бельзец, в распоряжение Вирта, отправили 100 охранников, в Собибор, под начало Штангля, — 120 человек, в Треблинку — вначале 20, затем 90 вахманнов. Команды через некоторое время заменялись. Например, в течение 1942 года в Бельзец регулярно направлялись подразделения по 60—80 человек. В общей сложности к лагерю было прикомандировано 200—250 травников. Они работали на кухне, наблюдали за поведением евреев со смотровых вышек, занимались охраной внешнего и внутреннего периметра лагеря, патрулировали наружный участок железной дороги. В обязанности травников также входила охрана и конвоирование «лесных команд» (Waldkommando), заготавливавших дрова.

В то же время не всем травникам нравилось выполнять «особые задания». Эти охранники стремились перевестись на должности, которые меньше всего связаны с выполнением карательных функций. Некоторые из них, не видя выхода, планировали бежать. Но, как уже говорилось, это удавалось сделать немногим. К примеру, на Рождество 1943 года из Собибора бежали пятеро заключенных и два украинских вахманна. Польский крестьянин одной из деревень донес, куда они скрылись, и в ходе погони двое охранников и один заключенный были убиты, а остальные были схвачены.

В секретном отчете, составленном, видимо, в конце декабря 1942 года на имя высшего фюрера СС и полиции на Востоке обергруппенфюрера СС Фридриха Вильгельма Крюгера, говорилось, что в Бельзеце, Собиборе и Треблинке было ликвидировано 1 236 672 человека[1]. Ученые до сих пор спорят, сколько евреев было убито в этих трех лагерях. Цифры называются самые разные: в Бельзеце от 435 000 до 600 000[2], в Собиборе от 200 000 до 250 000[3], в Треблинке — от 750 000 до 875 000[4].

---

[1] *Witte P., Tyas S.* A New Document on the Deportation and Murder of Jews during «Einsatz Reinhardt» 1942 / Holocaust and Genocide Studies. Oxford. 2001, Vol. 15, № 3. P. 470.

[2] *Pohl D.* Die Trawniki-Manner... S. 278.

[3] *Benz W.* Der Holocaust... S. 111.

[4] *Котек Ж., Ригуло П.* Указ. соч. С. 357. Цифра 875 000 евреев, убитых в Треблинке, впервые «появилась» на процессе бывшего травниковца Ивана

Заметим, что представители ревизионистского направления считают Бельзец, Собибор и Треблинку трудовыми лагерями, где смертность евреев была вызвана не самыми лучшими санитарными условиями, нуждой и болезнями, лишениями военного времени и т.д. Эти исследователи называют гораздо меньшее количество еврейских жертв, полагая, что германские оккупационные органы в Польше не могли физически ликвидировать несколько миллионов человек. Дискуссии по этой проблеме между представителями разных направлений современной историографии принимают порой чересчур острый характер.

В депортациях участвовали и травниковцы. Они действовали вместе со 101-м резервным полицейским батальоном. До конца сентября 1942 года эта часть 8 раз привлекалась для карательных операций. В трех из них — депортация евреев из Парчева и Медзыржеца и расстрел в Ломзи — сотрудники полиции «работали» бок о бок с 50 травниковцами. При этом расстрел в Ломзи проводили в основном немецкие полицейские, а вахманны стояли в оцеплении[1].

Личный состав учебного лагеря Травники также использовался для охраны польских тюрем (например, тюрьмы г. Кельцы, где находились в заключении советские женщины-военнопленные, в гетто Радома, Кракова, Белостока и Ченстохове), а также трудовых лагерей на оккупированной территории СССР, в первую очередь, в Восточной Галиции. Самым крупным из них был лагерь, расположенный на окраине Львова, на улице Яновской. Именно сюда в июне 1942 года прибыла первая команда из Травников. Ее возглавлял польский «фольксдойче» — унтершарфюрер СС Рихард Рокита[2].

В последующем вахманны, служившие в Яновском лагере, направлялись в Бельзец, Собибор и Треблинку. В самом лагере в 1942—1943 годах произошла серия удачных побегов, что можно объяснить не самой строгой охраной. Так, под руководством охранника И. Хабарова к советским партизанам перешла группа травников (И. Воло-

---

Демьянюка в Израиле.

[1] *Browning R. Ch.* Ordinary man... P. 80, 104.

[2] *Pohl D.* Nazionalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941—1944: Organisation und Durchfuhrung eines staatlichen Massenverbrechens. Munchen, 1997. S. 202.

шин, П. Бровцев, М. Коржиков и Н. Леонтьев), захватившая с собой винтовки, автоматы, гранаты и два пулемета. Все они сражались в составе партизанских отрядов, были даже награждены орденами и медалями, а после войны оказались в советских лагерях. В середине 1950-х годов их реабилитировали[1].

Со второй половины 1942 года в округах Генерал-губернаторства произошла активизация польского и еврейского сопротивления. Одним из главных центров, где собирались антинемецкие силы, являлась Варшава. Внутри здешнего гетто были созданы боевая еврейская организация (БЕО), еврейский народный комитет (ЕНК; Zydowski Komitet Narodowy) и еврейский военный союз (ЕВС). Несмотря на идеологические разногласия, они начали подготовку к вооруженной борьбе, стали искать тесных контактов с Армией Крайовой. Параллельно с этим в варшавское гетто тайным путем, через канализацию и подземные ходы, доставлялось оружие (винтовки, пулеметы) и взрывчатка (динамит). В скором времени евреи были распределены на боевые группы, которые начали постоянно нападать на германских офицеров и солдат, сотрудников немецкой полиции и членов польской службы порядка. Уже в 1942 году были организованы налеты на бюро по еврейским вопросам и сожжено несколько заводов и складских помещений, находившихся на окраинах города. Варшавское гестапо пыталось выявить инициаторов этих нападений, но так и не нашло их. Зачистки отдельных районов гетто несколько снизили напряженность, но не привели к захвату руководителей еврейских боевых организаций и их самых активных участников[2].

К апрелю 1943 года обстановка в Варшаве накалилась и стала выходить из-под контроля. Ежедневные нападения на полицейских, поджоги, акты саботажа, забастовки в польской части города усилили желание СС и полиции покончить с гетто. Специальные меропри-

---

[1] *Токарев М.* В замкнутом круге / Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1984. С. 150.

[2] *Марк Б.* Восстание в Варшавском гетто / Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. Вильнюс, 1993. С. 469—471.

ятия по ликвидации гетто было решено начать накануне еврейского Песаха, 19 апреля. В Варшаве ужесточили пропускной режим, были введены немецкие части полиции и СС (2000 военнослужащих войск СС, 234 сотрудника охранной полиции). В «арийской части» города по тревоге было поднято около 7000 полицейских и эсэсовцев, а в самом округе «Варшава» было приведено в состояние боевой готовности до 15 000 человек. Для подавления еврейского восстания, по распоряжению Глобочника, было также привлечено несколько подразделений из лагеря Травники (по одним сведениям — 200, по другим — 337 вахманнов). Высший фюрер СС и полиции обергруппенфюрер СС и генерал-полковник полиции Фридрих Вильгельм Крюгер поручил командовать операцией срочно вызванному из Лемберга бригадефюреру СС и генерал-майору полиции Юргену Штропу.

Вечером 18 апреля гетто было блокировано польской полицией. В два часа ночи 19 апреля группы блокирования были усилены патрулями немецкой полиции и травниковцами. Утром батальон полиции (850 человек) вступил в северо-восточную часть гетто с целью ликвидации боевиков и захвата скрывавшихся евреев. В авангарде шли травниковцы, гнавшие перед собой членов еврейской полиции. За оказание помощи восставшим и за попытку к бегству этих евреев расстреляли возле здания юденрата. После этого в гетто вошли легкие танки и бронеавтомобили. Через громкоговорители немцы призвали евреев добровольно выйти из укрытий и сдать оружие. Однако боевики из БЕО и ЕВС открыли огонь.

Евреи оказали ожесточенное сопротивление. Из окон домов, с чердаков и крыш на полицейских и эсэсовцев посыпался град пуль. На улицу полетели гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Боевики пытались отрезать травниковцев и полицейских от основных сил. По словам некоторых очевидцев тех событий, евреям удалось завлечь эсэсовцев в ловушку между домами, окружить и уничтожить три роты, взять в плен около 300 полицейских и вахманнов[1]. Однако эти цифры, насколько видно из отчетов, составленных Штропом, сильно преувеличены. В ходе первого боя его люди потеряли 12 человек (6 немецких солдат СС и 6 травников).

[1] Там же. С. 473.

К полудню эсэсовцы овладели позициями боевиков в северной части гетто. Бои переместились на Мурановскую площадь, в том же районе. Евреи, используя канализацию, заходили в тыл к эсэсовцам, обстреливали и забрасывали их гранатами. В одном из кварталов разгорелась жестокая рукопашная схватка, после которой 80 боевиков были разоружены и отправлены под конвоем на Умшлагплац (Umschlagplatz) — пункты, где проводились расстрелы и высылки в концлагеря округа «Люблин» (эти пункты располагались рядом с железнодорожным вокзалом).

19 апреля боевые столкновения продолжались и вечером. Точно такими же были следующие дни восстания. 23 апреля Штроп получил приказ Гиммлера прочесать гетто с «безжалостной настойчивостью»[1]. Штроп приказал сбрасывать в водосточные колодцы дымовые шашки, пускать слезоточивый газ. Солдаты войск СС получили разрешение поджечь дома, где могли прятаться евреи. Восставшие стали вылезать на поверхность. Тут их встречали боевые группы полицейских и травниковцев.

К 27 апреля СС и полиция схватили 31 746 евреев. Боевики были вынуждены перейти к новой тактике. Она состояла в сочетании оборонительных действий с внезапными ночными вылазками. Несколько дней восставшие сдерживали натиск эсэсовцев, однако долго это не могло продолжаться. К тому же у немцев появилась информация о том, где расположен штаб сопротивления, бункеры, откуда осуществляется управление группами боевиков.

16 мая 1943 года основные очаги еврейского восстания были подавлены. В этот же день Штроп объявил о завершении операции. В своем заключительном донесении он приводил следующие цифры: «Из 56 065 схваченных евреев 7000 погибли в ходе “Большой операции” (Grossaktion) на территории бывшего еврейского квартала; 6929 были убиты во время депортации, таким образом, всего было уничтожено 13 929 евреев. Помимо 56 065, еще 5000—6000 погибли от взрывов и пожаров»[2].

---

[1] СС в действии. Документы о преступлениях СС / Пер. с нем. М., 2000. С. 547.

[2] Холокост: Энциклопедия. М., 2005. С. 125.

Во время подавления восстания травниковцы поддерживали тесное взаимодействие с армейскими частями, полицией и СС, принимали участие в уличных боях, помогали блокировать кварталы, где прятались боевики. Где была возможность, они содействовали полиции в обнаружении подземных бункеров, занимались конвоированием захваченных евреев. Всего за месяц боев в Варшаве охранники потеряли около 150 человек. Это были большие потери, если учитывать, что в начале операции было от 200 до 337 травников[1].

После подавления варшавского восстания руководство СС и полиции в Генерал-губернаторстве усилило контроль над использованием еврейской рабочей силы в лагерях, обеспечивавших экономические и хозяйственные нужды охранных отрядов. Уже в марте 1943 года Главное административно-хозяйственное управление СС (ВФХА) создало для этих целей новое экономическое подразделение «Остиндустри» (Ostindustri), известное больше под названием «Ости». Это подразделение, возникшее в рамках управленческой группы «Д», занималось вопросами обслуживания концлагерей. По указанию начальника ВФХА обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Освальда Поля, некоторые трудовые лагеря, находящиеся на территории округов «Люблин» и «Радом», были включены в сферу интересов ВФХА. В дистрикте «Люблин» это были лагеря Понятув и Травники — самые большие по сконцентрированным в них трудовым ресурсам.

Лагерь Травники в то время уже не был исключительно учебной базой СС, где готовили охранные кадры из советских военнопленных. Летом 1942 года здесь открыли исправительно-трудовое учреждение для евреев, привезенных из разных концов Генерал-губернаторства и западных районов оккупированной территории СССР.

В соответствии с планом, утвержденным 21 июня 1942 года фюрером СС и полиции округа «Люблин», в Травниках велось строительство и реконструкция лагеря. Согласно проекту, лагерь делился на две части — учебный и исправительно-трудовой. На территории учебного лагеря строились казармы для вахманнов, жилые помещения для немецкого персонала лагеря, гараж, душевые, кухня и хо-

[1] *Семенов К.К.* Дивизии войск СС... С. 17.

зяйственные помещения, мастерские, лазарет, лагерная комендатура, конюшня и сараи для разведения ангорских кроликов, дом для начальника лагеря.

8 февраля 1943 года Глобочник подписал контракт с компанией «Шульц и К°» (F.W. Schulz und C°), которая занималась производством матрацев, тюфяков и меховых изделий, а также ремонтировала ботинки и солдатскую униформу. По проекту контракта «Шульц и К°», на производстве должно было бы быть 4000 евреев в меховом производстве и еще 1500 в производстве щеток, которые должны были вместе с оборудованием поступить из варшавского гетто в Травники. Карл Штрайбель занимался организацией труда, распределял рабочую силу, получал за работу деньги (5 злотых за мужчину и 4 злотых за женщину в день). Повседневно, однако, эту работу делал гауптшарфюрер СС Франц Бартезко или его заместитель штурмшарфюрер СС Йозеф Напирала.

Вначале СС посылами и угрозами набирали рабочих-евреев из варшавского гетто на предприятие «Шульц и К°» в Травниках. Однако даже под угрозой быть убитыми на работы отправилось около 448 евреев, которые были доставлены в лагерь 14 апреля 1943 года. После ликвидации варшавского гетто насильственно в Травники было доставлено 2848 мужчин, 2397 женщин и 388 детей. На 1 мая 1943 года в лагере стало 5633 еврея. Еще два крупных транспорта прибыли из Минского гетто после его ликвидации в ноябре 1943 года.

Для повышения производительности Бартезко поначалу инициировал относительно приличные условия существования в трудовом лагере в Травниках. Он допускал нелегальную торговлю едой и алкоголем, сформировал из евреев оркестр и позволил им даже играть в футбол! Все это способствовало, по мнению немцев, лучшей производительности и, соответственно, приближало победу Рейха. Однако за попытку к бегству полагался расстрел на месте, трупы не убирались для устрашения в течение 24 часов. Воровавших сырье или продукцию для немецких фирм пороли по 25 ударов плетью. Часто нарушителей переводили в другой трудовой лагерь в Дорохуче в нескольких километрах от Травников. Там добывали торф, режим был намного хуже, кормили плохо.

Осенью 1943 года Гиммлер, несмотря на жалобы со стороны представителей фирм, где трудились евреи, отдал приказ о сворачивании всех трудовых лагерей в дистрикте «Люблин». Поводом к этому решению послужили еврейские восстания, произошедшие в Треблинке, Белостоке и Собиборе. Было также заявлено, что евреи, находящиеся в концлагере Майданек и рабочих лагерях (Травники, Понятув, Будзин, Замосць, Бяла Подлясска и Люблинский рабочий лагерь), представляют большую опасность для Рейха. В целях наведения порядка и поддержания должной безопасности Гиммлер приказал фюреру СС и полиции округа «Люблин» группенфюреру СС и генерал-лейтенанту полиции Якобу Шпорренбергу (сменил Глобочника на его посту 16 августа 1943 года) провести специальную операцию[1].

В конце октября 1943 года Шпорренберг отправился в Краков, за консультацией своего непосредственного начальника обергруппенфюрера СС Вильгельма Крюгера. Получив соответствующие указания, Шпорренберг вернулся в Люблин и 2 ноября организовал совещание. На нем присутствовали начальники СС и полиции из округов «Краков» и «Варшава», командиры 22-го (Краков) и 25-го (Люблин) полицейских полков, 101-го резервного полицейского батальона, представители полиции безопасности и СД Люблина, а также начальники лагерей Майданека (Г. Флорштед), Травников (А. Бургер) и Понятува. Шпорренберг ознакомил всех офицеров СС с инструкцией о проведении акции «Праздник урожая» (Aktion Erntefest). Акция началась на следующий день, 3 ноября.

Ранним утром в Травники прибыли сотрудники СД и специальные команды СС и полиции. Они собрали всех евреев, вывели за пределы лагеря и ликвидировали. Вахманны из караульных подразделений все время находились в оцеплении. О количестве жертв в Травниках цифры разнятся: от 6 до 10 тысяч евреев. После этого группа евреев, оставленная в живых, занималась демонтажем служебных зданий и помещений. Через две недели трудовой лагерь Травники перестал существовать, но центр по подготовке охраны продолжал функционировать.

[1] *Browning R. Ch.* Ordinary man... P. 137.

Подразделения вахманнов, выведенные из Травников, были направлены в другие лагеря, например, в Аушвиц и Штуттгоф. Часть охранников оставалась в ведении РСХА, другая часть в конце 1944 года влилась в состав 14-й гренадерской дивизии войск СС (1-й украинской). Также известно, что 13 и 14 февраля 1945 года, после масштабных бомбардировок Дрездена авиацией союзников, травники помогали разгребать завалы на улицах разрушенного города и сжигать тела местных жителей, ставших жертвами варварских налетов[1].

В конце войны некоторые травники были признаны гражданами Рейха. Тем не менее это не спасло их, а также других охранников, от выдачи советским оккупационным органам, которые после окончания войны занимались выявлением изменников и предателей. В руки советской контрразведки СМЕРШ попало немало русских и украинских вахманнов. Все они были казнены, иногда без проведения предварительного судебного следствия. Те же, кому удалось пройти проверку СМЕРШ, направлялись в лагеря СССР. Впрочем, в дальнейшем, даже отсидев там, эти люди постоянно находились под надзором советских органов госбезопасности, и в 1960-х годах они вновь были арестованы КГБ. В это время в Советском Союзе прошло немало громких показательных процессов. Например, в июне 1965 года в Краснодаре судили шестерых травниковцев (Н. Матвиенко, В. Белякова, И. Никифорова, И. Зайцева, В. Поденка и Ф. Тихоновского), служивших в концентрационных лагерях во Львове, Собиборе и Бельзеце. Всех их приговорили к высшей мере наказания[2].

Аналогичным был судебный процесс в Днепропетровске, проходивший в 1967 году. На скамье подсудимых оказались 4 травниковца (советские немцы Карл Динер, Иван Тельман, Александр Зеффер и один русский охранник — Зуев). Они также были казнены[3]. По данным исследователя С. Кудряшова, с 1944 по 1987 год в СССР состоялось свыше 140 процессов над охранниками, и в большинстве случаев выносился смертный приговор[4].

---

[1] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 265.

[2] *Токарев М.* В замкнутом круге... С. 151.

[3] *Pohl D.* Die Trawniki-Manner... S. 288.

[4] *Кудряшов С.* Указ. соч. С. 98.

В то же время некоторая часть травниковцев легализовалась в послевоенной Европе. Многие из них потом эмигрировали в США и Канаду. В период «холодной войны» их никто не трогал, но в 1980-х годах ситуация изменилась. ФБР и судебные органы США стали проверять документы эмигрантов, приехавших в Америку в конце 1940-х — в начале 1950-х годов. В результате выяснилось, что среди тех, кто получил вид на жительство, есть немало людей с «темной биографией». При содействии центра Симона Визенталя удалось выявить некоторых травниковцев.

Наибольший резонанс в мировых средствах массовой информации получило дело Ивана Николаевича Демьянюка. Из биографии этого человека известно, что он родился 3 апреля 1920 года в селе Дубовые Махарицы (ныне входит в состав Казатинского района Винницкой области Украины) в бедной крестьянской семье. После окончания четырех классов сельской школы Демьянюк работал трактористом в колхозе. В 1940 году был призван в Красную армию. В мае 1942 года попал в Крыму в немецкий плен. Затем он попал в лагерь для военнопленных в Хелме, где был завербован охранником в учебный лагерь СС в Травниках. В 1944 году Демьянюк некоторое время служил в РОА генерал-лейтенанта А.А. Власова. В мае 1945 года Демьянюк обратился в лагерь для беженцев американской оккупационной администрации в южнонемецком городе Ландсхуте, выдав себя «за жертву фашистского режима». В 1952 году он работал в разных городах Германии, в том числе шофером в американской армии. В том же году вместе с женой и дочкой эмигрировал в США. Свое имя Демьянюк поменял на «Джон» и начал работать автомехаником. В 1958 году он получил американское гражданство.

В конце 1970-х против Демьянюка было выдвинуто обвинение, что он является «Иваном Грозным» — надзирателем в бывшем нацистском концентрационном лагере Треблинка, который обслуживал газовые камеры и участвовал в убийстве свыше 100 тысяч человек, применяя к узникам садистские пытки. Еще до этого Советский Союз передал США список имен 70 военных преступников, живу-

щих на территории Соединенных Штатов. Среди них было и имя Ивана Демьянюка[1].

В октябре 1983 года на экстрадицию Демьянюка подал заявку Израиль. В начале 1987 года, после того, как девять американских судебных инстанций пришли к выводу, что автомеханик из Огайо и есть садист из Треблинки по прозвищу «Иван Грозный», его экстрадировали в Израиль для предания суду. Слушание уголовного дела № 373/86 «Государство Израиль против Джона (Ивана) Демьянюка» иерусалимским окружным судом проходило с февраля по август 1987 года во «Дворце наций». Процесс, который обошелся израильской казне в один миллион долларов, стал третьим «треблинским процессом» после того, как два предыдущих прошли в Дюссельдорфе (ФРГ) в 1964 и в 1970 году. Демьянюку вменялись в вину преступления против еврейского народа, военные преступления и преступления против человечества. А обвинительное заключение начиналось словами: «Обвиняемый проявлял особо чудовищную жестокость по отношению к евреям, убивая их собственными руками — забивал насмерть обрезком металлической трубы или засовывал головы своих жертв между рядами колючей проволоки...»

Главным доказательством на том процессе стало удостоверение учебного лагеря Травники № 1393 на имя Ивана Демьянюка. Обвинение настаивало на том, что из Травников вахманн попал в Собибор и в Треблинку.

Но идентификация личности Демьянюка оказалась чрезвычайно трудным делом, несмотря на наличие свидетелей в Израиле и за рубежом, узнавших в нем «Ивана Грозного». Обвинение потратило много времени и усилий, пытаясь доказать, что на фотографиях 1942, 1945, 1947, 1952, 1958, 1981 и 1986 годов изображен один и тот же человек, и с помощью экспертизы добилось своего. С большим трудом Демьянюку удалось найти израильского адвоката, которым стал Йорам Шефтель, поскольку все остальные отказались его защищать. Шефтель заявил, что опознание Демьянюка в зале суда имеет «нулевое значение», а удостоверение из лагеря Травники — фальшивка КГБ, а даже если это не совсем фальшивка, там в любом случае ни словом не говорится, что Демьянюк служил в Треблинке. Но судей эти аргументы не убедили.

---

[1] *Ершов Ю.* Ивана Демьянюка будут судить в Германии. Срок без давности / «Российская газета» (Москва). 14 мая 2009. № 86 (4910). С. 11.

25 апреля 1988 года окружной суд Иерусалима признал Ивана Демьянюка виновным в совершении преступлений в концлагере Треблинка и приговорил к смертной казни через повешение. Но адвокату Шефтелю удалось найти в открывшихся архивах КГБ новые данные, которые поставили под сомнение обоснованность вынесенного приговора. По показаниям 37 бывших охранников Треблинки, «Иваном Грозным» называли некоего Ивана Марченко, судьба которого осталась неизвестна после того, как в последний раз его видели в 1944 году в Югославии. Демьянюк обжаловал смертный приговор в Верховном суде Израиля, и в августе 1993 года пять членов Верховного суда единогласно приняли решение оправдать обвиняемого, истолковав в его пользу все сомнения, имевшиеся в деле.

Демьянюк, которого в израильской тюрьме разбил паралич, был освобожден и в конце концов воссоединился со своей семьей в США. Ему было возвращено американское гражданство.

Однако в мае 1999 года отдел специальных расследований Министерства юстиции США подал гражданский иск, обвинив Демьянюка в том, что он принимал участие в процессе, в результате которого погибли тысячи евреев. 21 февраля 2002 года в Кливленде (штат Огайо) окружной судья Пол Матия заявил, что Демьянюк был причастен к убийству евреев в концлагере Треблинка. Вместе с ним тем же самым, по версии Матия, занимались русские, украинские и немецкие эсэсовцы Дальке, Костенов, Либоденко, Мауер, Малиновский, Пинеманн, Подесса, Шнайдер и Вальдеманн. Демьянюк не смог правдоподобно опровергнуть это обвинение. Считается доказанным, что он нес службу как минимум в лагерях смерти Собибор и Майданек, в концентрационном лагере Флоссенбург и в Травниках.

В июне 2004 года суд вновь лишил Демьянюка американского гражданства. В декабре 2005 года было принято решение о депортации Демьянюка на Украину. Процедура по установлению отсутствия угрозы пыток на Украине длилась до конца 2006 года. Попытки Демьянюка добиться отмены решения о депортации не увенчались успехом, но задержали ее еще на два года.

24 марта 2009 года иммиграционное ведомство США объявило о соглашении с немецким правительством. По данным расследования, проведенного Центром по раскрытию преступлений нацистов в

Людвигсбурге, Демьянюк с марта и до середины сентября 1943 года работал охранником в концлагере Собибор. Эти материалы были переданы в прокуратуру города Мюнхена, которая обвинила бывшего вахманна в соучастии в убийстве 29 тысяч евреев в лагере Собибор и выдала международный ордер на его арест.

Впрочем, 14 апреля, после того, как сотрудники миграционной службы забрали Демьянюка из дома, его родственникам удалось добиться от Федерального суда США решения отложить экстрадицию. Адвокаты акцентировали внимание на состоянии здоровья Демьянюка, который якобы был прикован к инвалидному креслу. Однако в мае была сделана видеосъемка скрытой камерой, на которой Демьянюк делает покупки, садится за руль и едет домой, после чего власти немедленно перевели обвиняемого в иммиграционный центр, откуда вечером 11 мая он был доставлен в аэропорт и посажен на борт самолета, следовавшего в Германию.

12 мая 2009 года Демьянюк был доставлен спецрейсом из США в Германию. Согласно проведенной в начале июля 2009 года медицинской экспертизе, Иван Демьянюк был признан способным участвовать в разбирательстве дела, однако максимальная нагрузка была ограничена двумя заседаниями по 90 минут в день. В представленном генеральной прокуратурой Мюнхена в суде 13 июля 2009 года официальном обвинительном заключении Демьянюк был обвинен в пособничестве убийству в 27 900 случаях. Главным доказательством служит выданное на его имя удостоверение СС все с тем же номером 1393. Кроме того, обвинение опирается на документ, в котором утверждается, что в 1943 году Демьянюк был переведен в Собибор.

Суд начался 30 ноября 2009 года. Неожиданный поворот в деле произошел в феврале 2010 года. Бывший узник лагеря смерти Собибор — российский пенсионер из Рязани Алексей Вайцен — узнал в мюнхенском подсудимом жестокого охранника концлагеря. В Рязань приезжали немецкие следователи, которые зафиксировали показания Вайцена, перевели их на немецкий язык и оформили их в соответствующем процессуальном виде. В настоящий момент Демьянюк ждет развязки своего дела.

Приложение 8

Из протокола допроса бывшего вахманна учебного лагеря СС «Травники» Разгоняева Михаила Афанасьевича

В мае 1942 года я окончил школу войск СС в Травниках и получил чин вахманна (охранника в войсках СС). Я был направлен на практическую работу в специальный лагерь вблизи местечка Собибор... Лагерь Собибор был лагерем смерти. Это была фабрика, специально оборудованная для массового уничтожения евреев... В период моей службы в лагере, с мая 1942 по июнь 1943 года, я входил в состав отряда вахманнов численностью в семьдесят — восемьдесят человек, состоявшего из нескольких взводов. Каждым взводом командовал вахманн или обервахманн из фольксдойче, свободно владевших немецким языком.

Помимо немцев мы, вахманны, бывшие солдаты Красной армии, предавшие свою Родину и пошедшие служить фашистской Германии, принимали участие в массовом уничтожении людей... В течение мая — июня 1942 года я дважды лично участвовал в расстреле групп людей. В первый раз это была группа из пятидесяти больных и дряхлых людей. Она была расстреляна вахманнами, в числе которых был я... Второй раз я участвовал в расстреле группы, состоявшей примерно из двадцати пяти человек....

В декабре 1942 года за мою верную службу в немецких войсках СС мне был присвоен чин обервахманна...

См.: Собибор. Восстание в лагере смерти / Сост. С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицкий, Л.А. Терушкин. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 183.

Шестая глава

РУССКИЕ ДЕТИ-ДИВЕРСАНТЫ И «ВОСПИТАННИКИ СС»

Еще в 1939 году нацисты решили поставить под контроль русскую эмигрантскую молодежь в Германии. С этой целью при Бюро генерала В.В. Бискупского (эта организация русских беженцев находилась под тесной опекой СС) была создана Национальная организация русской молодежи (НОРМ), возглавил которую заместитель

начальника Бюро Сергей Владимирович Таборицкий (в немецких документах — фон Таборицки)[1].

Бывший член НОРМ Р.В. Полчанинов вспоминает: «С первого дня НОРМ была в ведении гитлерюгендов, а возглавил ее Сергей фон Таборицкий, женатый на немке, доверенное лицо нацистов... Таборицкому нужен был человек, который фактически бы вел работу с молодежью, для чего у него не было ни знаний, ни опыта, ни времени. Таборицкий знал, что Иван Александрович Мелких, не будучи немецким подданным, пошел добровольно на рабочую службу (Arbeitdienst) ... В его глазах это было знаком лояльности к Германии, и поэтому выбор Таборицкого остановился на Мелких, человеке умном, энергичном и амбициозном, который согласился быть у Таборицкого начальником штаба берлинского НОРМ»[2].

Члены НОРМ носили собственную униформу: черные косоворотки навыпуск с широкими погонами. Поначалу в организацию входили только русские юноши и девушки старше 16 лет из Берлина. Однако со временем под покровительство НОРМ вошли «витязи» Русского студенческого христианского движения в Праге и Брно, русские скауты в Лотарингии, скауты в Белграде, «витязи» в Протекторате Богемия и Моравия, дружина разведчиков и вожатых при Русском комитете в Варшаве и др.[3]

Официально сотрудничая с нацистами (в том числе с СД и гестапо), сотрудники НОРМ проводили и национальную работу, как в среде русской эмигрантской молодежи, так и среди советской, прибывшей в Германию на трудовые работы в качестве «остарбайтеров». Некоторые «нормовцы» были одновременно членами НТС (например, Р.В. Полчанинов) и, очевидно, через посредничество СД, получили возможность выехать на оккупированные территории Советского Союза для работы по восстановлению «новой жизни».

В настоящий момент довольно сложно установить степень и конкретные формы сотрудничества русской эмигрантской молодежи с нацистами и, в частности, с эсэсовскими структурами. Многие вос-

[1] *Окороков А.В.* Знаки русской эмиграции (1920—1990). Б/м, 2005. С. 109.

[2] *Полчанинов Р.В.* Молодежь русского зарубежья... С. 69—60.

[3] *Окороков А.В.* Знаки русской эмиграции... С. 109.

поминания непосредственных участников событий, по понятным причинам, пестрят недомолвками и намеренными искажениями.

Гораздо лучше изучен опыт привлечения советских детей и подростков с оккупированных территорий для работы в качестве диверсантов и разведчиков. Хотя непосредственное обеспечение этих мероприятий осуществляли сотрудники абвера — германской военной разведки и контрразведки, они проводились в рамках разработанной подчиненными Гиммлера операции «Цеппелин». Летом 1943 года при абвергруппе 209 (радиопозывной — «Буссард») была создана рабочая группа по руководству «Особой командой Гемфурт» из пяти разведчиков во главе с оберлейтенантом германской армии Юрием Николаевичем Евтуховичем (по легенде, разработанной в абвере, — белоэмигрант Юрий Васильевич Ростов-Беломорин). 12 февраля 1944 года это подразделение, наряду с большей частью других структур абвера, вошло в подчинение РСХА.

В рапорте с обоснованием привлечения русских детей к выполнению диверсионных заданий начальник абвергруппы 209 капитан Фриц Больц (он же — Бухольц; в 1941 году был откомандирован в СД и служил в зондеркоманде «Москва») отмечал: «...Установлено, что забрасываемая нами агентура нередко задерживается не столько вследствие усиления контрразведки, сколько по причине слабой маскировки агентов и низкого качества документов их прикрытия. Поэтому для усиления диверсионной деятельности предлагается усовершенствовать средства, тактику и способы совершения диверсионных актов, а также скрытность маскировки самих исполнителей». В качестве основной меры «усовершенствования тактики» предлагалось задействовать в качестве агентов специально обученных детей и подростков от 10 до 16 лет: «На их подготовку потребуется гораздо меньше средств и времени. В России они не имеют никаких документов, ими забиты все крупные прифронтовые вокзалы и станции, отношение к ним военных и охраны участливое и снисходительное. Поэтому появление их у объектов диверсий не вызывает подозрений».

Больц планировал «под видом воспитанников и службы в Русской освободительной армии мобилизовать физически здоровых

подростков и в порядке эксперимента сформировать команду в количестве 30—40 человек». Воспитание и обучение в течение месяца подрывному делу, топографии, прыжкам с парашютом и строевой подготовке предлагалось организовать на территории Германии, под Касселем, в охотничьем имении Больца — Гемфурте («Там будут созданы необходимые материальные условия и возожности для идеологической обработки, в том числе ознакомительных экскурсий»). Срок готовности к проведению первой операции в тылу противника (по заданию отдела штаба 9-й армии и штаба группы армий «Центр») был определен на 30 августа 1943 года[1].

В различных публикациях, посвященных «Особой команде Гемфурт», как правило, утверждается, что ни один из подготовленных русских подростков к выполнению диверсионных заданий не приступил и все заброшенные агенты явились с повинной в органы «СМЕРШ». Этой версии в целом придерживается и автор наиболее подробного исследования проблемы — генерал-майор КГБ СССР Н.В. Губернаторов[2]. К сожалению, при работе над книгой автор ставил перед собой идеологические задачи. Второе издание его книги, по всей видимости, было призвано стать своеобразной «отповедью» скандальной повести Владимира Кунина «Сволочи», по которой был снят одноименный фильм. Отсюда — своеобразная тональность работы Губернаторова, стремившегося доказать читателю, что подростки даже в условиях своей вынужденной коллаборации с германской разведкой, в сущности, продолжали оставаться «советскими патриотами».

По этим же причинам автор намеренно искажает образ главного воспитателя детей-диверсантов, перевербованного впоследствии советскими агентами, — Ю. Евтуховича. Поэтому на страницах книги подробно излагается не биография подлинного Евтуховича (родился в 1913 году в Тамбове, русский, гражданин СССР, беспартийный, с незаконченным высшим образованием, до войны — воспитатель детского дома, в августе 1941 года сдался в плен, где был завербо-

[1] *Губернаторов Н.В.* «Смерш» против «Буссарда» (Репортаж из архива тайной войны). Жуковский—М., 2005. С. 98—100.

[2] В числе его публикаций: Особая команда «Гемфурт» / Скрытые лики войны: Документы, воспоминания, дневники. М., 2003. С. 3—180.

ван германской разведкой), а легенда, придуманная Евтуховичу в абвере[1]. По Губернаторову, Ростов-Беломорин — отчаявшийся человек, искренне любящий свое Отечество, но запутавшийся в политических взглядах. Его вербовка советскими разведчиками выглядит естественным шагом, возвращением русского человека в объятия Родины. «Протоколы допросов» Ростова-Беломорина в «СМЕРШе» изложены Губернаторовым таким образом, что выглядят как дружеские беседы закадычных друзей. С этой же целью выдумывается самоубийство «раскаявшегося белоэмигранта» — якобы 18 февраля 1945 года и якобы из-за неразделенной любви к чекистке.

В послесловии к своей книге Губернаторов отпускает патетическую фразу: «С гордостью и печалью я завершил свой репортаж о мужественных подростках и бойцах незримого фронта Великой Отечественной войны». Бесспорно — перед нами готовый сюжет для экранизации, однако все это имеет мало общего с действительностью...

В 2007 году режиссер Евгений Румянцев снял документальный фильм «Дети-диверсанты», показанный по каналу «ОРТ». В фильме показаны трое бывших воспитанников «Гемфурта» (Евгений Яковлев, Вячеслав Бабицкий и Иван Красавцев[2]), продемонстрированы

---

[1] Согласно этой легенде, Ю.В. Ростов-Беломорин родился в 1898 году в Москве, в дворянской семье полковника Генерального штаба царской армии. После окончания юнкерского училища воевал на Северо-Западном фронте, где служил сначала переводчиком с немецкого языка, а затем офицером разведотдела. После революции жил в Эстонии, затем — в Латвии. В начале 1930-х годов Ростов-Беломорин был завербован абвером. После присоединения Латвии к СССР выехал в Германию, где стал штатным сотрудником германской разведки. См.: *Губернаторов Н.В.* «Смерш» против «Буссарда»... С. 28—37.

[2] Красавцев утверждает, что для того, чтобы отсеять слабых и больных подростков, немцы «прогоняли их через газовую камеру». Разумеется, это является плодом разыгравшегося воображения (нам представляется сомнительным, чтобы кто-то из детей после газовой камеры мог бы остаться в живых). Речь идет, вероятнее всего, о прозаической Entlausung (чистка от вшей), которой подвергались все лица, пересекающие границы Рейха. Ср. у Р.В. Полчанинова: «После вполне приличного завтрака весь транспорт повели в барак, где нас заставили раздеться, а одежду сдать в чистку от вшей. Немцы страшно боялись, чтобы приезжие не завезли в Германию этих насе-

подлинные документы из Центрального архива ФСБ России, в том числе — дела с протоколами допросов некоторых детей-диверсантов и самого Евтуховича. Съемочная группа побывала и в современном немецком Гемфурте, где опросила пожилых людей — очевидцев подготовки русских детей.

Согласно показанным документам, Евтухович с июня 1943 года по январь 1945 года лично подготовил к выполнению диверсионных заданий 110 подростков. Первая операция состоялась в самом конце лета 1943 года в районе железнодорожных узлов Ржев — Тула — Курск. Заброшенные подростки были снабжены едой, водкой, сахарным песком, замаскированной под куски угля взрывчаткой. Все дети, кроме одного, были задержаны органами «СМЕРШ» в ходе оперативных мероприятий (впрочем, в фильме утверждается, что задержано было только трое подростков). Зато все 10 детей-диверсантов второй группы выполнили задания и вернулись назад.

В фильме фигурирует уголовное дело Якубова Анатолия Александровича, 1928 года рождения, уроженца Орла, русского, из рабочих, образование 5 классов, рабочего водоканала (заметим, на 1941 год ему было 13 лет — вот повод поразмышлять о «счастливом советском детстве») — одного из тех, кого Губернаторов опрометчиво поспешил назвать «мужественными подростками и бойцами невидимого фронта».

Он был признан виновным в том, что, «находясь в Минском детдоме № 5 во время оккупации г. Минска немцами, в августе 1943 года немецкой разведкой был завербован и направлен на учебу в разведывательно-диверсионную школу, которую окончил в 1944 году.

Будучи в этой школе, Якубов был обмундирован в немецкую военную форму и содержался за счет немецких разведывательных органов.

Осенью 1943 года в составе отряда изменников Якубов, вооруженный винтовкой, выехал в одну из деревень Минской области на борьбу с партизанами. Якубов находился в лесу в засаде. Во время

комых» (Указ. соч. С. 62). Аналогичные профилактические мероприятия описывает Р. Солоухина-Заседателева, которая была в годы войны направлена на работу в Германию (На задворках Победы. М., 2008. С. 92—93).

этой операции было задержано 12 человек советских граждан, которые участниками операции были расстреляны за связь с партизанами.

По окончании разведывательно-диверсионной школы Якубов выполнял задания по подрыву полотна железной дороги на советской территории, а именно: в июле 1944 года Якубов в районе ст. Молодечно был выброшен разведкой из самолета на парашюте, имел при себе взрывчатые вещества и вблизи ст. Молодечно совершил взрыв железнодорожного полотна.

В августе 1944 года Якубов был снова выброшен из самолета на парашюте. Взорвал рельсы у ст. Пуховичи. Поджег склад с сеном на ст. Осиповичи».

27 февраля 1948 года Якубов был осужден Военным трибуналом войск МВД Орловской области и приговорен к 25 годам лишения свободы.

К настоящему времени в научный оборот введено значительное число источников, позволяющих судить о достаточно широком использовании русских детей-диверсантов и разведчиков. Так, в докладной записке УКР «СМЕРШ» Центрального фронта в Военный совет фронта об оперативной работе, проведенной в ходе наступательных операций на Орловско-Курском направлении (от 15 августа 1943 года) сообщается об аресте шпионско-диверсионной группы, в которую входили, в частности, Степин, 1928 года рождения, и Сорокин, 1930 года рождения. Группа была переброшена на территорию, занятую частями Красной армии, с заданием разведать места расположения танковых и артиллерийских частей, проводить диверсии и разрушать телефонную связь[1].

В донесении ГУКР «СМЕРШ» от 21 сентября 1943 года сообщается об аресте 28 агентов-диверсантов германской военной разведки в возрасте от 14 до 16 лет, переброшенных немцами в советский тыл на самолетах. Из числа арестованных 15 диверсантов явились добровольно с повинной, а остальные были задержаны в результате организованного розыска. 1 сентября в районе Хатунского сельсовета Михневского района Московской области был сброшен с пара-

[1] «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 141.

шютом агент-диверсант Репухов Дмитрий, 1927 года рождения, уроженец Смоленской области, образование 7 классов, который в тот же день явился с повинной и на допросе показал следующее: «После оккупации с. Богородицкое... Репухов... был направлен немцами в лагерь, расположенный в четырех километрах от Смоленска, в здании бывшей МТС, где подготавливались кадры для так называемой "Русской освободительной армии". 14 июля с.г. немцы отобрали из этого лагеря 30 подростков в возрасте от 14 до 16 лет и под видом экскурсантов отправили их в местечко Вальдек, близ г. Кассель (Германия)... По прибытии в Вальдек у подростков были отобраны подписки, обязывающие их вести борьбу против коммунистов, комиссаров и политруков. В течение месяца они обучались на специальных курсах германской разведки, где проходили топографию, строевую подготовку и парашютное дело... 25 августа все 29 подростков были доставлены в г. Орша БССР. В ночь на 31 августа с.г. Репухов на самолете с аэродрома г. Орши был доставлен на нашу территорию и сброшен с парашютом в Михневском районе Московской области. Аналогичные показания дали арестованные подростки-диверсанты Комалдин В.Н., Семенов Е.К., Захаренков В.А., Миниченков М.З., Хорисов Е.А., Силиверстов И.Г., Романович И.П., Езин Ф.И. и др.»[1].

В справке УНКВД по Курской области о задержании подростков, завербованных германской разведкой (не ранее 3 мая 1943 года) сообщается, что на территории Тимского района были задержаны четверо подростков, занимавшихся под видом нищенства сбором данных о движении частей Красной армии и их вооружении: «Это задание ими выполнялось. От немецкого офицера они получили по 200 рублей и до отступления немцев состояли у них на котловом довольствии»[2]. Таким образом, использование русских детей в военных целях проводилось не только «Особой командой Гемфурт».

Конкретное число подобных забросок и точное количество подготовленных русских детей-диверсантов в настоящий момент установить сложно. Однако понятно, что ожидания Фрица Больца в целом оправдались.

---

[1] Там же. С. 183—185.

[2] Там же. С. 254—255.

Судьба выживших детей (тех, кто не затерялся, а был разоблачен) стандартна: исправительно-трудовые колонии, тусклая бесперспективная жизнь. Губернаторов в этом смысле смог привести только один «положительный» пример: бывший диверсант Дмитрий Репухов окончил институт и руководил в Свердловске строительным трестом[1]. Правда ли это, или очередная легенда — мы не знаем.

Что касается Евтуховича, то он был склонен к сотрудничеству агентом советской разведки, бывшим власовцем Алексеем Стратоновичем Скоробогатовым (кличка — «Ткач»), заброшенным в тыл противника по заданию УКР «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта 17 декабря 1944 года. 21 января 1945 года Скоробогатов, Евтухович и воспитательница женской группы диверсионной школы абвергруппы 209 Александра Гуринова вместе с 44 диверсантами-подростками в возрасте 15—16 лет перешли линию фронта и сдались органам «СМЕРШ»[2].

Евтухович был арестован и 4 августа 1945 года приговорен за измену Родине к расстрелу с конфискацией лично принадлежавшего ему имущества.

Русские подростки также были привлечены к службе на оккупантов в качестве так называемых «помощников люфтваффе и ПВО», или «воспитанников СС».

Надо отметить, что еще осенью 1942 года по инициативе руководителя гитлерюгенда Артура Аксмана для вспомогательной службы в частях вермахта впервые были набраны немецкие подростки. Тогда Гитлера убедили, что в результате привлечения молодежи армия может дополнительно получить несколько пехотных дивизий, которые должны были формироваться из «освободившихся» солдат и офицеров, служивших в системе ПВО. Тогда реакция немцев оказалась неоднозначной: многие считали, что привлечение 15-летних к службе может быть оправдано с военной точки зрения, но наверняка ослабит уверенность немцев в победе.

Организация, идеологическая и начальная военная подготовка членов гитлерюгенда к службе в подразделениях противовоздушной

[1] *Губернаторов Н.В.* «Смерш» против «Буссарда»... С. 272.

[2] «СМЕРШ». Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 169—170.

обороны была поручена гауптбаннфюреру гитлерюгенда Зигфриду Никкелю, который одновременно со службой в гитлеровской молодежной организации возглавлял Молодежный отдел Политического департамента в Имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий. Позднее он возглавил так называемую «Службу Никкеля» (Dientstelle Nickel)[1].

После начальной идеологической и военной подготовки в специальных лагерях, которая должна была длиться в течение трех месяцев (а фактически продолжалась 4—6 недель), немецкие подростки получали профессиональную подготовку в зенитной школе люфтваффе. Их называли «помощниками люфтваффе и ПВО», а в конце войны, после переподчинения СС, — «воспитанниками СС».

Для замены обслуги орудий ПВО Никкелю также было поручено провести добровольный набор молодежи и в других оккупированных странах. Таким образом, практически во всех государствах Европы, занятых германскими войсками, появились свои формирования «помощников люфтваффе»[2].

В конце марта 1944 года главный штаб люфтваффе и Генеральный штаб сухопутных войск предложили Министерству восточных территорий мобилизовать на Востоке 25 тысяч девушек для несения вспомогательной службы в авиации и ПВО (Дэвид Литтлджон отмечает, что первые попытки привлечения русских юношей и девушек к службе в ПВО относятся к началу 1943 года[3]). В дополнение к этому предложению вскоре было заключено соглашение между командованием люфтваффе и вермахта, а также руководством СС, гитлерюгенда и Министерства восточных территорий, которое предусматривало привлечение «молодежи с Востока» в качестве вспомогательной силы в авиации и зенитной артиллерии, чтобы высвободить людей для пополнения частей сухопутных войск[4].

---

[1] *Крысин М.Ю.* Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004. С. 421.

[2] *Вейгман С.* Украинские помощники люфтваффе / «Столичные новости» (Киев). 13—19 мая 2003, № 17 (262). С 10.

[3] При этом часто использовались советские трофейные орудия. См.: *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose, 1994. P. 345.

[4] *Пятов К.* Славянские воспитанники СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 15.

Позднее было принято решение о направлении юношей в войска СС, а юные «помощники люфтваффе и ПВО» (Lw.- und Flak-Helfer) решением от 4 декабря 1944 года стали именоваться «воспитанниками СС», или «юными эсэсовцами» (SS-Zoeglinge). Таким образом, их статус был окончательно закреплен под патронажем ведомства Гиммлера (хотя под контроль СС все «помощники люфтваффе и ПВО» были официально переданы еще в ноябре 1944 года) [1].

Всего службой Никкеля с 15 марта по 20 сентября 1944 года для военного использования было привлечено более 28 тысяч юношей и девушек с оккупированных территорий России, Украины, Белоруссии и Прибалтики. При этом русские, украинцы, белорусы и литовцы с самого начала официально именовались «помощниками СС», а латыши и эстонцы — «помощниками люфтваффе». 18 917 юношей и 2500 девушек были распределены между службой связи люфтваффе (Luftnachrichten, 1000 человек), моторизованными батальонами противовоздушной полиции (Luftschutz-Polizei-Abteilungen, 1000 человек) и ПВО (остальные, в том числе все девушки). Кроме этого, 5500 юношей и 1200 девушек были направлены в военную промышленность (на заводы «Юнкерс») и в «Организацию Тодта»[2].

Юные русские эсэсовцы обмундировывались исключительно в темно-синюю рабочую униформу гитлерюгенда. Юноши носили на правом рукаве повязку, представлявшую собой сочетание бело-сине-красного российского флага с наложенным на нее ромбом, в который был вписан андреевский крест. Над нарукавной повязкой помещались руны СС в черном треугольнике (таким образом, это было исключением из установленных Гиммлером правил, согласно которым негерманцы не могли носить эсэсовские руны). На головном уборе — кепи — также размещался ромбовидный знак в виде российского флага[3].

Вербовка молодежи проводилась как силами специальных уполномоченных службы Никкеля при частях вермахта (в прифронтовых

---

[1] *Крысин М.Ю.* Указ. соч. С. 422.

[2] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 323—324; *Крысин М.Ю.* Указ. соч. С. 422.

[3] *Littlejohn D.* Op. cit. P. 346.

областях и на оккупированной территории СССР), так и с помощью эмигрантов (в том числе — среди «остарбайтеров»). В пропагандистских целях было широко объявлено, что мероприятие носит характер «акта человечности», так как «имеет целью спасти многих беспризорных детей, обреченных на жалкое существование и гибель в прифронтовой полосе»[1]. Силами нацистских пропагандистских структур было изготовлено несколько плакатов на русском языке (так же как и на других языках народов Советского Союза), призывающих молодежь вместе с СС «идти в авангарде своего народа». За основу были взяты плакаты гитлерюгенда, адресованные немецким юношам и девушкам.

К пропагандистскому обеспечению акции также были активно привлечены и эмигранты, в частности НОРМ. Именно эта берлинская организация подготовила серию листовок с призывом к русским юношам и девушкам вступать «под родное трехцветное знамя, под защиту креста св. Андрея Первозванного». На большинстве листовок стоит подпись «вождя русской молодежи» Сергея Таборицкого и адрес «Бюро русских эмигрантов» (Берлин В 15, Гогенцоллерндамм 1).

«Воззвание к русской молодежи» было адресовано, в первую очередь к советским подросткам, оказавшимся на территории Рейха. Листовка была выдержана в патетических тонах, активно задействовалась антисемитская лексика: «Гигантская борьба с поработившим нашу Родину иудо-большевизмом достигла своего наивысшего напряжения. Победа должна быть достигнута во что бы то ни стало. Тысячи ваших отцов и старших братьев показали всему миру, как должно бороться с опаснейшим врагом человечества — большевизмом и жертвенно любить свое отечество. Многие пали в этой борьбе, миллионы томятся еще в концентрационных лагерях и застенках НКВД. Тысячи из них стоят ныне под ружьем и участвуют в битвах за Европу.

Русская молодежь прекрасно знает, а родившаяся и выросшая в Советском Союзе и сама на себе испытала весь ужас и кошмар кровавого сталинско-большевистского режима, уничтожившего все лучшее и светлое на Руси, заплевавшего и залившего грязью родную

[1] *Мюллер Н.* Указ. соч. 324.

землю, обильно политую кровью миллионов замученных русских людей.

Вопли, стоны, слезы, страдания заглушались советской казенной музыкой и треском иудейской пропаганды. Русский народ переносил и переносит нечеловеческие страдания, он обращен в неслыханное рабство для того, чтобы жадные, жестокие иудеи и продавшиеся им недостойные и преступные люди могли вести веселую и привольную жизнь и достигнуть мирового владычества»[1].

В обращении к русским девушкам Таборицкий призывал их становиться «в ряды дружинниц авиации» и участвовать «в борьбе за освобожденную и новую Россию». При этом, сообщалось, что «Фюрер, Адольф Гитлер, зовет и тебя!», а также перечислялись всевозможные льготы и «выгоды»: «Ты будешь обеспечена хорошим питанием, хорошими квартирными условиями, хорошим обмундированием и хорошим содержанием; ты будешь во всем приравнена к германским дружинницам, также и в отношении получения отпуска; ты ознакомишься с Европой, с языками и культурой ее народов» и т.д.[2]

Помимо этого, в берлинском «Новом Слове» уже с начала лета 1944 года начали появляться материалы о русских «воспитанниках СС». В номере от 14 июня 1944 года за подписью «Ив. Белкин» была опубликована большая статья «Организация молодежи», в которой автор попытался оправдать и идеологически обосновать привлечение русских детей и подростков к коллаборационистской деятельности с идеологических позиций:

«...Если люди взрослые и духовно самостоятельные зачастую сами находят свое место в сложном переплете происходящих событий, то подростки и юноши в том случае, когда они остаются без соответствующего руководства старших, совершенно теряются в хаосе событий. Между тем сотни тысяч русских юношей, оказавшихся по эту сторону фронта, нередко лишены умного и делового водительства воспитателей...

---

[1] «Воззвание к русской молодежи», листовка / Личный архив Д.А. Жукова.

[2] *Таборицкий С.* «Обращение», листовка / Личный архив Д.А. Жукова.

Лучшая часть нашей молодежи сама стремится найти свое законное место в происходящих событиях. Редакции газет и соответствующие учреждения получают множество писем от русских юношей, спрашивающих, что им делать, по какой дороге идти, каким образом применить бурлящие в груди силы. Значительная часть этих писем написана юными патриотами, стремящимися активно, с оружием в руках, выступить против большевиков...

Вполне понятно, что поставленную перед нами самою жизнью задачу воспитания и обучения молодежи 15—20 лет невозможно выполнить самотеком, только силами отдельных семей или старших товарищей... Германские власти встали на путь, открывающий перед русским юношеством возможность соответствующего воспитания и обучения. В ближайшее время повсеместно откроется добровольный набор в специальные русские юношеские организации, соответствующие организации немецкой гитлеровской молодежи. Русские юноши, включенные в эти объединения, будут во всем уравнены с германской гитлеровской молодежью. Вместе с тем задачей этих русских организаций ни в коем случае не будет являться денационализация русской молодежи.

Несмотря на колоссальное военное напряжение, германские власти уделяют большое внимание русской молодежи и ее участию в будущем русского народа. Мы должны полностью использовать этот интерес и те возможности, которые открываются в связи с этим перед русской молодежью, оказавшейся по эту сторону фронта...»[1]

Статья «Гвардия молодежи», опубликованная в «Новом Слове» 2 июля и подписанная «капитан Волков», напрямую указывает, что образцом для русской молодежи должен стать не только «Союз Гитлеровской молодежи», но и организация СС:

«...Вопрос воспитания из русской молодежи мужественных солдат и инициативных, квалифицированных работников — вот важнейшая задача сегодняшнего дня. Для того, чтобы решить эту задачу, нам не нужно чего-то выдумывать, заново решать какие-то проблемы. Перед нами есть готовый многолетний опыт, пре-

[1] *Белкин И.* Организация молодежи / «Новое Слово» (Берлин). 14 июня 1944 года. № 48. С. 3.

красный и достойный подражаний пример. Германские юноши, прошедшие воспитание в рядах Гитлеровской молодежи и боевую выучку в частях СС, представляют действительно гвардию молодежи... Части СС по праву могут считаться боевым авангардом германской нации, ибо они концентрируют все лучшие черты своего народа и являются носителями новых идей, которым суждено спасти человечество... Под славные знамена СС уже встали датчане и норвежцы, голландцы и латыши, французы и бельгийцы, хорваты и эстонцы. Русский народ в лице своих лучших представителей доказал, что он может войти на равных правах в великую семью европейских народов, и это право он еще закрепит в грядущих битвах против англо-большевистской реакции. И именно поэтому сейчас, как никогда, встал вопрос создания русских добровольческих молодежных частей, сформированных на тех же принципах, как отряды Гитлеровской молодежи.

Сейчас мы можем смело заявить, что имеются налицо все условия для создания русской гвардии молодежи. Во-первых, на территории Германии и освобожденных районов насчитываются десятки тысяч юношей в возрасте от 15 до 22 лет. Во-вторых, мы полностью можем рассчитывать на материальную помощь германского правительства. И, наконец, мы можем надеяться, что наши боевые друзья из частей СС и Союза Гитлеровской молодежи возьмут шефство над молодыми русскими добровольцами и помогут им в воспитательной и организационной работе». Автор не преминул подчеркнуть, что «национальное воспитание должно быть организовано таким образом, чтобы русские юноши чувствовали себя составной частью европейской семьи народов и, будучи националистами, понимали общность интересов европейских народов»[1].

Наконец, в номере от 26 июля «Новое Слово» поместило фотографию с русскими детьми, обмундированными в рабочую форму гитлерюгенда, с русскими нарукавными повязками и эсэсовскими рунами. Дети довольно жмурятся на летнем солнце. Под фотогра-

[1] *Капитан Волков.* Гвардия молодежи / «Новое Слово» (Берлин). 2 июля 1944 года. № 53. С. 3.

фией подпись: «Русские воспитанники СС принимают присягу в Торгау»[1].

Остается добавить, что с конца 1944 года, когда гитлеровский Рейх начал трещать по швам, власовцы начали активно добиваться того, чтобы дело воспитания русской молодежи было передано под эгиду Комитета Освобождения Народов России. 5 ноября в Троппау (Силезия) состоялся конгресс русской молодежи, организованный по линии НОРМ, СС и гитлерюгенда. На мероприятии присутствовали, в частности, юноши и девушки из числа «остарбайтеров». По приказу Власова на конгресс были командированы полковник К.Г. Кромиади, капитан Каштанов и лейтенант В. Мельников. Вернувшись в штаб, Кромиади доложил Власову в присутствии Жиленкова о ходе конгресса. Далее последовали договоренности с соответствующими структурами Рейха и 17 декабря 1944 года было утверждено «Временное положение о Союзе молодежи народов России при КОНР».

Этот документ производит весьма двойственное впечатление. С одной стороны, в нем нет ни малейшего упоминания о необходимости ориентироваться на Германию, гитлерюгенд и СС (от членов СМНР требовалось «идейно и действенно присоединяться к Манифесту КОНР от 14 ноября 1944 года»). Нет и антисемитизма. С другой стороны — налицо явное заимствование организационных форм у большевиков. Так, «юные власовцы» (мальчики и девочки в возрасте от 7 до 17 лет) ассоциируются с пионерами, а «власовцы» (юноши и девушки в возрасте от 17 до 25 лет) — с комсомольцами. Крайне скрупулезно и абсолютно «в советском духе» расписывается структура Союза[2].

Формально Союз «приступил к работе» 10—15 марта 1945 года под руководством инструктора Главного управления пропаганды КОНР К.А. Крылова, адъютанта генерала Малышкина — поручика Ю.В. Дикова и капитана Ф.М. Легостаева[3].

---

[1] «Новое Слово» (Берлин). 26 июля 1944 года. № 60. С. 3.

[2] Текст положения см.: Материалы по истории Русского Освободительного Движения. 1941—1945 гг. Вып. 1. М., 1997. С. 170—177.

[3] *Окороков А.В.* Комитет Освобождения Народов России / Материалы по истории Русского Освободительного Движения... Вып. 1. С. 153.

Вся эта в высшей степени нелепая инициатива в условиях плачевного для власовцев конца войны окончилась фактически ничем.

Седьмая глава

РУССКИЕ ДИВЕРСАНТЫ СКОРЦЕНИ

На последнем этапе Второй мировой войны диверсионной деятельностью гитлеровской разведки руководил начальник реферата VI S РСХА Отто Скорцени (при расформировании абвера большая часть его центрального аппарата, все абверкоманды и другие фронтовые органы вошли в подчинение IV и VI управлений РСХА и во вновь созданное Военное управление РСХА, группу D (диверсии и террор) которого по совместительству возглавил «человек со шрамом») [1].

Нелишне отметить, что применительно к этому реферату в отечественной литературе часто встречается ошибка, связанная с путаницей перевода латинских литер на кириллические. Так, в книге «Смерш: исторические очерки и архивные документы» неверно отмечается, что Скорцени был начальником «Группы VI Ц»[2]. Как мы отмечали, группа VI С (или VI Ц — в кириллическом написании) отвечала за разведку в зоне влияния СССР и на Дальнем Востоке. В задачи же подразделения Скорцени входил «материальный, моральный и политический саботаж» [3].

---

[1] О. Скорцени (1908—1975). В 1932 году вступил в НСДАП, в феврале 1934 года — в СС. Участвовал в попытке нацистского переворота в Австрии. После запрещения НСДАП и СС в Австрии состоял в нелегальных формированиях нацистов. Принимал участие в еврейском погроме в ходе «Хрустальной ночи». В 1939 году переведен в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Участвовал в боевых действиях во Франции, Югославии и на советско-германском фронте. В апреле 1943 года переведен в VI управление РСХА. 13 сентября 1943 года организовал и осуществил похищение арестованного итальянского диктатора Б. Муссолини. В октябре 1944 года осуществил похищение сына венгерского диктатора Хорти. В 1949 году создал тайную организацию бывших эсэсовцев «Паук».

[2] «Смерш»: исторические очерки и архивные документы... С. 133.

[3] *Залесский К.* СС. Охранные отряды... С. 349.

Надо отметить, что Скорцени, как несомненно незаурядного руководителя и специалиста, привлекали и к некоторым операциям «Цеппелина». По некоторым сведениям, он имел отношение и к подготовке упомянутой выше амбициозной, но неудачной операции по покушению на Сталина.

Так, диверсант «Цеппелина» Таврин (он же Шилов, он же Политов), которому было непосредственно поручено осуществить операцию, на допросе в «СМЕРШе» показал, что в период подготовки с ним три раза беседовал Скорцени: «В первой беседе со мной в ноябре 1943 года в Берлине Скорцени расспрашивал меня о моем прошлом, и беседа носила больше характер ознакомления с моей личностью...

В январе 1944 года... мне была организована встреча со Скорцени. Делле привез меня в служебный кабинет Скорцени на Потсдамерштрассе, № 28. Кроме Скорцени в кабинете находились еще два неизвестных мне работника СД. В беседе Скорцени объяснял мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он рассказывал о деталях организованного им похищения Муссолини. Скорцени рассказал мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить... Весь этот разговор сводился к тому, чтобы доказать мне, что осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуется только личная храбрость и решительность и что при этом человек, участвующий в операции, может остаться живым и стать "таким же героем", каким стал он — Скорцени...

Третья встреча со Скорцени состоялась также в январе 1944 года в Берлине... Скорцени в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах... У меня создалось впечатление, что Скорцени разрабатывает план похищения кого-то из руководителей Советского правительства»[1].

---

[1] См.: Протокол допроса Таврина Петра Ивановича / *Дегтярев К., Колпакиди А.* СМЕРШ. М., 2009. С. 544—545.

В конце войны под начало Скорцени была передана часть агентуры абвера и «Цеппелина». Большинство русских коллаборационистов (а также представителей других «восточных народов»), предоставленных в распоряжение Скорцени, летом 1944 года было сосредоточено в так называемом «Истребительном соединении войск СС» (Waffen SS Jagdverband») — специальном органе, предназначенном для проведения диверсионно-террористических и разведывательных мероприятий в тылах армий стран антигитлеровской коалиции. Основу соединения составили различные специальные формирования абвера и СС (в том числе часть личного состава дивизии «Бранденбург»), кадры полицейских, охранных, «восточных» батальонов и рот, прочие коллаборационистские подразделения[1].

Главный штаб Истребительного соединения находился в населенном пункте Фриденталь под Берлином и состоял из следующих отделов: 1 А — разработка планов диверсионных операций, заброска агентурных и боевых групп, руководство их деятельностью; 1 В — материально-техническое обеспечение агентурных и боевых групп; 1 С — сбор и обработка разведданных, ведение контрразведывательной работы среди личного состава органа. В непосредственном подчинении главного штаба находились два специальных боевых подразделения: 502-й егерский батальон и 600-й парашютный батальон[2].

К концу 1944 года в состав истребительного соединения СС входили: командный штаб особого назначения «Фриденталь», истребительное соединение СС «Центр» (создано из 502-го егерского батальона СС), истребительное соединение СС «Восток», истребительное соединение СС «Северо-запад», истребительное соединение СС «Юго-восток», истребительное соединение СС «Юго-запад».

502-й батальон состоял из четырех рот диверсантов, причем четвертая рота была сформирована из иностранцев, в том числе русских — бывших агентов абвера и «Цеппелина». В конце 1944 года эта рота стала самостоятельным подразделением, а затем русские эсэсовцы выбыли из нее в город Хохензальц (польск. — Иноврoц-

[1] *Чуев С.Г.* Спецслужбы… С. 221—222.

[2] «Смерш»: исторические очерки и архивные документы… С. 134.

лав) на комплектование «Истребительной команды Восток» (SS-Jagdverband Ost), которой отводилась особая роль в подрывной работе против СССР и Красной армии. Команда была плотно насыщена русскими кадрами из числа коллаборационистов.

Формирование, которое возглавил потомок адмирала русского Императорского флота гауптштурмфюрер СС барон Адриан фон Фелькерзам[1], состояло из штаба, диверсионно-разведывательной школы (в которой обучалось около 2 тысяч курсантов), ряда подразделений обеспечения и нескольких диверсионных подразделений, построенных по национальному принципу.

Несколько позже все русские подразделения «Истребительной команды Восток» были сведены в Общерусскую группу (Russland im Gesand) под командованием штурмбаннфюрера СС Х. Эберхарда.

Самыми большими были две русские группы, которые возглавляли соответственно русские офицеры СС Павел Сухачев и Игорь Решетников (до этого возглавлял русскую группу диверсионно-разведывательной школы «Истребительной оперативной команды Юго-восток»). Большинство членов этих групп ранее служили во вспомогательной полиции на оккупированной территории северных районов РСФСР и были завербованы осенью 1944 года унтершарфюрером СС Александром Рубиным-Башко и оберштурмфюрером СС Бруно Тони в Данциге, где они находились в сборном лагере для эвакуировавшихся коллаборационистов[2].

История предательской деятельности вышеупомянутого И.Л. Решетникова весьма показательна. Еще в 1938 году он был осужден на 3 года исправительно-трудовых лагерей за кражу и незаконное хранение оружия. В июне 1941 года по отбытии наказания он прибыл в Лугу, где проживали его родители. С началом оккупации отец Решетникова, в прошлом адвокат, был назначен немцами бургомистром города Луга, а сам Решетников стал выполнять различные поручения, связанные с деятельностью городской управы.

---

[1] А. фон Фелкерзам (1914—1945), уроженец Санкт-Петербурга. До 1944 года проходил службу в полку особого назначения «Бранденбург-800», награжден Рыцарским крестом, близкий друг О. Скорцени. Погиб в бою. Посмертно присвоено звание штурмбаннфюрера СС.

[2] *Чуев С.Г.* Спецслужбы… С. 225.

В декабре 1941 года Решетников был завербован сотрудниками тайной полевой полиции в качестве агента для борьбы против партизан, а в конце декабря — вступил в лжепартизанскую группу под руководством Николая Мартыновского. Между прочим, заметим, что искаженные сведения об этой группе содержатся в «Архипелаге Гулаг» А.И. Солженицына: «В августе 1941 года под Лугой ленинградский студент-медик Мартыновский создал партизанский отряд, главным образом из советских студентов: освобождаться от коммунизма»[1].

По замыслу оккупантов, данная группа под видом партизан должна была выявлять и уничтожать советских патриотов, совершать от имени партизан диверсии и бесчинства и таким образом компрометировать перед населением партизанское движение.

Зимой 1942 года Решетников лично расстрелял партизанского связного и двух партизан, задержанных в ходе операции в районе станции Чаща Ленинградской области, принял активное участие в разгроме лагеря партизан-«особистов» в Лужском районе, а весной 1942 года — в сожжении 18 домов в деревне Большие Сабицы.

Весной 1942 года по состоянию здоровья Решетников временно покинул группу Мартыновского, но в марте 1943 года вновь поступил в отряд, который к этому времени перешел в ведение СД (т.н. «ягдкоманда-М») [2]. Правда, уже в следующем месяце Решетников перешел на службу в группу Юрия Миллера, в составе которой он неоднократно участвовал в поисковых операциях против партизан. В конце августа 1943 года Решетников вновь вернулся к Мартыновскому. До мая 1944 года он принимал непосредственное участе в карательных акциях, расстрелах, боях с партизанами. Летом 1944 года отряд Мартыновского был переброшен в Хорватию, а затем — в

---

[1] *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 812.

[2] Командир 5-й Калининской партизанской бригады В.И. Марго вспоминал, что с помощью ягдкоманды-М «гестапо раскрыло многие партизанские явки, уничтожило немало преданных советской власти людей. Так, в деревне Черная Грязь провокатор Решетников убил командира разведки одной из белорусских партизанских бригад Константина Фиша. В районе Себежа в руки лжепартизан попали и были замучены командир и два бойца армейской разведывательной группы». См.: *Марго В. И.* Указ. соч. С. 32.

Польшу. В это время подразделение было передано в состав «Истребительного соединения войск СС».

В середине октября Решетников, убив Мартыновского, сам возглавил отряд, который вскоре прибыл в город Хохензальц (Иноврощлав), где приступил к учебе в разведывательно-диверсионной школе с целью подготовки к выброске в тыл советских войск.

В ноябре 1944 года рота оберштурмбаннфюрера СС Решетникова обучалась в немецком городе Бад-Оуенхаузене парашютному делу, а затем вновь вернулась в Хохензальц. В связи с приближением к городу частей Советской армии рота Решетникова приняла участие в обороне вместе с рядом других подразделений «Истребительной команды Восток». 19 января 1945 года Хохензальц был освобожден Советской армией, а значительная часть диверсантов погибла в боях.

Решетникову с небольшой группой подчиненных удалось выйти из окружения, после чего он был направлен в диверсионно-разведывательную школу в Иоганнес-Баде. В самом конце войны он бежал в Австрию, затем скрылся в американской зоне оккупации, из которой был в июле 1948 года передан советским властям. В 1949 году он был осужден и приговорен за измену Родине к 25 годам лишения свободы. В 1963 году при расследовании дела по вновь открывшимся обстоятельствам его приговорили к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 25 мая 1964 года[1].

Другие уцелевшие русские диверсанты в последние месяцы войны были эвакуированы на Запад и приняли участие в нескольких специальных операциях. Так, в своих мемуарах Скорцени пишет, что в апреле 1945 года, когда началось восстание в Праге, он направил остатки «Истребительного подразделения Восток II» — примерно 100 человек — с приказом взорвать мост, находящийся в руках противника, на автостраде вблизи Вроцлава: «После выполнения задания нашему спецподразделению пришлось прокладывать себе дорогу через позиции русских. Наши стрелки мужественно сражались с 15 апреля до 15 мая, являясь последними солдатами этой великой войны. Отступая

[1] *Орлова С. В.* Решетников — история карателя / Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции. — Псков: «Псков-Инфопресс», 2005. С. 92—96.

днем и ночью, уже через четыре или пять дней после капитуляции вермахта они дали бой танкам, чтобы прикрыть отход беженцев»[1].

Следует добавить, что русские эсэсовцы находились и в составе «Истребительного соединения Северо-Запад». В конце 1944 года при этом формировании по приказу Скорцени была создана школа по подготовке диверсантов, возглавил которую уроженец Риги капитан Герберт Гиль (затем его сменил бывший сотрудник «Цеппелина» штурмбаннфюрер Игорь Юнг). Школа вела подготовку диверсантов для «ослабления мощи Красной армии» и совершения акций на железнодорожных магистралях в районах Витебска, Смоленска, Бобруйска, Минска. С марта 1945 года курсанты также начали изучать методику ликвидации высшего комсостава Красной армии и партийных работников.

В целях конспирации личный состав школы был причислен к военнослужащим Русской освободительной армии. Преподавателями школы в основном были члены Народно-трудового союза[2].

В самом конце войны большая часть уцелевших русских эсэсовцев, подчинявшихся Скорцени, была переведена на нелегальное положение и впоследствии была передана в качестве агентов западным спецслужбам. В этом качестве некоторым из бывших диверсантов СС предстояло принять участие в тайных операциях «холодной войны».

---

[1] *Скорцени О.* Указ. соч. С. 447—448.

[2] «Смерш»: исторические очерки и архивные документы… С. 134; *Чуев С.Г.* Спецслужбы… С. 228—229.

Часть третья

РУССКИЕ В ВОЙСКАХ СС

Первая глава

29-Я ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ ВОЙСК СС (1-я РУССКАЯ)

Формирование в составе Войск СС первого русского соединения — 29-й гренадерской дивизии под командованием бригадефюрера Бронислава Каминского — стало результатом успешной антипартизанской деятельности подчиненных последнему вооруженных формирований на территории Орловской обрасти и Белоруссии. Поэтому вполне логичным было бы начать наш рассказ с момента зарождения так называемой Русской освободительной народной армии[1].

Итак, германские войска вступили в административный центр Брасовского района Орловской области — поселок Локоть — 4 октября 1941 года. Практически сразу в поселке появились люди, изъявившие желание помогать немецкой армии. Среди наиболее инициативных коллаборационистов оказались Константин Павлович Воскобойник и Бронислав Владиславович Каминский. Заручившись

[1] О Бригаде Каминского и 29-й дивизии Войск СС см. также нашу книгу: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009. 304 с. Заметим также, что название указанной работы не вполне корректно (не по вине авторов): 29-я дивизия не носила имени своего командира.

поддержкой германского командования, они приступили к созданию гражданской администрации и полицейских органов, необходимых для установления порядка.

Константин Павлович Воскобойник родился в 1895 году в городе Смела Черкасского уезда Киевской губернии в селе железнодорожного инженера. Окончил гимназию в Черкассах, с 1915 года учился на юридическом факультете Московского университета. В 1916 году Константин вступил вольноопределяющимся в 449-й Харьковский пехотный полк. Окончил курсы пулеметчиков. Осенью 1916 года в составе полка ему довелось участвовать в Брусиловском прорыве. Зимой 1916—1917 годов Воскобойник был направлен на учебу в школу прапорщиков. Летом 1918 года он оказался на Средней Волге, где вступил в Народную армию Комитета учредительного собрания (КомУч). Однако в сентябре 1918 года он оставил ее и вступил в ряды 5-й Красной армии. Сражался в должности командира взвода в Сводной кавалерийской дивизии против армии адмирала Колчака. В начале 1920 года Воскобойник был демобилизован по ранению, осложнившемуся тифом. Вскоре после демобилизации он женился на Анне Колокольцевой.

В конце 1920 года молодая семья отправилась в город Хвалынск Саратовской губернии. Здесь Воскобойник работал секретарем местного районного военного комиссариата, а в январе 1921 года, возмущенный перегибами при проведении продразверстки, примкнул к пришедшему с Дона антисоветскому повстанческому отряду бывших красных командиров К. Вакулина и Ф. Попова. Он сражался в составе пулеметной команды. При разгроме повстанцев большевиками в апреле 1921 года был ранен в руку. Скрываясь от преследований ЧК, вместе с супругой бежал в Астрахань, где достал подложные документы на имя Ивана Яковлевича Лошакова. Вновь зарегистрировал брак со своей супругой (также выступившей под новой фамилией). Вместе с женой переехал сначала в Сызрань, затем — в Нижний Новгород. В 1924 году они перебрались в Москву, где Воскобойник-Лошаков получил должность инструктора охотоведения в Наркомате земледелия. В 1930 году окончил Институт народного хозяйства по специальности «инженер-электрик» и стал начальником электро-

технических мастерских при Палате мер и весов РСФСР. В условиях нараставших политических репрессий Воскобойник решил явиться в ОГПУ с повинной. Особым совещанием при ОГПУ по статье 58—2 УК РСФСР за «вооруженное восстание против Советской власти» его осудили на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в Новосибирской области. В 1934—1935 годах он оказался на Украине, затем переехал в город Орск Оренбургской области, где устроился инженером-электриком на предприятие «Орскхимстрой». В сентябре 1937 года Воскобойник с супругой и дочерью перебрался в поселок Локоть Орловской области. Здесь он работал преподавателем физики сначала в Брасовском гидромелиоративном техникуме, а затем — в Локотском лесохимическом техникуме. С началом оккупации Брасовского района в октябре 1941 года возглавил местную администрацию.

По замечанию бывшего журналиста орловской оккупационной газеты «Речь» В.Д. Самарина, «те, кто знал Воскобойника, вспоминают о нем, как о человеке большого ума и чистой души. Рассказывают, что он зажигал людей своей верой в светлое будущее послебольшевистской России»[1].

Еще один коллаборационист от журналистики — М.С. Бобров (он же Голубовский) — также восторженно оценивает деятельность первого руководителя Локотской автономии. Впрочем, воспоминания Боброва отличаются не только крайним субъективизмом (после войны он примкнул к «левым власовцам»), но и переполнены всевозможными домыслами и даже откровенно лживыми утверждениями. Он пишет: «В самом начале войны в этот округ явился инженер Воскобойников [так в тексте, ошибка в написании окончания фамилии Воскобойника довольно распространена. — *Примеч. авт.*], бывший в заключении в одном из западных полит-изоляторов, захваченных немцами при наступлении. Воскобойников был давний убежденный враг коммунистического режима. Много лет он провел в ссылках, на принудительных работах, в тюрьмах. Однако это не сломило его воли к борьбе и, когда он неожиданно получил

[1] *Samarin V.D.* Civilian life under the German Occupation. 1942—1944. N.Y., 1954. P. 83.

свободу, он пошел в народ, чтобы помочь народу найти правильный путь. В глубине Брянских лесов, вдалеке от железной дороги и от важных стратегических путей, лежит Локотский район, округ с 35 тысячами населения. Сюда в 1941 году и пришел Воскобойников. Прекрасный организатор, человек большой душевной чистоты, Воскобойников сразу же завоевал симпатии населения. По его предложению округ был объявлен самоуправляющимся, независимым от воюющих сторон. Немецкое командование, которое было заинтересовано в сохранении спокойствия в своем тылу, охотно согласилось и признало этот округ»[1].

Бывший соратник Каминского, известный эмигрантский историк и писатель Борис Башилов называет Воскобойника «человеком твердого характера, настоящим патриотом»[2].

О втором лидере локотчан известно то, что Бронислав Владиславович Каминский родился 16 июня 1899 года в селе Добржинь Полоцкого уезда Витебской губернии. Его отец был поляком, а мать — обрусевшей немкой. В 1917 году он поступил в Петроградский политехнический институт. Осенью 1918 года Каминский добровольцем вступил в Красную армию, в которой проходил службу рядовым красноармейцем в составе 27-й Омской Краснознаменной дивизии им. Итальянского пролетариата. В 1921 году он был демобилизован и продолжил учебу в Петроградском химико-технологическом институте, закончил который только после 1930 года, т.к. параллельно работал на химическом заводе

---

[1] *Бобров М.* Указ. соч. С. 130—131.

[2] *Башилов Б.* Правда о Бригаде Каминского / «Наша страна» (Буэнос-Айрес). 1952. 13 декабря. № 152. С. 3. Б. Башилов (1908—1970). Настоящее имя — Борис Платонович Юркевич. Во время Второй мировой войны воевал в Красной армии, попал в немецкий плен под Вязьмой в октябре 1941 года. Побывав в Вяземском и Смоленском лагерях, с весны 1942 года работал в органах германской военной пропаганды на центральном участке фронта. Вступил в партию Каминского (НСТПР) и в НТС. В конце войны оказался в американской оккупационной зоне, выдачи СССР избежал. Жил в Мюнхене под фамилией Тамарцев. Продолжал сотрудничать с НТС, но в 1948 году порвал с этой организацией и переехал в Аргентину. Там он сблизился с И.Л. Солоневичем и стал работать в его газете «Наша страна». В 1950-х гг. активно участвовал в работе Российского Имперского Союза-Ордена под начальством Н.И. Сахновского.

«Республика». Вскоре после демобилизации из Красной армии он женился и впоследствии стал в этом браке отцом четверых детей. До 1937 года он трудился на Ленинградском химзаводе по специальности инженер-технолог химического производства. В эти годы Каминский вступил в ряды ВКП(б), впрочем, скоро примкнул к «правой оппозиции» и стал открыто критиковать принятый Сталиным курс на коллективизацию сельского хозяйства и авторитарные тенденции в политике партийного руководства. В 1935 году его исключили из партии, а в 1937 году арестовали по обвинению в причастности к «делу о чаяновской контрреволюционной группе — Трудовой крестьянской партии». Каминский был приговорен к 10 годам лагерей. Срок отбывал в Шадринске Курганской области. В начале 1941 года он переехал в поселок Локоть Брасовского района Орловской области, где устроился работать инженером на местный спиртозавод. После оккупации района германскими войсками стал заместителем К.В. Воскобойника, как главы местной коллаборационистской администрации.

Вот что пишет о помощнике Воскобойника В. Самарин: «Личность самого Каминского представляет несомненный интерес. В нем наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, это был человек большого личного мужества и храбрости, с другой стороны, истерик. Человек несомненно одаренный, хороший организатор и талантливый военачальник, он не знал, однако, чувства меры. Ему, например, говорили, что он, Бронислав Владиславович Каминский — вождь новой России, и это льстило его самолюбию. В местном театре не начинался спектакль, пока он не приезжал. Каминский входил — весь зал вставал. Только после этого поднимался занавес»[1].

Не лишена интереса сравнительная оценка Воскобойника и Каминского со стороны профессора Йельского университета Романа Днепрова (в годы войны он воевал в составе казачьих частей вермахта): «Из этой пары Воскобойников был явно человеком более высоких моральных качеств»[2]. Член НТС П. Ильинский, в годы ок-

[1] *Samarin V.D.* Op. cit. P. 85.

[2] *Днепров Р.* Власовское ли? / «Континент» (Мюнхен). 1980. № 23. С. 294.

купации живший в белорусском Полоцке, вообще замечает, что Каминского «многие считали полубандитом»[1].

4—5 октября в Локте был создан вооруженный отряд самообороны («народная милиция»), численностью 18 добровольцев. 16 октября с санкции германских оккупационных властей численность локотского отряда была увеличена до 200 человек (Р. Михаэлис пишет, что первоначальная численность отряда составляла 20 человек, затем — достигала 50[2]). Аналогичные формирования были созданы и в других населенных пунктах Локотской волости. Общее командование этими силами находилось в руках Воскобойника и Каминского.

Помимо этого, ими была сформирована Народная социалистическая партия России «Викинг» (НСПР), а в ближайших к Локтю крупных селах (Тарасовка, Холмец, Крупец, Шемякино и др.) — проведена кампания, направленная на пропаганду идей этой организации.

По замечанию Б. Башилова, «вокруг Локтя создался клочок полунезависимой русской территории. Глава этой территории Воскобойник получал от немцев оружие, имел с ними добрососедские отношения, но вся гражданская и военная власть принадлежала ему.

С каждым днем эта территория разрасталась. Бывшие колхозники создавали отряды и отвоевывали у партизан все новые и новые села и поселки. Это производило большое впечатление на жителей соседних районов, видевших, как с оружием в руках русские люди отвоевывали у большевиков родную землю»[3].

Вопрос о борьбе с советскими партизанами и подпольем встал перед Воскобойником и Каминским почти сразу после того, как НСПР выпустила свой манифест (25 ноября 1941 года) и еще ряд воззваний, адресованных местному населению. По мнению А. Даллина, эти документы «представляли собой странную смесь принципов и намерений»[4]. Пропаганда идей НСПР была встречена ненавистью

---

[1] *Ильинский П.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии / «Грани» (Франкфурт-на-Майне). 1956. Июль — сентябрь. № 31. С. 124.

[2] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS. Waffen-Grenadier-Division der SS «RONA» (russische Nr. 1). 30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2). SS-Verband «Drushina». Atglen, 2009. P. 8.

[3] *Башилов Б.* Указ. соч. С. 3.

[4] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 244.

со стороны партизан, поставивших перед собой цель уничтожить партийных лидеров и руководителей самоуправления. Но до конца 1941 года народные мстители южных районов Брянщины практически не предпринимали каких-либо серьезных и активных действий, если не брать во внимание обстрелы и нападения на отдельных представителей новой власти[1].

Надо отметить, что в самом Брасовском районе организация партизанского движения и подполья на первых порах потерпела крах. Население района никогда не отличалось лояльностью по отношению к советской власти и при первой же возможности открыто продемонстрировало эти свои настроения. Тех немногих партийных и советских работников, которые не успели эвакуироваться, либо выдавали немецким военным властям, либо убивали собственноручно. Именно такая судьба постигла Евстафия Филипповича Седакова, который накануне войны исполнял обязанности начальника Брасовского отделения милиции. Когда немецкие части вошли в соседний поселок Локоть, Седаков безуспешно попытался уйти в лес с целью возглавить брасовский партизанский отряд «За Родину» (в условиях бегства практически всего партсоветского актива и чекистов района). После смерти Седакова во главе отряда встал Василий Капралов, позже расстрелянный чекистами за убийство своего комиссара и многочисленные факты дезертирства, пьянства и мародерства, имевшие место в отряде «За Родину»[2].

Справедливости ради надо сказать, что такое положение сложилось не во всех районах Брянщины. К примеру, партсоветскому активу и чекистам Навлинского района удалось консолидировать преданные советской власти силы и создать достаточно мощное партизанское движение и подполье.

---

[1] В то же время милицейский отряд К.П. Воскобойника до конца декабря 1941 года не раз совершал успешные рейды по селам, вылавливая партизан. См.: *Ермолов И.Г.* История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008. С. 120.

[2] О Евстахии Филипповиче Седакове подробнее см.: *Родкин А.* Органы внутренних дел Брянщины в годы войны / Книга Памяти. Брянск, 2003. Т. 12. С. 394.

Именно благодаря усилиям навлинских партизан к началу зимы 1941 года удалось активизировать диверсионно-террористическую работу. 4 декабря навлинские партизаны взорвали крупный склад боеприпасов на большаке Трубчевск — Выгоничи. 26 декабря 1941 года был разбит немецко-полицейский гарнизон в районном центре — поселке Суземки. А на следующий день атаке партизан подверглась Навля. В ходе налета погибли руководитель Навлинского района Калмыков, бургомистр Навли Таненков, несколько десятков немецких солдат и русских полицейских, сожжено помещение полиции, захвачено значительное количество трофеев[1].

Проанализировав складывающуюся обстановку, К.П. Воскобойник 27 декабря выпустил обращение к партизанам[2], призвав скрывавшихся в лесах советских патриотов в течение недели прекратить всякое сопротивление и сдать оружие: «Предлагаю партизанам, оперирующим в Брасовском районе и окрестностях, и всем лицам, связанным с ними, в недельный срок, то есть не позднее 1 января 1942 года, сдать старостам свое оружие и самим явиться для регистрации в Локоть. Являться небольшими группами, по 2—3 человека. Все не явившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться беспощадно»[3].

В ответ на призыв локотского бургомистра советские партизаны в ночь с 7 на 8 января 1942 года совершили нападение на Локоть. Данный эпизод, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Согласно партизанским мемуарам, нападение на Локоть было организовано объединенным штабом партизанских отрядов под командованием майора НКВД А.Н. Сабурова и его заместителя З.А. Богатыря. Младший лейтенант госбезопасности Д.В. Емлютин, возглав-

---

[1] *Стельмах В.М.* Партийное подполье / в сб. Шли на битву партизаны. Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941—1943 гг. Брянск, 1972. С. 80; *Анищенко Е.Н.* Партизанская республика. Тула, 1992. С. 39. Заметим, что Суземский и Навлинский районы в тот момент еще не подчинялись Локотскому самоуправлению. При этом навлинские партизаны подчинялись Д.В. Емлютину, а налет на Суземку возглавил А.Н. Сабуров.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ… С. 175.

[3] Цит. по: *Росляков В.П.* Последняя война. М., 1978. С. 129.

лявший региональную оперативную группу 4-го отдела УНКВД, к этой операции (как утверждают И. Ермолов и С. Веревкин[1]) не имел никакого отношения, хотя его люди, находившиеся в «сабуровских» отрядах, в этом налете участвовали. Для налета было выделено пять партизанских формирований: отряд А.Н. Сабурова и З.А. Богатыря, трубчевский отряд им. Сталина (командир М.И. Сенченков), харьковский отряд К.И. Погорелова, харьковский отряд И.Ф. Боровика, брасовский отряд «За Родину» В.А. Капралова (заместитель командира — М.В. Балясов)[2].

Заявление С. Веревкина, что на Локоть напали оперативные группы ОМСБОН НКВД («Дружные», «Боевой» и «Сокол»), является плодом буйной фантазии автора и ничего общего с историей не имеет. Не владея военной терминологией, Веревкин говорит о проведении сотрудниками НКВД «специальной войсковой операции», чем вообще ставит себя в нелепое положение[3]. В какой-то мере публицист является продолжателем мифотворческой линии М. Боброва, который утверждал, что «в 1942 году в округ был брошен большой десант советских войск», после чего был убит Воскобойник[4].

Для захвата объектов внутри поселка было создано не менее трех штурмовых групп. Первая состояла в основном из партизан отряда «За Родину». Группу нацелили на овладение каменного здания казармы[5]. Второй группе, состоявшей из харьковских партизан Погорелова, было приказно захватить районную тюрьму. Третья группа — из партизан трубчевского отряда им. Сталина — должна была захватить дом бургомистра и уничтожить лидеров НСПР. Помимо этого, бойцы из отряда Сабурова и Богатыря должны были блокировать дорогу на Брасово и не допустить прорыва полицейского подкрепления в Локоть, — эту задачу поручили Игнату Бородавко. Харьковский

---

[1] *Ермолов И. Г.* Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941—1943. М., 2009. С. 171; *Веревкин С.И.* Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 90.

[2] *Богатырь З.А.* Борьба в тылу врага. М., 1969. С. 62.

[3] *Веревкин С.* Вторая мировая война: вырванные страницы. М., 2006. С. 130; *Веревкин С.И.* Самая запретная книга... С. 88—91.

[4] *Бобров М.* Указ. соч. С. 131.

[5] *Сабуров А.Н.* За линией фронта. Партизанские записи. Книга первая: Партизанский край. М., 1953. С. 232.

отряд Боровика прикрывал отход партизан, и он же составлял резерв объединенного штаба. Всего в налете принимало участие около 600 партизан.

Народные мстители (после изнурительного ночного марша в лютый мороз и по глубокому снегу) сосредоточились возле Локтя около 6 часов утра. Прийти раньше они не могли. Поэтому нужно отбросить распространенную версию о вечернем или ночном нападении на Локоть, а также о том, что во время нападения шло заседание НСПР, о чем заявляют брянские ветераны-чекисты и С. Веревкин[1].

Вопреки утверждениям исследователя И.Г. Ермолова, эпицентром боя был не дом бургомистра, а казарма «народной милиции». Ее штурмовали партизаны из отряда «За Родину» (это, например, видно из воспоминаний Н.И. Ляпунова). Их действиями руководил представитель объединенного штаба Иван Федоров. Казарма размещалась в здании одного из бывших учебных заведений (в мемуарах А.Н. Сабурова называется сельскохозяйственный техникум, однако чаще всего фигурирует информация о лесохимическом техникуме). Здесь партизаны столкнулись с упорным сопротивлением и не сумели овладеть кирпичным зданием, превращенным в опорный пункт (слова З.А. Богатыря о деревянной казарме не соответствуют действительности). Все их попытки выбить оттуда «милиционеров» завершились провалом.

Не менее важным по значимости объектом был дворец Воскобойникова, где, как считали мстители, находился и центральный комитет НСПР. Задачу по ликвидации партийной верхушки поручили выполнить группе из трубчевского отряда им. Сталина. Группу возглавил комиссар отряда Павел Кузьмин (поэтому утверждения Н.И. Ляпунова и М.В. Балясова, которые якобы находились в этой штурмовой группе, нельзя считать надежными; их группа как раз штурмовала казармы, как это видно из воспоминаний А.Н. Сабурова и З.А. Богатыря). Уничтожить лидеров НСПР и Воскобойника поручили группе Алексея Дурнева (а не «товарища Малышева», как пишет М.В. Балясов, и не «товарищу Астахову», которого об этом

---

[1] *Тарджиманов М., Шахов В., Дунаев Ф.* Всегда на боевом посту. Тула, 1985. С. 114; *Веревкин С.* Самая запретная книга... С. 90.

попросил Н.И. Ляпунов). Причем известна фотография группы А. Дурнева — она приводится в мемуарах К.Ф. Фирсанова[1].

Из имеющегося материала можно сделать вывод, что партизаны еще не успели подойти к дому, как по ним был открыт огонь. Огонь из пулеметов и винтовок продолжительное время сдерживал народных мстителей, и овладеть домом с ходу им не удалось. Партизаны наверняка понесли потери, прежде чем заняли выгодные позиции для стрельбы. По признаниям Богатыря, сломить сопротивление милиции и охраны лидера НСПР народные мстители не смогли. В результате партизаны были вынуждены отступить от дома бургомистра, так как милиция и подошедшее подкрепление стали окружать налетчиков[2].

Так или иначе, Воскобойник был тяжело ранен партизанами в своей резиденции (но никак не в «доме культуры», как пишет С. Веревкин[3]). В этом смысле народным мстителям сопутствовала удача, хотя взять штурмом дом бургомистра им не удалось. И к тому же в момент боя партизаны точно не знали, убит лидер НСПР или нет, — об этом А.Н. Сабурову стало известно только через два дня — 10 января, когда он готовил сообщение в Москву.

По версии Р. Днепрова, гибель Воскобойника произошла так: «Несколько отдельных партизан сумели пробраться через посты "каминцев", как их впоследствии называли, и бросить в дом, где ночевал Воскобойников, несколько гранат. Сам Воскобойников и, если не ошибаюсь, секретарша его штаба, погибли»[4].

---

[1] *Фирсанов К.Ф.* Так воевали чекисты. М.: «Воениздат», 1973. 136 с.

[2] И.Г. Ермолов утверждает, что летом 2009 года он провел тщательный опрос местных жителей, в том числе бывших коллаборационистов (скорее всего, танкиста РОА В.А. Комарова), их родственников, участников партизанского движения, и пришел к выводу, что Воскобойник жил в одноэтажном бревенчатом доме (современный адрес — ул. Лесная, 1). См.: *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М., 2010. С. 186. Однако надо учитывать, что Комаров на момент налета был подростком и жил не в Локте, а в Брасово. Авторы сами побывали в Локте летом 2007 года и также провели опрос населения. По полученным нами сведениям, резиденция Воскобойника находилась в бывшем дворце великого князя М.А. Романова.

[3] *Веревкин С.* Самая запретная книга... С. 95.

[4] *Днепров Р.* Указ. соч. С. 295.

Еще один объект, который нужно было захватить — районную тюрьму, — штурмовали украинские партизаны во главе с Погореловым. Через некоторое время к Сабурову прибыл связной. Он доложил о прорыве в тюрьму группы Кочеткова. Охрана, поначалу отступившая под ударами партизан, вновь вернулась и заблокировала объект. Кочетков с людьми оказался в осаде.

Понимая всю сложность ситуации, Сабуров взял под свое начало подразделение (вероятно, резервное — Боровика) и поспешил на выручку к тем, кого блокировали. По признанию самого Сабурова, для него стало сюрпризом такое упорное сопротивление охранников, которых, по данным разведки, было не более пяти, в то время как в тюрьме оказался взвод. Даже когда подразделение Сабурова прибыло на место, никто к зданию не прорвался — охранники держали под плотным автоматным огнем все подступы к нему. Но спустя некоторое время успех улыбнулся партизанам, они прорвались в тюрьму.

Пока в Локте шли бои у казармы, дома бургомистра и тюрьмы, отряд Бородавко сдерживал атаки подошедшего из Брасово подкрепления. Бои на подступах к Локтю были ожесточенными, и у партизан возникли очень серьезные проблемы. Причем Бородавко получил личный приказ Сабурова во что бы то ни стало удержать свои позиции и не допустить противника в населенный пункт (то есть действовать по принципу «ни шагу назад»).

Первые атаки партизаны Бородавко отбили. Однако затем натиск усилился и удержать противника было уже нельзя. По всей видимости, в это же время Сабуров получил еще одно неприятное известие: партизаны Боровика, находившиеся в резерве и предназначенные для прикрытия отхода, вступили в бой с полицейским подкреплением из Комаричей. Такого поворота событий в объединенном штабе не предполагали. Теперь Сабурову нужно было уходить из Локтя, иначе его ожидал разгром.

Отход партизаны осуществляли в условиях непосредственного соприкосновения с противником. В самом Локте еще действовали отдельные группы, спешно назначенные для обеспечения выхода из боя других подразделений народных мстителей. Очевидно, последними отходили партизаны, осаждавшие дом бургомистра.

В воспоминаниях Сабурова отход из Локтя был представлен в качестве какого-то триумфального шествия. Некоторые партизаны даже были готовы остаться в Локте, чтобы поохотиться на «кукушек» (снайперов). Однако при объективном анализе ситуации, сложившейся утром 8 января 1942 года, ни о какой победе не могло быть и речи. Противник заставил партизан совершить вынужденный отход, который обыкновенно применяется в условиях, когда имеющимися силами и средствами нельзя удержать занимаемый населенный пункт и создается реальная угроза окружения и уничтожения своих подразделений. Именно в таком положении оказались партизаны Сабурова. Им оставалось отходить в назначенный район, к конечному рубежу — селу Красная Слобода Суземского района.

Нападение партизанских отрядов на Локоть, а также его результаты, безусловно, стали предметом анализа объединенного штаба. Потери партизан были во много раз больше, чем у оборонявшегося гарнизона. В боях за казарму и дом бургомистра штурмовые группы должны были потерять примерно по половине своего состава, поскольку их встречали мощным организованным огнем. Были потери и в боях на подступах к Локтю, когда группа Бородавко отражала наступление подкрепления из Брасово. Причем здесь потери, скорее всего, были тяжелыми, так как командир группы три раза посылал связных к Сабурову с просьбой оказать ему поддержку.

Не до конца ясно, как завершился бой за районную тюрьму. Скорее всего, и там партизаны потеряли людей. Кроме того, бои шли на улицах Локтя, за комендатуру и другие опорные пункты, при отходе из поселка. Во всех этих боестолкновениях партизаны теряли людей. Попытки Сабурова и Богатыря представить дело так, будто народные мстители успели вывезти из Локтя всех своих раненых и убитых, надо признать несостоятельными. В начале нападения на Локоть такое еще было возможно, но после того как пришли подкрепления из Брасово и Комаричей, а от казармы «народной милиции» началась контратака, партизаны уже никого не могли с собой взять, и поэтому просто бросали своих раненых и убитых товарищей в поселке.

Следует отметить также слабую организацию всей Локотской операции, начиная с ее подготовки и заканчивая непосредственным управлением боем. Мало того, что штаб Сабурова не имел четкого

плана боевых действий, в отдельные моменты боя он утратил контроль над обстановкой, занимался перетасовкой штурмовых подразделений и не сумел должным образом наладить взаимодействие между партизанскими подразделениями. Все это, безусловно, приводило к ничем не оправданным потерям среди личного состава, который был физически измотан еще перед нападением.

Общие потери партизан следует оценивать в пределах от 150 до 250 человек.

В принципе, если бы не смерть бургомистра Воскобойника, то Локотскую операцию можно было бы назвать провальной. Разгромить местное самоуправление партизанам не удалось, ядро НСПР уничтожено не было (в живых остались Каминский, Мосин, Иванин), не были истреблены подразделения «народной милиции».

После гибели Воскобойника его место занял Каминский, сосредоточивший в своих руках всю власть на территории самоуправления.

Бывший редактор орловской газеты «Речь» Михаил Октан вспоминал: «В штаб-квартире в Орле я встретил Каминского, который был вызван сюда в связи с гибелью шефа Локотского района Воскобойникова... Я был свидетелем нескольких встреч между Каинским и генералом Гамманом [комендант Орла. — *Примеч. авт.*]. Заручившись его поддержкой, Каминский пообещал поддерживать по возвращении в Локоть более тесные контакты с германской военной адмиистрацией и с помощью своих милицейских подразделений обеспечивать охрану тылов германской армии и продовольственное снабжение германских частей»[1].

Чтобы в будущем исключить нападение на Локоть, новый бургомистр добился от немецкого командования разрешения о мобилизации в народную милицию граждан от 17 до 30 лет, проживавших в Суземском, Севском, Дмитриевском, Комаричском и Навлинском районах Орловской области.

Следует сказать, что немецкие оккупационные органы быстро дали свое согласие. Как известно, Главное командование сухопутных войск Германии (ОКХ) приказом первого квартирмейстера Генераль-

[1] Цит. по: *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 249—250.

ного штаба генерал-лейтенанта Ф. Паулюса от 9 января 1942 года уполномочило командование групп армий формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части из военнопленных и жителей оккупированных областей, враждебно относящихся к советской власти. Весь процесс контролировался мобилизационным отделом Локотской администрации[1].

Мобилизация проводилась в несколько этапов. Призывные комиссии работали не только в сельской местности, но также в лагерях для военнопленных, находившихся под юрисдикцией органов тылового обеспечения группы армий «Центр»[2]. Как отмечалось в докладной записке ОО НКВД Центрального фронта от 20 марта 1943 года, «...контингентом для вербовки служили изменники Родины из числа военнопленных, дезертиры Красной армии, оставшиеся на оккупированной территории, и лица, проявлявшие недовольство Советской властью»[3]. Начальник УНКВД по Орловской области К.Ф. Фирсанов в своих воспоминаниях писал: «Кое-кто из военнослужащих, потеряв надежду вырваться из окружения, осел в селах, надеясь отсидеться. Но отсидеться в темных углах им не удалось: фашисты насильно мобилизовали их в полицию и в другие карательные органы»[4].

В феврале 1942 года часть мобилизационных мероприятий была завершена. Под ружье в «народную милицию» было поставлено свыше 1200 человек и сформировано 3 батальона[5]. Милицейские подразделения были расквартированы в Локте, на хуторе Холмецкий и в деревне Красный Колодец[6] (хутор Владимирский). Почувствовав свою силу, Б.В. Каминский, по примеру К.П. Воскобойника, издал

---

[1] *Рябоконь М.В.* Против партизан Брянщины / «Военно-исторический журнал». 2004. № 4. С. 22.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 625, оп. 1, д. 45, л. 266.

[3] Цит. по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 244.

[4] *Фирсанов К.* Как ковалась победа / Фронт без линии фронта. М., 1970. С. 218.

[5] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008. С. 33.

[6] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ. С. 177.

9 февраля 1942 года обращение к народным мстителям. Бургомистр также заявил, что борьба против партизан является одной из приоритетных задач «народной власти», и отдал приказ о подготовке первой операции. Было решено разбить отряд Брасовского района «За Родину» (численность — 100—130 человек; командир Василий Капралов, комиссар Алексей Малышев[1]) — формирование, принимавшее участие в нападении на Локоть. Операция прошла удачно. Против подчиненных Капралова действовало 160 милиционеров и 60 военнослужащих вермахта. Партизан выдавили с территории Комарницкого, а затем Луганского административных образований.

Согласно документам народных мстителей — например, партизан из головного отряда «Смерть немецким оккупантам» (создан в Навлинской районе; командир Петр Понуровский, комиссар Александр Суслин[2]), — интенсивные бои между милицией и советскими патриотами не прекращались. Бои за Навлю, Алтухово, Шешуево и другие населенные пункты шли до конца марта 1942 года[3].

Важное место в борьбе советских патриотов против Локотской автономии занимают боевые действия весной 1942 года в районе деревень Тарасовка и Шемякино (Брасовский район), в которых дислоцировались внушительные гарнизоны «народной милиции» (оттуда периодически начинались антипартизанские операции). Брянский чекист М.А. Забельский после войны вспоминал: «Под носом у партизан... в деревнях Шемякино и Тарасовке вольготно жилось более чем ста пятидесяти полицейским. Полиция ухитрилась собрать все оружие и боеприпасы, оставленные нашими воинскими частями при отходе, и перетащила в свои деревни»[4].

Первая попытка штурма деревень имела место 1 марта. В налете участвовали отряды «За власть Советов», имени Сталина, «За Родину» и «Большевик». В бою было убито 24 коллаборациониста, 20 — захвачено в плен. Потери партизан составили (по советским

---

[1] Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1650, оп. 1, д. 454, л. 1.

[2] ГАБО. Ф. 1650, оп. 1, д. 361, л. 1.

[3] Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Брянск, 1962. С. 219.

[4] *Забельский М.А.* На «малой земле» / Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 263.

сведениям) семь человек убитыми и 12 — ранеными. После этого Тарасовский и Шемякинский гарнизоны были значительно усилены: в том же месяце здесь дислоцировалось уже 400 «каминцев», были оборудованы доты, траншеи, минные поля, проволочные заграждения. Неудивительно, что последовавшие две попытки штурма партизанами деревень закончились провалом и привели к большим потерям[1].

Было решено провести мероприятия по разложению гарнизонов изнутри. Эту работу направляли опытные чекисты В.А. Засухин и А.И. Кугучев. Их агентам удалось завербовать старосту деревни Шемякино Машурова, командира местного гарнизона — бывшего военнопленного Владимира Попова, а также коменданта В.П. Неплоха, А.Г. Вдовенкова, П.С. Агеева и М. Вроцкого[2]. Кроме того, в Тарасовку и Шемякино была направлена разведчица Мария Кулакова, не без участия которой в гарнизонах к концу апреля была сформирована сильная подпольная группа во главе с неким Гапеенковым.

В ночь на 1 мая 1942 года штурмовая группа в составе отрядов «За власть Советов» и «Большевик» под командованием Дорофеева предприняла очередной штурм деревень, увенчавшийся на этот раз успехом, поскольку действия коллаборационистов были парализованы восставшей в этот же момент подпольной группой Гапеенкова[3]. Согласно мемуарам Д.В. Емлютина, в штурме участвовали также отряд имени Калинина и три «группы самообороны»[4]. Чекист В.А. Засухин, видимо, занижая действительную численность штурмовой группы, вспоминал: «В ночь на 1 мая, имея пароль и отзыв, которые нам сообщил тов. Машуров, мы небольшой группой, примерно в шестьдесят человек, зашли в эти села, сняли постовых без единого выстрела, обезвредили караульных, а потом начали собирать осталь-

---

[1] *Гаврилкин Г.А.* Указ. соч. С. 31.

[2] *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 135; *Забельский М.А.* Указ. соч. С. 265.

[3] *Гаврилкин Г.А.* Указ. соч. С. 31.

[4] *Емлютин Д.В.* В южном массиве Брянских лесов / За линией фронта. Тула, 1968. С. 105.

ных изменников Родины, в чем нам уже помогали обезоруженные солдаты».[1]

В результате операции партизаны овладели Тарасовкой и Шемякино, захватили 150 пленных (по другим данным — 264), более двадцати 45-мм и 76-мм орудий, 18 станковых пулеметов, 4 миномета, огнемет, 284 винтовки, один танк и другое вооружение и военное имущество[2]. По утверждению пропаганды «каминцев», советские патриоты устроили расправу над милиционерами, их женами и детьми: «Партизаны замучили и расстреляли 115 человек местных жителей, в том числе много женщин и детей, причем половина этих жертв была подвергнута мукам и издевательствам: своим жертвам бандиты сначала отрубали пальцы рук и ног, выкалывали глаза, прокалывали шомполами уши, а через несколько дней совершенно измученных, истекавших кровью, уже полумертвых, расстреливали»[3]. Согласно документам народных мстителей, они казнили 57 полицейских, а мирных жителей никто якобы не трогал[4].

3, 6 и 8 мая части «народной милиции» под командованием заместителя бургомистра Г.Н. Балашова пытались безуспешно штурмовать Тарасовку и Шемякино. Лишь 11 мая при поддержке пяти самолетов и двух бронемашин «каминцы» (около 500 бойцов) освободили деревни, потеряв в боях 30 человек убитыми и ранеными. В плен попал командир Кокоревского партизанского отряда В.В. Чечерин, который был приговорен военно-полевым судом к смертной казни. Приговор привел в исполнение командир бронедивизиона капитан Ю.Ф. Самсонов, отрубивший партизану голову саблей. Экзекуция состоялась при большом скоплении жителей села Красный Колодец[5]. «Зверства» партизан были освещены в прессе автономии

---

[1] *Засухин В.А.* Указ. соч. С. 185.

[2] *Морозов В.К.* Врагу от нас не уйти / За линией фронта... С. 137; *Гаврилкин Г.А.* Указ. соч. С. 34; *Засухин В.А.* Указ. соч. С. 185.

[3] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 178.

[4] Партизаны Брянщины... Брянск, 1962. С. 128.

[5] *Александров К.* Оккупация отдельно взятого региона. История неизвестного самоуправления / «Посев». 2002. № 5 (1496). С. 45; *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 135—136.

(15 июля 1942 года в локотской газете «Голос народа» была опубликована статья «Жуткие тайны Кокоревского леса»).

В. Макаров и В. Христофоров полагают, что казнь жителей Тарасовки и Шемякино устроил сам Каминский, так как все, кто проживал в этих деревнях, перешли на сторону партизан. Бургомистр якобы организовал карательную акцию, расправился с семьями «предателей», а затем, чтобы озлобить народ, провел фальшивое расследование с целью приписать все зверства партизанам[1]. Подобную трактовку событий в принципе исключить нельзя. 31 января 1943 года «Голос народа» прямо назвал указанные события «предательством Тарасовки и Шемякино»[2]. Вместе с тем было бы наивно полагать, что и партизаны в условиях смертельной схватки с врагом «не были способны» на жестокие и бесчеловечные действия (многочисленные факты такого рода подтверждаются донесениями особистов партизанских формирований)[3].

К концу апреля 1942 года в рядах народной милиции несло службу около 2000 человек (еще в марте был сформирован 4-й батальон[4]). В конце мая 1942 года тяжелые бои шли недалеко от населенных пунктов Алтухово, Красный Пахарь и Шешуево. Была уничтожена основная часть Кокоревского отряда. Были разгромлены Крапивенский, Шешуевский, Алтуховский (командир Ямбулатов, комиссар Бобылев[5]), Вздруженский (командир Гаврилин, комиссар Васькин[6]) отряды. Партизан из брасовского отряда «За Родину» рассеяли. «Каминцы» захватили три 45-мм и два 76-мм орудия, четыре пулемета «Максим», шесть ротных и два батальонных миномета, много боеприпасов[7].

---

[1] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. Миф о «Локотской альтернативе» / «Родина». 2006. № 10. С. 90—91.

[2] «Голос народа». 31 января 1943 года. № 5 (43). С. 1.

[3] См., например: *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 138—155.

[4] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 33.

[5] ГАБО. Ф. 1650, оп. 1, д. 456, л. 1.

[6] Там же. Ф. 1650-п, оп. 1, д. 852, л. 5.

[7] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 37; *Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 125.

В течение весны — лета 1942 года милиции удалось разбить Глыбоченский (командир Хлюстов, комиссар Костромин), Святовский (командир Волков, комиссар Зяблов), Салтановский (командир Кузнецов, комиссар Щербин) отряды, а Сидоровский отряд (командир Юмашев, комиссар Мирошин) понес тяжелые потери. Эти формирования подчинялись головному отряду «Смерть немецким оккупантам», под началом которого было 11 партизанских подразделений. К моменту, когда на базе отряда «Смерть немецким оккупантам» стала формироваться одноименная бригада, из одиннадцати отрядов, ранее действовавших в Навлинском и Брасовском районах, осталось пять[1].

Успехи Каминского в борьбе с партизанами произвели на немцев весьма благоприятное впечатление. Неслучайно в марте 1942 года в подчинение Локотскому самоуправлению были переданы Суземский и Навлинский районы. В мае того же года Локотский район был преобразован в уезд, в составе Суземского, Навлинского и Комаричского районов Орловской области, а также Дмитровского района Курской области[2].

Надо отметить, что широкое распространение получило мнение о том, что «в результате мощного подъема всенародного партизанского движения к весне 1942 года с огромной территории были изгнаны немецко-фашистские захватчики и создан партизанский край». Территория этого «партизанского края», по утверждению ряда авторов, простиралась с севера на юг до 140 км, с запада на восток — до 100 км. Называются и «пограничные пункты» этой «партизанской республики»: на севере — в трех километрах южнее железной дороги Брянск — Гомель, на востоке — в трех километрах западнее железной дороги Брянск — Навля и далее по рубежу населенных пунктов Борщево, Шемякино, Игрицкое, Голицыно. На юге — по рубежу населенных пунктов Избичня, Чемлыж, Полевые Новоселки, Голубовка, Знобь, Собичи. На западе — по рубежу населенных пунктов Сосновое Болото, Выползово, Радутино, Бороденка, Глыбочка, Васильевка. Таким образом, весной 1942 года лесные солдаты якобы

[1] ГАБО. Ф. 1650-п, оп. 1, д. 852, л. 5.
[2] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 913, л. 72.

контролировали практически всю территорию Локотского автономного округа.

Некоторые исследователи идут еще дальше. Так, В. Пережогин утверждает, что отряды под командованием А.Н. Сабурова и З.А. Богатыря, насчитывавшие 1800 человек, контролировали территорию Выгоничского, Навлинского, Суземского, Трубчевского и Брасовского районов уже к февралю 1942 года[1].

На территории «партизанского края» якобы «легализовались и восстановили свою деятельность» райкомы ВКП(б) и исполкомы Трубчевского, Навлинского, Выгонического, Почепского, Суземского, Комаричского районных Советов. Эти органы «немедленно начали работу по наведению и восстановлению революционного порядка во всех освобожденных населенных пунктах»[2].

Разумеется, все это, мягко сказать, не в полной мере отражает реальную обстановку. Дело в том, что в докладных записках, направляемых «наверх», руководители «лесных солдат» не только чрезвычайно произвольно определяли количество потерь, нанесенных оккупантам и их пособникам, но и пытались создать картину, свидетельствовавшую о своих невероятных успехах. Так и появился «партизанский край». Своеобразной «лазейкой», позволявшей подтвердить ошибочные данные партизанского командования, служил действительный факт, что в указанный период времени (зима — весна 1942 года) собственно немецких войск на территории Локотской автономии практически не было. Зато здесь дислоцировались части и подразделения Русской освободительной народной армии, которые, увы, вполне эффективно боролись с народными мстителями.

Однако помимо собственно партизан на территории Локотской автономии действовало разведывательно-диверсионное подполье, которое находилось под особо плотным контролем НКВД и в силу особой специфики своей работы подчас доставляло «каминцам» не-

---

[1] *Пережогин В.А.* Разгоралось пламя партизанской борьбы / Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Жуковский, 2001. С. 128; См. также: *Петрова З.А.* Война народная / «Брянский краевед». 1973. Вып. VI. С. 58.

[2] *Горшков А.П.* Партизанское движение на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.) / Шли на битву партизаны... С. 92, 94.

мало хлопот. Такие методы, как саботаж, террор против руководящего эшелона автономии, активная вербовка личного состава «народной армии», несомненно, таили гораздо большую опасность, чем боевые столкновения и налеты партизанских формирований.

Конечно, далеко не во всех районах Локотского округа подпольная работа была организована безупречно. Так, Брасовское подполье долгое время существовало лишь на бумаге. Местный подпольный райком ВКП(б) фактически бездействовал все время оккупации, и лишь с приближением частей Красной армии (уже в 1943 году) попытался изобразить «бурную активность», выразившуюся, в частности, в спешном приеме в партию местных жителей. Желающих и «достойных» набралось немногим более 20 человек (для сравнения: «коллеги» из соседнего Навлинского большевистского партийного подполья сумели навербовать к сентябрю 1943 года 590 членов партии и 781 кандидата в ряды ВКП(б)[1].

Откровенным провалом закончилась в Брасовском районе и попытка организации комсомольского подполья. По косвенным данным можно предположить, что оно было организовано не без участия провокаторов (с целью выявить и ликвидировать просоветски настроенную молодежь района). Брасовская подпольная комсомольская организация им. Щорса была организована в июле 1942 года и просуществовала чуть более двух месяцев. 2 октября 1942 года все участники брасовского подполья были выданы абвергруппе-107 самим руководителем организации Константином Васильевым[2].

Тем не менее можно назвать и целый ряд весьма успешных акций подпольщиков, прежде всего чекистов. В Севском районе Локотского административного округа успешно действовал разведчик М.С. Григоров, который работал в Севске еще до оккупации города. Начальник особого отдела брянского объединенного штаба парти-

---

[1] См. Подпольные организации в тылу врага, действовавшие на Брянщине в годы Великой Отечественной войны / Книга Памяти… С. 272.

[2] Деятельность брасовской подпольной организации им. Щорса свелась к попыткам завербовать служащих бригады РОНА и к добыче разведывательной информации о «каминцах». В октябре было арестовано 102 человека, так или иначе связанных с деятельностью подполья. 23 из них были расстреляны. См.: *Дунаев Ф.П.* Подпольщики / Книга Памяти… С. 275.

занского движения В. Засухин в своих воспоминаниях так охарактеризовал работу Григорова: «Находясь на нелегальном положении, он умело использовал личные довоенные связи; за короткое время он привлек для работы служащих немецких административных органов, медицинских и ветеринарных работников, учителей. Группа собирала и передавала нам военно-политическую информацию, выявляла немецких агентов, предателей и изменников Родины, распространяла сводки Совинформбюро, партизанские листовки и газеты. С большим риском для жизни советские патриоты саботировали выполнение немецких приказов и распоряжений, которые требовали отправки молодежи в Германию, изъятия скота и продовольствия у населения и т.д.»[1].

Сам Засухин сумел завербовать сотрудника абвергруппы-107 (дислоцировалась в Орле, в Локте находилось ее отделение) Романа Андриевского. Разведчик вспоминал: «Благодаря самоотверженности и упорству Романа мы имели довольно полное представление о подрывной деятельности Абверштелле-107... знали о пунктах переброски и каналах проникновения вражеской агентуры в наш тыл. Отдел контрразведки "Смерш" Брянского фронта после получения этой информации организовал тщательную проверку всех подозрительных раненых и выявил немало шпионов. Сведения Романа о передислокации воинских частей противника, о концентрации на той или иной железнодорожной станции военной техники представляли для командования Красной армии и партизан огромную ценность... Стремление Андриевского причинить как можно больше вреда противнику было неудержимым. Рискуя жизнью, рискуя провалом, он выискивал и привлекал на свою сторону новых людей, вел активную работу по разложению полицейского батальона, охранявшего железную дорогу в районе станции Холмичи, спасал от неминуемой гибели советских патриотов»[2].

Во второй половине июня 1942 года тыловые органы 2-й танковой армии решили провести крупномасштабную антипартизанскую операцию «Зеленый дятел» (Grunspecht). Операция проводилась с

[1] *Засухин В.А.* Специальное задание / Фронт без линии фронта. М., 1970. С. 118.

[2] Там же. С. 124—125.

19 по 27 июня, и к ней были подключены милицейские части из Локотского уезда. В ходе боев партизаны понесли большие потери. Из их рядов началось бегство. Так, в Суземском районе из партизанских отрядов дезертировало 427 человек, 65 из которых перешли на сторону противника[1].

Для бойцов Каминского операция прошла удачно. Они показали себя с наилучшей стороны. Именно боевые заслуги «каминцев» подтолкнули германское командование к тому, чтобы вновь изменить статус Локотской администрации. 19 июля 1942 года командующий 2-й танковой армии генерал-полковник Рудольф Шмидт подписал приказ о реорганизации Локотского уезда в Локотский округ[2]. Эта административная единица включала в себя территории довоенных Брасовского, Комаричского, Суземского, Навлинского, Севского (Орловской области), Михайловского, Дмитровского и Дмитриевского (Курской области) районов[3], с общей численностью населения 581 тыс. человек (по данным С. Стеенберга — 1,7 млн чел., по мнению И. Грибкова — 700—800 тыс. чел.)[4].

К слову сказать, партизаны, действовавшие на территории Курской области, на рассматриваемый момент широкомасштабных операций не проводили. У местных отрядов не было боевого опыта, они представляли собой разрозненные и малочисленные группы, во всех отрядах ощущался недостаток оружия, встречалось немало случаев дезертирства и трусости среди личного состава[5]. Летом 1942 года боевая активность курских партизан оставалась по-прежнему низкой (несмотря на ряд чувствительных ударов, нанесенных по немецко-

---

[1] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 178.

[2] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 251.

[3] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 22. Историк ошибочно указывает, что Михайловский (ныне Железногорский) район входил в состав Орловской области. А. Даллин указывает, что до войны численность населения в Локте составляла несколько тысяч человек, а в Брасовском районе проживало около 35 000 человек. См.: *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 244.

[4] *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 29; *Штеенберг С.* Генерал Власов. М., 2005. С. 108; *Грибков И.В.* Указ. соч. С. 22.

[5] *Коровин В.В.* «Дезорганизовать тыл противника, причинить максимальный урон его живой силе и технике». Партизанское движение в Центральном Черноземье / «Военно-исторический журнал». 2008. № 6 (578). С. 21.

полицейским гарнизонам, — например, по укрепленному населенному пункту, слободе Михайловке[1]). Железногорский исследователь партизанского движения северо-запада Курской области А. Колесников, характеризуя обстановку, сложившуюся в рядах «народных мстителей» Михайловского района, пишет: «Нашлись и такие, которые в это тяжелое время не выдержали и покинули отряд»[2]. Ситуация стала меняться только к началу осени 1942 года[3].

Примерно в это же время Каминский и центральный комитет НСПР начали вести активную агитацию и пропаганду на партизан. Захваченные в боях народные мстители, после соответствующей обработки, выступали с открытыми письмами к своим недавним товарищам по борьбе. Здесь, в частности, следует упомянуть об открытом письме бойца бригады «Смерть немецким оккупантам» Николая Смирнова. В нем автор рассказывал, как партизанские командиры и комиссары отбивают охоту у людей переходить на сторону Каминского, как путем угроз и запугивания они заставляют людей воевать. Под письмом Новикова поставили подписи бывшие партизаны Береснев, Пахомов, Кузин, Анисимов, Поляков, Баранова и Ермаков[4].

В несколько другом ключе было построено письмо, подписанное И.И. Чистюлиным, П.А. Платоненко, И.Ф. Ченцовым, Т.С. Сафоновым, Ф.К. Клягиным и И.Н. Капаниным. На этот раз речь шла о том, насколько хорошо живется людям в Локотском округе. Подробно рассказывалось, как и чем питается население и бойцы милиции, чем они зарабатывают на жизнь, какую помощь оказывают гражданам местные власти. В конце, как обычно, был призыв покинуть отряды «лесных бандитов» и приходить в населенные пункты, где есть русская администрация[5].

---

[1] *Коровин В.В.* Партизанское движение на территории Курской области в 1941—1943 гг. 2-е изд., испр. и доп. Курск, 2006. С. 83—84.

[2] *Колесников А.Н.* Непокоренный край. Курск, 1992. С. 22—23.

[3] *Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д.* Военное руководство партизанским движением в тылу германских войск на территории областей Центрального Черноземья / «Военно-исторический архив». 2008. № 2 (98). С. 120.

[4] *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 127.

[5] Там же. С. 127—128.

Пропагандистская кампания дала определенный эффект: некоторые партизаны вышли из леса и присоединились к частям и подразделениям милиции.

К концу лета 1942 года происходит активизация партизанских отрядов из северо-западных районов Курской области. Согласно документам, народные мстители из Михайловского района вывели из строя железнодорожный мост между станциями Блохино и Лукашевка, уничтожили мост на реке Тускарь между станциями Будановка и Золотухино. Партизаны Дмитриевского района подорвали железнодорожный мост через реку Свапа в 10 км от Дмитриева. Диверсионные группы дмитриевских и дмитровских партизан также взорвали железнодорожный мост на перегоне Дерюгино — Евдокимовка[1].

Кроме того, курские партизаны (в первую очередь, отряд им. Боженко) совместно с формированиями Д.В. Емлютина получили задачу очистить населенные пункты Кокушкино, Война (Суземский район), где были сконцентрированы крупные силы милиции. Однако в этот момент «каминцами» была своевременно проведена специальная операция. В результате наступления 21 и 26 августа 1942 года милицейских и немецких подразделений партизаны были вынуждены отступить в начале за реку Нерусса, а затем на левый берег Десны[2].

К осени 1942 года в Брянских лесах базировалось крупные силы партизан — более 50 отрядов, объединенных в восемь бригад и насчитывавших 11 150 бойцов. Они имели на вооружении 4 танка, 2 бронемашины, 61 орудие различного калибра, 114 минометов, 10 435 единиц стрелкового оружия[3]. Как видно из документов, группировке была поставлена задача — прочно удерживать южные массивы Брянских лесов[4].

Германское командование в лице тыловых органов 2-й танковой армии решило сузить территорию так называемого «брянского партизанского края», изолировать южную и северную группировки «народных мстителей», отрезав их от населенных пунктов и лишив

---

[1] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 43.

[2] Там же. С. 44.

[3] РГАСПИ. Ф. 377, оп. 9, д. 39, л. 130, 132.

[4] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 46.

тем самым продовольственной поддержки со стороны местного населения. С этой целью были предприняты попытки — операции «Треугольник» (Dreieck) и «Четырехугольник» (Viereck) — рассечения партизанского края на два анклава, для чего были привлечены части и подразделения 108-й венгерской пехотной дивизии, мотопехотный батальон СС, 8 охранных батальонов, а также сводный полк милиции под командованием Каминского. Направление главного удара было намечено в наиболее удобном месте — севернее реки Навли, где наступал полк Каминского и батальон СС навстречу 108-й дивизии[1].

Операция началась 16 сентября. Избегая прямых боестолкновений, партизаны отступили за реку Навля. К концу месяца, не встретившись с уклонившимися от боя партизанами, немецко-милицейские и венгерские силы развернули свои боевые порядки на юг, в направлении реки Нерусса, готовя новый удар. Командование партизанских бригад попыталось упредить действия противника. 1 октября проникшие в тыл противника два отряда нанесли удары по артиллерийским батареям, штабам, складам боеприпасов, а остальные отряды нанесли удар с фронта. Немцы и венгры попробовали отбиться и организованно отступить, полк же Каминского увяз в боях. В некоторых подразделениях «каминцев», как утверждали народные мстители, началась паника. При этом погибло более 150 милиционеров, столько же сдались в плен, а Каминский, получив ранение, едва не попал в руки партизан.

Кроме этого, «каминцы» участвовали в мероприятиях по переселению местных жителей из района операций. Из оперативного донесения командования тыловым районом 2-й танковой армии известно, что южнее Локтя было переселено около 18 тысяч местных жителей. Штаб группы армий «Центр» предложил объединить этих жителей в рабочие команды и использовать в целях укрепления оборонительных рубежей частей и соединений 2-й танковой армии[2].

Немецкие операции «Треугольник» и «Четырехугольник» оказались не такими провальными, как иногда принято считать. В опера-

[1] *Рябоконь М.В.* Указ. соч. С. 23.

[2] *Лещинский Л.М.* Хойзингер — военный преступник. М., 1961. С. 39.

тивном донесении, подготовленном тыловыми органами 2-й танковой армии, сообщалось о 2244 убитых и взятых в плен партизанах[1].

Пополнив силы за счет «самоохраны», подразделения милиции Локтя приняли участие в операциях «Белый медведь» (Eisbar).

Первая операция проводилась на территории Дмитровского, Дмитриевского и Михайловского районов Курской области и имела три фазы: с 10 по 25 октября, с 3 по 11 и с 17 по 20 ноября 1942 года. Операция сопровождалась прочесыванием лесных массивов и населенных пунктов[2].

Немецкое командование попыталось блокировать и уничтожить объединенные формирования партизан, действовавшие на территории Михайловского, Дмитриевского и Дмитровского районов, — в первую очередь, против отрядов 1-й Курской партизанской бригады (им. Железняка, Михайловский, Дмитровский, Дмитриевский, Троснянский, Кавалерийский партизанские отряды). Для реализации плана германским войскам были приданы милицейские подразделения из Михайловки и Дмитриева.

Боевые действия проходили в напряженном ритме. 10 октября немецкие части и милиция, при поддержке техники и артиллерии, завязали бои с троснянскими партизанами в лесном урочище Жерновец. Одновременно происходила концентрация немецко-милицейских сил в районе сел, расположенных вокруг урочищ Берлажон и Опаж с целью окружения и полного уничтожения баз партизанских отрядов. 11 октября милиция проводила разведку местности и заняла ряд населенных пунктов. В 7 часов 12 октября началось наступление со стороны сел Курбакино и Толченое, из поселков Медовый и Михайловский на расположение баз штаба Объединенных партизанских отрядов Курской области (ОПОКО), Михайловского и Кавалерийского. Со стороны сел Веретенино и Разветье началось наступление

---

[1] РГАСПИ. Ф. 625, оп. 1, д. 45, л. 272; *Де Витт К., Молл В.* Брянская область / *Армстронг Д.* Партизанская война. Стратегия и тактика 1941—1943. М., 2007. С. 139.

[2] *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 235; *Попов А.Ю.* Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004. С. 394; *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 138.

милиции в направлении поселков Восточный, Звезда, Большой Дуб на расположение баз отряда им. Железняка[1].

Партизаны пытались не пропустить противника, но под воздействием плотного артиллерийского огня, под давлением численного превосходства немцев и милиции были вынуждены отступить из леса Берлажон в лес Жерновец[2].

14 октября 1942 года в Михайловке прошло совещание начальников германских полицейских формирований (ГФП и жандармерии), а также командиров милиции. На совещании подробно обсуждались вопросы, касавшиеся взаимодействия между разными охранными подразделениями. В тот же день прибыло подкрепление из Локтя. Утром 15 октября милиция повела наступление на партизан из Михайловского и Кавалерийского отрядов, отряда им. Железняка. Партизаны некоторое время оказывали сопротивление, подбили несколько бронемашин, но в конце концов были вынуждены отступить в лесные массивы Дмитриевского района, где они заняли круговую оборону, используя деревни (Волково, Панино, Рясник, Ново-Георгиевская) в качестве опорных пунктов[3].

Завязались жестокие бои, длившиеся несколько суток. Стремясь вырваться из блокады, народные мстители искали слабое место в боевых порядках противника, и оно нашлось. Прорыв из окружения произошел на участке, где, по мнению Э. Хессе, стояла милиция из Локтя[4] (хотя, по-видимому, это были формирования из Михайловки, не имевшие серьезного опыта борьбы с партизанами).

19 октября немецко-милицейские силы отошли в район сел Курбакино, Разветье, Михайловка, Дмитровска. Кроме того, основные части Каминского были выведены в район Кромы (40 км юго-западнее Орла) [5].

---

[1] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 85.

[2] Там же. С. 86.

[3] *Колесников А.* Указ соч. С. 128, 135—136; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская Вспомогательная Полиция. М., 2009. С. 42—43.

[4] *Хессе Э.* Главы из книги «Советско-русская партизанская война 1941—1944 гг.» / Антипартизанская война в 1941—1945 гг. Москва — Минск, 2005. С. 72—73.

[5] *Колесников А.* Указ. соч. С. 137—138, 140—141, 144—145.

В период с 20 октября по 2 ноября 1942 года немцы и милиция, сосредоточив свои силы в районе г. Дмитровск, слобода Михайловка и село Тросна, вели разведку расположения партизан в лесных урочищах Жерновец (база отрядов Михайловского, Троснянского, им. Железняка, Кавалерийского, штаба ОПОКО) и Сухая Хотынь (база Дмитровского и Дмитриевского отрядов). Наступление немцев и милиции возобновилось 3 ноября и было направлено в район урочища Жерновец[1]. Партизаны в течение дня отражали атаки противника, а ночью перебазировались в лес Сухая Хотынь.

6 ноября атаки на партизан продолжились. В них самое активное участие принял милицейский батальон из Дмитрова. Хотя прорвать круговую оборону «народных мстителей» и войти в урочище Сухая Хотынь милиции не удалось, она смогла уничтожить 10 ДОТов, 200 землянок и ликвидировать 150 партизан[2]. Дмитровские милиционеры неплохо показали себя и в боях в районе Долбеньковских лесов, где они уничтожили 30 ДОТов, 300 землянок и 50 «лесных бандитов»[3].

17 ноября 1942 года, после недельного затишья, началась третья фаза операции. Против партизан Курской области была направлена экспедиция общей численностью 3500 человек, состоявшая из частей милиции шести гарнизонов (Комаричского, Дмитриевского, Дмитровского, Михайловского, Севского и Локотского) и венгерского пехотного батальона. Ввиду тяжелых потерь партизаны отказались вступать в боевой контакт с противником и совершили очередной маневр, перейдя с территории Дмитриевского на территорию Михайловского района, однако полностью избежать боев с милицией и венгерскими солдатами народным мстителям не удалось[4].

В целом операция «Белый медведь» не принесла ожидаемых результатов, хотя потери партизан были большими. Ситуация в тыловом районе 2-й танковой армии в принципе контролировалась, но до установления нормального оккупационного порядка было явно далеко. Партизаны все больше доставляли немцам проблем, и

---

[1] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 86.

[2] *Чуев С.* Проклятые солдаты... С. 125.

[3] Там же.

[4] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 86.

борьба с ними очень дорого обходилась германской стороне и коллаборационистским формированиям. Так, в отчете «о борьбе с бандитизмом», составленном для командующего 2-й танковой армии, было отмечено, что в период с апреля по декабрь 1942 года потери партизан определялись в 5644 человека убитыми. Потери немцев и вспомогательных сил составляли 2402 человека, включая раненых и пропавших без вести[1]. По этим цифрам видно, какая жестокая и беспощадная война шла на Брянщине.

Тем временем, пока подразделения дмитровской, дмитриевской и михайловской милиции участвовали в операции «Белый медведь», Каминский издал приказ № 114 «О борьбе с партизанами» (от 31 октября 1942 года). Наряду с тем, что в приказе подробно говорилось о преступлениях, совершенных партизанами против бойцов 2-го, 4-го и 8-го батальонов, в нем также велась речь о создании при штабе Каминского специальной моторизованной истребительной роты в составе 150 человек и об усилении оповещения, на случай появления в селах «лесных бандитов»[2].

Помимо этого, согласно данным НКВД, в ноябре 1942 года Каминский объявил в округе о проведении второй мобилизации среди местного населения в возрасте от 17 до 40 лет в формируемую бригаду (ставка в определенной мере делалась на мужчин 1922—1925 годов рождения)[3].

Для проведения мобилизации и учета военных кадров и людских ресурсов в составе окружного управления был создан военный отдел (во главе с заместителем Каминского Г.Н. Балашовым) и мобилизационный подотдел (В. Белоусов). Начальником штаба бригады стал

---

[1] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegfuhrung und Radikalisierung im "Unternehmen Barbarossa". In: Zeitgeschichtliche Forschungen 23. Berlin, 2005. S. 465.

[2] Приказ № 114 по Локотскому окружному самоуправлению / *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 75.

[3] «Огненная дуга»... С. 244. К слову сказать, мобилизационные мероприятия проходили в разгар операции «Белый медведь». Именно этим можно, например, объяснить то, что ближе к концу первой фазы экспедиции некоторые подразделения милиции были выведены в район Кромы. Их, скорее всего, вывели с той целью, чтобы на их базе развернуть новые батальоны и, таким образом, сформировать бригаду.

бывший капитан РККА И.П. Шавыкин. Оперативный отдел штаба возглавил бывший капитан РККА И. Фролов, мобилизационный — бывший майор РККА И. Никитинский, разведки — бывший майор РККА Б.А. Костенко, контрразведки — бывший капитан РККА Ф.А. Капкаев. Адъютантом Каминского стал бывший младший политрук Р.К. Белай[1].

На базе милицейских подразделений начали формироваться батальоны. Каждый батальон имел по 4 стрелковые роты, минометные и артиллерийские взводы. На практике, как подчеркивает С.И. Дробязко, «как в личном составе, так и в вооружении отдельных батальонов единообразия не существовало». Численность батальонов могла колебаться в пределах от 300 до 1000 бойцов, а «наличие вооружения зависело, главным образом, от характера выполняемых задач. В то время как одни батальоны располагали даже бронетехникой, другие были вооружены преимущественно винтовками и почти не имели ручных и станковых пулеметов»[2]. Тем не менее Каминскому удалось сформировать вполне боеспособную бригаду. В ее состав вошло 14 батальонов (по данным Р. Михаэлиса — 13 батальонов, дислоцировавшихся в Тарасовке, Холмецком, Дубровке, Навле, Игрицком, Селечне, Дмитровске, Дмитрове, Севске, Суземке, Михайловке; в Локте находились два батальона и штаб[3]), бронедивизион, зенитная батарея, комендантский взвод, истребительная рота. Численность бригады в конце 1942 года была около 10 тысяч человек. Соединение получило название «Русской освободительной народной армии» (РОНА)[4].

В конце декабря 1942 года — в начале января 1943 года подразделения Каминского были задействованы в операции «Белый медведь-II» и были приданы корпусной группе генерал-лейтенанта барона Вернера фон унд цу Гильза. Операция проводилась в связи с тем, что объединенные партизанские отряды северо-западных районов Курской области с середины декабря 1942 года постоянно нападали на немецко-милицейские гарнизоны. В это время были

[1] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 34.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 190.

[3] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS… P. 13.

[4] *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939—1945. С. 28—29.

уничтожены подразделения милиции в населенных пунктах Алешино, Мало-Боброво, Погодино, Евдокимовка, Эсмань и Остапово. Возникла реальная угроза того, что партизаны выведут из строя железнодорожную станцию Дерюгино — важный узел, через который следовали к фронту воинские эшелоны[1].

В соответствии с планом операции, разработанном в 1-й Курской партизанской бригаде, перед Дмитриевским отрядом ставилась задача захватить станцию и уничтожить все объекты. Батальон Дмитровского отряда выполнял задачу заслона от совхоза «1 Мая» до села Дерюгино. Кавалерийский отряд должен был занять оборону восточнее станции, отряд им. Железняка — на перекрестке железнодорожной линии и дороги село Бычки — станция Дерюгино[2].

В ночь на 2 января 1943 года партизаны напали на станцию Дерюгино. Но взять ее штурмом им не удалось. Милиция успешно отбила все атаки Дмитриевского отряда партизан (700 человек). Встреченные огнем охранявших станцию «каминцев», партизаны вынуждены были отступить, бросив своих убитых и раненых[3].

После налета на станцию Дерюгино германское командование приняло решение о концентрации в Михайловском районе немецких и милицейских сил численностью 1500 человек для окружения и уничтожения отрядов 1-й Курской партизанской бригады. Так как бои с милицией и солдатами вермахта привели к большим потерям, командование партизанской бригады отдало приказ об отступлении в Хинельские леса, где «народные мстители» заняли оборону. Там они вели оборонительные бои, пока не получили приказ из Брянского штаба партизанского движения (БШПД) о выходе из лесов для соединения с частями РККА[4].

Подразделения РОНА также участвовали в операции «Белый медведь-III» (конец января — февраль 1943 года). Они вновь были приданы немецким войскам, однако на этот раз — боевой группе «Рюбзам». В ходе боев «каминцы» уничтожили 23 партизана и захватили большой обоз, но во время боевых действий погиб заместитель

---

[1] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 87—88.

[2] Там же. С. 88.

[3] *Чуев С.* Проклятые солдаты...С. 126.

[4] *Коровин В.В.* Партизанское движение... С. 88—89.

Каминского Г.Н. Балашов. Как считает И. Грибков, это была серьезная потеря для бригады, поскольку именно Балашов осуществлял разработку и проведение всех антипартизанских операций в Локотском округе, поддерживал дисциплину, руководил формированием и обеспечением батальонов[1].

Пришлось солдатам РОНА участвовать и непосредственно в боях с Красной армией. Первые боевые столкновения «каминцев» с последней произошли в ходе так называемого «Севского рейда», или Дмитриев-Севской наступательной операции, имевшей место в конце февраля — марте 1943 года. По приказу немецкого командования некоторые части РОНА были повзводно и поротно влиты в германские и венгерские части, а в каждый батальон «каминцев» были направлены германские офицеры.

Собственно Севск оборонял гарнизон из 1750 человек, основу которого составляли два батальона 108-й венгерской дивизии, а также подразделения РОНА: 10-й (командир — П.А. Константинов) и 14-й (командир — М.Г. Драченко) батальоны и артиллерийская батарея (командир — Н.А. Косырев) 4-го полка под командованием начальника штаба полка А.Н. Демина. Эти подразделения были усилены 30 танками и самоходными орудиями[2].

Сам командир полка майор Рейтенбах находился со своим 12-м батальоном, который совместно с 5-м полком РОНА майора Турлакова прикрывал Севское направление. На момент начала советского наступления подразделения Рейтенбаха и Турлакова находились в оперативном подчинении боевой группы «Z» штандартенфюрера СС А. Цехендера (8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер») и в ходе последующих боев действовали в районе Топоричный — Радование — Валдыш — Козловский[3].

2-й советский кавалерийский корпус и лыжные бригады, прорвавшиеся в тыл к немецким войскам, вскоре оказались в окружении. Конно-стрелковая группа генерала В.В. Крюкова начала отступление к Севску. В тяжелых сражениях у Вовны и Середины-Буды, хутора Михайловского и Знобь-Новгородской, Светово и Борисово, у Под-

[1] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 37.
[2] *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 152.
[3] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских лесов... С. 38.

лесных Новоселок и Марицкого хутора большая часть советских сил бала разгромлена немцами, венграми и коллаборационистами.

17 марта 1943 года началась оборона Севска. Советское командование ничем не могло помочь обороняющимся. Основная группировка была разгромлена под Комаричинами. 19 марта немецкие и венгерские части совместно с подразделениями РОНА проникли в город. В течение двух дней шли уличные бои за каждый дом. В ночь на 26 марта на город устремились немецкие огнеметные танки, выжигая все вокруг. За танками пошли самоходки и пехота. Оборона распалась на отдельные очаги в развалинах и подвалах разрушенных домов. К утру 27 марта Севск защищать было некому. Большая часть кавалеристов 2-го гвардейского квакорпуса и лыжников погибли. Немногие оставшиеся в живых заняли оборону по реке Сев.

Вокруг Севска бои продолжались до середины апреля, после чего оборона стабилизировалась. Только в ходе рейда и обороны города Севска погибли более 15 тысяч кавалеристов и лыжников.

Сразу после этих событий командующий 2-й танковой армии генерал-полковник Р. Шмидт направил Каминскому благодарственное письмо, отметив заслуги его подчиненных перед германской армией: «Благополучному исходу происходивших событий мы многим обязаны Вам и Вашей способной Народной Армии»[1].

В литературе иногда встречается указание на то, что 4-й полк РОНА майора Рейтенбаха в конце августа 1943 года был «выставлен для обеспечения общего отхода» и участвовал в обороне Севска в августе 1943 года. При взятии Севска частями Красной армии Рейтенбах был якобы привязан к танку, после чего его протащили по городу, пока он не умер[2].

Эта версия была впервые опубликована в книге бывшего сотрудника Абвергруппы-107 Свена Стеенберга (Штеенберга). Однако при анализе соответствующего отрывка не остается сомнений в том, что автор имеет в виду взятие Севска частями 2-го корпуса 1 марта 1943 года (несмотря на то, что Стеенберг ошибочно датирует эти события «осенью 1943 года»). Он буквально пишет, что «4-й полк

---

[1] *Ермолов И.Г.* История Локотского округа... С. 153.

[2] Там же. С. 155.

бригады Каминского должен был удерживать город Севск, чтобы обеспечить общее немецкое наступление»[1]. Разумеется, ни о каком немецком наступлении в конце лета — осенью 1943 года не могло идти и речи... Кроме того, Стеенберг не указывает фамилию командира полка. Как известно, в марте погиб его начальник штаба А.Н. Демин (не исключено, что при вышеуказанных трагических обстоятельствах). Самого Рейтенбаха в Севске тогда не было. Он находился вместе с 12-м батальоном своего полка в составе боевой группы штандартенфюрера СС А. Цехендера и, судя по всему, погиб в ходе мартовской операции германо-венгерских войск по окружению и уничтожению прорвавшейся в тыл конно-лыжной группы генерала Крюкова.

В апреле 1943 года советское наступление было остановлено, и немецкий фронт стабилизировался. Бригада Каминского получила небольшую передышку и возможность восстановить боеспособность своих частей. Была объявлена очередная (третья по счету) мобилизация местного населения. Призыву на военно-милицейскую службу подлежали граждане 1925—1926 годов рождения. Мобилизация прошла удачно, и численность соединения достигла 12 тысяч человек[2].

Параллельно с этим, по всей видимости, завершились мероприятия по сведению подразделений РОНА в 5 полков трехбатальонного состава:

1-й стрелковый полк: майор Галкин — 1-й, 2-й, 11-й батальоны (1300—1500 человек), место дислокации — поселок Пчела;

2-й стрелковый полк: майор Тарасов — 4-й, 6-й, 7-й батальоны (1300—1500 человек), место дислокации — поселок Бобрик;

3-й стрелковый полк: майор Турлаков — 3-й, 5-й, 15-й батальоны (1300—1500 человек), место дислокации — поселок Навля;

4-й стрелковый полк: майор Прошин — 10-й, 12-й и 14-й батальоны (500—600 человек). Вероятно, личный состав этого полка принимал самое активное участие в боях против советских кавалеристов и понес большие потери;

---

[1] *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 92.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 194.

5-й стрелковый полк: капитан Филаткин — 8-й, 9-й и 13-й батальоны (1300—1500 человек), место дислокации — Тарасовка — Холмечь[1].

Готовясь к операции «Цитадель», командование группы армий «Центр» решило провести серию специальных мероприятий по снижению партизанской активности в районах, куда прибывали танковые и моторизованные соединения вермахта. В мае 1943 года на территории Орловской области тыловые органы группы армий «Центр» при поддержке армейских объединений провели несколько операций[2]. В частности, части 47-го танкового корпуса (7-я пехотная, 10-я моторизованная, 292-я пехотная, 4-я и 18-я танковые, 442-я особого назначения дивизии) подготовили крупномасштабную операцию «Цыганский барон» (Zigeunerbaron) [3].

Немецкие части и соединения, предназначенные для проведения операции, были сконцентрированы в районе Выгоничи, Навля, Суземка, Трубчевск. Поскольку антипартизанские мероприятия должны были проходить в глухих лесах в междуречье Десны, Навли и Неруссы (южнее Брянска), германское командование решило использовать формирования из коллаборационистов. К операции были привлечены 4 полка РОНА (в этой операции не участвовали 1-й, 2-й и 11-й батальоны 1-го полка, а также 3-й батальон из 3-го полка), 709-й полк особого назначения, добровольческий полк «Десна», кавалерийская группа «Трубчевск», несколько батальонов вспомогательной полиции[4].

Общая численность группировки была около 40 тысяч человек, с воздуха она поддерживалась авиацией. Немцы рассчитывали нанесением одновременных ударов со стороны реки Навля, железной дороги Алтухово — Суземка и от реки Нерусса разрезать лесной массив на ряд изолированных участков, разобщить партизанские бригады, лишить их общего руководства и, оттеснив к Десне, уни-

---

[1] *Ермолов И.Г.* Локотская республика... С. 53—54; *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 35.

[2] *Хаупт В.* Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 232.

[3] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 110, л. 80; Д. 109, л. 99; Д. 12, л. 195.

[4] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 214.

чтожить. Предполагая, что часть партизан будет пытаться выйти из окружения, немцы заранее создали сильные заслоны на окраинах леса. Для блокирования партизан построили фортификационные сооружения по правому берегу Десны[1].

Перед началом операции командование 2-й танковой армии издало приказ (от 11 мая 1943 года) об эвакуации гражданского населения из зоны боев. В 1-м и 4-м пунктах приказа отмечалось: «Население деревень и населенных пунктов на подлежащей очищению вражеской территории должно быть полностью эвакуировано... Остальное население, подлежащее эвакуации, собирать в деревнях и в закрытых сборных транспортах направлять на восток в сборные лагеря по железной дороге Локоть — Брянск. Войска должны брать для этого требуемый конвой». Данный приказ косвенно указывает на то, что милиция не только должна была участвовать в боевых действиях, но и заниматься эвакуацией гражданского населения в безопасные районы, определенные по плану[2].

К 20 мая у народных мстителей иссякли боеприпасы и запасы продовольствия, пропала связь и управление отрядами. Положение спасало то, что ночью осажденным бригадам сбрасывали с самолетов продукты питания, патроны и взрывчатку.

21 мая немцы овладели железной дорогой Хутор Михайловский—Унеча. Партизан выдавили из леса. К 31 мая «народных мстителей» прижали к Десне. В этот критический момент командование бригад решило пробиваться на восток. 7 июня, с огромными потерями, партизаны вырвались из блокады. В спецсообщении 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР на имя комиссара госбезопасности 2-го ранга Б.З. Кобулова подробно говорилось о положении партизан во время операции «Цыганский барон»: «Все партизанские бригады сильно потрепаны, два комбрига и много командиров отрядов убиты, много партизан взято в плен противником. Часть партизан одной из бригад ушла в полицию. Положение крайне плохое, вооруженных людей в бригадах и отрядах уменьшилось, имеет место голод. Противник блокирует партизан. Для борьбы с партизанами

[1] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 72, л. 43—45.

[2] Цит. по: *Дунаев Ф.* Геноцид — в ранге государственной политики Германии / Книга Памяти... С. 137.

выведена в лес полицейская бригада начальника Локотского округа Каминского»[1].

В целом результаты, достигнутые в операции «Цыганский барон», оценивались германским командованием как положительные[2]. Партизаны были почти разгромлены. Из 6000 находившихся в этом районе народных мстителей 1584 были убиты, 1568 взяты в плен, 869 дезертировало. Было уничтожено 207 лагерей, 2930 землянок и огневых точек. Также было привлечено к суду более 2400 «бандитских пособников», захвачено 60 000 патронов, 5000 ручных гранат, десятки пулеметов, сотни единиц стрелкового оружия[3].

К слову сказать, о провальных действиях партизан в ходе операции «Цыганский барон» скоро стало известно самому Сталину. На его имя было подготовлено сообщение Центральным штабом партизанского движения (ЦШПД) (от 1 июня 1943 года). Отмечая очень тяжелое положение «народных мстителей», начальник ЦШПД П.К. Пономаренко во всех неудачах (и отчасти вполне заслуженно) обвинил командира брянских объединенных бригад Д.В. Емлютина, показавшего незнание тактики и оперативного искусства. В документе подчеркивалось:

«Командир Брянских отрядов Емлютин проявил в первые дни полную растерянность, потерял управление и связь с отрядами, устранился совершенно от организации сопротивления, решил о полной безнадежности положения и вследствие этого не считал необходимым и не настаивал на мерах помощи с нашей стороны. В отрядах и бригадах началась дезорганизация и переход на сторону противника. В этой обстановке на месте с санкции секретаря Орловского обкома ВКП(б) т. Матвеева было принято решение о назначении командиром групп и отрядов подполковника пограничных войск Горшкова при комиссаре Герое Советского Союза Бондаренко.

---

[1] Цит. по: «Огненная дуга»... С. 273.

[2] *Ньютон С.* «Пожарник» Гитлера — фельдмаршал Модель. М., 2007. С. 264.

[3] *Де Витт К., Молл В.* Указ. соч. С. 140; *Cooper M.* Nazi war against soviet partisans. New York, 1979. P. 153.

Тов. Горшков пользуется боевым авторитетом у всех командиров бригад Брянских лесов, ранее сыграл крупную роль в отражении немцев.

Со своей стороны такую меру, как целесообразную и явно одобряемую командирами бригад и отрядов, поддерживаем. Емлютин в настоящее время на самолете У-2 прибыл в Елец»[1].

Одновременно с операцией «Цыганский барон» с 21 по 30 мая немецкие войска, в первую очередь части 45-го армейского корпуса (5-я танковая, 6-я пехотная, часть 707-й охранной (747-й пехотный полк) дивизий, «Восточный штаб — 455»), провели операцию «Вольный стрелок» (Freischutz)[2]. Вместе с немцами в операции участвовали части бригады Каминского. 1-й и 2-й батальоны 1-го полка были приданы 6-й пехотной дивизии. 11-й батальон 1-го полка и 3-й батальон 3-го полка получили боевые задачи, связанные с завершением разгрома совместно с частями первого эшелона немецких войск бригадных партизанских резервов[3]. Кроме «каминцев» к операции «Вольный стрелок» также были привлечены 587-й и 791-й охранные батальоны, 807-й пехотный батальон, состоявший из азербайджанцев, и бронепоезд № 4[4].

Все основные приготовления к операции были завершены к 12 мая, когда немцы сосредоточились в указанных им районах. План операции предусматривал очищение от партизан лесов к северу и к северо-западу от Брянска — в районе Дятьково — Ивоть — Жуково. Командование 45-го корпуса намеревалось уничтожить «народных мстителей» концентрическим ударом в армейской полосе между Болховым и шоссе Брянск — Жуково, а затем окончательно разгромить их на открытой местности под Ветней[5].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 20, л. 71.

[2] *Хаупт В.* Указ. соч. С. 232.

[3] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS... P. 18.

[4] *Prag W., Jacobmeyer W.* Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939—1945. Stuttgart, 1975. S. 128.

[5] *Ковтун И.* Партизаны Брянщины: мифы и правда / «Эхо войны». 2007. № 1. С. 24.

21 мая, после скрытого развертывания, немцы перешли в наступление. Действия наземных войск поддерживались авиацией, которая только в первые два дня совершила более 100 самолето-вылетов.

Оценив силы противника, партизаны решили не вступать с ним в позиционную борьбу. Они рассредоточились на отдельные отряды. Но к исходу третьего дня операции партизанские соединения были окружены. Разведка народных мстителей все настойчивей искала слабые места в боевых порядках немцев и коллаборационистов — с одной целью: определения направления прорыва. Таковым явился участок, занимаемый бойцами из восточных батальонов. В ночь с 25 на 26 мая партизаны, сосредоточившись на главном направлении, с тяжелыми потерями вырвались из окружения и отступили на север[1].

Но немецкое командование, решив, что вырвалась лишь незначительная часть партизан, отдало приказ о продолжении операции. 28 мая немецкая группировка, а также милицейские части сосредоточились в «партизанском крае». В этом районе во время проведения зачисток было обнаружено 30 отдельных лагерей, около 300 жилых землянок, 100 блиндажей, 200 подготовленных огневых точек, связанных ходами сообщения[2].

Боевые действия против народных мстителей продолжились. В ходе боев немцам и милиции поддержку с воздуха оказывали два звена бомбардировщиков и истребителей. Партизаны в очередной раз понесли тяжелые потери, но до конца разбиты не были. По данным германского командования, в целом позитивно оценивавшего итоги операции, потери «лесных бандитов» характеризовались следующими цифрами: 1459 убитых, 420 пленных, 6 дезертировавших. Из зоны боев было эвакуировано 2392 человека[3].

В то же время в рамках операции «Вольный стрелок» проводилась специальная акция по «умиротворению» (Befriedungsaktion). Жертвами акции стали 1419 человек из числа сочувствовавшего «лесным бандитам» гражданского населения, 13 деревень было сожжено,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 8, л. 273-274.

[2] *Klink E.* Das Gesetz Handelns. Die Operation «Zitadelle». 1943. Stuttgart, 1966. S. 135.

[3] *Армстронг Д.* Партизанская война... С. 137.

317 жилых домов разрушено. Западногерманские исследователи В. Прег и В. Якобмейер косвенно указывают на то, что в карательных мероприятиях помимо военнослужащих вермахта участвовали и бойцы из батальонов Каминского. Однако данные подобного рода нуждаются в документальном подтверждении, чего на сегодняшний день пока не сделано[1].

По некоторым сведениям, люди Каминского привлекались еще к трем операциям — «Помощь соседу» (Nachbarhilfe), «Еловый дом» (Tannenhauser) и «Восток» (Osterei) [2].

Операция «Цитадель» завершилась для вермахта и войск СС провалом. Попытка срезать Курский выступ не увенчалась успехом, и теперь германской армии ничего не оставалось, как перейти к оборонительным действиям и начать постепенный вывод войск из-под ударов РККА. Дни Локотского окружного самоуправления были на исходе. Но РОНА не думала складывать оружие. 3-й и 5-й стрелковые полки бригады, усиленные вспомогательной полицией, в июле 1943 года в районе Дмитровск-Орловского отражали атаки частей Красной армии. Потери в бригаде Каминского значительно возросли, поскольку его люди столкнулись не с формированиями народных мстителей, которых они в основном успешно громили, а с регулярными частями, уже имевшими боевой опыт[3].

Вместе с этим 5 августа 1943 года Каминский издал приказ № 233 об эвакуации военных и гражданских структур Локотского округа, а также местного населения, которое «не желает жить в большевистском аду», в Белоруссию. Ценой огромных усилий эта задача была выполнена, и 26 августа 1943 года части РОНА (до 7000 человек) с техникой, гражданская администрация, члены их семей, а также антисоветски настроенное мирное население (около 30 тысяч человек) были погружены и по железной дороге эвакуированы в район белорусского города Лепель[4].

---

[1] *Prag W., Jacobmeyer W.* Op.cit. S. 128.

[2] *Залесский К.А.* Хозяин Брянских Лесов (Бронислав Каминский) / Командиры национальных формирований СС. М., 2007. С. 36.

[3] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 38.

[4] *Грибков И.В.* Локотская «республика» / Под оккупацией в 1941—1944 годах. Статьи и воспоминания. М., 2004. С. 82. А. Даллин пишет об эвакуации

Люди Каминского оказались в одном из самых неблагополучных и неспокойных районов оккупированной Белоруссии. Здесь активно действовали десятки партизанских соединений, парализовавших в течение августа — сентября 1943 года («Рельсовая война») тыловые коммуникации 3-й танковой армии (генерал-полковника Ганса Рейнгардта) на подступах к Витебску и Орше. Командование группы армий «Центр» приняло решение об использовании бригады Каминского в специальной операции «Хуберт» (Hubertus) [1].

В Лепеле соединение Каминского изменило свое название и стало именоваться народно-армейской бригадой «Каминский» (Volksheer-Brigade Kaminski) [2].

Перед началом операции «Хуберт» части соединения располагались в следующих пунктах:

1-й стрелковый полк (командир майор Галкин) располагался от Лепеля до Бочейково в опорных пунктах;

2-й стрелковый полк (командир майор Голяков) расположился в Сенно;

3-й стрелковый полк (командир майор Турлаков) расположился в Бешенковичах и в опорном пункте Бочейково;

4-й стрелковый полк (командир майор Прошин) прикрывал Лепель с севера и юго-запада;

отдельный гвардейский батальон (командир лейтенант Шургин) располагался в Лепеле;

бронедивизион (командир лейтенант Самсонов) находился в Лепеле;

зенитный дивизион (старший лейтенант Плохин), место дислокации — Лепель[3].

Операция «Хуберт» проводилась с целью очистки коммуникаций 3-й танковой армии на линии Сенно — Чашники и началась 16 октября. Части Каминского действовали достаточно успешно: после нескольких дней боев они уничтожили 562 партизана, а 35 взяли в

---

6 тыс. военнослужащих РОНА и 25 тыс. гражданских лиц. См.: *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 260.

[1] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 40.

[2] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 38.

[3] Бригада РОНА / Антипартизанская война... С. 153.

плен. Потери бригады составили 34 человека убитыми, 61 ранеными, 38 пропали без вести. Во время боевых действий было захвачено 2 пистолета-пулемета (МР-40), 13 ручных пулемета, 5 противотанковых ружей, 4 самозарядные винтовки, 1 миномет, 139 винтовок, 3 револьвера, уничтожены 2 танка (1 Т-26 и 1 БТ-7), но при этом потеряно 2 ручных пулемета, 4 миномета, 6 пистолетов-пулеметов, 1 орудие, 1 Т-34 и 1 БТ-7[1].

Необходимо отметить, что бригада Каминского в период лета — осени 1943 года столкнулась с дезертирством, или переходом целых подразделений на сторону партизан. Например, в период августа — сентября 1943 года к партизанам перешли 500 бойцов, из которых 350 сбежали по дороге в Белоруссию. 15 сентября была осуществлена еще одна попытка дезертирства: к «лесным бандитам» ушла в полном составе рота под командованием капитана Проваторова вместе с 15 лошадьми, 12 повозками, минометом, 3 пулеметами, 10 автоматами и 60 винтовками. Готовился к переходу и майор Тарасов, командир 2-го стрелкового полка. Но переход не состоялся — неожиданно в штабе полка появился Каминский, и большинство офицеров, ранее поддерживавших Тарасова, быстро от него отвернулись. В результате Тарасов и еще 8 человек из числа «активных разложенцев» были казнены. Впрочем, в сентябре 1943 года отмечается еще по крайней мере два случая дезертирства: в ночь с 16 на 17 сентября «к партизанам перешло 27 бойцов, возглавляемых капитаном Малаховым», и еще 126 человек из разных «батальонов 2-го полка, а 25 сентября из бригады дезертировало 30 танкистов»[2].

11 октября 1943 года начальник ЦШПД П.К. Пономаренко докладывал Сталину: «Из бригады Каминского... продолжается дезертирство и случаи перехода на сторону партизан. По данным на 4.10 база продовольственного снабжения Лепельской зоны отпускает Каминскому продукты только на 3665 человек. Вероятно, это все, что осталось от его бригады, насчитывавшей в августе 12 тысяч человек»[3].

---

[1] Там же. С. 154—155.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 199—200.

[3] Цит. по: *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2003. С. 181—182.

Однако путем установления жесткой дисциплины и выявления лиц, разлагающих бригаду, Каминский навел в своем соединении порядок. В октябре — ноябре 1943 года численность бригады вновь стала увеличиваться за счет белорусских полицейских. К 25 ноября 1943 года в РОНА было по-прежнему пять полков (при штатной численности полка 1260 человек) и гвардейский батальон. На вооружении находилось 12 танков (один КВ, восемь Т-34, три БТ-7), три бронемашины (БА-10), три танкетки, одна 122-мм гаубица, три 76-мм и восемь 45-мм орудий, 8—10 батальонных минометов, 15 станковых и 50—60 ручных пулеметов[1]. Тяжелый кризис, поразивший бригаду с момента оставления Локтя, был постепенно преодолен.

В ноябре 1943 года, после многих болезненных потрясений, Каминский решился на реорганизацию НСПР. Теперь она получила название Национально-социалистической трудовой партии России (НСТПР). Активно включились в работу бывшие сотрудники Локотской администрации, войдя в состав Лепельского окружного управления. Но на первый план, несмотря на все заботы гражданского строительства, все же вышла борьба с партизанами[2]. То есть военный фактор в разносторонней деятельности Каминского и его соратников стал основным и доминирующим.

Надо, однако, сказать, что, став обер-бургомистром Лепельского округа, Каминский вел активную идеологическую работу. Так, уже 12 сентября 1943 года в зале Лепельского театра состоялось собрание молодежи, организованное пропагандистами РОНА. Выступали офицеры РОНА и гражданские пропагандисты. Тематика докладов заключалась в разъяснении сути «русского освободительного движения». К местным жителям был обращен призыв вступать в ряды «народоармейцев». Один из выступавших тогда отметил: «Цель нашей жизни — на обломках большевизма создать Великую новую Россию»[3].

---

[1] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ. С. 200.

[2] *Грибков И.В.* Хозяин Брянских Лесов... С. 40.

[3] Цит. по: *Гребень Е.* Русская национальная идея как элемент режима террора коллаборационных властей / Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции (Псков, 10—11 декабря 2009 года). М., 2010. С. 95.

Активно действовал при РОНА Союз русской молодежи (СРМ). 15 января 1944 года в газете «Голос народа» была опубликована статья «Молодежь на великом переломе», в которой отмечалось: «Сейчас, когда "Китайская стена", созданная большевиками, рухнула, и мы получили возможность ознакомиться с другими учениями... способными воссоздать наше величие и на основе этого поставить на мировые вершины нашу Родину, когда у нас есть возможность сплотиться вокруг Национал-социалистической Трудовой партии России и Союза российской молодежи, мы должны сделать это».

В том же номере раскрывались цели и задачи СРМ: 1) воспитание у молодого поколения чувства любви к родине, к своему народу; 2) всемерная помощь и активное участие в борьбе за свержение большевизма и установление нового строя в России; 3) разоблачение учения Маркса как вредного и антинародного, выгодного только еврейству, не имеющему родины; 4) привитие любви ко всякому труду, направленному на благо государства и нации, помня, что труд — источник собственности, трудовая собственность — залог свободы; 5) воспитание высоких моральных и нравственных качеств, честности и солидарности[1].

Следует признать несостоятельным мнение белорусского исследователя Е. Гребня о том, что деятельность РОНА в пропагандистском направлении оказалась нулевой. Каминскому в короткие сроки удалось наладить жизнь в Лепельском округе, пополнить ряды своих боевых формирований, провести реорганизацию партии — это явное свидетельство успехов бывшего руководителя ЛАО. Утверждения Гребня о пропаганде РОНА идей великодержавного русского шовинизма, адресованной исключительно белорусскому населению, вызывают только удивление. Хорошо известно, например, что в восточной части Белоруссии (в той же Витебской области, где находился Лепель) проживало немалое количество русских и русскоязычных граждан, там же было немало бывших красноармейцев, попавших в плен летом 1941 года и пошедших на сотрудничество с немецкими властями. К тому же Белоруссия в том виде, о котором ведет речь Гребень, на тот момент не существовала. И поэтому использование

[1] Там же.

пропагандистами РОНА (а также немецкими органами пропаганды) соответствующей «великодержавной» риторики было вполне логичным и закономерным шагом, отвечавшим конкретной сложившейся ситуации.

Размещенные по опорным пунктам вокруг нескольких городов и поселков, части РОНА были привлечены к несению охранной службы. В третьей декаде октября 1943 года им пришлось отражать нападение партизанских бригад на Лепель и Чашники[1]. Это нападение было частью масштабной операции («Лепельская наступательная операция»), разработанной в Белорусском штабе партизанского движения (БШПД) (приказ № 0054 «О разгроме противника и захвате г. Лепель» пописал 5 октября 1943 года начальник ЦШПД П.К. Пономаренко). Цель операции заключалось в том, чтобы полностью уничтожить гарнизон Лепеля. Город являлся стратегическим центром и был узлом шоссейных дорог Витебск — Лепель — Минск, ст. Ловша — Лепель — Борисов, Лепель — Орша, важнейшим опорным пунктом по охране коммуникаций 3-й танковой армии вермахта. В случае его разгрома образовывался бы обширный «партизанский край» из нескольких районов трех областей Белоруссии: Витебской, Вилейской и Минской. Это, естественно, осложнило бы и без того нелегкое положение 3-й танковой армии, чьи тыловые службы никак не могли справиться с постоянными ударами партизан.

Кроме того, в случае удачного исхода операции у народных мстителей могли оказаться на руках весомые политические аргументы: белорусские партизаны уничтожили РОНА. Это могло бы негативно повлиять на психологическое состояние личного состава некоторых других дислоцированных здесь частей и подразделений «восточных войск» и привести к их разложению.

В проведении Лепельской операции были задействованы силы более 20 бригад народных мстителей. Общее руководство операцией было возложено на командира чашникского партизанского соединения «Дубова», Героя Советского Союза, генерал-майора Ф.Ф. Дубровского. Согласно приказу № 1, удар по Лепельскому гарнизону должны были нанести бригады Лепельская им. И.В. Сталина (обя-

[1] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 201.

занности комбрига во время операции выполнял начальник штаба Д.Т. Короленко), «Дубова», Сенненская партизанская бригада (комбриг В.С. Леонов), им. В.И. Чапаева (комбриг В.В. Мельников) и соединение им. П.К. Пономаренко (комбриг Н.В. Уткин). Главными объектами, которые нужно было уничтожить, являлись: железнодорожная станция, сельхозкомендатура, МТС, завод строительных материалов, военный городок, склады боеприпасов и казармы.

По данным партизанской разведки, в Лепеле располагались 1-й и 4-й полки Каминского, отдельный гвардейский батальон РОНА, пехотный полк вермахта, танковый батальон, две артиллерийские и одна минометная батарея. Город был окружен густой сетью ДОТов, проволочных заграждений. Все каменные здания были оборудованы для ведения обороны. На наиболее важных направлениях были созданы минные поля.

Кроме полного уничтожения Лепельского гарнизона операция предполагала нанесение ударов по районному центру Чашники, а также населенным пунктам Камень и Бочейково. Задача по разгрому и овладению райцентром Чашники была поставлена перед Смоленским партизанским полком И.Ф. Садчикова, 1-й Витебской, 1-й им. К.С. Заслонова и Лиозненской партизанскими бригадами. Разгром гарнизонов в населенных пунктах Камень и Бочейково возлагалось на партизанские бригады «За Советскую Белоруссию», «Алексея», 2-ю им. К.С. Заслонова. Прикрытие флангов ударной группы бригад, особенно тех, которые наступали на Лепель, было возложено на соединения П.М Романова (дорога Бешенковичи — Лепель) и Л.И. Селицкого (блокирование дороги Сенно — Чашники).

Партизанская операция началась в ночь с 19 на 20 октября 1943 года. Соединения народных мстителей сосредоточились южнее Лепеля и после сигнала ракеты пошли на штурм. Не встретив сопротивления в деревне Забоенье, где стояли посты вспомогательной полиции, штурмовые группы партизан приблизились к южному оборонительному кольцу Лепеля. После этого завязались бои на южных окраинах города. К утру несколько кварталов, расположенных на юге Лепеля, были в руках народных мстителей. Однако с рассветом в город прибыло подкрепление (немецкие танки, бронедивизион РОНА). И партизаны, не имея огневой поддержки, отступили в ис-

ходный район — деревни Свяда и Свядица. Результаты нападения на Лепель оказались скромными: убито (если верить партизанским документам) 39 солдат и офицеров вермахта, ранено 15 и взято в плен 16 полицейских и «каминцев».

В ту же ночь партизаны штурмовали военный городок Лепеля, где находилась продуктовая база, бензохранилище, склады боеприпасов. Городок был окружен ДЗОТами и проволочными заграждениями в четыре ряда. В ночном бою партизаны, по данным советской стороны, убили 146 человек, захватили 18 пленных, сожгли 9 автомашин, 3 трактора, уничтожили хлебозавод. В качестве трофеев они взяли 4 пулемета, 31 винтовку, 1 миномет, 2 мотоцикла. Однако уничтожить военный городок «лесные солдаты» не смогли, и во время атак оборонительной линии, состоявшей из ДЗОТов, они понесли большие потери от пулеметного и минометного огня.

Одновременно со штурмом Лепеля развернулись бои за райцентр Чашники. Здесь оборону держали около 500 военнослужащих вермахта и 3-й полк бригады РОНА. Штурм партизаны начали ровно в 2.00 20 октября 1943 года. Поначалу удача сопутствовала «народным мстителям»: они прорвались к городу, захватили его юго-восточную часть, подавили несколько огневых точек противника. Однако утром ситуация изменилась. Во-первых, из Сенно подошло подкрепление, а во-вторых, немцы и «каминцы» постепенно вытеснили партизан из Чашников, вернули ранее оставленные позиции и в течение следующих суток (!) отражали яростные атаки «лесных солдат». 21 октября в 15.00 Ф.Ф. Дубровский отдал приказ о выходе партизанских отрядов из боя. Еще дважды, 23 и 24 октября, народные мстители пытались взять Чашники, но, встретив организованное сопротивление, были вынуждены отойти.

Таким образом, «Лепельская наступательная операция» белорусских партизан завершилась неудачей, чему немало поспособствовали действия бойцов соединения Каминского.

В декабре 1943 года бригада РОНА была задействована в крупной операции по очищению от партизан тылов 3-й танковой армии. В итоговой разведсводке ЦШПД за декабрь 1943 года (от 14 января 1944 года) отмечалось:

«В конце ноября командующим 3-й танковой армией генерал-полковником Рейнгардтом был издан приказ об очищении от партизан местности, прилегающей к грунтовым дорогам Лепель — Ушачи — Полоцк, Лепель — Пышно — Докшицы, Лепель — Бегомль.

Выполняя этот приказ, в период с 9 по 28 декабря противник силою до 15 000 солдат и офицеров, поддержанных танками, артиллерией и авиацией, вел активные бои с партизанами. С 10 по 13 декабря немецкие части и до двух полков бригады Каминского при поддержке 70 танков и 21 самолета овладели Березино и дорогой Березино — Докшицы»[1].

За успешные действия в борьбе с «лесными бандитами» Каминский к январю 1944 года получил несколько медалей для «восточных народов», а 27 января его наградили Железным крестом 2-го класса[2]. Все эти события происходили в тот момент, когда РОНА почти не выходила из боев с партизанами. Так, с 18 по 25 января 3 полка бригады, войдя в состав боевой группы «фон Готтберг» (Kampfgruppe «von Gottberg» — высшего фюрера СС и полиции Центральной России и Белоруссии), принимали участие в боях в районе Докшиц, где по-прежнему действовали партизанские соединения. Вместе с РОНА в боевых действиях в этом районе вели части 20-го мотопехотного полка 60-й мотопехотной дивизии, 185-й и 187-й пехотные полки 8-й пехотной дивизии, 31-й полк германской полиции порядка, 720-й запасной полк, 743-й и 858-й восточные батальоны, 314-й и 513-й запасные пехотные батальоны[3]. Партизаны понесли тяжелые потери, хотя им удалось избежать разгрома.

После этой операции бригада Каминского прочно занимает место среди частей и соединений полиции и войск СС, подчинявшихся генеральному комиссару Белоруссии, группенфюреру СС и генерал-лейтенанту полиции Курту фон Готтбергу[4]. Даже после 15 февраля

---

[1] Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг: Документы и материалы. М., 1999. Т. 20 (9). С. 436.

[2] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 40. Помимо этого, Б.В. Каминский носил знак за ранение, а также знак за борьбу с партизанами.

[3] *Campbell St.* Police Battalions of the Third Reich. Atglen, PA. 2007. P. 53.

[4] *Семенов К.К.* Войска СС. Солдаты, как все. М., 2004. С. 174.

1944 года, когда бригада и гражданские беженцы были переведены в Западную Белоруссию в район Дятлово[1], бойцы Каминского находились в непосредственном подчинении у Готтберга, который сосредоточил в своих руках сразу несколько высших полицейских и гражданских должностей и имел фактически диктаторские полномочия[2].

Начиная с весны 1944 года немецкие оккупационные органы Белоруссии решили провести серию масштабных операций по уничтожению партизан. В первую очередь, было решено ликвидировать народных мстителей, действовавших в т.н. Полоцко-Лепельской, Полоцко-Ушачской, Сенно-Оршанской и Борисовско-Бегомльской зонах. С этой целью вокруг «партизанских краев» стали концентрироваться немецкие полевые войска, части СС и полиции, различные коллаборационистские формирования.

Основные усилия были направлены на то, чтобы разгромить партизан в районе между Лепелем и Минском и полностью очистить от них тыл группы армий «Центр». Для этого были стянуты 12 полков СС и полиции, части 6-й авиаполевой, 252-й, 95-й, 56-й и 195-й пехотных, 211-й охранной и запасной дивизий. К операциям подключили полки (1-й, 3-й и 5-й) РОНА, батальоны Белорусской Краевой Обороны (БКА), казачьи сотни, части белорусской и украинской полиции. В общей сложности в боевых действиях против партизан должно было участвовать 60 тыс. солдат и офицеров, 137 танков, 236 орудий, 70 самолетов, 2 бронепоезда. Руководили антипартизанскими мероприятиями генеральный комиссар Белоруссии К. фон Готтберг и командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Г. Рейнгардт[3].

К 10 апреля 1944 года Полоцко-Лепельская зона была блокирована. 11 апреля была дана команда о начале сразу двух операций — «Моросящий дождь» (Regenschauer) и «Ливень» (Regenfass) [4]. За-

---

[1] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 204.

[2] *Романько О.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 129.

[3] *Лобанок В.Е.* В боях за Родину. М., 1964. С. 323; *Тимохович И.В.* Битва за Белоруссию. 1941—1944. Минск, 1994. С. 134. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 257, 283.

[4] Бригада РОНА / Антипартизанская война... С. 155.

дачи этих операций, вопреки мнению советских историков, были в основном выполнены, что и позволило фон Готтбергу приступить к реализации более крупной операции — «Весенний праздник» (Fruhlingsfest). Партизаны в боях с полицией и войсками СС понесли настолько тяжелые потери, что через три недели боевых действий десятки отрядов и несколько бригад были обескровлены. При этом полки Каминского проявили себя с самой лучшей стороны: они действовали гораздо эффективнее, чем некоторые полевые части СС[1].

Несмотря на то что партизанам удалось все-таки вырваться из блокады, основная цель операций — обеспечение безопасности в тыловых районах группы армий «Центр» — была достигнута[2]. По данным штаба 3-й немецкой танковой армии, только в период с 11 апреля по 15 мая 1944 года потери партизан составили 14 288 человек убитыми и пленными[3]. В боях с немецкой экспедицией погибли командиры партизанских бригад — секретарь Бешенковичского подпольного райкома партии, Герой Советского Союза П.М. Романов (бригада «За Советскую Белоруссию»), Герой Советского Союза А.Ф. Данукалов (бригада «Алексея»), Д.Т. Короленко, комиссары бригад И.Ф. Кореневский, В.С. Свирид и Г.Г. Жижов, командир отряда С.А. Пацей[4]. Внесла свою лепту в это дело и бригада Каминского. Именно бойцы РОНА разгромили 1-ю Антифашистскую бригаду (бывшая 1-я русская национальная бригада СС «Дружина»). За успешные действия своих бойцов командир русского соединения был награжден Железным крестом 1-го класса[5].

Вслед за операцией «Весенний праздник» бригаду Каминского привлекли к еще одной, последней для бойцов РОНА, акции — «Баклан» (Kormoran). Цель данной операции заключалась в том, чтобы очистить от мстителей район севернее железнодорожной линии

---

[1] Там же. С. 157.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 205.

[3] *Соколов Б.В.* Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939—1945 гг. М., 2008. С. 125—126.

[4] *Иоффе Э.* Прорыв сквозь «Ливень» / «Белорусская нива» (Минск), 2007. 28 июня. С. 3.

[5] *Залесский К.* СС. Охранные отряды НСДАП. Энциклопедия. М., 2004. С. 269.

Минск — Борисов. Боевые действия начались 22 мая наступлением частей 3-й танковой армии на Сенно. Соединение Каминского было направлено на наиболее трудные участки. К началу июня в окружении оказалась 21 партизанская бригада: 4 из Полоцко-Ушачской зоны, 7 из Сенно-Оршанской зоны и 10 из Борисовско-Бегомльской зоны — всего около 22 тыс. бойцов и командиров. Партизанам пришлось прорываться из окружения небольшими группами[1].

В результате проведенной операции удалось полностью очистить от партизан прифронтовую полосу от Полоцка до Орши. Потери народных мстителей составили: 4911 убитыми, 354 пленными. Захвачено: 5 минометов, 62 пулемета, 14 ПТР, 56 пистолетов-пулеметов, 639 винтовок, 13 пистолетов, большое количество снаряжения, боеприпасов, продовольствия, домашней скотины, было уничтожено 457 лагерей[2]. Люди Каминского вновь были отмечены в лучшую сторону.

Бойцы из соединения Каминского на протяжении двух лет вели ожесточенную борьбу с брянскими и белорусскими партизанами. При этом бригадные части в основном действовали против народных мстителей достаточно эффективно, что не раз отмечалось германским командованием, которое использовало соединение в крупных операциях. В связи с переброской РОНА в Белоруссию в бригаде произошел спад боеспособности, а ее части оказались подвержены разложению со стороны партизан. Несмотря на дезертирство и плохое состояние дисциплины, к ноябрю 1943 года положение в бригаде улучшилось, а в январе 1944 года соединение вышло на прежний уровень. Участие в таких антипартизанских операциях, как «Ливень», «Весенний праздник» и «Баклан», еще раз подтвердило, что РОНА являлась серьезным противником для народных мстителей[3]. Во многом благодаря этому летом 1944 года РОНА была включена в состав войск СС: 17 июня 1944 года она стала штурмовой бригадой Войск-СС «РОНА» (номер полевой почты 45155) [4].

---

[1] Бригада РОНА / Антипартизанская война... С. 158.

[2] Там же. С. 159.

[3] *Грибков И.* Боевое применение 29-й дивизии СС / «Эхо войны». 2008. № 2. С. 12.

[4] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS… P. 38.

30 июля 1944 года Каминский и Шавыкин прибыли в Растенбург для встречи с Гиммлером. 31 июля комбригу было присвоено звание ваффен-бригадефюрера. Руководитель «Черного ордена» поблагодарил Каминского за успешные действия бригады и лично наградил его Железным крестом 1-й степени[1]. 2 августа Бах-Зелевски записал в своем дневнике: «Позавчера я говорил с рейхсфюрером СС и встретил Гудериана. Здесь также присутствовал Каминский, командир Русского добровольческого корпуса»[2].

1 августа 1944 года Главное оперативное управление СС выпустило приказ о развертывании РОНА в 29-ю ваффен-гренадерскую дивизию СС / русскую № 1 / (29. Waffen-Grenadier-Division der SS / Russische Nr. 1/). Намечалось формирование 72-го (на основе 1-го стрелкового полка), 73-го (на основе 2-го и 3-го стрелковых полков) и 74-го (на основе 4-го и 5-го стрелковых полков) ваффен-гренадерских полков, 29-го полка снабжения, фузилерного, инженерного и запасного батальонов, противотанкового дивизиона, батальона связи, дивизиона зенитной артиллерии, санитарной и ветеринарной рот. Артиллерийский полк бригады переформировывался в 29-й ваффен-артиллерийский полк (по реальным штатам — дивизион). Части гвардейского батальона распределялись по полкам и частям новой дивизии. Соединение имело на вооружении около 20 орудий, 30 минометов, более 100 пулеметов[3].

Во время личной беседы Гиммлер обещал Каминскому вывести его соединение на переформирование в учебный войсковой лагерь в Нойхаммере, а беженцев (приблизительно 10 500 человек), как только будут созданы условия, — эвакуировать в Венгрию.

В августе 1944 года в Варшаве разгорелось восстание. Командующий Армией Крайовой (АК) Тадеуш Комаровский (кличка «Бур») отдал своим частям в столице (около 40 тысяч человек) приказ о на-

---

[1] *Семенов К.* Судьба европейца / «Доброволец». 2005. № 1 (5). С. 10.

[2] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS… P. 40.

[3] Боевое расписание 29-й ваффен-гренадерской дивизии СС / «Эхо войны». 2007. № 1. С. 32; *Грибков И.* Боевое применение 29-й дивизии СС / «Эхо войны». 2008. № 2. С. 13.

чале открытой вооруженной борьбы против немецкого гарнизона города[1].

На вспыхнувшее в Варшаве восстание сразу отреагировало оперативное управление германского Генштаба, подготовившее аналитический доклад о положении в городе. Начальник Генштаба, генерал-полковник Г. Гудериан, обратился лично к Гитлеру с предложением объявить Варшаву частью оперативной зоны 9-й армии вермахта и ввести в нее войска, но фюрер, после недавнего покушения на него, организованного высшими армейскими офицерами, отклонил предложение Гудериана и возложил задачу по подавлению восстания на СС. При этом вермахт должен был согласовывать все свои действия с СС и оказывать людям Гиммлера всю помощь, какая им потребуется.

Рейхсфюрер СС доверил командование операцией по уничтожению восставших обергруппенфюреру СС Эриху фон дем Баху, специалисту по борьбе с бандами. Шеф СС дал ему подробные инструкции. 2 августа 1944 года фон дем Бах выехал в Варшаву. К 6 августа в город вошла почти половина войск (7496 человек), выделенных для подавления восстания. Постепенно определился состав группировки сил и средств «фон дем Бах», а также ее численность — 16 тысяч 696 человек.

О том, что военнослужащие РОНА привлечены к подавлению Варшавского восстания, Каминский узнал, находясь в Берлине. Он, как пишет историк К. Семенов, получил телеграмму Гиммлера следующего содержания: «Жду Вашей помощи в этом деле»[2].

По прибытии в соединение Каминский собрал совещание, в котором приняли участие начальник штаба дивизии И.Н. Шавыкин, начальник разведки Б.А. Костенко, адъютант комдива Р.К. Белай, начальник военно-следственного отдела Г.С. Процюк, командиры 1-го, 2-го и 5-го полков И.Ф. Фролов, Голяков и Романов, командир отдельного гвардейского батальона Бурыгин. Каминский сообщил, что соединение переименовано в дивизию немецких войск СС и ей присвоен № 29; ему присвоили звание генерала-майора и приказали направить часть дивизии в Варшаву. Каждый командир пол-

[1] *Гарматный В.П.* Трагедия и героизм варшавских повстанцев / «Военно-исторический журнал». 2009. № 1. С. 37.

[2] *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004. С. 175.

ка должен выделить по 400 человек («по батальону надежных людей»). Предстояло сформировать сводный полк под командованием ваффен-оберштурмбаннфюрера СС И.Д. Фролова (начальник штаба ваффен-гауптштурмфюрер СС Ночевкин) и приготовиться к переброске в бывшую польскую столицу[1].

Сводный полк формировался как из семейных, так и неженатых военнослужащих, и состоял из четырех стрелковых батальонов, четырех танков Т-34, Су-76 и двух 122-мм гаубиц. Численность полка, по немецким документам, составляла 1700 человек, по показаниям офицеров дивизии И.Д. Фролова и П.Р. Майорова — от 1500 до 1600 человек[2].

Ранним утром 3 августа личный состав погрузился на автомашины и выдвинулся в назначенный район. 8 августа полк прибыл в населенный пункт Раков, находившийся в четырех километрах юго-западнее Варшавы. На следующий день в часть прибыл Каминский с приказом от германского командования о наступлении[3].

Полк Фролова включили в состав боевой группы группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС и полиции Хайнца Рейнефарта — именно ему фон дем Бах поручил подавить восстание. Боевая группа «Рейнефарт» делилась на несколько оперативных формирований, проводивших зачистку Варшавы, — это были боевые группы «Рек», «Рор», «Дирлевангер», «Шмидт», группа прикрытия «Сарнов» и др. Каждой группе был определен участок, делившийся на сектора.

9 августа подчиненные Фролова и Ночевкина вошли в состав боевой группы генерал-майора Гюнтера Рора. Части последнего действовали на участке «Юг», сектор «D». Кроме «каминцев» в составе группы «Рор» (общая численность 6161 человек, согласно данным Р. Михаэлиса — 12 700 человек[4]) находились 627-й инженерный батальон, саперная рота № 500, 80-й зенитный полк, III дивизион артиллерийского полка 5-й танковой дивизии СС «Викинг», подраз-

---

[1] Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб. Варшава—Москва. 2007. С. 600—602, 630, 662.

[2] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 266; Варшавское восстание... С. 602, 646.

[3] Варшавское восстание… С. 70, 632, 1074.

[4] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS… P. 46.

деления охранной полиции полковника В. Родевальда и команда СД «Биркнет». Соединению была поставлена задача зачищать от повстанцев кварталы в районах Воля, Охота, Океце и Мокотов[1].

«Каминцы» вели бои против повстанцев, закрепившихся в районе Охота. Огневые точки поляков подавлялись с помощью артиллерии. Участники тех боев вспоминали, как Фролов лично вел огонь из 122-мм гаубицы по домам, откуда бойцы АК оказывали сопротивление.

Бои за жилые кварталы отличались большой жестокостью, обе стороны не брали пленных. Уже в первый день, когда велось наступление из Ракова на Охоту, «каминцам» пришлось перейти к обороне, поскольку потери от огня повстанцев были чувствительными (50 человек убитыми и ранеными). Но, освоившись, солдаты РОНА начали теснить поляков, зачищая улицу за улицей[2].

11 августа «каминцы» пытались овладеть фабрикой в пригороде Варшавы. Через какое-то время в штаб полка прибыл один из командиров батальонов и доложил Фролову, что взять фабрику силой пехоты невозможно. Фролов доложил об этом Каминскому. Тогда Каминский лично взял управление боем на себя. 12 августа, после двухчасового боя, фабрика была взята. Полк потерял около 70 человек. За этот бой Каминский и Шавыкин были представлены германским командованием к наградам, которые получили 18 августа.

16 августа солдаты РОНА продолжали вести бои на улицах. Зачистив несколько кварталов, штурмовые группы остановились. Три немецких танка, поддерживавшие огнем эсэсовцев, были сожжены. В этом бою «каминцы» потеряли еще 40 человек убитыми и ранеными. В последующем полк терял ежедневно от 5 до 20 человек[3].

К 19 августа район Охота был более чем наполовину очищен от повстанцев, но «каминцы» за 10 дней не смогли выполнить поставленную задачу до конца — выйти на своем участке к реке Висла. Приняв предложение Каминского, немецкое командование решило сменить полк. Фролов получил приказ выдвинуться в район, находя-

---

[1] *Hanns von Krankhals.* Der Warschauer Aufstand. Frankfurt / Main, 1964. S. 381.

[2] Варшавское восстание… С. 662—664.

[3] Варшавское восстание… С. 664.

щийся в 25—30 км северо-западнее Варшавы, и прочесать леса, где активизировались польские партизаны.

Вывод полка из Варшавы историки иногда объясняют тем, что среди «каминцев» серьезно упала дисциплина, они убили нескольких немцев и грабили население. Некоторые факты такого рода действительно имели место. Но следует помнить, что карт-бланш на мародерские действия дали сами немцы. Бойцы РОНА захватывали вещи гражданского населения, но не в таком количестве, как другие части СС и вермахта. Только за первые десять дней восстания немцы вывезли около 7000 железнодорожных вагонов с различным имуществом. Абсолютными лидерами в этом деле были эсэсовцы Дирлевангера.

19 августа полк Фролова получил приказ выйти из Варшавы. Батальоны полка выводились постепенно, по мере того как их позиции занимали немецкие подразделения, поэтому «каминцы» продолжали вести боевые действия до 28 августа включительно. Из дневника русского эсэсовца И. Вашенки известно, что к 18 августа потери полка составили около 500 человек убитыми и ранеными. По свидетельству П.Р. Майорова, более надежному, на наш взгляд, потери составили более 200 человек. Но это были не последние жертвы в Варшаве, так как 22 августа практически полностью погибла сводная рота 16-го батальона. Гибель роты, если верить словам Вашенки, произошла из-за недисциплинированности личного состава. Заняв один из домов, солдаты разбрелись по этажам в поисках драгоценностей, пищи и водки. Польские боевики, прятавшиеся в подвалах и на верхних этажах, внезапно открыли огонь из автоматов и закидали русских эсэсовцев гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Неизвестно, как отреагировало на этот неприятный эпизод командование батальона и полка. В показаниях бывших «каминцев» упоминаний об этом случае не встречается[1].

Пока подразделения полка выходили из Варшавы, примерно 22 августа в штаб части прибыл офицер из ставки фон дем Баха. От него Каминский получил приказ прибыть в Краков, а полк должен был выдвинуться в район Августовской пущи, где к тому времени

[1] Варшавское восстание... С. 602, 1080, 1082—1084.

сконцентрировались значительные силы польских партизан — около 14 тыс. человек. Перед отъездом, как вспоминал Фролов, Каминский начертил ему на карте маршрут движения полка и место, где части должны была сосредоточиться.

К 28 августа полк был выведен из Варшавы. В тот же день, в 8 часов утра, часть была построена. Фролов выступил с короткой речью, призвав личный состав почтить память погибших солдат и офицеров. После этого он довел задачу. Затем полк был брошен на борьбу с партизанами в район населенного пункта Трускав (в 20 км от Варшавы), где и сосредоточился. Фролов бездействовал, активных действий не вел, чем воспользовались польские партизаны. В ночь со 2 на 3 сентября 1944 года отряд поручика «Долина» атаковал Трускав, где застал врасплох два батальона сводного полка. В ходе боев полк потерял предположительно около 100 человек убитыми и около 100 ранеными. Бойцы АК захватили одно орудие 75-мм, два станковых пулемета, 23 ручных пулемета, 16 автоматов, два миномета калибра 82 мм, 48 винтовок, 10 тыс. патронов, 11 лошадей, четыре телеги с продовольствием и обмундированием, а также полевую радиостанцию[1].

Думается, именно неудачные бои «каминцев» в Трускаве убедили наконец немецкое командование в том, чтобы снять полк и отправить его к месту дислокации бригады.

Ниже мы коснемся вопроса о причинах гибели командира 29-й дивизии. Наибольшее распространение в литературе получила версия, согласно которой Каминский был расстрелян по приказу фон дем Баха из-за имевших место фактов неподчинения, мародерства и падения дисциплины в подразделениях сводного полка[2].

В своих воспоминаниях Г. Гудериан пишет, что фон дем Бах доложил ему о бесчинствах, творимых бойцами Каминского и Дирлевангера. Гудериан обо всем сообщил Гитлеру и потребовал удаления частей СС из города. Гитлер отказался удовлетворить эти требования, но после того, как представитель Гиммлера — группенфюрер СС Герман Фегеляйн — подтвердил слова Гудериана, фюрер при-

---

[1] Варшавское восстание… С. 632, 1086, 1090.

[2] См., например: *Dallin A.* The Kaminsky Brigade… P. 267—269.

казал начать вывод войск СС из Варшавы. Далее Гудериан замечает: «Фон дем Бах позаботился о том, чтобы Каминского расстреляли»[1].

По мнению Хайнца Хене, Гитлер якобы предоставил фон дем Баху возможность убрать Каминского, как «нежелательного свидетеля и главного мародера»[2].

Со слов самого фон дем Баха получается, что приказ о расстреле Каминского он отдал по собственной инициативе, поскольку в глубине души, как он признавался после войны, он противился бесчеловечному приказу рейхсфюрера — убивать женщин и детей: «Я препятствовал приказам Гиммлера и даже расстрелял начальника той бригады и ее сотрудников, потому что они выполняли эти приказы»[3].

Однако в своих показаниях, данных британским военным, фон дем Бах называл совсем другую причину расстрела: «...основанием для применения процедуры военного суда мог быть только отказ от выполнения приказов перед лицом противника»[4].

Не совсем ясно, за что конкретно Каминский был приговорен к исключительной в боевых условиях мере наказания и почему об этом не поставили в известность Гиммлера (позже негодовавшего по поводу самочинных действий командующего группировки сил и средств).

Насколько позволяют судить документы, Каминский, напротив, всячески старался выполнять все приказы германского командования. Существуют, правда, совершенно абсурдные попытки доказать обратное. К примеру, В. Самарин пишет: «Я должен рассказать о беседе Каминского с эсэсовским генералом, требовавшим, чтобы Каминский бросил свою бригаду на подавление Варшавского восстания. Каминский, скрестив руки на груди, ответил эсэсовцу: "Господин генерал, во-первых, я по происхождению поляк, во-вторых, я русский патриот. Я и мои солдаты борются только против боль-

---

[1] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 489.

[2] *Hohne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1998. S. 503.

[3] Цит. по: *Голденсон Л.* Нюрнбергские интервью. Екатеринбург, 2008. С. 391.

[4] Варшавское восстание... С. 622—624.

шевизма, за свободу России. Я не могу участвовать в борьбе против них". Вскоре после этого Каминского убили»[1]. Примерно то же самое пишет член НТС П. Ильинский: «Каминский... не был только бандитом. Его вскоре расстреляли немцы, как говорят, за отказ вести свою дивизию на усмирение восставшей Варшавы»[2]. Разумеется, эту «версию» можно расценивать исключительно через призму пропаганды.

Существует версия, что между Каминским и фон дем Бахом были весьма натянутые отношения. По некоторым свидетельствам, командир русских эсэсовцев был возмущен безобразным снабжением своих частей и выказал свое недовольство лично фон дем Баху[3].

В какой день был казнен Каминский, и где это произошло? По заявлению одних историков, Каминского и сопровождавших его людей расстреляла команда из концлагеря Кулмхоф (Хелмно) под руководством гауптштурмфюрера СС Ганса Ботмана. Расстрел производился 26 августа 1944 года в лесу под Литцманштадтом (Лодзь), недалеко от еврейского гетто[4]. Согласно другой версии, приговор Каминскому вынес военно-полевой суд СС, и расстрел состоялся 19 августа (эта версия отпадает, так как никакой суд СС дело Каминского не разбирал)[5].

Встречается курьезное мнение, что Каминский якобы нелегально покинул Варшаву и стал пробираться в Карпаты, чтобы встретиться с представителями УПА. Недалеко от Тарнова его служебный автомобиль был остановлен сотрудниками Краковского СД. Их начальник, бригадефюрер СС Вальтер Биркампф, приказал инсценировать нападение с целью ограбления, жертвой которого якобы и стал Каминский, расстрелянный после задержания. Но это версия выглядит надуманной и доверия не вызывает (зачем украинским национали-

---

[1] *Samarin V.D.* Op. cit. P. 85—86.

[2] *Ильинский П.* Указ. соч. С. 124.

[3] *Грибков И.* Хозяин Брянских лесов... С. 43; *Залесский К.А.* Командиры национальных формирований СС. С. 46.

[4] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade... P. 269; *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS... P. 47.

[5] *Глаубе Г.* Загадочная смерть бригадефюрера Каминского / «Эхо войны». 2007. № 1. С. 31.

стам вдруг понадобился полунемец-полуполяк, которому подчинены русские и белорусы?) [1].

Еще одну версию высказал член НТС Роман Редлих, некоторое время служивший в РОНА. По его сообщению, Каминского до начала Варшавского восстания вызвали немцы, и он бесследно исчез, а потом пошли слухи о его расстреле. Насколько известно, члены НТС сами собирались ликвидировать Каминского, поскольку он отказался добровольно войти в подчинение командованию РОА и его деятельность, по словам энтээсовцев, компрометировала «русское освободительное движение». Историк А.В. Окороков со ссылкой на интервью с В.Д. Поремским пишет: «Когда стало получать развитие "власовское движение", а Каминский отказался войти в подчинение РОА, на совете НТС было принято решение о его ликвидации... Исполнение акции было поручено членам НТС, служившим в РОНА. Однако по ряду причин ликвидацию Каминского осуществить не удалось»[2].

В последнее время часто встречается точка зрения, согласно которой гибели Каминского способствовали симпатизировавшие генерал-лейтенанту А.А. Власову высокопоставленные эсэсовцы (Готтлоб Бергер и Гюнтер Д'Алькен), поскольку командир 29-й дивизии якобы претендовал на роль лидера русского коллаборационизма.

К осени 1944 года на роль командующего объединенными русскими вооруженными формированиями был фактически выбран Власов. 16 сентября 1944 года, после личной встречи с бывшим советским генералом в своей штаб-квартире в Растенбурге, Гиммлер дал Власову обещание в скором времени приступить к организационному оформлению вооруженных сил РОА (и действительно, через некоторое время Вооруженные силы Комитета освобождения народов России — ВС КОНР — были созданы). До этого момента Власов был всего лишь «свадебным генералом» на службе у германской пропагандистской машины.

---

[1] *Соколов Б.В.* Оккупация: правда и мифы. М., 2003. С. 184; *Залесский К.А.* Командиры национальных формирований СС. С. 46.

[2] *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 481.

В отличие от Власова Каминский с октября 1941 года реально проявлял себя в боевых действиях против партизан (хотя германская пропаганда умалчивала об этом опыте, как и о существовании РОНА и Локотской автономии). В принципе, учитывая амбициозный характер командира 29-й дивизии, нельзя полностью исключить его претензии на руководящее место в «русском освободительном движении». Однако если бы Каминский всерьез рассчитывал на эту роль, он несомненно начал бы предпринимать для этого какие-то конкретные шаги. В то время как никто из его бывших подчиненных после войны ни о чем подобном не вспоминал.

Едва ли Каминский опасался и возможности оказаться в подчинении у Власова. Известно, что целый ряд командиров русских коллаборационистских формирований (к примеру, командующий так называемой «Русской национальной армией» генерал Б.А. Хольмстон-Смысловский) отказались войти в состав ВС КОНР. То, что части РОНА в конечном итоге были переданы во власовскую армию, объясняется исключительно фактом гибели Каминского. При этом сам Власов и его окружение оказались вовсе не в восторге от такого «подарка».

Согласно еще одной версии, события развивались иначе. 22 августа 1944 года, когда бои в Варшаве достигли своего апогея, Каминский выехал на своем автомобиле в штаб фон дем Баха с тем, чтобы прибыть на совещание. При подъезде к Литцманштадту на машину совершили нападение польские партизаны, в результате чего Каминский, а также его спутники были убиты. В тот же день машина была обнаружена и доставлена в Ставку фон дем Баха. Для опознания автомобиль представили офицерскому составу дивизии[1].

В несколько «особом» виде эта версия озвучивается эмигрантом М. Бобровым: «На пути из Варшавы к Ратибору, где располагалась дивизия, он был убит. Как погиб Каминский — об этом никто не узнал. На дороге была найдена его машина, забрызганная кровью. Вместе с ним погибли шофер и начальник штаба. Трупы исчезли неизвестно куда. Немцы предприняли следствие, но, действительно, не

[1] *Глаубе Г.* Указ. соч. С. 31.

осталось никаких следов, которые позволили бы разгадать загадку исчезновения»[1].

Б. Башилов пишет следующее: «...Появился слух, что Каминский вместе с ехавшими с ним убит партизанами по дороге. Кто убил Каминского, точно неизвестно. Могли его убить польские партизаны, могли убить и немцы. Зная, насколько были обострены взаимоотношения между Каминским и немцами, я лично склоняюсь к мысли, что Каминского убили немцы, желая освободится от строптивого человека»[2].

Высказывается также версия, что нападение на служебную машину Каминского организовали не польские партизаны, а советские диверсанты, прибывшие с территории Словакии. Эту версию разделял бывший начальник контрразведки дивизии Ф.А. Капкаев. Причем обстоятельства и методика убийства — нападение из засады, расстрел машины людьми в немецкой форме — напоминают подобные операции, уже проведенные советскими диверсантами: убийство митрополита Сергия (Воскресенского) в апреле 1944 года, атамана С.В. Павлова в июне 1944 года и др.[3]

Нельзя списывать со счетов и то, что фон дем Бах действительно мог отдать приказ о расстреле Каминского, руководствуясь устным приказом Гитлера (что еще требует своего подтверждения) или личными соображениями. В последнем случае апелляция фон дем Баха к жесткому и грабительскому поведению «каминцев» должна, на наш взгляд, учитываться в самую последнюю очередь, поскольку немецкие части делали то же самое в еще больших размерах. Не следует, кроме того, забывать, что послевоенные показания фон дем Баха, который любой ценой хотел избежать казни, несут на себе отпечаток конъюнктурного субъективизма, обусловившего не только форму, но и фактически-содержательную сторону его показаний, до сих пор вызывающих немало вопросов.

Разумеется, гибель Каминского стала тяжелой утратой для беженцев и военнослужащих 29-й дивизии, потерявших своего коман-

---

[1] *Бобров М.* Указ. соч. С. 132.

[2] *Башилов Б.* Указ. соч. С. 6.

[3] *Грибков И.* Хозяин Брянских лесов... С. 45.

дира. Заботу о жене и ребенке Каминского взяла на себя Национал-социалистическая служба попечения.

После смерти Каминского в СС не отказались, вопреки широко распространенному мнению, от идеи формирования 29-й ваффен-гренадерской дивизии СС, но уже с новым, немецким, командованием. Но после гибели командира и начальника штаба дивизия лишилась своего сдерживающего начала и начала стремительно разлагаться.

Тем не менее 30 августа командиром дивизии был назначен бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Кристоф Дим, который командовал соединением до 27 сентября, после чего 3000 «каминцев» были переброшены в Нойхаммер (Силезия), где создавалась 600-я пехотная дивизия вермахта (русская). По некоторым сведениям, остальной личный состав под руководством нового исполняющего обязанности командира дивизии — группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Генриха Юрса — использовался в антипартизанских операциях в Словакии[1].

После 11 октября завершила свою работу инспекция во главе с обергруппенфюрером СС Готтлобом Бергером, которая признала соединение небоеспособным и подлежащим расформированию[2].

Все это время дивизия держалась авторитетом отдельных командиров. Сам Белай, «убежденный сторонник генерала Власова», отказался возглавить дивизию и потребовал перехода в создающиеся Вооруженные силы Комитета освобождения народов России. Это решение было поддержано и майором Б.А. Костенко. Такая неопределенность, затянувшаяся на 2 месяца, только способствовала разложению. Однако при этом, несмотря на падение дисциплины, среди солдат сохранялся высокий авторитет командиров, в отличном состоянии поддерживались оружие и техника[3].

В начале ноября 1944 года 29-я дивизия СС была переброшена на полигон в Мюнзинген, где формировалась 1-я дивизия Вооруженных сил КОНР. Часть бойцов присоединились к беженцам. Отдель-

---

[1] *Michaelis R.* Russians in the Waffen-SS. 29... P. 49.

[2] Там же.

[3] Варшавское восстание... С. 602.

ные группы бойцов решили продолжить борьбу самостоятельно на территории Белоруссии и, возможно, Брянщины.

В составе ВС КОНР «каминцы» не были объединены в одну часть. В составе 1-й дивизии они составили 2-й пехотный полк (3000—3500 человек). Небольшие группы «каминцев» были включены в состав других частей дивизии. Практически полностью из бывших военнослужащих 29-й дивизии СС был сформирован Отдельный разведывательный дивизион 1-й дивизии ВС КОНР, который сформировал и возглавил майор ВС КОНР (ваффен-штурмбаннфюрер СС) Б.А. Костенко. Заместителем командира танкового батальона дивизиона стал бывший командир бронетанкового дивизиона 29-й дивизии СС капитан ВС КОНР (ваффен-штурмбаннфюрер СС) Ю. Самсонов.

Чуть позже около 1000 «каминцев» будут включены в состав 2-й дивизии ВС КОНР. Кроме того, отдельные офицеры и солдаты были практически во всех частях ВС КОНР. Однако на руководящих постах были лишь единицы. Подполковник ВС КОНР Р.К. Белай стал начальником офицерского резерва Штаба ВС КОНР. Бывший начальник артиллерии 29-й ваффен-гренадерской дивизии СС полковник ВС КОНР А.С. Перхуров занял должности заместителя начальника 13-го (артиллерийского) отдела Штаба ВС КОНР и инспектора по артиллерийскому вооружению[1].

Остается добавить, что со стороны «власовцев» бывшие подчиненные Каминского встретили к себе крайне негативное отношение. Руководство ВС КОНР демонстративно не желало признавать звания и награды, полученные русскими эсэсовцами. Все это заставило командира 1-й дивизии ВС КОНР С.К. Буняченко выпустить приказ (от 5 декабря 1944 года), в котором требовалось не допускать оскорблений по адресу солдат и офицеров «1-й русской дивизии СС». В приказе также предписывалось разъяснить личному составу, что пополнение, прибывающее в соединение, должно сплотиться, стать монолитным целым в борьбе за освобождение России от большевизма[2].

---

[1] *Грибков И.* Боевое применение... С. 14.

[2] *Дробязко С.И.* Локотский автономный округ... С. 211—212.

Дальнейшая судьба «каминцев» связана с историей ВС КОНР. Следует отметить, что большинство русских эсэсовцев разделили судьбу своих новых сослуживцев и были выданы в СССР. Репатриации удалось избежать считаным единицам из них, в частности начальнику разведки Б.А. Костенко и начальнику контрразведки Ф.А. Капкаеву, а также большинству их подчиненных. Это не вызывает удивления, поскольку западные — в первую очередь, американские — спецслужбы с большой охотой пользовались услугами бывших нацистских и коллаборационистских бойцов «невидимого фронта».

Приложение 1

Из статьи Михаила Боброва о бригаде Каминского

...Другая судьба постигла формирования, возникшие в глубине Брянских лесов, в Локотском округе. В самом начале войны в этот округ явился инженер Воскобойников, бывший в заключении в одном из западных полит-изоляторов, захваченных немцами при наступлении. Воскобойников был давний убежденный враг коммунистического режима. Много лет он провел в ссылках, на принудительных работах, в тюрьмах. Однако, это не сломило его воли к борьбе и когда он неожиданно получил свободу, он пошел в народ, чтобы помочь народу найти правильный путь. В глубине Брянских лесов, вдалеке от железной дороги и от важных стратегических путей, лежит Локотский район, округ с 35 тысячами населения. Сюда в 41 году и пришел Воскобойников. Прекрасный организатор, человек большой душевной чистоты, Воскобойников сразу же завоевал симпатии населения. По его предложению округ был объявлен самоуправляющимся, независимым от воюющих сторон. Немецкое командование, которое было заинтересовано в сохранении спокойствия в своем тылу, охотно согласилось и признало этот округ. Началось восстановление жизни округа на новых основах. Колхозы были объявлены собственностью крестьян. Как и во всех других местах, стремление населения к новому строю жизни воплотилось в установлении демократических порядков на своей земле. В селах выбирались старшины, суд был тоже выборным,

основные хозяйственные и иные вопросы решались самим населением.

Воскобойников понимал, что округ будет нуждаться в защите, и по его инициативе была предпринята попытка организации вооруженной силы. Сначала это был отряд лишь из 50 человек, вооруженных винтовками старого образца. На каждую винтовку приходилось по 10 патронов. В отряд на добровольных началах шла сельская молодежь, среди которой было немало бывших комсомольцев и даже членов компартии. Антибольшевики из Локотского округа объявили отказ от мести по отношению к коммунистам, если они будут лояльны по отношению к новым порядкам. И они не ошиблись. В отряде самообороны и на выборных общественных должностях было немало бывших коммунистов, ставших убежденными антикоммунистами.

В Москве понимали значение опыта, предпринятого Воскобойниковым в Брянских лесах. Там учитывали, что симпатии населения находятся на стороне Воскобойникова и его сторонников. Надо было помешать создать в маленьком размере антибольшевистское государство. В 42 году в округ был брошен большой десант советских войск. Население, поднятое Воскобойниковым, отчаянно защищалось и в конце концов отбило свой округ, отбросивши десант дальше в леса. Но в одном из боев погиб Воскобойников, и после этого события в округе повернулись иначе. В результате прошедших выборов, во главе округа и отряда самообороны стал инженер Каминский. Еще до войны он жил в этом округе, работал на местном спирто-водочном заводе и ничем особенным себя не проявил. При Воскобойникове он выдвинулся не столько мужеством и деловитостью, сколько хитростью.

Став во главе округа, Каминский поставил себе иную задачу. Он не верил в возможность в маленьком округе сделать большое дело. Ему была необходима поддержка немцев, и он стал искать ее. Вскоре отряд, созданный Воскобойниковым, был перевооружен и назван «РОНА» — Русская Освободительная Народная Армия. Каминский сам ездил по лагерям военнопленных и подбирал кадры для своего отряда. Странно, что больше всего его симпатии склонялись к людям с сомнительным прошлым, достаточно беспринципным и гото-

вым следовать за ним, если это обещает им личные выгоды. Такими людьми окружил себя Каминский, но все же не они являлись определяющей силой. Отряд разрастался за счет местного населения и бывших партизан, переходивших в него в знак своего нежелания защищать Сталина. В основном это была молодежь. Вскоре отряд насчитывал уже около 5000 солдат. В начале 43 г., когда наметилось отступление немцев, отряд был передвинут на запад, в район Лепеля. С помощью Каминского немцы подчинили себе этот отряд и стали использовать его для борьбы против партизан. Вскоре отряд получил название «Русская дивизия СС», чему Каминский не только не сопротивлялся, но был рад, получив генерала войск СС и личную награду Гитлера.

Так из замечательного начинания Воскобойникова и его друзей, политических узников большевизма, родилась «русская дивизия СС», так люди с нечистой совестью и грязными руками воспользовались антибольшевистским порывом народа.

«Дружина» Гиль-Родионова должна была попасть на службу к Сталину, отряд Воскобойникова — на службу к Гитлеру. Но и Гиль-Родионов и Каминский разделили общую судьбу.

В 44 году Каминский дал немцам согласие участвовать в подавлении восстания в Варшаве. Несмотря на все возражения со стороны старших командиров дивизии, он не изменил своему слову. Но когда выяснилось, что дивизия может отказаться подчиниться ему, так как никакой вражды к варшавским повстанцам у русских солдат и офицеров не было и они считали невозможным для себя принимать участие в разгроме восставших, Каминский объявил, что из всех полков дивизии в Варшаву будут взяты только добровольцы. Таких тоже набралось некоторое количество, главным образом из числа тех, кого подбирал сам Каминский. Был сформирован свободный полк, который под командой полковника Ф. вошел в Варшаву и открыл боевые действия против повстанцев. Этим Каминский подписал себе смертный приговор. На пути из Варшавы к Ратибору, где располагалась дивизия, он был убит. Как погиб Каминский — об этом никто не узнал. На дороге была найдена его машина, забрызганная кровью. Вместе с ним погибли шофер и начальник штаба. Трупы исчезли неизвестно куда. Немцы предприняли следствие, но,

действительно, не осталось никаких следов, которые позволили бы разгадать загадку исчезновения. Впоследствии эта загадка разъяснится, здесь же уместно будет сказать, что наряду с дружиной Гиль-Родионова, дивизией Каминского, многими другими начинаниями и замыслами, возникала в то время еще одна сила, которая оказалась способной продолжать борьбу даже в самых трудных условиях. Сила эта была вызвана к жизни великим отчаянием и великой болью за свой народ, попавший между гитлеровским молотом и сталинской наковальней...

См: Бобров М. Страшное безмолвие России / «Возрождение» (Париж). 1949. № 6. С. 130—132.

Приложение 2

Статья Бориса Башилова «Правда о бригаде Каминского»

О существовании РОНА я узнал в 1942 году весной, когда был выпущен немцами из лагеря военнопленных и отправлен работать в пропаганду «Б». Пропаганда «Б» — главный орган немецкой военной пропаганды на центральном участке Восточного фронта. По замыслам немцев, пропаганда «Б» после взятия Москвы должна была заменить собой центральные органы большевистской пропаганды. Кроме меня в пропаганде «Б» работал С. Максимов, автор «Дениса Бушуева», Р. Березов и целый ряд других лиц.

В Смоленске находился полномочный представитель Исполбюро НТС Георгий Сергеевич Околович. До войны он одно время проживал в Варшаве и сотрудничал с польской разведкой в деле переброски членов НТС на территорию России. Околович и сам нелегально пробрался в Россию и жил одно время в том же самом городе, что и я. Околович весной 1942 года принял меня в члены НТС и я стал выполнять различные задания в целях пропаганды «идеологии» НТС.

Я вступил в НТС без особого увлечения этой идеологией, т.к. я понимал, что никакой идеологии нет. Мой подход к НТС и к его руководству можно охарактеризовать поговоркой: «На безрыбьи и рак рыба». Но все рушилось, надо было как-то работать, и я вступил в НТС.

В то время в Смоленске носились слухи, что в Брянских лесах, вокруг поселка Локоть, русским националистом Воскобойником созданы вооруженные силы и независимая от немцев власть на довольно значительной территории.

При проверке оказалось следующее: когда немцы вели наступление на Москву, они захватили в клещи громадную территорию. Одна группа немецких войск двигалась на Вязьму, вторая на Орел. Получился знаменитый Вяземский котел. Я в это время находился в центре этого котла, около Смоленска.

Когда немецкие клещи сомкнулись, то значительная часть территории вокруг Брянска на некоторое время оказалась вне поля внимания немецкого командования. Прошло известное время, прежде чем немцы решили установить власть в районе Брянска и Локтя. Но когда они пришли в поселок Локоть, то застали там вооруженные силы, уже созданные Воскобойником, которые сами вели борьбу с появившимися в лесах партизанскими отрядами.

В Локте и окрестных селах уже была создана власть тем же самым Воскобойником. Поскольку Локоть был окружен лесами, а Воскобойник был человеком твердого характера, настоящим патриотом, то немцы решили не ломать сделанного Воскобойником и предоставили ему свободу действий. Свободу значительно большую, чем в других местах оккупированной немцами территории.

Это был один из немногих случаев, когда немцы проявили здравый смысл и политическую дипломатическую гибкость, и действительно, прояви они больший нажим, вполне возможно, что Воскобойник одновременно с борьбой против советских партизан возглавил бы борьбу и против немцев.

Местоположение Локтя благоприятствовало партизанскому движению. Кругом на десятки верст шумели Брянские леса, позже ставшие центром партизанского движения против немцев.

Вокруг Локтя создался клочок полунезависимой русской территории. Глава этой территории Воскобойник получал от немцев оружие, имел с ними добрососедские отношения, но вся гражданская и военная власть принадлежала ему.

С каждым днем эта территория разрасталась. Бывшие колхозники создавали отряды и отвоевывали у партизан все новые и новые

села и поселки. Это производило большое впечатление на жителей соседних районов, видевших, как с оружием в руках русские люди отвоевывали у большевиков родную землю.

Нужно сказать, что такие полунезависимые «Русские княжества» на оккупированной немцами территории существовали не только в Локте. В лесах около Смоленска существовала «Семеновская Русь», созданная Семеновым, начальником полиции при немцах, который, разобравшись в немецкой политике, повел борьбу и против немцев и против большевистских партизан. Семенова немцы звали к себе обратно, переманивали к себе и большевики. Но Семенов и тех и других посылал к чертовой матери, и тоже вооружая крестьян, расширял пределы своего княжества. «Семеновская Русь» привлекала симпатии крестьян, которые бежали к нему из сел, занятых немцами, и из сел, находившихся под властью большевистских партизан. В других местах появились вольные атаманы типа Махно и Григорьева.

К сожалению, весь этот сложный комплекс явлений совершенно не освещен в эмигрантской прессе и эмиграция имеет превратное понятие о том, что делалось на оккупированной немцами территории.

Факт возникновения «независимого» государства в Локте привлек к себе внимание русских националистов. Им показалось, что представляется случай еще во время войны начать борьбу за создание независимой от немцев русской территории. Представители НТС несколько раз ездили в Локоть и «наводили справки».

Результат этих справок был следующий: Воскобойник — убежденный русский патриот. Желая использовать доброе к себе отношение и доверие представителей немецкого командования, он хочет расширить «свою» территорию как можно больше, на весь Брянский лесной массив. Он стремился к тому, чтобы выбить партизан из Брянских лесов и сделать их плацдармом антибольшевистского национального движения, а в случае победы немцев — центром антинемецкой борьбы.

Немцы, конечно, замысел Воскобойника понимали. И, надо сказать, отдельные представители немецкого командования, стоявшие за союз с Национальной Россией, даже оказывали Воскобойнику

поддержку, так как знали, что он не нанесет им предательского удара в спину в разгар вооруженной борьбы с большевиками.

Представители партийных кругов и работники СД поддерживали Воскобойника, скрепя сердце, не видя другого выхода, откладывая введение немецкой власти на территории, управляемой Воскобойником до разгрома большевиков. Зная настроение Воскобойника и населения, гестаповцы понимали, что в случае нажима на Воскобойника население окажет вооруженное сопротивление, так как слава о немецких порядках в местах, управляемых немецкими комендатурами, быстро дошла до Локтя.

К несчастью, во время боев с партизанами Волскобойник был убит и власть перешла к Каминскому, бывшему до войны инженером одного из заводов в Локте.

Политическая атмосфера на независимой территории очень усложнилась. В лесах разрасталось партизанское движение. Локоть и другие населенные пункты кишели большевистскими и немецкими агентами.

Каминский был, конечно, убежденным антибольшевиком. До войны он был арестован и сидел в концлагерях, так что никакого чувства симпатии к большевикам у него не могло быть. Он оказался талантливым военачальником, и под его руководством вооруженные отряды из местных жителей успешно громили большевистских партизан в тяжелых лесных боях.

Мне думается, что вначале Каминский рассчитывал на то, что как население оккупированной территории, так и эмиграция поддержит его, и вокруг него создастся круг военных и политических работников, которые смогут осуществить замысел погибшего Воскобойника. Но ввиду идейного разброда, бывшего результатом невероятно сложной политической обстановки в этой части России, когда никто не знал, что будет лучше для России: идти ли с немцами и уничтожать большевиков и русское государство; или идти вместе с большевиками и уничтожать иностранных захватчиков, но быть готовым к тому, что большевики останутся владыками России, — Каминский не получил необходимой идейной поддержки и поддержки людьми, ни со стороны населения оккупированной территории, ни со стороны эмиграции.

Вместо того, чтобы обрасти военными и политическими руководителями из числа русских патриотов, Каминский уже в Локте оброс морально нечистоплотными элементами из числа немецких и большевистских агентов. Ближайшее окружение Каминского состояло, конечно, не только из одних немецких и большевистских агентов, но было и их изрядное число.

Каминский постепенно перестал верить в удачу дела, начал пьянствовать и сквозь пальцы смотреть на те безобразия, которые стали творить в отдельных случаях над партизанами и населением подчиненные ему отдельные военачальники.

После прорыва у Орла, после тяжелых упорных боев Русская Особая [так в тексте. — *Примеч. авт.*] *Народная Армия, выросшая до 13 тысяч человек, отступила из Брянских лесов и попыталась отвоевать себе «независимую» территорию около Лепеля, на Витебщине. Когда немцы отступили от Витебска, РОНА начала отвоевывать себе территорию в западной Белоруссии, около гор. Дятлово, все леса вокруг которого кишели большевистскими и польскими партизанами.*

Каминский давно хотел создать политическую организацию, идея которой зародилась еще у Воскобойника. Исполбюро НТС направило к нему инженера Хомутова, который сумел войти в доверие к Каминскому и уговорил его создать без согласия Гитлера — русскую национал-социалистическую партию. Каминский, которому в этот момент было уже все равно (дело происходило в Лепеле) одобрил план Хомутова.

Хомутов «разработал» проект партийной программы (на самом деле, это было полное повторение программы НТС) и вот, в один прекрасный день все работники немецкого связного штаба были приглашены Каминским на банкет.

Около каждого прибора стояла бутылка с вином, а около бутылки лежал манифест о создании «Национал-социалистической трудовой партии России» и отпечатанная программа НТС. Для немцев это было полной неожиданностью, но возражать они не стали, так как узнали из донесений своих агентов, что Каминский решил идти «ва-банк» и недаром распорядился поставить около дома, где происходил банкет, все имевшиеся у него танки и броневики. Так была

провозглашена, без согласия Гитлера, Национал-социалистическая трудовая партия России.

Не знаю, донесли ли Гитлеру о том, что произошло в Лепеле. Я думаю, что нет. Потому что, если бы он об этом узнал, — полетели бы головы и офицеров связного штаба и правителя Белоруссии, и многих других. Дела у немцев на фронте шли так, что заставить Каминского отказаться от своей идеи они не могли. Вооруженных сил у них не было. Каминский это понимал, и отдавая себе совершенно ясный отчет в том, что дни его сочтены, вел себя с немцами очень дерзко и независимо, что весьма импонировало всем офицерам и солдатам РОНА.

Немцы же знали, что если они предъявят Каминскому ультиматум, то он пошлет их ко всем чертям и объявит независимость своей территории. Им не оставалось ничего другого, как только проглотить оригинальную пилюлю, поднесенную им Каминским.

Обстановка в Дятлово была невероятно сложной и тяжелой. В нем действовали немецкие и большевистские агенты, пробравшиеся в разведку и контрразведку РОНА, агенты польских партизан, просто морально разложившиеся элементы, и, наконец, русские националисты, которые старались прекратить разложение, которое ширилось при содействии немецких и большевистских агентов, и использовать известную независимость территории РОНА и вооруженные силы РОНА в интересах Русского Освободительного Движения.

Под флагом «Русской национал-социалистической партии» подпольно работавшие в Дятлово работники НТС (Роман Редлих, Евстафий Мамуков, я и ряд других) развернули широкую пропаганду национальных интересов, воспользовавшись тем, что в Дятлове выходили две газеты без немецкой цензуры. Достаточно сказать, что за чрезвычайно короткий срок в разных городах были созданы «партийные организации», в которые вступило несколько тысяч человек.

Центральный комитет находился в Дятлово и был поэтому неуязвим для немцев. Минский «Областной комитет» занимал двухэтажное здание, которое немцы предоставили ему по просьбе Цен-

трального комитета. Были комитеты в Вильно, Полоцке, Двинске, Барановичи и др. местах.

Никто из немцев первое время ничего не понимал, рядовые работники считали, что создание партии санкционировано Гитлером, и мы плавали, как рыба в воде. Достаточно сказать, что газета «Голос народа», выходившая в Дятлово, к великой ярости председателя Белорусской рады Островского, открыто доказывала, что никаких кривичей нет, что русские, белорусы и украинцы — ветви одного народа. И в Минске продавались газеты на «белорусском языке» и наша.

Из одного этого можно видеть, насколько сложной была обстановка, в которой приходилось работать последние месяцы перед занятием большевиками Белоруссии. Но, тем не менее, нами было выпущено более 100 000 экземпляров газет без немецкой цензуры, больше ста тысяч антибольшевистских листовок, была проведена демонстрация в Полоцке с плакатом, на котором было написано: «Не хотим ни большевизма, ни иноземной власти».

Было сделано немало и другого. В частности, удалось выполнить основную цель — не допустить выгодной для немцев конкуренции между двумя русскими армиями. Уже в июле 1944 года я поехал в Ригу и сообщил представителю Власова полковнику Позднякову, бывшему позже начальником курсов РОА, чтобы он передал Власову, что в случае создания массового антибольшевистского движения и Русской армии, РОНА будет под его начальством, что все для этого сделано. Так и случилось.

Таким образом, основная цель, ради которой руководство НТС пошло на камуфляж создания «национал-социалистической трудовой партии России», была достигнута. Была предотвращена возможность борьбы между двумя кандидатами в военные руководители РОА.

После занятия западной Белоруссии все части РОНА двинулись через леса, занятые партизанами, в Польшу. Каминскому немцы предложили возглавить борьбу с партизанами на Прикарпатской Руси. Но когда части РОНА проходили вблизи Варшавы, вспыхнуло варшавское восстание.

Я провел в Варшаве несколько дней накануне восстания и уехал за два или три дня до его начала.

Руководство НТС в Польше вело переговоры с польским подпольным штабом. Цель переговоров, как мне известно, в основном заключалась в том, чтобы убедить поляков не выступать против немцев, а сохранить вооруженные силы к моменту занятия Варшавы большевиками.

В частных разговорах с поляками я тоже доказывал им, что они не должны подставлять под удар с таким трудом созданную военную организацию, что армия должна выйти из подполья только тогда, когда большевики займут Варшаву. Мы доказывали, что если поляки будут иметь сто тысяч войск в Варшаве, то большевикам не удастся захватить Польшу, что они, конечно, постараются сделать. Но наши слова не были приняты во внимание.

Я уехал из расположения РОНА примерно дней за десять до восстания в Варшаве (в армии Каминского я не состоял) и больше не вернулся, но из многих бесед с заместителем Каминского полковником Белаем мне известно следующее.

Немцы предложили Каминскому бросить всю его армию на подавление восстания. Каминский и большинство командиров полков отказались это сделать. Согласился командир только одного полка, кажется 5-го. Может быть, в подавлении восстания участвовали и еще какие-то мелкие воинские части, этого я не знаю.

Вполне возможно, что Каминский не согласился на предложение немцев потому, что он был поляк по происхождению, хотя и сильно обрусевший, но все же поляк. В Дятлово, например, ходили слухи, что он более покровительствует ксендзам, чем священникам. Насколько это отвечало действительности, я не знаю.

Мне известно только, что и до начала отступления и во время отступления Каминский и офицеры и солдаты РОНА очень недружелюбно относились к немцам и неоднократно дело доходило до острых скандалов.

Вскоре после отказа Каминского от помощи немцам в Варшаве, ему было предложено выехать на автомобиле из Польши в Прикарпатскую Русь — для осмотра местности, которую должна была защищать РОНА.

Затем появился слух, что Каминский вместе с ехавшими с ним убит партизанами по дороге.

Кто убил Каминского, точно неизвестно. Могли его убить польские партизаны, могли убить и немцы. Зная, насколько были обострены взаимоотношения между Каминским и немцами, я лично склоняюсь к мысли, что Каминского убили немцы, желая освободиться от строптивого человека.

Это была месть и за отказ подавлять варшавское восстание и за другие случаи неподчинения приказам СС и конечно за создание без разрешения «национал-социалистической партии России», официальным вождем которой он был.

Немцы, конечно, в конце концов, разобрались, что так называемая НСТПР — простая ширма, ловкий трюк со стороны русских националистов. После убийства Каминского немцы посулили Белаю чин генерала и сделали предложение вести бригаду в Варшаву.

Но распропагандированный нами еще в Дятлово Белай и другие командиры заявил, что они не хотят, чтобы РОНА была переформирована в дивизию СС, а хотят идти к Власову.

После этого бригада Каминского была расформирована, все офицеры и солдаты, а также все оружие и несколько танков и броневиков было передано Власову. Белай, отказавшись от генеральского чина, занял скромный пост начальника офицерского резерва в штабе РОА. Это был убежденный сторонник генерала Власова. Первая дивизия РОА была вооружена оружием, полученным от РОНА.

Такова истинная история бригады Каминского, о которой рассказывают всякие небылицы люди, ничего не знающие о действительных фактах и событиях.

По моим личным впечатлениям, несмотря на известный анархизм и совершенно неизбежные во время гражданской войны бесчинства, РОНА, созданная Воскобойником и Каминским из рабочих и колхозников Брянского и других районов, была подлинной народной армией. Антибольшевизм этой народной армии, возникшей стихийно, для меня несомненен. Поэтому историю бригады нужно отделять от личности самого Каминского. А к личности самого Каминского нужно тоже подходить более справедливо, понимая всю сложность и трагичность положения этого несомненного антибольшевика и

одаренного полководца. Каминский в начале и Каминский в конце, это совершенно разные люди.

Я не ставлю себе целью обеление личности Каминского, но простая справедливость заставляет меня сказать, что он был жертвой безвременья. Будь политическая обстановка менее сложной и найдись люди, которые поддержали бы Каминского на первом этапе его деятельности, после смерти Воскобойника, он мог бы стать выдающимся деятелем в антибольшевистской борьбе.

Вольтер сказал, что мертвым не надо льстить, но на них не надо и клеветать, о них нужно говорить только правду. Мне кажется, пора сказать истину и о РОНА и о ее бойцах — крестьянах и рабочих, погибших в борьбе с большевиками.

См.: Башилов Б. Правда о бригаде Каминского / «Наша страна» (Буэнос-Айрес), субб., 13 декабря 1952 года, № 152. С. 3, 6.

Приложение 3

Из воспоминаний В.Д. Самарина о Б.В. Каминском

...Обстановка в занятых немцами областях никак не способствовала становлению политических организаций, разработке программ. Немецкие власти препятствовали всяким попыткам политического общения и объединения антибольшевиков, хотя и не преследовали открыто такие попытки.

В Орле, например, весной 1943 года появился некий Н. — бывший политический заключенный советских концлагерей, который пытался создать какую-то антибольшевистскую партию, написал проект программы этой партии, довольно путаный, но не лишенный интереса, как документ того времени, как документ, написанный рукою советского человека, только что вырвавшегося из-под идеологического большевистского гнета.

Интересны тезисы к программе партии, которая возглавлялась потом Б.В. Каминским, написанные его предшественником, основателем этой партии и первым начальником Локотского округа, инженером Воскобойником, бывшим политзаключенным.

Те, кто знал Воскобойника, вспоминают о нем, как о человеке большого ума и чистой души. Рассказывают, что он зажигал людей своей верой в светлое будущее послебольшевистской России. Погиб Воскобойник в одной из операций против партизан.

Тезисы Воскобойника, как и другие проекты «программы», появились в занятых немцами областях — и на них не мог не сказаться дух того времени, однако с фашистскими программно-идеологическими «установками» они имели общее только в одном: в отрицании капитализма.

Мне рассказывали в Брянске, что Воскобойник свои тезисы написал на основании подпольной брошюрки, которую он видел в концлагере, брошюры, изданной эмигрантской антибольшевистской организацией. Подтверждения этому рассказу я больше не находил.

Место погибшего Воскобойника занял Бронислав Владиславович Каминский, поляк по происхождению, но, по всем свидетельствам, убежденный русский патриот, антибольшевик. Каминский тоже политзаключенный, просидевший много лет в советских концлагерях. Война застала его в Орловской области, на одном из сахарных заводов, где он работал инженером.

Каминский принял от Воскобойника только что организовавшуюся военную часть и Локотский округ, на территории которого власть принадлежала только русскому самоуправлению. По договоренности с немецким командованием, немцы не вмешивались в управление округом, получая лишь с него причитающиеся военные поставки.

Материально население жило в Локотском округе лучше, чем во всех остальных занятых немцами областях. Местное самоуправление всячески поощряло частную инициативу в развитии различных кустарных промыслов. В округе открылось несколько школ. Был даже свой драматический театр.

В середине 1943 года бригада Каминского, действовавшая против партизан, насчитывала до 10 000 человек. Во время летнего наступления Красной армии, когда фронт приблизился к границам Локотского округа, часть бригады принимала участие в боях против регулярных частей Красной армии. Каминцы показали себя умелыми солдатами.

Бригада Каминского была хорошо вооружена, хорошо обмундирована, что нельзя сказать про некоторые полицейские формирования. Например, в Могилеве мне пришлось наблюдать любопытную картину. Начальник областной полиции полковник Савостеев делал смотр школе полиции. В задних рядах выстроившихся перед ним курсантов несколько человек стояли... босиком.

Начальник тут же учинил разнос начальнику школы.

Начальник оправдывался:

— На складе ни одной пары сапог. Писал немцам несколько раз. Все обещают прислать...

Присутствующие немцы были смущены не меньше самого начальника школы. Взбешенный Савостеев сел на лошадь и уехал.

У Каминского такого случая вообще не могло быть.

Личность самого Каминского представляет несомненный интерес. В нем наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, это был человек большого личного мужества и храбрости, с другой стороны, истерик. Человек несомненно одаренный, хороший организатор и талантливый военачальник, он не знал, однако, чувства меры. Ему, например, говорили, что он, Бронислав Владиславович Каминский — вождь новой России, и это льстило его самолюбию. В местном театре не начинался спектакль, пока он не приезжал. Каминский входил — весь зал вставал. Только после этого поднимался занавес. Местная газета «Голос Народа», выходившая под девизом «Все для народа. Все через народ», посвятила целый номер Б.В. Каминскому в день его сорокалетия, весной 1943 года.

Несмотря на наличие в отрядах Каминского элементов вольницы, в них была твердая дисциплина. Каминцы не допускали грабежей населения, защищали население не только от партизан, но и от немцев. Дисциплина в бригаде основывалась еще и на духе братства — и между солдатами и между солдатами и офицерами.

Солдаты любили своих командиров, как старших товарищей по борьбе. Достаточно назвать таких командиров, как ставшего почти легендарным за свою храбрость и умелое командование полковника Белая или майора Хомутова.

Их знали не только солдаты, их знало население далеко за пределами Локотского округа.

В 1944 году бригада Каминского была переброшена в Белоруссию, в Лепель. С бригадой ушли все местные самоуправления, часть населения. Затем бригада перешла в район Лиды.

Чтобы дополнить далеко не достаточную характеристику Каминского (пусть это сделают те из его соратников, которые его знали лично), я должен рассказать о беседе Каминского с эсэсовским генералом, требовавшим, чтобы Каминский бросил свою бригаду на подавление Варшавского восстания.

Каминский, скрестив руки на груди, ответил эсэсовцу:

«Господин генерал, во-первых, я по происхождению поляк, во-вторых, я русский патриот. Я и мои солдаты борются только против большевизма, за свободу России. Я не могу участвовать в борьбе против них».

Вскоре после этого Каминского убили.

Переводчик Каминского, офицер его бригады, рассказавший мне об этой беседе, говорил, что он смотрел на Каминского с восхищением. В нем не было и тени рисовки. Он знал, чем рискует. Он рисковал своей головой. Не всякий в то время способен был на такой ответ эсэсовцу.

См.: Samarin V.D. Civilian life under the German Occupation. 1942—1944. N.Y., 1954. P. 82—86.

Приложение 4

Из воспоминаний Р.Н. Редлиха о Бригаде Каминского

Как известно, брянские леса славятся своей непроходимостью.

Между Брянском и Орлом есть такой городок — Локоть. Эти места для немцев были труднодоступны: лазить по дебрям было для них сложной операцией. Постепенно в лесах стали появляться партизаны. Это были еще не классические партизаны, а в основном местные жители или окруженцы, которые не хотели сдаваться в плен. Они уже знали, что их там ждет, и жили своими силами. Большая земля стала их постепенно приручать: направила руководящие кадры, помогла оружием и частично продуктами. Остальное они брали сами. Так всегда было. К концу 1941 года партизан расплодилось столько, что от них понадобилась оборона, не немцам, а

самому местному населению — грабят и грабят, сколько можно. Во главе «оборонцев» стал Воскобойник, который собрал из местных же ребят полк или бригаду, не помню точно, как она тогда называлась, и организовал защиту. Вскоре он погиб в одной из стычек. Воскобойник оставил о себе самую добрую память. Знаете, как обычно бывает: о погибшем человеке складывается миф. Судя по молве, он был просто идеалом. Я не застал его, и могу сказать лишь, что у него осталась жена, которая позже стала секретарем Каминского, взявшего дело в свои руки.

Кто такой Каминский? Прежде всего, он поляк по национальности — Бронислав Станиславович [Так в тексте, правильно: Брониславович. — *Примеч. авт.*]. *Это важно. Бывший инженер. Отсидел срок. После освобождения осел в Локоте с «минусом». Минус — это ограничение жить в определенных местах. Они были разные. Каминский имел минус сто, то есть живи в районном центре и больше никуда. Приход немцев он воспринял с радостью, что вполне естественно. Инженер-химик по профессии, зек по воспитанию и отношению к советской власти, как у человека, прошедшего такие «университеты». Был он человек волевой, властный, командный, обращавшийся к любым средствам и приемам, в которых был воспитан и научен за проволокой. И с такой же психологией. Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело. Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят — пещерный.*

В Локотской округе Каминский завел строгий порядок и руководил очень жестко. С немцами заключил соглашение об их невмешательстве: он сдавал определенное количество продуктов немцам, а остальное — оставлял себе. Организованное самоуправление было одобрено генералом Миллером, который являлся командующим этого района и находился со своим штабом в Орле. Это был конец 1941 или самое начало 1942 года. Порядок, заведенный Каминским, в принципе был наш родной — советский. Были назначены новые начальники, примерно, по советской системе. Сохранились и колхозы, получившие, правда, название общинных дворов.

Участившиеся партизанские набеги отражали сами же местные жители. И оборонялись довольно крепко. Во всяком случае, в сам Локоть партизаны не совались. Местное население жило довольно зажиточно и относилось к Каминскому вполне нормально, даже хорошо.

В Локоть я впервые приехал весной 1943 года. Явился к Каминскому. Представился я из Министерства Восточных областей. Хочу посмотреть, познакомиться с системой самоуправления. Он достает бутыль, наливает по стаканчику — конечно, самоделка, но хорошая. Завязался дружеский разговор. Он сетует, что не хватает интеллигентных кадров. Я отвечаю ему, что пришлю людей из перевоспитанных нами военнопленных. На том и расстались.

Вернувшись в Берлин, я доложил обо всем увиденном своему руководству. Однако ко всему сказанному отнеслись довольно криво — нет, нам это не подходит. Ваши люди будут направлены в распоряжение Смоленска, а Локоть не относится к его ведому. Вскоре немцы стали отступать от Орла. Началась эвакуация. Бригада организованно и дисциплинированно передислоцировалась в город Лепель — на северо-западе советской части Белоруссии. Здесь ситуация была уже совершенно иной, чем в Локте. Болотистые озерные места этого района были непривычны и незнакомы для бойцов Каминского. Партизан было больше, обороняться сложнее. Да и местное население без радости встретило «пополнение» с длинным хвостом семей. Здесь уже поделили землю и распределили продукты. Кроме того, появилось еще и новое начальство. Мало того, что управляют немцы, так еще и Каминский. Но вскоре по его требованию немцев из Лепеля убрали, предоставив ему возможность жить на таких же условиях, как и в Локоти. Жизнь понемногу стала налаживаться. Однако примерно через год, в начале 1944 года бригада была вновь переведена, на этот раз в Дятлово — недалеко от Новогрудка. Небольшой районный центр с хорошей католической церковью и православным храмом. Местное население здесь уже было другим — не советское, а белорусы, которые издавна угнетались поляками. А Каминский сам был поляк. В это время я приехал к Каминскому вторично, уже уйдя из Министерства. До этого к нему, еще в Локоть, от Союза был направлен Жора Хомутов — из перевоспи-

танных, сам родом из брянских мест. Энергичный, образованный и неглупый, он быстро приобрел там вес. С его помощью Каминский создал Национал-социалистическую русскую партию. Нужна ли ему была именно национал-социалистическая партия? Нет, любая. Он был воспитан в системе, где без партии жить было нельзя. Созданной партией, так же как и остальной идеологической работой, ведал Жора Хомутов. Однако идея создания партии немцам не понравилась, и ее настрого запретили.

В Дятлове произошел довольно интересный эпизод, который ярко характеризует натуру Каминского.

Как-то к нему из Минска приехал важный немецкий полицейский чин. Фамилию сейчас не помню. Он ведал этим районом, и соответственно подведомственной ему стала и бригада. Он и слышать не хотел о каком-то самостоятельном районе. Начинается совещание. Меня вызывает Каминский и приказывает выступить в качестве переводчика, хотя сам говорит по-немецки довольно сносно. Торг идет о следующем: в районе действуют помимо советских партизан поляки из Армии Крайовой. Немцам все равно — бандиты и есть бандиты — и они требуют вести военные действия против тех и других. Каминский категорически отказывается воевать с поляками. Немец орет. Я перевожу все, особенно не смягчая. Каминский отвечает аналогично — русским матом. Перевожу в мягких немецких оборотах. Разругавшись и не придя к единому мнению, так и заканчивают «военный совет». Но Каминский упорен. Через некоторое время ему все же удается отказаться от боев с польскими партизанами. Зато с советскими он расправлялся жестоко. Со взятыми в плен обращались так же, как и в соответствующих органах у нас. Да и ребята-допросчики были из этих же органов, перешедшие на его сторону. Напряжение росло. Это отражалось и на местном населении. Такое положение сохранялось все полгода, которые я там пробыл. Это уже был 1944 год.

Когда я прибыл к Каминскому, то взял на себя руководство идеологической работой, за которую ранее отвечал Хомутов. Жора же стал заниматься политработой в армии. Она велась в остром антисоветском духе, примерно по Дабендорфофской схеме, но это были не курсы, а «живая» работа с людьми. К этому времени немцы

уже ослабели, и нам все же удалось официально открыть партию. В типографии, которая была под моим началом, отпечатали ее программу. Это была схема Национально-трудового союза — НТС. Первая страница с названием Национал-социалистической партии России была отрывной, а остальное — все по тексту. Схему мы кончили печатать в июне 1944 года, а 12 июля уже эвакуировались. Началось советское наступление. Красная Армия окружила Минск. Бригада с семьями стала отходить в Польшу, в сторону Варшавы. Было ли направление эвакуации определено немцами, не знаю.

Подойдя к Варшаве, я отпросился у Каминского на встречу со своими соратниками из НТС. Не забуду момент прощания с Брониславом Станиславовичем. Каминский, вероятно, уже чувствовал, что его дела плохи. Он был в Польше, но воевать с поляками не мог. Да и бригада после Лепеля стала быстро разлагаться. Уйдя из родных мест, солдаты потеряли смысл борьбы и постепенно превращались в обычных мародеров.

Встретившись со своими друзьями, я узнал от Вани Виноградова об аресте руководства нашей организации и о том, что меня разыскивают немцы. Возвращаться в бригаду было опасно.

Дальнейшее происходило без меня. Судя по рассказам ребят, с которыми я поддерживал связь, Каминского, еще до начала восстания в Варшаве, зачем-то вызвали немцы, и он исчез. Считают, что его расстреляли, хотя прямых фактов на это нет. Я думаю, это верно. Он стал им больше не нужен. Оставшаяся без командира бригада была переформирована.

Я уехал в Катовицы, к священнику — нашему человеку, который выписал мне новое метрическое свидетельство. Так я стал Романом Григорьевичем Воробьевым. С этим документом и приехал к нашим под Вену и поступил в фирму «Эрбауэр». Там уже работали Виноградов и Болдырев. Меня определили в начальники канцелярии — должность на бумаге. Со всей работой справлялись работники фирмы.

Так в качестве служащего Воробьева я и существовал до тех пор, пока меня не вызвал к себе Игорь Юнг, тоже член Союза. Русский, родившийся в Германии, он был в чине майора и возглавлял небольшой лагерь, где должны были готовить людей для переброски в советский тыл.

Он-то и взял меня к себе. Дал чин капитана и поручил преподавательскую работу. В этом лагере преподавал русскую историю Николай Иванович Осипов — лейтенант с седой бородой, а до этого — советский профессор антибольшевистских убеждений. Вместе с ним, после войны, мы писали «Очерки большевизмоведения». Посылать какие-либо отряды мы не собирались. Это была липа. Просто Юнг старался объединить и спасти людей для дальнейшей борьбы. Правда, один отряд все же был сформирован — отряд Соловьевых. Их было два брата, Коля и Володя. Родом они из Галиции, но русские ребята. Они ушли на Родину по своей воле. Просто не хотели эвакуироваться, жить в Германии. Решили вернуться домой — их там все знали, — укрепиться и вести Союзную работу. Цель работы была довольна туманной, но ребята надеялись сориентироваться на месте. Братья Соловьевы благополучно дошли и закрепились на Родине. Вообще в России оставались многие. После войны большинство из них получили срок и отсидели. Некоторые исчезли бесследно. Например, — Жора Хомутов. Еще при эвакуации из Дятлова он организовал отряд, в который вошли несколько членов нашего Союза, присланных из Минска Георгием Сергеевичем Околовичем, который был главным на весь средний участок оккупированной России. Он служил у Меньшагина — бургомистра Смоленска, в должности начальника транспортного отдела. Это было для нас очень важно: транспортный отдел — это машины, связь.

Хомутов ушел обратно в Локоть и пропал.

В это время уже набирало силу власовское движение. С генералом Власовым я встретился в 1943 году — ездил с поручением от Каминского наладить связь. Андрей Андреевич в то время был в Берлине, под арестом. Немцам не понравились его смелые речи во время поездок в Смоленск и Псков. По приказу Гитлера «строптивого» генерала посадили за проволоку. Правда, это была формальность. Штрик и другие немцы, которые помогали движению, сняли для него виллу, довольно хороший дом, и обнесли его вокруг проволочкой. Для убедительности к Власову приставили охрану — Сережу Фрелиха. Это был прибалтийский немец, отлично говоривший по-русски. Он жил в том же доме, часто сопровождал Андрея Андреевича на про-

гулках, да и выпить всегда было с кем. Как-то Власов зашел в «русский дом» к эмигрантам. Об этом мне рассказывала моя будущая супруга — Людмила Глебовна, урожденная Скуратова — дочь белого офицера, Глеба Тимофеевича, члена РОВСа с 1929 года. В разговоре Андрей Андреевич вдруг обмолвился, что, мол, эмиграция нам вообще не нужна, мы — советские люди, мы все будем делать по-новому. Пустим ли мы вас обратно в Россию или нет, еще посмотрим. Его выступление не понравилось присутствующим. Людмила Глебовна, разволновавшись, резко заявила: «А мы и спрашивать вас не будем. У нас люди уже и сейчас едут и работают в Россию и потом поедут...»

Моя поездка к Власову закончилась ничем. Он тогда категорично заявил: «Каминский мне подчиняется без всяких разговоров и переговоров. Я принимаю его в РОА вместе с бригадой. Каминский будет по-прежнему командовать, но под моим началом». На этом и расстались.

См.: Источник: Редлих Р.Н. В бригаде Каминского / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, воспоминаний, документов / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М.: Архив РОА, 1998. Вып. 2. С. 431—442.

Приложение 5

Из дневника солдата бригады РОНА И.И. Вашенки (после 2 сентября 1944 года)

2. VIII 44. Вечером командир роты с лейтенантом ИВАНИНЫМ на проверке выбрали всех неженатых солдат, объявляя, что мы поедем в Варшаву подавить восстание поляков.

3. VIII 44. Подъем в 3 часа. Мы собираем манатки, строимся в порядок и маршируем, чтобы загрузиться на автомобили, доведенные уже на место. После посадки мы сразу трогаемся. На пути автомобили едут на максимальной скорости. Минуем города: Ченстохову, Томащов, Радомско. Приезжаем в Варшаву и ночуем на улице — весь полк в одном месте.

4. VIII 44. Утром в 5 часов полковая проверка, командир полка объясняет задачу — мы должны наступать. Сперва мы продвига-

емся благополучно. Потом попадаем на огонь, в нашей роте есть 3 раненых — 2 тяжелых, 1 легко. Входим в город, солдаты разыскивают население, командир роты расстреливает найденных. Зачем же это? Что общего имеют с этим они — эти женщины и дети? Мы готовимся к ночлегу в больнице.

5. VIII 44. День прошел благополучно. Наша рота потерь не имеет, хотя правду говоря, нас обстреливали. В городе имеют место массовые грабежи, совершаемые немецкими солдатами, а также и солдатами РОНА. Правду говоря, у солдат РОНА вызывают интерес только драгоценности, часы, золото, а немцы хватают одежду, белье, пальто, чемоданы и т.д. Солдаты РОНА берут с собой также пищу, разные лакомства, а также и водку. Часто встречаются пьяные, которые тоже, бывает, гибнут из-за водки. Воды в городе мало, только эта, которая осталась от запасов, сделанных населением в разной посуде. Для питья такая опасно, но мы пьем ее, несмотря на это, так как другой нет. Насосная станция не работает.

9. VIII 44. В 5 часов я встаю из постели, сделанной из двух пальто. Мы находимся в доме, сразу двигаемся по квартирам добыть пищу. Я нахожу яйца, жарю их и кушаю вместе с ребятами. В подвалах находятся поляки, одна женщина раненая. Мы идем в наступление, я не знаю, выйду ли я целым. Поляки сражаются с чердаков и окон верхних этажей. Вдруг появляется командир роты и заявляет, что нашу задачу в боевом действии изменили и надо только жечь соседние здания. Сжигать направляются только 40 человек, я остаюсь на месте. Все из тех, кто пошел жечь, вернулись. В 4 часа я разговаривал с поляками о положении Варшавы. Они утверждают, что каждая нация хочет иметь свое собственное национальное государство, во главе которого стоял бы народ. Как я заметил, поляки — это больше всего ценящая свободу нация, которая любит только свою власть и собственное национальное государство. Народ, который любит и уважает только свою нацию, — это нация, в полном значении этого слова.

Вчера я узнал, что два стрелка пропали без вести — КУЖУЕВ и УКАЦЕВ, по прозвищу «Кындра». Многие солдаты нашего полка разбредаются по домам с целью грабежа и гибнут от рук поляков.

Среди нашего полка уже много убитых и раненых. Наверное, немногие из нас останутся в живых, а еще меньше вернется на родину. Ничего хорошего впереди. Наша ситуация плохая, нам придется погибнуть либо от руки поляков, либо от рук своих братьев и отцов, либо немцев — наших союзников. Это ясно, из всего сплетения событий, куда ни направиться, везде ждет пуля или граната, каждое окно дышит смертью. Из этого ясно вытекает, что поляки любят свободу своей родины и за это стоят стеной. Мы против них бессильны, бессильна СС, даже Германия со своим тяжелым вооружением, танками и авиацией. Поляки стреляют из домов-крепостей в наших солдат, многих убивают и ранят. Многие из наших погибли и еще погибнут. Вечером мы похоронили одного стрелка из нашего батальона.

10. VIII 44. Я встаю в 8.30. Покой. Только ночью после двух часов поймали одного поляка, раненного в руку и пьяного. Сделали ему перевязку и отвели в подвал к остальным полякам. В 2.30 принесли убитого стрелка из батальона артиллерии. Его похоронили. Его похоронили во дворе нашего дома рядом с могилой стрелка, убитого вчера. Зачем гибнут люди, полные жизни и радости, для кого они сражаются? Надо жить, жить и еще раз жить!

Вечером мы получаем приказ продвинуться к зданию, в котором находится 30 поляков с автоматическим оружием. Говорят, что мы должны взять этот дом штурмом — это неизбежная смерть для многих молодых солдат, желающих еще жить. Эту затею я считаю глупой идеей, несущей смерть людям, которым дорога жизнь. Я чувствую какое-то беспокойство. Спасти жизнь — больше я бы ничего не хотел!

После входа в дом, мы искали воду и пищу; нашли, но мало. Я ничего не нашел. Думаю, что скоро мы будем ощущать последствия нехватки воды. Я ложусь спасть в 11.30.

12. VIII, пятница. Я встаю в 7.30. Пока что покой, только сейчас же убили одного немца. Мы быстро двигаемся в наступление, командиров взводов вызвали на совещание. Был выдан приказ, чтобы выделить из взвода 15 человек для сжигания домов. Все уходят, я остаюсь у манаток. Однако скоро все возвращаются. Вечером меня назначают связным со штабом батальона.

13. VIII, воскресенье. Я встаю в 5 часов. Моюсь и выхожу за водкой к одному дому, где я ее уже раньше заметил. Мы завтракаем. После завтрака я заснул на момент, а когда встал, узнал, что командира роты ИВАНИНА арестовали. Попозже я видел его, избитого, с синяками возле глаз. Роль связного не очень мне нравится. Нигде нельзя отделяться. Я видел всех ребят из своей родной деревни. Сегодня мы идем в наступление. Теперь артиллерия подготавливает атаку. Наступление отменили. В 5 часов вечера смена и я возвращаюсь к старому месту стоянки, затем отправляюсь за поиском пищи в квартирах, покинутых поляками. Нахожу восемь яиц и консервную банку. Мы ужинаем, и я в 6.10 ложусь спать.

14. VIII, понедельник. Я встаю в 7.30, моюсь. В четыре часа был выдан приказ продвинуться вперед — мы продвигаемся после подготовки территории артиллерией. Располагаемся в больнице. Политический заместитель командира батальона высунулся и был убит солдатами польской армии. Затем был выдан приказ проконтролировать дом, из которого убили политического заместителя командира. Мы продвигаемся, занимаем дом. В этом доме, неизвестно откуда, был убит один из нашей роты, а четыре ранены. Приказ — отступить. Занимаем больницу и размещаемся на отдых.

15. VIII, вторник. Я просыпаюсь в 2 часа от грохота и выстрелов, оказывается, что сбили советский самолет, а три пилота выпрыгнули с парашютами, приземляясь на польской стороне. Я ложусь снова и встаю в 7 часов. Мы занимаем позиции вокруг дома. В 3 часа второй взвод направляется к зданию на проверку подвала. Возвращаются все. Я не ходил, так как был на позиции у легкого пулемета. В соседском доме была 2-я рота и потеряла 1 солдата убитым. Поляки обстреливают нас с обыкновенной точностью. На ночлег мы располагаемся на старом месте стоянки.

Ночью подъем. Заявляют нам, что придет немецкий корреспондент. Завтра подъем в 6 часов.

16. VIII, среда. Я встаю в 6.30. Мы чистим оружие, выходим на площадку перед домом. Первый и третий взвод выходят и занимают здания впереди, а наш взвод остался в отводе. 4-й взвод в 9.30 начинает непрерывный огонь из пулеметов и гранатометов. Наверное, мы пойдем в наступление. Если пойдем, тогда у нас будут большие

потери, и вряд ли достигнем цели. Вечером капитан объявил, что в наступление мы не пойдем, пока не придут танки. Первый взвод нашей роты сегодня потерял стрелка убитым. Раненых нет. Таким образом, ежедневно мы теряем солдат убитыми и ранеными. Немцы, которые вчера обстреливали здания из пулеметов, говорили, что фронт находится на расстоянии 15 км от Варшавы. В такой ситуации находится Варшава. На ночлег мы располагаемся на старом месте стоянки. Корреспондент не явился.

17. VIII, четверг. Я встаю в 9 часов, моюсь, выхожу на площадку. Через час я направляюсь наверх, чтобы ради развлечения пострелять. Я выстрелил 60 патронов, правда, не по цели, а куда попало. Я не хочу стрелять в людей. Я выстрелил все патроны, и хотел отойти, как вдруг ударяет пуля в стену и обломок пули попадает мне в лицо. Рана не кровоточит, боли я не чувствую. Мы, наверное, отсюда не уйдем. Поляки очень укрепились в домах вдоль всей улицы, натаскали мешков с землей, а с мест перед домом тщательно пристрелялись. Нигде нельзя показаться, отовсюду угрожает смерть. Говорят, что к нам придет смена, но я думаю, что это только сплетни. Это только для того, чтобы подбодрить солдат. Сегодня я слышал новость, что семьи, которые остались вне границ Германии, голодают, скот падает, жандармерия следит за каждым шагом и никуда не разрешает отдаляться. Вдобавок на таборы напали партизанские отряды и, как говорят, было убито 150 солдат. Нам судьба выпала не лучше. Фронт находится в 15 км от Варшавы. Одно наступление и русская армия будет здесь, а мы погибнем от рук поляков. Во всяком случае, ничего хорошего нас не ждет.

Что думает наше к[омандова]ние, зачем оно толкает в резню войны русских, большинство которых не хочет войны, а хочет исключительно спокойной жизни? Мы боремся, у нас потери в убитых и раненых? Говорят нам, на новую освобожденную Россию. Это только воображение Каминского, а мы боремся на благо немцев, которые издеваются над русским народом, которые миллионы русских граждан заморили голодом в концлагерях и в лагерях пленных. Миллионы ни в чем не виновных детей, женщин и стариков расстреливали без никакой причины. Без причины сжигали целые деревни и перебивали население. Мы не увидим России, как не увидим своих

ушей. Я слышал тоже и это, что мы поедем на отдых, но это будет не отдых, мы только покинем Варшаву, которая окружена со всех сторон, а остался только один узенький прорыв. Если так оно и есть, тогда наши действия привели лишь к большим потерям в людях. Уже около 500 убитых и раненых из нашего полка. На ночлег мы размещаемся в старом месте стоянки.

18. VIII 44, пятница. Я встаю в 8 часов, моюсь и иду в город за пищей. Я нашел ведро молока и 15 яиц. Мы готовим завтрак и кушаем. Сегодня как будто мы уезжаем на отдых. Надо найти пищу и водку. Нахожу, что надо, и возвращаюсь. Сразу меня назначают в полковую разведку. Я трогаюсь к месту стоянки полка, после чего отправляюсь на отдых уже с разведкой. То, что уход на отдых должен быть отступлением, оказывается неправдой, но то, что фронт близко, бесспорная правда. Мы размещаемся на ночлег недалеко от штаба батальона. Теперь всегда я буду находиться у штаба батальона, так как взвод разведки всегда находится у штаба. Чаще я буду видеть Семена, он говорит порою что-то новое, а если это будет возможно, перейду на другую сторону. С ребятами я завел знакомство.

19. VIII, суббота. В 5 часов меня разбудил караул. Я встаю, иду в караул и стою 40 минут, потом иду в город за пищей. Нахожу сливочное масло, свиное сало, лапшу и разные напитки. Мы сносим, едим, а я ложусь на отдых; встаю, снова ем, иду в караул, стою 45 минут. В это время из лагеря, расположенного в 50 м от нас, гонят жителей Варшавы для погрузки в вагоны. Их отправят в Германию на принудительные работы. Эти люди ни в чем не виновны. Они от страха перед смертью с белыми флагами приходили толпой в лагеря, не зная, что их ждет. А сколько многих мирных граждан убили в подвалах или на улице! Везде лежат неубранные трупы, которые уже разлагаются и вызывают жуткое зловоние. Впрочем, день прошел спокойно и по-прежнему.

20. VIII, воскресенье. Мы поднимаемся по тревоге в 2 часа ночи. Собираем манатки и идем на сбор. Говорят, что мы пойдем на станцию, погрузимся и уедем. Оказывается, однако, что это сплетни. Идем в наступление. Продвигаемся вперед. Продвигаемся сперва без потерь, затем попадаем под огонь. Ранен командир

1-го взвода 1-й роты нашего батальона. Оказывается, что нашей задачей было освободить немцев, окруженных поляками. Это задача была выполнена. В 9 часов меня назначают в штаб связным, вместе со мной назначили связным одного стрелка из того же, что и я, села. В штабе ничего интересного не произошло, только раз послали меня в штаб батальона, кроме того, день прошел тихо и спокойно.

21. VIII, понедельник. Я встаю в 8 часов, моюсь, ем уже приготовленный завтрак. Теперь у нас пищи достаточно. Водка, свиное сало, сливочное масло, яйца и другая пища. Приходит смена связных. Я возвращаюсь в лагерь в 9 часов, где мы стояли на отдыхе 13 августа. Наш батальон вернулся 20 августа вечером. Впрочем, день прошел спокойно и тихо.

22. VIII, вторник. Я встаю в 7.30, моюсь, завтракаю и отправляюсь, чтобы добыть пищу и белье, которое у меня сильно запачканное. Мы идем вместе с товарищем, который из той же самой деревни, где мы дружили. Мы находим все, что надо, и возвращаемся на место отдыха. Готовим обед. После обеда я узнаю, что сводная рота 16 батальона почти совсем погибла. Остались немногие, а здоровых едва несколько человек. Это случилось следующим образом: рота заняла первый и второй этаж у одного здания. Солдаты разошлись по всему дому в поисках драгоценностей, пищи и водки. Поляки же, которые находились в подвалах и на верхних этажах, открыли огонь из автоматов и закидали гранатами и зажигающими бутылками, так что уничтожили всю роту.

За что погибли эти солдаты, для кого, в чью пользу? Трудно понять, за что выгоняют на верную смерть сотни молодых людей, которые хотят жить и еще раз жить! Таким образом погибли и гибнут сотни, тысячи, а даже десятки тысяч русских в пользу немцев, которые в течение трех лет ничего не сделали для русской нации, кроме зла. Они уничтожили сотни тысяч русских людей, заморили голодом в лагерях пленных; людей, которых обманула немецкая пропаганда.

Вербовали на работы в Германию парней и девушек, обещая жизнь в хороших условиях, полную благополучия и достатка, а что получили в действительности эти люди? Голод и работу сверх сил.

Надо направить оружие против тех варваров XX века, которые не выносят всех и не уважают никакой другой нации, кроме своей!

Вечером моюсь, меняю белье, ужинаю и ложусь в 10.30.

23. VIII, среда. Встаю в 8 часов, моюсь, завтракаю. Я услышал новость, что сегодня мы должны отойти на передовую позицию. В 5 часов после обеда капитан роты зачитал доклад на тему международной ситуации. Ничего особенного не сказал. В 9 часов повели нас на передовые позиции. Расстояние довольно большое — 7 км. Мы шли около двух часов. Остаток ночи мы провели во дворе наполовину разрушенного дома.

24. VIII, четверг. Встаю довольно поздно, так как ночь прошла на марше. Сразу мы поднимаемся на верхние этажи, чтобы обстреливать здания и поляков, которые перебегают на расстоянии 200 м через улицу. Мы имеем двоих, легко раненных в лицо, один из них из моего села. Я слышал еще, что был ранен мой товарищ, с которым я в Чушниках был на одном посту. Ранили его в ногу и уже отослали в больницу. Вечером идем в штаб батальона, который мы должны охранять. Мы шли довольно долго, так как были вынуждены обходить железнодорожный путь, находящийся под обстрелом. Мы дошли благополучно. Размещаемся на ночлег в грузовом вагоне. Охраняем штаб батальона, тихо и мирно, и к тому же безопасно. Правда, изредка ночью обстреливали дом, стоящий рядом, в котором находятся немцы.

В 8.30 меня назначили, чтобы донести пароль на передовые позиции. Идет 5 человек. Дорога довольно опасная, так как из каждого окна ждет смерть. Мы прошли благополучно, ниоткуда не стреляли. На передовых позициях поляки действуют очень хитро, сумели закидать гранатами даже двор. Результат — двое легко раненных. Слышатся вести, что если не сегодня, то завтра мы должны поехать в Августовскую [?] пущу, где, как говорят, собрались все польские повстанцы из Варшавы и других городов. Они, наверное, хотят в районе Августова [?] соединиться с советскими войсками. И говорят еще, что поляки там провели несколько сражений, а когда отступают назад, то каким-то способом отравляют воду и пищу, а дороги минируют. Говорят, что там отряды действуют под командованием Ванды Василевской.

25. VIII, пятница. Сегодня утром слышно было очень сильную орудийную канонаду по направлению на северо-восток и восток. Наверное, фронт уже близко. Все время говорят, что мы должны отойти отсюда, но не двигаемся. Может быть, это просто болтовня. Впрочем, день прошел спокойно.

26. VIII, суббота. Я встаю из постели, сделанной из бумаги. Я промерз до костей, несмотря на то, что спал в вагоне. Ночи теперь гораздо прохладнее, чем в первые дни нашего пребывания в Варшаве, несмотря на то, что в это время вовсе не было дождя. Постоянно погода и тепло. Уже чувствуется осень в воздухе, и некоторые листья желтеют. Созрели яблоки, груши и помидоры, которые здесь в неограниченном количестве. Порою дует прохладный ветер, которого до сих пор мы не ощущали. Видно, скоро наступят холода. Вечером меня назначили, чтобы донести пароль для 2-й и 3-й роты, но в последний момент это отменили. Ночью несколько ребят пошли за легковым автомобилем, но не взяли, так как поляки повредили его. Вернулись все, не будучи под обстрелом. В 8 часов меня назначили связным в полковой штаб. Сегодня наш полк должен отойти. На смену уже пришли немцы. Говорят, что мы отходим 28—30 км в лес на боевые действия. В 10 часов все батальоны и полковой штаб уезжают.

27. VIII, воскресенье. Я встаю в 6 часов. Сегодня я связной и должен быть у полка, но нет никакого приказа. Я в гадком настроении. Весь день я никуда не двигался. Смена в 7 часов, а в 10 часов я ложусь спать.

28. VIII, понедельник. Я встаю в 7 часов утра. В 8 часов сбор, ведут нас в сад, где уже собран весь полк. Командир полка призывает почтить память погибших солдат и командиров, после чего объясняет нашу задачу. Сегодня мы приступаем к новой задаче. Мы двигаемся 20 км в лес для борьбы с партизанами. Партизаны — наполовину поляки, в наполовину русские. Русские почти исключительно десантники. В 9 часов мы трогаемся. На место мы добираемся в 4 часа. На ночлег мы размещаемся в имении крепостника. Крепостник сбежал. Казаки, которые стояли у него раньше нас, забрали коров, лошадей, овец, за исключением двух лошадей и двух коров. Самого владельца избили за то, что не хотел платить

заработков своим рабочим. Спать мы ложимся в саду рядом с домом. Караул у нас из двух постов. После прихода на место мы совершаем вылазку в деревню на расстоянии 15 км. В деревне никого не было.

29. VIII, вторник. Мы встаем довольно рано и размещаемся вокруг. Я отправляюсь за помидорами. Завтракаем. Вечером 4-й взвод разведки и 3-я рота совершили разведку. Я не ходил, остался на дежурстве в штабе батальона. Ребята вернулись довольно поздно, говорят, что никого не видели. Едва вернулись, сразу пошел сильный дождь. Первый раз такой дождь за все время нашего пребывания в Варшаве. Мы ложимся спать на веранде усадьбы, и караул несет один пост.

30. VIII, среда. Подъем в 6 часов утра. Сегодня мы отправляемся. После отхода на 2 км мы идем в разведку. Едет с нами капитан. По пути мы встречаем солдат РОНА. Они утверждают, что наши ранили двоих из их солдат, приняв их за партизан. Оба ранены в лицо. Один тяжело, другой легко. Мы двигаемся дальше. Впереди деревня, наш капитан на автомобиле уже там; когда мы трогаемся дальше, попадаем под обстрел. Посередине дороги лежит убитый солдат РОНА, раненный в голову. Сапоги и брюки сняты. Дальше мы встречаем еще убитых поляков. Они в гражданской одежде. Мы останавливаемся в конце деревни, около леса, находящегося на расстоянии 600—700 м. В лесу мы замечаем многих партизан. Мы не стреляем, потому что слишком далеко оторвались от своих. Мы не имеем тяжелого оружия и могли бы понести потери. Мы отступаем к своим. После соединения двигаемся в деревню. Артиллерия обстреливает край леса, где появлялись партизаны. В селе мы берем свиней, запасаемся пищей, так как дорога ведет через лес 40 км, и нет ни одной деревни. Ночью поблизости деревни была партизанская разведка. Населения в деревне немного. Почти все мужчины сбежали.

1. IX, четверг. В 7 ч. сбор. Мы идем в наступление на деревню, находящуюся в 1 км от места нашей стоянки. Партизаны стреляют в нас довольно метко. Снаряды падают подряд. Нельзя высунуть голову из-за насыпи. Мы пробыли на позиции 3 часа, а затем ползком вышли из зоны обстрела. Сугубо меткий огонь был направлен

на табор и артиллерию, которые находились на расстоянии 500 м за нами. В результате один тяжело раненный и один легко. Обоих отвезли назад. На ночлег мы остаемся в той же деревне. Население убегает, мужчин почти нет.

2. IX, пятница. Сегодня никуда мы не собираемся. Капитан поехал в штаб полка на совещание. Наверное, стянут пушки 122 мм. Вчера свезли боеприпасы. Я слышал, что здесь 14 000 партизан и что у них два танка. Сегодня до сих пор тишина. Нигде не слышно выстрелов. В этой деревне много жителей Варшавы. Все мужчины из Варшавы пошли в лес. Пошли также местные. Остались одни дети и женщины.

См.: Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава—Москва. 2007. С. 1074—1090.

Приложение 6

Сведения о партизанских бригадах и отрядах, действовавших на территории Локотского волости, района, уезда и окружного самоуправления (1941—1943 гг.)

I) Партизанская бригада «За власть Советов».

Сформирована в Суземском районе. Командир Я.К. Кисилев, комиссар — Н.С. Паничев, начштаба — И.М. Беллин.

В бригаду входили следующие отряды:

1. Партизанский отряд им. Калинина. *Действовал с 12.1941 г. по 08.1942 г. Командиры: В.Н. Глыбин, Н.А. Мартынов. Комиссары: И.Г. Новиков, С.Е. Кривонайкин. Начштаба А.А. Куркин.*

2. Партизанский отряд им. Суворова. *Действовал с 1942 г. по 09.09.1943 г. Командир И.А. Мелихов, комиссар — Н.Н. Антипов, начштаба — А.И. Трикачев.*

3. Партизанский отряд «Большевик». *Действовал с лета 1942 г. по 09.09.1943 г. Командир С.И. Кочур, начштаба — Н.Т. Костырин.*

4. Партизанский отряд «За власть Советов». *Сформирован в с. Суземка (с 02.10.1941 г. по 08.09.1943 г.). На 02.09.1941 г. — 12 человек. На 01.01.1943 г. — 320 человек. Командиры: И.Я. Алексютин (на 02.10.1941 г.), Г.Х. Ткаченко (на 20.01.1942 г.), Ф.И. Попов (на 01.06.1942 г.), Г.Н. Руленков. Комиссары: Н.С. Паничев (на 02.10.1941 г.), Н.С. Свиридов (на 20.01.1942 г.), Г.Н. Руленков,*

А.Г. Шавво. Начштаба: Д.Т. Стаканов (на 02.10.1941 г.), П.В. Кошковский (на 20.01.1942 г.), С.Я. Халявин (на 01.06.1942 г.), М.П. Панченко.

5. Партизанский отряд им. Пугачева. *Сформирован из состава партизанского отряда «За власть Советов» (01.06.1942 г. по 06.09.1943 г.). На 05.06.1942 г. — 317 человек. На 10.06.1943 г. — 70 человек. Командиры: В.П. Власов (на 01.06.1942 г.), Т.Л. Гуренков (на 15.09.1942 г.), С.П. Сидоров (на 10.06.1943 г.). Комиссары: С.М. Макаров (на 15.09.1942 г.), Д.Т. Стаканов (на 01.06.1942 г.), А.М. Числин (на 10.06.1943 г.), Б.К. Ковальчук (на 10.06.1943 г.), Н.Н. Антипов. Начштаба: А.А. Лаврененков (на 10.06.1943 г.), В.В. Анисимов (на 01.06.1942 г.), И.И. Тимчук (на 15.09.1942 г.).*

6. Партизанский отряд им. Дзержинского. *Сформирован из состава партизанского отряда «За власть Советов». Действовал с 01.06.1942 г. по 05.09.1943 г. На 01.04.1943 г. — 242 человека. На 01.09.1943 г. — 96 человек. Командиры: Н.В. Калмыков (на 01.06.1942 г.), Т.С. Маричев (на 15.08.1942 г.). Комиссары: Д.С. Свиридов (на 01.06.1942 г.), Ф.Д. Губин (на 15.08.1942 г.), В.А. Гришаков, М.Я. Голуб, М.Р. Заславский. Начштаба: М.Я. Голуб (на 01.06.1942 г.), И.Г. Клочин (на15.08.1942 г.), М.Р. Заславский, Я.Г. Кумсков, М.М. Романенков.*

7. Партизанский отряд им. Буденного. *Сформирован в Суземке из группы самообороны Суземского района. Действовал с 01.06.1942 г. по 06.06.1943 г. На 01.06.1942 г. — 273 человека. На 06.06.1943 г. — 110 человек. Командиры: Т.Л. Гуренков (01.06.1942 г.), А.Н. Янков (на 10.09.1942 г.), М.Г. Шабанов (на 01.09.1943 г.). Комиссары: С.Е. Кривоножкин (на 01.06.1942 г.), И.Г. Новиков (на 10.09.1942 г.), Ф.Д. Губин (01.09.1943 г.), К.И. Чижов. Начштаба: С.Г. Шергунов (на 01.06.1942 г.), С.Я. Халявин (на 10.09.1942 г.), Ф.М. Дубинин (на 01.09.1943 г.).*

8. Партизанский отряд им. Руднева. *Сформирован в с. Чернь Суземского района. Действовал с 04.06.1942 г. по 1.10.1943 г. Командиры: Д.А. Андросов (на 11.06.1943 г.), Я.С. Кумков. Комиссары: Д.Т. Колесников (на 04.06.1942 г.), П.В. Кашковский (на 11.06.1943 г.), М.П. Панченко (на 01.01.1943 г.), Н.К. Сухарев, А.Г. Шавво, Ф.Е. Фе-*

досов. Начштаба: И.Ф. Коротченков (на 04.06.1942 г.), Ф.Е. Федосов (на 11.06.1943 г.).

***9. Партизанский отряд «Победа»** (им. Гризодубовой). Действовал в 1943 г. в Суземском районе.*

***10. Партизанский отряд «КИМ».** Действовал с 19.11.1942 г. по 02.1943 г. в Суземском районе.*

***11. Партизанский отряд им. Кирова.** Действовал в 1942 г. в Суземском районе.*

***II) Партизанская бригада «За Родину».** Сформирована в Брасовском районе. Командиры: Г.Х. Ткаченко, В.И. Корнеев. Комиссары: А.А. Малышев, Н.Т. Костырин. Начштаба С.Д. Зенин.*

***1. Партизанский отряд «За Родину».** Сформирован в Брасовском районе. Действовал с 04.10.41 г. по 10.09.1943 г. Командиры: В.А. Капралов (расстрелян партизанами за убийство полкового комиссара) (на 04.10.1941 г.), В.И. Корнеев (на 18.02.1942 г.), В.Я. Абакумов (на 28.08. 1943 г.). Комиссары: Т.И. Разумов (на 04.10.1941 г.), А.А. Малышев (на 01.06.1942 г.), И.Г. Новиков (на 01.06.1942 г.). Начштаба: М.В. Балясов (на 04.10.1941 г.), В.К. Беликов (на 01.05.1942 г.), Н.И. Винник (на 23.06.1943 г.).*

***2. Партизанский отряд им. Калинина.** Сформирован в д. Гавриловa Гута Суземского района. Действовал с 17.01.1942 г. по 10.09.1943 г. На 01.02.1942 г. — 250 чел. На 10.09.1943 г. — 101 чел. Командиры: В.Н. Галыбин (на 17.01.1942 г.), Н.А. Мартынов (на 18.09.1942 г.), С.К. Арсенов (на 06.06.1943 г.). Комиссары: И.Г. Новиков (на 17.01.1942 г.), Т.Д. Шурупов (на 06.06.1943 г.). Начштаба: А.А. Куркин (на 17.01.1942 г. и на 06.06.1943 г.), С.К. Арсенов (на 18.09.1942 г.).*

***3. Партизанский отряд «Большевик».** Сформирован в д. Кокоревке Суземского района. Действовал с 03.01.1942 г. по 15.09.1943 г. На 01.05.1942 г. — 240 чел. На 03.01.1942 г. — 34 чел. Командиры: С.И. Ерофеев (на 03.01.1942 г.), Л.Т. Филоненко (на 10.10. 1943 г.). Комиссары: И.И. Зайцев (на 03.01.1942 г.), П.П. Шевченко (10.05.1942 г.), В.С. Шевченко (10.01.1943 г.). Начштаба: Н.Т. Костырин (на 03.01.1942 г.), К.Д. Заяц (на 10.05.1942 г.), А.И. Сержант (на 10.01.1943 г.), А.Д. Цурунов.*

4. Алтуховский партизанский отряд. *Сформирован в с. Алтухове Навлинского района. Действовал с 28.02.1942 г. по 7.09.1943 г. На 01.07.1942 г. — 370 чел. На 1.09.43 г. — 102 чел. Командиры: О.Б. Янбулатов (на 28.02.1942 г.), С.И. Леснев (на 10.03.42 г.), М.А. Карицкий (на 17.10.1942 г.), В.А. Гупайлович. Комиссары: В.П. Бобылев (на 28.02.1942 г.), И.А. Бородавко (на 10.03.1942 г.), Ф.И. Горбунов (на 17.10.1942 г.), Е.Е. Косовой. Начштаба: А.Г. Горохов (на 28.02.1942 г., на 10.03.1942 г., на 17.10.1942 г.).*

III) Партизанская бригада им. Кравцова*. Командир М.И. Дука, комиссар Д.Г. Ларичев, начштаба Н.Е. Мелешко.*

1. Партизанский отряд им. Пархоменко. *Сформирован в с. Святое Навлинского района. На 15.02.1942 г. — 194 чел. На 10.09.1943 г. — 126 чел. Командиры: Б.В. Волков (на 15.02.1942 г.), Б.М. Белозеров (на 01.05.1943 г. и на 10.09.1943 г.). Комиссары: И.Г. Петрунин, М.Я. Оскретков (на 01.05.1943 г. и на 10.09.1943 г.). Начштаба: П.В. Никонов (на 01.05.1943 г.).*

2. Партизанский отряд им. Свердлова. *Сформирован из группы самообороны с. Салтановка и д. Ворки Навлинского района. Действовал с 02.02.1942 г. по 08.09.1943 г. На 05.01.1942 г. — 190 чел. На 01.09.1943 г. — 96 чел. Командиры: А.И. Кузнецов (на 02.02.1942 г.), И.С. Проскуряков (на 12.07.1942 г.), Ф.Н. Антошкин (на 01.08.1943 г.). Комиссары: К.И. Щербин (02.02.1942 г.), И.Л. Лисицкий (на 12. 07.1942 г., на 01.08.1943 г.). Начштаба: М.Ф. Рябухин (на 12.07.1942 г.), Ф.Н. Антошкин.*

3. Партизанский отряд им. Кравцова (Брянский городской). *Сформирован в г. Брянске. Действовал с 15.08.1941 г по 05.09.1943 г. На 20.07.1942 г. — 224 чел. На 15.08.1943 г. — 186 чел. Командиры: Д.Е. Кравцов (на 15.08.1941 г.), М.И. Дука (на 15.12.1941 г.), М.В. Чернов (на 15.12.1942 г.). Комиссары: Д.Г. Ларичев (на 15.08.1941 г., на 15.12.1941 г.), В.Г. Новиков (на 15.12.1942 г.). Начштаба: Н.Е. Мелешко (на 15.12.1941 г.), М.С. Зеленец (на 15.12.1942 г.), Е.И. Сидоркин.*

IV) Партизанская бригада им. Молотова. *Сформирована в Комаричском районе 02.1943 г. Командиры: М.В. Балясов (05.1943 г.),*

Л.А. Галкин. Комиссары: Ф.А. Моначенков (на 05.1943 г.), И.В. Евстратов. Начштаба: Г.В. Дирдовский (на 05.1943 г.).

1. Партизанский отряд им. Железняка. *Сформирован 04.1942 г. Командир Н.К. Гринин, комиссар И.М. Ольховский.*

2. Партизанский отряд им. Пожарского. *Сформирован в Комаричском районе. Действовал с 10.1942 г. по 02.1943 г. Командир С.Н. Кульков (02.1943 г.), комиссар Ф.М. Кривченков (на 02.1943 г.), начштаба В.В. Носов (на 02.1943 г.).*

3. Партизанский отряд им. Молотова. *Сформирован в Луганской даче Комаричского района. Действовал с 01.02.1942 г. по 06.09.1943 г. Командир П.М. Мельников, комиссар В.Е. Тюлюков.*

4. Партизанский отряд им. Чкалова*. Сформирован в с. Игрицком Комаричского района из состава партизанского отряда «За Родину». Действовал с 01.06.1942 г. по 20.09.1943 г. На 01.06.1943 г. — 441 чел. На 20.09.1943 г. — 200 чел. Командиры: И.В. Выпов (на 01.06.1942 г.), В.А. Пшенев (на 01.10.1942 г.), И.С. Замотаев (01.06.1943 г.), М.В. Балясов. Комиссары: К.И. Бирюков (01.06.1942 г.), А.И. Сидоренков. Начштаба: Г.В. Дирдовский (на 01.06.1942 г.), П.С. Чечерин (на 01.01.1943 г.), В.В. Носов (на 01.06.1943 г.), А.Н. Беляев.*

5. Партизанский отряд им. Тимошенко*. Сформирован в районе Луганской дачи Комаричского района. Действовал с 01.06.1942 г. по 6.09.1943 г. На 01.05.1943 г. — 449 чел. На 10.06.1943 г. — 88 чел. Командиры: П.И. Макеев (на 01.06.1942 г.), П.И. Шавыкин (на 01.09.1942 г.), И.Д. Хныкин (на 01.06.1943 г.). Комиссары: С.А. Трощенко (на 01.06.1942 г.), П.С. Чечерин (на 01.06.1943 г.). Начштба: И.Д. Хныкин (01.06.1942 г.), Н.И. Терещенков (на 01.09.1942 г.), Е.И. Булкин (на 01.06.1943 г.), И.М. Ольховский.*

6. Партизанский отряд им. Кагановича*. Сформирован в с. Алешковичи Суземского района. Действовал с 05.06.1942 г. по 05.09.1943 г. На 5.06.1942 г. — 229 чел. На 25.08.1943 г. — 132 чел. Командиры: Е.И. Булкин (на 05.06.1942 г.), И.С. Кульков (на 24.06.1943 г.), С.П. Фролов (на 28.08.1943 г.). Комиссары: Б.К. Ковальчук (на 05.06.1942 г.), П.Н. Лохмоткина (на 24.05.1943 г.), В.М. Пысин (на 28.08.1943 г.). Начштаба: Б.Г. Сафронов (на 05.06.1942 г.), И.П. Газин (на 28.08.1943 г.).*

***7. Партизанский отряд «Советские патриоты»**. Сформирован в Суземском районе. Действовал с 28.07.1943 г. по 08.09.1943 г. Командиры: В.В. Носов (на 28.07.1943 г.), И.И. Тимчук. Комиссар П.С. Брекин (на 30.08.1943 г.), Н.И. Терещенко.*

***V) Партизанская бригада «Смерть немецким оккупантам»**. Сформирована в Навлинском районе, с 09.1942 г. Командир И.Г. Хорошавин, комиссар Б.К. Игнашков, начштба В.С. Долгоруков.*

***1. Партизанский отряд им. Шаумяна**. Сформирован в п. Харпач Навлинского района 25.12.1941 г. На 15.04.1942 г. — 249 чел. На 01.09.1943 г. — 104 чел. Командиры: Л.Б. Бляхман (на 25.04.1942 г.), Э.А. Заракжевский (на 10.06.1942 г.), И.Ф. Калиновский (на 01.01.1943 г.). Комиссары: А.А. Малевич (на 25.04.1942 г.), В.Е. Кирьянов (на 10.06.1942 г.), Д.А. Котов (на 01.01.1943 г.). Начштаба: В.Н. Россов (на 10.06.1942 г. и на 01.01.1943 г.).*

***2. Партизанский отряд им. Кирова**. Сформирован в с. Глинном Навлинского района. Действовал с 25.01.1942 г. по 09.1943 г. На 25.01.1942 г. — 170 чел. На 17.09.1943 г. — 90 чел. Командиры: Ф.А. Терехов (на 25.01.1942 г.), В.И. Ткаченко (на 05.09.1942 г.), П.И. Деревянко (на 23.12.1942 г.), Н.К. Колбасов (на 23.09.1943 г.). Комиссары: С.И. Каменец (на 25.01.1942 г.), Д.К. Афонин (на 5.09.1942 г.), И.Е. Таврин (на 23.12.1942 г.). Начштаба: П.А. Терехов (на 25.01.1942 г.), С.И. Каменец (на 05.09.1942 г.), Я.В. Зельдин (на 23.12.1942 г.).*

***3. Партизанский отряд им. Жданова**. Сформирован в с. Гавриловке Навлинского района. Действовал с 16.02.1942 г. по 10.09.1943 г. На 16.02.1942 г. — 239 чел. На 10.09.1943 г. — 126 чел. Командиры: М.П. Зарайский (на 16.02.1942 г.), П.Н. Пономарчук (на 15.06.1942 г.), П.Р. Дикий (на 15.02.1943 г.). Комиссары: П.Р. Дикий (на 16.02.1942 г.), В.Д. Горелов (на 15.06.1942 г. и на 15.02.1943 г.). Начштаба: М.С. Миньков (на 16.02.1942 г., 15.05.1942 г.), В.Г. Бобылев (на 15.02.1943 г.), А.И. Романович.*

***4. Партизанский отряд им. Молотова (Андреевский).** Сформирован в с. Андреевке Навлинского района. Действовал с 04.1942 г. по 10.09.1943 г. На 1.04.1942 г. — 376 чел. На 1.09.1943 г. — 125 чел. Командир П.М. Мельников (на 04.1942 г.). Комиссары: И.В. Романюк*

(на 04.1942 г.), В.Е. Тимохин, Р.Л. Хенкин. Начштаба Ф.П. Шухтин (на 04.1942 г.).

5. Партизанский отряд «Смерть немецким оккупантам». *Сформирован в с. Борщеве Навлинского района. Действовал с 10.1941 г. по 08.1943 г. На 06.10.1941 г. — 67 чел. На 01.08.1943 г. — 250 чел. Командиры: П.А. Понуровский (на 06.10.1941 г.), А.Б. Газанов (на 14.08.1943 г.), А.П. Шевцов. Комиссары: А.В. Суслин (на 06.10.1941 г.), И.С. Воропай (на 01.08.1942 г.), И.И. Коваленко (на 14.08.1943 г.), М.А. Мирошин. Начштаба: М.А. Мирошин (на 06.10.1941 г.), Н.И. Поляков (1.08.1942 г.), Н.М. Андрежейчик (на 14.08.1943 г.).*

6. Партизанский отряд им. Крупской. *Сформирован в с. Зелепуговке Навлинского района. На 14.01. 1943 г. — 143 чел. На 07.09.1943 г. — 65 чел. Командиры: А.Н. Авдюхов (на 15.10.1942 г.), А.Д. Ульянов (на 01.01.1943 г.). Комиссары: И.С. Афанасьев (на 15.10.1942 г.), Н.А. Козицкий (01.01.1943 г.), Ф.З. Бондарев (на 01.08.1943 г.). Начштаба Ф.З. Бондарев (на 01.01.1943 г.).*

7. Партизанский отряд им. Микояна. *Сформирован в д. Сидоровке Навлинского района. Действовал с 25.11.1941 г. по 20.09.1943 г. На 01.05.1942 г. — 181 чел. На 10.09.1943 г. — 93 чел. Командиры: А.Ф. Самороков (на 26.08.1942 г.), П.В. Ипатов (на 20.09.1943 г.). Комиссары: А.М. Беленчик (на 13.05.1942 г.), П.В. Симехин (на 26.08.1942 г.), П.С. Червонюк (на 20.09.1943 г.). Начштаба И.Д. Остапенко (на 20.09.1943 г.).*

8. Партизанский отряд им. Железняка. *Сформирован в с. Алешенке Навлинского района. Действовал с 03.03.1942 г. по 08. 1943 г. На 03.03.1942 г. — 45 чел. На 1.05.1943 г. — 228 чел. Командиры: Н.И. Иванов (на 03.03.1942 г.), В.А. Власов (на 26.05.1943 г.), Г.К. Афонин (20.07.1943 г.). Комиссары: Т.А. Мироненко (на 03.03.1942 г.), В.М. Чушкин (на 26.05.1943 г.), Ф.В. Белашов (на 20.07.1943 г.). Начштаба А.Н. Лабошин (на 26.05.1943 г. и на 20.07.1943 г.).*

9. Партизанский отряд им. Котовского. *Сформирован в д. Пролысово, д. Сотенки, д. Пашеньки Навлинского района. Действовал с 01.01.1942 г. по 20.09.1943 г. На 01.01.1942 г. — 188 чел. На 20.09.1943 г. — 78 чел. Командиры: Э.А. Закаржевский (на 01.01.1942 г.), С.И. Кривонос (на 01.06.1942 г.), В.И. Старостин (01.01.1943 г.),*

И.М. Ткаченко. Комиссары: М.А. Осипов (на 01.01.1942 г.), А.С. Зайцев (на 01.06.1942 г.), Н.А. Кузицкий (на 01.01.1943 г.). Начштаба: Н.И. Попов (на 01.01.1942 г.), Н.И. Иванов (01.06.1942 г., 01.01.1943 г.).

10. Партизанский отряд им. Стрельца (Летучка). *Сформирован в п. Борки Навлинского района 08.10.1941 г. На 08.10.1941 г. — 50 чел. На 08.09.1943 г. — 1904 чел. Командиры: Ф.Е. Стрелец (на 08.09.1941 г.), Н.Д. Чапов (на 04.02.1942 г. и на 24.05.1942 г.). Комиссары: В.Г. Бойков (на 08.10.1941 г., 04.02.1942 г.), И.Л. Лисицкий (на 24.05.1942 г.), П.Д. Смирнов, Г.В. Алешин. Начштаба: П.Е. Семенов (на 08.10.1941 г., 04.02.1942 г.), Н.М. Курочкин (на 24.05.1942 г.).*

VI) Партизанская бригада им. Сталина*. Сформирована в Трубчевском районе. Командиры: В.Г. Бойко, А.Ф. Самороков. Комиссар И.С. Сенченков.*

1. Партизанский отряд им. Сталина*. Сформирован в г. Трубчевске. Действовал с 15.08.1941 г. по 15.09.1943 г. На 15.08.1941 г. — 60 чел. На 17.12.1941 г. — 205 чел. На 01.10.1942 г. — 316 чел. Командиры: И.С. Сенченков (на 15.08.1941 г.), М.И. Сенченков (на 01.05.1942 г.), М.И. Диченков. Комиссары: П.И. Кузьмин (на 15.08.1941 г.), Ф.С. Балухтин (на 01.05.1942 г.), А.Н. Дурнев (на 05.09.1943 г.). Начштаба: М.А. Сазонов (на 15.08.1941 г.), А.М. Богдановский (на 01.05.1942 г.), С.Е. Елизаренков (на 05.09.1943 г.), И.С. Недюдин.*

2. Партизанский отряд им. А. Невского*. Сформирован в Трубчевском районе. Действовал с 04.02.1942 г. по 09.1943 г. На 04.02.1942 г. — 42 чел. На 23.07.1943 г. — 272 чел. Командиры: А.А. Токарев (на 04.02.1942 г.), Б.Я. Абудонов (на 14.12.1942 г.), С.А. Сидоров (на 10.09.1943 г.), С.В. Сыромолотов. Комиссары: З.М. Казакевич (на 04.02.1942 г.), Е.А. Анисов (на 25.01.1943 г.), М.В. Сыромолотов. Начштаба: А.А. Копейкин (на 04.02.1942 г.), М.Т. Певченко (на 25.01.1943 г.).*

3. Партизанский отряд им. Кутузова*. Сформирован в с. Радутине Трубчевского района. Действовал с 17.02.1942 г. по 13.09.1943 г. На 17.02.1942 г. — 370 чел. На 13.09.1943 г. — 130 чел. Командиры: И.Н. Шугалеев (на 17.02.1942 г.), В.Г. Бойко (на 15.10.1942 г.), К.А. Бедин (на 10.06.1943 г.), Ю.К. Захарченко. Комиссары: В.Я. Гри-*

бачев (на 17.02.1942 г.), Л.В. Коржов (на 15.10.1942 г.), Е.П. Бирюлин (на 10.06.1943 г.), П.Г. Юдин. Начштаба: И.И. Карначев (на 17.02.1942 г.), А.М. Богдановский (на 15.10.1942 г.), М.Г. Меркелов (на 10.06.1943 г.), В.В. Анисимов.

4. Партизанский отряд им. Маленкова (Молчановский). *Сформирован с д. Молчаново Трубчевского района. Действовал с 02.03.1942 г. по 20.10.1943 г. На 01.05.1942 г. — 65 чел. На 01.01.1943 г. — 178 чел. Командиры: Г.Д. Козырев (на 01.06.1942 г.), А.Н. Шеметов (10.09.1943 г.). Комиссары: Г.М. Авдошенко (на 01.06.1942 г.), А.П. Поздняков (на 10.09.1943 г.), Н.И. Ляпунов. Начштаба: Ю.К. Захарченко (на 01.06.1942 г.), С.С. Елизаров (на 10.09.1943 г.).*

5. Партизанский отряд им. Ленина*. Сформирован в д. Острая Лука, Дольск Трубчевского района. На 01.02.1942 г. — 61 чел. На 17.09.1943 г. — 140 чел. Командиры: М.П. Шатохин (на 17.03.1942 г.), Ф.С. Балухтин (на 28.07.1942 г.), М.Ф. Хворостинин (на 29.05.1943 г.). Комиссары: П.Б. Карпекин (на 29.12.1942 г.), К.И. Чирков. Начштаба: А.П. Поздняков (на 28.07. 1942 г.), В.П. Ямщиков (29.05.1943 г.).*

6. Партизанский отряд им. Орджоникидзе*. Сформирован в д. Яковск Трубчевского района. Действовал с 15.02.1942 г. по 20.03.1943 г. На 15.02.1942 г. — 31 чел. На 01.05.1943 г. — 150 чел. Командиры: М.М. Юдин (на 15.02.1942 г.), Н.П. Беда (на 01.01.1943 г.), К.Н. Дурманов (на 01.06.1943 г.). Комиссары: П.Д. Смирнов (на 01.01.1943 г.), В.П. Ямщиков, М.К. Левых. Начштаба: М.Ф. Синицын (на 01.06.1943 г.), А.М. Богдановский (на 01.06.1943 г.), М.М. Еремин.*

7. Партизанский отряд им. Д. Донского*. Сформирован в Выползовском и Тишинском с/с Трубчевского района. Действовал с 01.05.1942 г. по 10.09.1943 г. На 01.05.1942 г. — 249 чел. На 10.09.1943 г. — 78 чел. Командиры: И.П. Сергейцев (на 01.05.1942 г.), П.И. Певченко (на 01.01.1943 г.). Комиссары: П.И. Шевченко (на 01.05.1942 г.), И.П. Сергейцев (на 01.01.1943 г.). Начштаба: А.С. Жуков (на 01.05.1942 г.), И.И. Корначев (на 01.01.1943 г.).*

8. Партизанский отряд им. Димитрова*. Сформирован в с. Гнилеве Трубчевского района. Действовал с 13.02.1942 г. по 15.09.1943 г. На 01.07.1942 г. — 221 чел. На 15.09.1943 г. — 76 чел. Командиры: Н.Б. Амелькин (на 15.02.1942 г.), Т.Н. Овсянников (на 01.05.1942 г.), Г.Н. Руденков (на 01.06.1943 г.). Комиссары: Л.В. Коржов (на 15.02.1942 г.), Т.Н. Овсян-*

ников (на 01.04.1943 г.), Н.И. Ляпунов. Начштаба: И.Н. Амелькин (на 01.05.1942 г.), Н.Ф. Сузиков (на 01.04.1943 г.).

***9. Партизанский отряд им. Сталина № 2**. Сформирован в Рамасухском лесу Почепского района. Действовал с 30.08.1943 г. по 19.09. 1943 г. На 30.08.1943 г. — 104 чел. На 19.09.1943 г. — 183 чел. Командир Г.Н. Руденков (на 30.08.1943 г.), комиссар И.И. Матвеев (на 30.08.1943 г.), начштаба И.Е. Верещетин (на 30.08.1943 г.).*

***10. Партизанский отряд им. Куйбышева**. Действовал с 26.09.1942 г. по 09.1943 г. Командир Г.Н. Руденков, комиссар А.П. Лысаков, начштаба М.М. Еремин.*

***11. Партизанский отряд им. Горького**. Сформирован в Трубчевском районе. Действовал с 01.04.1942 г. по 17.09.1943 г. На 04.1942 г. — 192 чел. На 09.1943 г. — 74 чел. Командир Я.М. Левкин (на 01.04.1942 г.). Комиссары: Д.А. Баздеркин (на 01.04.1942 г.), Я.М. Иванькин (на 09.1943 г.). Начштаба И.Е. Верещетин (на 01.01.1942 г.).*

***12. Партизанский отряд «За Родину»**. Командир И.Н. Овсянников, комиссар А.В. Белоусов, начштаба Ф.Т. Шпунтов.*

***VII) Партизанская бригада им. Фрунзе**. Командир С.В. Черкасов, комиссар Л.Б. Бляхман, начштаба П.И. Гашков.*

***1. Партизанский отряд им. Андреева**. Сформирован в Суземском районе 29.05.1942 г. На 28.08.1943 г. — 128 чел. Командиры: В.Д. Афанасьев (на 29.05.1942 г.), А.П. Ломакин (на 01.09.1943 г.), Ф.С. Марченко. Комиссары: В.А. Курбаков (на 29.05.1942 г.), П.Б. Ялдыгин (на 15.09.1942 г.), А.Д. Спицын (на 01.09.1943 г.). Начштаба: И.А. Пашкин (на 29.05.1942 г.), С.В. Трушкин (на 15.09.1942 г.), Е.Н. Калугин (на 01.09.1943 г.).*

***2. Партизанский отряд им. Фрунзе**. Сформирован в Хинельских лесах Севского района. На 22.07.1941 г. — 28 чел. На 01.12.1942 г. — 480 чел. Командиры: С.С. Хохлов (на 22.07.1941 г.), С.В. Черкасов, В.И. Калинин, Е.К. Горохов, И.М. Федоров, Е.Н. Калугин. Комиссары: С.Ф. Кукова (на 22.07.1941 г.), Е.К. Горохов. Начштаба: Н.П. Колотовкин (на 22.12. 1941 г.), Е.Н. Калугин.*

***3. Партизанский отряд «Народный мститель»**. Сформирован в п. Лужа, п. Думча Навлинского района. Действовал с 15.12.1941 г.*

по 20.09.1943 г. На 01.06.1942 г. — 220 чел. На 01.06.1943 г. — 135 чел. Командир Б.Я. Хлюстов (на 15.12.1941 г.). Комиссары: М.Ф. Костромин (на 15.12.1941 г.), В.В. Навроцкий (на 30.09.1942 г.), С.М. Сергеев (на 09.09.1943 г.). Начштаба А.П. Алексеев (на 09.09.1943 г.).

***4. Партизанский отряд им. Фрунзе № 2**. Командир В.Д. Афанасьев, комиссар П.Б. Ялдыгин, начштаба В.А. Курбаков.*

***5. Партизанский отряд им. Хрущева**. Действовал в Севском районе в 1941—1943 гг.*

***6. Партизанский отряд им. Тельмана**. Действовал с 10.1942 г. по 06.1943 г. в Севском районе.*

***VIII) Партизанская бригада им. Чапаева**. Действовала с 23.11.1942 г. по 19.09.1943 г. Командир В.И. Кошелев (на 23.11.1942 г.), комиссар Г.С. Куприн (на 23.11.1942 г.). Начштаба: Ф.Т. Крюков, А.К. Белкин.*

***1. Партизанский отряд им. Чапаева**. Сформирован в 08.1941 г., окончательно сформирован 12.1942 г. На 15.01. 1942 г. — 14 чел. Командиры: В.И. Кошелев (на 12.01.1942 г., на 19.09.1943 г.), А.М. Богданов. Комиссары: И.П. Петров (на 12.01.1942 г.), Г.С. Куприн (с 03.05.1942 г. по 01.01.1943 г.), Ф.П. Лежнев (с 01.01.1943 г. по. 19.09.1943 г.). Начштаба: Л.П. Межуев, А.П. Кокардин.*

***2. Партизанский отряд № 1 Погарского района**. Действовал с 30.07.1941 г. по 20.05.1942 г. Командир К.Я. Ковалев (на 10.09.1941 г.). Комиссар Г.С. Куприн (на 20.05.1942 г.). Отряд влился в партизанское формирование им. Чапаева.*

***3. Партизанский отряд им. А. Невского**. Сформирован в Трубчевском районе. Действовал с 04.02.1942 г. по 09.1943 г. Командир М.М. Павленко, комиссар И.С. Салонников, начштаба Ф.Т. Крюков.*

***4. Партизанский отряд им. Фурманова**. Командиры: А.П. Купчинов, Н.И. Мурлыкин, Р.И. Козлов, Л.Б. Бляхман. Комиссары: А.П. Грязев, О.Г. Казанков, С.С. Самойлов. Начштаба: Е.И. Бузин, Г.П. Папаскин, М.А. Марусов.*

***5. Партизанский отряд № 2**. Командиры: Супонько (на 30.07.1942 г.), А.М. Богданов. Комиссары: Ф.Ф. Бугаев (на 30.07.1941 г.), Ф.П. Лежнев. Начштаба: В.Д. Базаев.*

***6. Партизанский отряд № 3**. Создан из группы самообороны. Действовал с 05.07.1942 г. по 26.11.1942 г. Командир П.Н. Клецкий (на 05.07.1942 г.), комиссар К.Я. Ковалев (на 05.07.1942 г.), начштаба М.Я. Сельгиков. Приказом штаба Объединенных партизанских бригад (ОПБ) от 01.01.1943 г. батальоны, входившие в саостав партизанской бригады им. Чапаева, были реорганизованы в партизанский отряд. Партизанский отряд, входивший в состав 2-го батальона бригады, получил название Степана Разина.*

***7. Партизанский отряд им. Степана Разина**. Сформирован в Погарском районе 01.1943 г. Командир Н.В. Резванов (на 11.1943 г.), комиссар К.Я. Ковалев (на 01.1943 г.), начштаба М.А. Марусов. 09.08.1943 г. партизанский отряд им. Степана Разина переименован в партизанский отряд им. Суворова.*

***8. Партизанский отряд им. Суворова**. Сформирован в Погарском районе. Действовал с 09.08.1943 г. по 10.09.1943 г. Командиры: А.К. Белкин (на 09.08.1943 г.), Н.В. Резванов (на 16.08.1943 г.), Р.И. Козлов. Комиссары: Ф.П. Лежнев, В.И. Глушко (на 09.08.1943 г.). Начштаба: И.И. Кондратенко, Л.А. Бубнов.*

***9. Партизанский отряд им. Б. Хмельницкого**. Сформирован в Погарском районе 30.12.1942 г. На 30.12.1942 г. — 44 чел. На 05.05.1943 г. — 12 чел. Командир Е.П. Чмелев (на 30.12.1942 г., на 10.05.1943 г.). Комиссары: Е.Е. Жаденов (на 30.12.1942 г.), А.Г. Шавво (на 10.05.1943 г.). Начштаба: Б.Б. Левин (на 30.12.1942 г., на 04.05.1943 г.).*

***IX) Партизанская бригада им. Щорса**. Сформирована в Выгоничском районе 12.1942 г. Командиры: М.П. Ромашин (до 04.1943 г.), А.Т. Писарев (с 04.1943 г.). Начштаба Ф.А. Власов.*

***1. Партизанский отряд им. Щорса**. Сформирован в с. Уручье Выгоничского района 10.1941 г. На 02.03.1942 г. — 220 чел. Командиры: И.С. Мажукин (на 1941 г.), Б.Ф. Ильин (на 12.1942 г.), Е.В. Прозоров (на 10.04.1943 г.), А.Д. Николашкин, Н.С. Кузнецов. Комиссары: Ю.А. Фильковский (на 1941 г.), Т.В. Жиляев (на 12.1942 г.), Ф.В. Герасин (на 12.03.1943 г.), П.Г. Зайцев, Т.С. Поляков. Начштаба: В.А. Андреев (на 1941 г.), И.П. Мажукин (на 12.1942 г.), Б.Ф. Ильин.*

***2. Брянский районный партизанский отряд**. Сформирован 06.10.1941 г. 30 уч-к торфопредприятия Пальцо. Командиры: М.П. Ромашин (10.1941 г. —12.1942 г.), А.Т. Писарев (12.1942 г. — 04.1943 г.), Н.Г. Косолапов (04.1943 г.). Комиссары: Н.Г. Курнявцев (до 12.1942 г.), К.С. Тихоненков (с 12.1942 г. до соединения с войсками Красной армии 09.1943 г.). Начштаба: А.Т. Писарев (на 12.1942 г.), Н.Г. Косолапов (с 12.1942 г. по 04.1943 г.).*

***3. Партизанский отряд им. Баумана**. Сформирован в Утынском с/с Выгоничского района. На 02.07.1942 г. —284 чел. Командиры: А.И. Федотов (на 02.06.1942 г.), П.К. Попов (на 18.06.1942 г.), Ф.Т. Юнкин. Комиссары: Ф.В. Герасин (на 01.07.1942 г.), С.Н. Можаев. Начштаба: Н.В. Каратаев, Н.И. Воробьев. Со 02.06.1942 г. по 05.07.1942 г. — партизанский отряд им. Фрунзе.*

***4. Партизанский отряд им. 26 бакинских комиссаров**. Сформирован в Колоднянском с/с Выгоничского района. Действовал с 08.03.1942 г. по 01.05.1943 г. Командиры: Н.Д. Тарасов (до 02.06.1942 г.), Б.Ф. Ильин (со 02.06.1942 г.), Н.Д. Тарасов (на 01.1943 г.), А.И. Федотов, Н.Н. Черненко. Комиссары: Я.М. Глебкин (на 02.06.1942 г.), Н.Н. Черненко (с 06.1942 г.), И.С. Мажукин (на 01.1943 г.), А.Ф. Мосин, И.С. Суслин, И.А. Хакин. Начштаба: А.Ф. Мосин (на 01.1943 г.), А.И. Калинин, В.Г. Джуромский. С 08.03.1942 г. по. 02.06.1942 г. — Колоднянская группа. Со 02.06.1942 г. по 12.1942 г. — партизанский отряд им. Буденного. С 01.1943 г. — партизанский отряд им. 26 бакинских комиссаров.*

***5. Партизанский отряд им. Лазо (Никольский).** Сформирован в Выгоничском районе. Действовал с 02.06.1942 г. по 20.03.1943 г. На 02.06.1942 г. — 10 чел. Командиры: С.Д. Клочкович (на 02.06.1942 г.), В.А. Власов, С.И. Кривонос. Комиссар В.А. Тишин (на 02.06.1942 г.). Начштаба: А.Ф. Мосин (на 02.06.1942 г.), В.Г. Джуромский.*

***Х) Партизанская бригада им. Ворошилова № 1**. Сформирована 09.1942 г. Командиры: Г.П. Покровский (на 13.11.1942 г.), П.Г. Котков. Комиссары: Л.Б. Бляхман (на 13.11.1942 г.), А.Ф. Князев. Начштаба: П.Г. Котков (на 13.11.1942 г.), Г.С. Рубцов. Партизанская бригада им. Ворошилова № 1 была сформирована в составе трех батальонов: 1-й батальон — из партизанского отряда им. Воро-*

шилова № 1, 2-й батальон — из партизанского отряда им. Фрунзе, 3-й батальон — из партизанского отряда им. Андреева.

1. Партизанский отряд им. Ворошилова № 1 (1-й батальон). *Действовал с 08.1942 г. по 09.1942 г. Командир Г.П. Покровский, комиссар В.И. Гуторов, начштаба П.Е. Лунев.*

2. Партизанский отряд им. Рокоссовского (рейдовый). *Действовал в 1942 г. Командир В.И. Степняк, комиссар И.К. Воронин, начштаба В.Д. Костенецкий.*

3. Партизанский отряд им. Котовского (рейдовый). *Действовал с 01.1942 г. по 11.1942 г. Командир И.П. Волков, комиссар Я.Е. Руев, начштаба В.А. Вазендин.*

4. Партизанский отряд им. Чапаева (рейдовый). *Действовал с 04.1942 г. по 02.1943 г. Командир Ю.С. Замка, комиссар А.И. Сальников, начштаба Ф.А. Сойников.*

XI) Партизанская бригада им. Ворошилова № 2. *На 26.09.1943 г. — 595 чел. Командир С.И. Кочур (на 01.06.1943 г.), комиссар В.А. Терехов (на 06.06.1943 г.), начштаба Х.Б. Симонян (на 06.06.1943 г.) 25.09.1943 г. бригада соединилась с частями Красной армии. 30.10.1943 г. бригада была расформирована.*

1. Партизанский отряд им. Ворошилова № 2. *Сформирован в с. Хинель Севского района. Действовал с 08.11.1941 г. по 14.03.1943 г. На 13.01.1942 г. — 50 чел. На 01.01.1943 г. — 687 чел. Командир И.А. Гудзенко (на 08.11.1941 г. и на 01.01.1943 г.). Комиссары: И.Д. Алейников (на 01.01.1943 г. и 03.02.1943 г.), О.Г. Казанков (на 21.12.1941 г.). Начштаба: Ф.Г. Лопатин (на 08.11.1941 г.), С.И. Кочур (на 01.01.1943 г.).*

2. Партизанский отряд «25 лет Красной армии». *Сформирован в Дмитриевском районе Курской области. Действовал с 03.1943 г. Командир Логвин, комиссар Яковленко, начштаба Багнюк. 24.03.1943 г. вошел в подчинение бригады им. Ворошилова.*

XII) Партизанская бригада им. Пожарского. *Командир В.Г. Романенков, комиссар И.Г. Ефименко, начштаба Я.Г. Кумоков.*

1. Новозыбковский партизанский отряд им. Ворошилова. *Действовал с 07.1943 г.*

***2. Партизанский отряд им. Кирова**. Сформирован в Злынковских лесах. Действовал с 04.05.1943 г. по 26.09.1943 г. На 04.05.1943 г. 64 чел. На 26.09.1943 г. — 301 чел. Командир А.Ф. Бурый (на 04.05.1943 г.). Комиссары: А.К. Сушенок (на 04.05.1943 г.), Е.И. Фролов (на 26.09.1943 г.). Начштаба: П.Е. Безмен (на 04.05.1943 г.), А.К. Терешков (на 26.09.1943 г.).*

***3. Партизанский отряд им. Кирова**. Действовал с 12.09.1941 г. по 24.09.1943 г. Командиры: А.И. Ворожеев (на 12.09.1941 г.), Д.П. Зибницкий (с 13.05.1942 г. по 01.1943 г.), Николенко (на 02.06.1943 г.). Комиссары: П.А.Бирулин (на 12.09.1941 г.), Т.П. Воропаев (на 13.05.1942 г.), М.Д. Лещенко (на 06.1943 г.). Начштаба В.Д. Иконников (на 31.03.1943 г.). Отряд в составе соединения Федорова уходил в рейд на Украину.*

***4. Партизанский отряд им. Дзержинского (рейдовый).** Действовал с 07.1943 г.*

***5. Партизанский отряд им. Пожарского**. Сформирован в д. Черное Суземского района. Действовал с 08.10.1942 г. по 20.09.1943 г. На 08.11.1942 г. — 64 чел. На 08.06.1943 г. — 540 чел. Командиры: В.Г. Романенков (на 08.11.1942 г.), Г.Е. Егаршин (на 08.06.1943 г.). Комиссары: Е.И. Фролов (на 08.11.1942 г.), В.П. Евдокименко (на 08.06.1943 г.). Начштаба: Я.Г. Кумсков (на 08.11.1942 г.), П.Е. Безмен (на 26.09.1943 г.).*

***6. Партизанский отряд «Спартак»**. Действовал с 31.05.1943 г. по 26.09.1943 г. На 31.05.1943 г. — 63 чел. На 26.09.1943 г. — 350 чел. Командир Н.С. Орлов (31.05.1943 г.), Комиссар Г.И. Гордеенко (на 31.05.1943 г.). Начштаба Н.А. Лосев (на 31.05.1943 г.), Д.С. Музыченко.*

***7. Партизанский отряд им. Ленина**. Действовал с 08.06.1943 г. по 26.09.1943 г. На 08.06.1943 г. — 35 чел. На 26.09.1943 г. — 329 чел. Командиры: А.Л. Малорусов, С.А. Букин. Комиссары: Г.М. Роздотский, А.Д. Постигов. Начштаба: Ф.М. Адаменко, И.Е. Сухарев.*

***8. Партизанский отряд им. Сталина**. Действовал с 08.05.1943 г. по 26.09.1943 г. На 08.05.1943 г. — 66 чел. На 26.09.1943 г. — 164 чел. Командиры: П.Т. Тюльпин, Т.И. Дерпа, Г.Я. Швецов. Комиссар Д.А. Лушкин. Начштаба: С.Д. Клипка, Г.Я. Швецов.*

***9. Партизанский отряд им. Жукова**. Действовал с 05.12.1942 г. по 25.09.1943 г. На 05.12.1942 г. — 64 чел. На 26.09.1943 г. — 284 чел. Командиры: И.С. Ковалев, К.В. Касьян. Комиссары: А.И. Патрин, С.А. Шкроб. Начштаба: Я.И. Ребенок, П.М. Горбацков, Г.А. Матюхин.*

***10. Партизанский отряд им. Буденного**. Действовал с 18.09.1943 г. по 06.10.1943 г. На 18.09.1943 г. — 33 чел. На 06.10.1943 г. — 86 чел. Командир П.Е. Безмен, комиссар П.А. Тулупов, начштаба В.Г. Смагин.*

***XIII) Партизанская бригада им. Суворова**. Командир О.Г. Казанков, начштаба И.М. Чернявский.*

***1. Партизанский отряд им. Ворошилова**. Действовал с 14.08.1943 г. по 10.1943 г. На 10.1943 г. — 167 чел. Командир Я.Е. Музыченко, начштаба А.И. Беспалов.*

***2. Партизанский отряд им. Чапаева № 1 (рейдовый).** Сформирован в с. Хинель Севского района. Действовал с 06.03.1943 г. по 07.1943 г. На 01.10.1943 г. — 414 чел. Командир И.Р. Ходосов. Комиссары: П.К. Савченко, Г.И. Стукаленко, И.П. Алпеев. Начштаба: А.М. Яшичев, Н.Г. Корольков.*

***3. Партизанский отряд им. Чапаева № 2 (рейдовый).** Действовал 05.1943 г. Командир П.Ф. Воланчук, комиссар А.А. Семев, начштаба А.А. Кичичин.*

***4. Партизанский отряд им. Суворова**. Сформирован в Хинельских лесах Севского района. Действовал с 06.03.1943 г. по 29.09.1943 г. На 06.03.1943 г. — 46 чел. На 01.10.1943 г. — 206 чел. Командир П.Э. Чикаберидзе, комиссар С.П. Капилевич, начштаба Ф.А. Буренков.*

***5. Партизанский отряд им. Кутузова**. Действовал с 04.06.1943 г. по 09.1943 г. На 03.09.1943 г. — 202 чел. На 22.09.1943 г. — 67 чел. Командиры: Г.И. Обушек, Г.И. Стукаленко. Комиссар К.П. Мишуков. Начштаба Н.М. Кузнецов.*

***6. Партизанский отряд им. Чкалова**. Действовал с 17.07.1943 г. по 27.09.1943 г. На 17.07.1943 г. — 16 чел. На 27.09.1943 г. — 171 чел. Командир Г.А. Качалов, начштаба П.Т. Зинаков.*

XIV) 1-я Курская партизанская бригада. *Сформирована 18.08.1942 г. На 03.03.1943 г. — 2343 чел. Командир И.К. Панченко, комиссар А.Д. Федосюткин, начштаба Н.Д. Сотников.*

1. Дмитровский партизанский отряд. *На 1.11.1942 г. — 398 чел. Командир Миленин, комиссар Глазков, начштаба Фадеев, зам. ком. по разведке Наумочкин.*

2. Дмитриевский партизанский отряд. *На 1.11.1942 г. — 294 чел. Командир И.И. Свирин, комиссар Д.Д. Беспарточный, начштаба И.С. Банных, зам. ком. по разведке Бацев.*

3. Троснянский партизанский отряд. *На 1.11.1942 г. — 245 чел. Командир В.А. Кавардаев, комиссар Трофименко, начштаба Новиков, зам. ком. по разведке Бочаров.*

4. Михайловский партизанский отряд. *На 1.11.1942 г. — 268 чел. Командир Кожин, комиссар Шаров, начштаба Домбровский, зам.ком. по разведке Ступко.*

5. Партизанский отряд им. Железняка. *На 1.11.1942 г. — 195 чел. Командир Ежков, комиссар Вислогузов, начштаба Рябиков.*

6. Кавалерийский партизанский отряд. *На 1.11.1942 г. — 148 чел. Командир Меркущенко, комиссар Сторавеев, начштаба Пиманов.*

XV) 2-я Курская партизанская бригада им. Дзержинского. *Сформирована 18.11.1942 г. На 26.12.1942 г. — 1500 чел. Командир О.Г. Казанков, комиссар И.Д. Кубриков, начштаба И.М. Забродин.*

1. Партизанский отряд им. Боженко.

2. Партизанский отряд им. Дзержинского.

3. Партизанский отряд им. Чапаева.

4. Партизанский отряд им. Тельмана.

XVI) Объединенный штаб партизанских отрядов А.Н. Сабурова и З.А. Богатыря *— с 15.12.1941 г. В конце 03.1942 г. — объединенный отряд А.Н. Сабурова. В апреле 1942 г. — Группа объединенных отрядов Украины под командованием А.Н. Сабурова.*

1. Партизанский отряд А.Н. Сабурова и З.А. Богатыря *(после 23.02.1942 г. —* ***партизанский отряд «24-й годовщины РККА»);***

2. Харьковский партизанский отряд. *Командир И.Ф. Боровик.*

***3. Харьковский партизанский отряд**. Командир К.И. Погорелов.*

***4. Сумской партизанский отряд.** Командир Н.О. Воронцов.*

До апреля 1942 г.:

***5. Партизанский отряд им. Сталина**. Командир М.И. Сенченков.*

***6. Партизанский отряд «За Родину»**. Командир В.А. Капралов.*

***7. Партизанский отряд «За власть Советов»**. Командир И.Я. Алексютин.*

XVII) Чернигово-Волынское партизанское соединение А. Федорова.

XVIII) Сумское партизанское соединение С.А. Ковпака.

XIX) Артиллерийский полк объединенных партизанских бригад южной оперативной группы

Сформирован в Суземском районе 25.11.1942 г. На 01.04.1943 г. — 163 чел. На 09.06.1943 г. — 61 чел. Командиры: С.С. Бахарь (на 01.03.1943 г.), Л.А. Галкин (на 28.01.1943 г.), Ф.Г. Свиридов (на 21.05.1943 г.). Комиссары: Т.А. Аношин (на 28.03.1943 г.), И.И. Левин (на 21.05.1943 г.). Начштаба: В.В. Анисимов (на 01.03.1943 г.), Н.С. Черномырдин (на 21.05.1943 г.).

XX) Отдельные партизанские отряды Курской области.

***1. Партизанский отряд им. Чапаева**. Сформирован в Михайловском районе.*

***2. Дмитровский партизанский отряд**. Командир М.М. Плотников, комиссар М.П. Бондаренко, начштаба И.И. Свирин.*

***3. Хомутовский партизанский отряд**. Командир Н.Ф. Попков, комиссар А.В. Поляков, начштаба И.Д. Кубриков.*

Список партизанских бригад и отрядов составлен авторами на основании документальных материалов Государственного архива Брянской области (Ф.1650 — Брянский штаб партизанского движения) и Российского государственного архива социально-политической истории (Ф.69. — Центральный штаб партизанского движения).

Вторая глава

30-Я ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ ВОЙСК СС (2-я РУССКАЯ)

Появление в составе Войск СС еще одного «русского» соединения было вызвано в том числе тяжелым положением вермахта в конце июня 1944 года, когда советское командование начало операцию «Багратион». Чтобы остановить наступление Советской армии, в тылу группы армий «Центр» стали спешно создаваться новые формирования из коллаборационистов. В их задачу входило удержание районов, определенных германским командованием, а также оказание помощи немецкой армии в восстановлении линии фронта.

Приказ о дополнительном создании подобных формирований отдал в конце июня 1944 года генеральный комиссар «Белоруссии» группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Курт фон Готтберг. Понимая всю безнадежность ситуации, он тем не менее постарался сделать все возможное, чтобы силы, находившиеся в его распоряжении, были использованы для отражения советского наступления. Для этого все части вспомогательной полиции, которым удалось не потерять боеспособность, были выведены с территории Белоруссии и стянуты в район Лангры (Польша). Здесь из них в ускоренном темпе была сформирована бригада вспомогательной полиции «Зиглинг» (Schutzmannschaft-Brigade «Siegling»), выполнявшая заградительные функции[1].

Название соединению на первых порах было по фамилии бывшего командира — оберштурмбаннфюрера СС и подполковника охранной полиции Ганса Зиглинга. Недостаток боевого опыта восполнялся у этого офицера храбростью. К тому же, по многочисленным свидетельствам, Зиглинг отличался вполне человеческим отношением к личному составу, пользовался доверием и уважением, что, заметим, было немаловажно в тот критический период, в который проходило формирование бригады.

---

[1] *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1944. М., 2008. С. 262.

Основу соединения составили так называемые «украинские» и «белорусские» батальоны вспомогательной полиции (батальоны «шума»), выполнявшие антипартизанские и охранные функции. Некоторые исследователи (к примеру, Р. Михаэлис) почти не обращают внимания на то, что в этих частях служило много русских. В составе включенных в соединение Зиглинга «восточных» батальонов таковых также было немало.

Кроме того, целый ряд документов свидетельствует о наличии в данном соединении поляков, некоторого количества армян, поволжских татар и даже чехов (приведем пример: только в 3-й роте 4-го полка служило 447 белорусов, 53 русских, 15 украинцев, 63 поляка и 3 татарина). То есть чисто белорусским это соединение никогда не было[1].

То, что бригада Зиглинга была весьма интернациональным соединением, разумеется, пришлось не по вкусу местным националистам. Они поначалу полагали, что бригада (а в последующем и дивизия) будет организована исключительно на моноэтнических началах. Этим объясняется то, почему на командные и штабные должности они попытались пропихнуть своих людей. Но Зиглингу не нужна была кадровая чехарда, вызванная непомерными амбициями бывших солдат и офицеров БКА, как не нужны были и конфликты.

Кроме того, в момент, когда события на Восточном фронте начали принимать плачевный для нацистов характер, на выяснение отношений просто не было времени. Потому любые попытки белорусских шовинистов занять главенствующие позиции в бригаде жестко пресекались. При этом в бригаде Зиглинга, как и в большинстве других аналогичных формирований, присутствовала тенденция назначать на командные должности немцев («рейхсдойче» или «фольксдойче»). Вместе с тем достаточно прочное положение в соединении заняли русские, которые вскоре начали оказывать несомненное влияние на штаб. Таким образом, радикально настроенный белорусский личный состав (в первую очередь — из БКА) фактически третировался.

---

[1] *Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS... S. 62—66; *Рэйн Л.* Недачалавекі ува уніформе СС: 30-я вафэн-гренадзерская дывізія Вафэн СС / «ARCHE Пачатак» (Менск). 2008. № 5 (68). С. 478.

В этой связи достаточно упомянуть личность майора полиции (штурмбаннфюрера СС) Вячеслава Муравьева. Прекрасно зная Зиглинга еще по тем временам, когда они служили в 57-м полку охранной полиции, он входил в круг доверенных лиц комбрига, будучи его «правой рукой». Совсем не случайно в своих мемуарах Константин Акула замечает, что Зиглинга (из-за ценных советов Муравьева) мало интересовали протесты белорусских офицеров, так как русские якобы не позволяли ему взглянуть на ситуацию «критически»[1].

Несмотря на очевидную предвзятость подобных свидетельств, они, несомненно, отражают реальное положение вещей. У белорусских шовинистов были формальные основания недолюбливать своих русских коллег. 24 июля 1944 года в городе Эльбинг (Восточная Пруссия) по инициативе генерального комиссара Белоруссии Курта фон Готтберга была проведена конференция командного состава соединения. На этом мероприятии русским, украинским и белорусским офицерам должны были сообщить, что теперь они — члены новой дивизии войск СС, и представить им нового командира. От всех участников требовалось подтвердить свое желание сражаться за Великую Германию. Как отмечает историк О. Романько, «в принципе, ни один из пунктов повестки дня конференции не вызвал каких-либо противоречий. Однако после того, как Зиглинг произнес новое название дивизии (а именно ту его часть, которая указывала на национальную принадлежность — "2-я русская") возникла целая дискуссия. Такому дополнению воспротивился… капитан БКА Виталий Микула, который заявил, что он против такого названия, так как белорусских солдат в дивизии большинство и на этом основании отказывается подчиняться "москалям" (т.е. русским офицерам). Протест Микулы ни к чему не привел…»[2]

Конфликты продолжали иметь место и в дальнейшем. По-нашему мнению, это является едва ли не главной причиной того, почему боеспособность соединения оказалась недостаточно высокой. Более того, определенное количество белорусских добровольцев, в отличие от своих русских товарищей по оружию, оказались моральные

[1] *Романько О.В.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 284.

[2] *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. С. 265.

но неустойчивыми. В частности, когда полицейские части и отряды БКА, предназначенные для формирования бригады, выводились на территорию Генерал-губернаторства, некоторые не посчитали нужным уходить из Белоруссии. Так, из 700 военнослужащих барановичского отряда БКА только 20 ушли с немцами на Запад[1].

Тем не менее немцам все-таки удалось собрать разрозненные полицейские части и начать из них формирование соединения.

Бригада состояла из четырех полков:

1-й полк: 57-й, 60-й и 61-й охранные батальоны из округа «Минск»;

2-й полк: 62-й, 63-й и 64-й охранные батальоны из округов «Глубокое» и «Лида»;

3-й полк: 65-й полицейский батальон и охранные части округов «Слуцк», «Барановичи» и «Вилейка»;

4-й полк был сформирован на базе 101-го батальона вспомогательной полиции и охранных частей округов «Слоним» и «Припять».

В бригаде также были созданы артиллерийский (из 56-го охранного батальона) и кавалерийский (из 68-го кавалерийского дивизиона) дивизионы[2].

Первоначально численность соединения была около 2 тысяч человек, и фактически состояло оно из белорусов (60-й, 64-й и 65-й полицейские батальоны), украинцев (61-й, 62-й, 63-й, 101-й «шума» батальоны) и русских.

Бригада Зиглинга воевала против советских войск и польских партизан, причем в борьбе с партизанами личный состав соединения продемонстрировал неплохие боевые качества.

Первоначальные успехи соединения произвели впечатление на Генриха Гиммлера, и он распорядился, чтобы бригаду перевели в состав Войск СС. В начале августа 1944 года под Варшавой бригада прошла реорганизацию, и к концу месяца было сформировано новое соединение, получившее в реестре Главного управления СС офи-

---

[1] *Туронак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: «Беларусь», 1993. С. 193.

[2] *Уиндроу М.* Охранные отряды НСДАП. Войска СС. М., 2004. С. 52; Дивизии СС. 24. Division der SS — 38. Division Nibelungen. Военно-исторический альманах «Новый солдат». Артемовск, 2002. № 75. С. 19.

циальное наименование — 30-я гренадерская дивизия войск СС / 2-я русская/ (30. Waffen-Grenadier-Division der SS /russische Nr.2/) [1].

В августе 1944 года структура дивизии выглядела следующим образом:

Штаб дивизии (Stab der Division);

1-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 1);

2-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 2);

3-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 3);

4-й гренадерский полк войск СС (Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 4);

30-й артиллерийский дивизион войск СС (Waffen-Artillerie-Abteilung Nr. 30);

Кавалерийский эскадрон (Reiter-Schwadron);

Учебный батальон (Feldersatz-Bataillon).

В последующем структура соединения менялась.

В середине августа 1944 года дивизию перебросили на Западный фронт, где она получила задачу вести борьбу против французского Сопротивления (операция в районе Бельфор — Мюльхаузен). На этот шаг, полагают ученые, германское командование пошло, чтобы соединение набралось боевого опыта. Еще одной причиной, побудившей немцев отправить дивизию во Францию, явилось дезертирство среди личного состава.

Но изжить дезертирство не удалось. Случаи бегства участились после того, как соединение увязло в кровопролитных боях с партизанами, получившими через связных объективную информацию о боевом и моральном состоянии дивизии. Тем, как воевало соединение, остался недоволен генерал-фельдмаршал В. Модель, отсылавший в штаб-квартиру СС гневные сообщения: «30-я танково-гренадерская (!!!) дивизия, которая батальонами переходит на сторону бандитов и убивает немецких офицеров, целиком ненадежна»[2].

---

[1] *Бишоп К.* Иностранные дивизии III рейха. Иностранные добровольцы в войсках СС 1940—1945. М., 2006. С. 156—157.

[2] Цит. по: *Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS... S. 83.

Конечно, засады и нападения, организованные французским Сопротивлением, были не самыми эффективными с военной точки зрения, но они истощали моральные и физические силы эсэсовцев. Уже 27 августа на сторону «маки» перешли в полном составе 61-й и 62-й батальоны (украинцы). Как отмечает историк С. Дробязко, среди тех, кто перебежал к партизанам и потом воевал вместе с ними против немцев, «оказались участники массовых расстрелов в Бабьем Яру под Киевом и уничтожения Хатыни»[1]. Однако, несмотря на дезертирство и неудачи, в дивизии осталось немало людей, решивших идти с немцами до конца.

В середине сентября 1944 года, чтобы не попасть в окружение, соединение Ганса Зиглинга отступило в район между Рейном и Вогезами. Перед дивизией была поставлена задача поддерживать отступающие из Франции немецкие войска. Соединение прилагало немыслимые усилия, чтобы выполнить это задание, и понесло огромные потери.

В конце октября 1944 года дивизия получила приказ охранять и удерживать мосты через Рейн, пока не переправятся части потрепанной 19-й немецкой армии. После этого мосты необходимо было взорвать, чтобы их не захватили союзники. С этой ответственной задачей дивизия справилась. В упорных арьергардных боях она не позволила американцам и французам быстро преодолеть Рейн. Мосты были взорваны, союзники на какое-то время задержаны, но дальнейшие бои, в которых участвовала дивизия, ее обескровили.

Параллельно с этим соединение прошло реорганизацию. Теперь дивизия выглядела так:

— штаб соединения (Stab der Division);

75-й ваффен-гренадерский полк СС (4-й русский) — Waffen-Grenaduer-Regiment der SS Nr. 75 (russische Nr. 4);

76-й ваффен-гренадерский полк СС (5-й русский) — Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 76 (russische Nr. 5);

77-й ваффен-гренадерский полк СС (6-й русский) — Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 77 (russische Nr. 6);

---

[1] Цит. по: *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 284.

30-й артиллерийский полк СС (2-й русский) — Waffen-Artillerie-Regiment der SS Nr. 30 (russische Nr. 2);

— штаб артиллерийского полка:

— штабная батарея;

— две батареи 12, 2 трофейных советских орудий;

— батарея реактивных установок (Nebelwerfer);

30-й разведывательный батальон СС (SS-Aufklarung-Abteilung Nr. 30):

— штаб батальона:

— штабной кавалерийский эскадрон;

— три кавалерийских эскадрона;

30-я саперная рота СС (SS-Pionier-Kompanie Nr. 30);

30-я рота связи СС (SS-Nachrichten-Kompanie Nr. 30);

30-й запасной батальон СС (SS-Feldersatz-Bataillon Nr. 30):

— штаб батальона;

— три пехотные роты;

— рота тяжелого пехотного оружия;

— саперная рота;

30-й хозяйственный полк СС (SS-Nachschub-Regiment Nr. 30):

— большая автоколонна 60-тонных грузовиков (Grosse Kraftwagenkolonne (mot) 60 t);

— административная моторизованная рота (Werkstatt-Kompanie (mot);

— моторизованная ремонтная рота (Werkstatt-Kompanie (mot);

— санитарная рота (Sanitates-Kompanie) [1].

Попытки компенсировать нехватку личного состава путем доукомплектования основных частей соединения за счет других ни к чему не привели. Сил больше не было, и в декабре 1944 года немецкое командование отправило остатки дивизии в тыл[2].

В результате тяжелых потерь и дезертирства к концу 1944 года в дивизии осталось 4400 человек (в сентябре численность была 11 600 солдат и офицеров). 11 января 1945 года Главное управление СС приняло решение расформировать соединение. Офицерский со-

[1] *Michaelis R.* Russen in der Waffen-SS... S. 112—113.

[2] *Романько О.В.* Советский легион Гитлера. С. 290—291.

став передали в 38-ю моторизованную дивизию СС «Нибелунги» и в 25-ю гренадерскую дивизию СС (1-ю венгерскую). Часть личного состава, в основном русских, перевели в 600-ю дивизию вермахта (1-я дивизия РОА), а оставшуюся часть, белорусов, отправили в формирующуюся гренадерскую бригаду войск СС (1-ю белорусскую)[1].

Создание 1-й белорусской бригады СС проходило в обстановке надвигавшейся катастрофы Третьего рейха, поэтому Главное управление СС, в компетенцию которого с декабря 1944 года входили вопросы формирования добровольческих частей, приняло все условия белорусских националистов, предлагавших свою помощь ведомству Гиммлера. В ходе переговоров между начальником Главного управления СС обергруппенфюрером СС Готтлобом Бергером и представителями Белорусской центральной рады (БЦР) было достигнуто соглашение о формировании новой дивизии СС, состоящей исключительно из граждан белорусской национальности. Основой для дивизии послужила 1-я гренадерская бригада войск СС. 9 марта 1945 года соединение получило дивизионный статус, став 30-й гренадерской дивизией войск СС (1-й белорусской).

В марте 1945 года стало очевидно, что сформировать полноценную дивизию из белорусов не представляется возможным. Ситуация для Рейха была критической, и теперь все оставшиеся силы перебрасывались на фронт. Белорусы и русские солдаты СС под командованием штурмбаннфюрера Франца Геннингфельда получили приказ передислоцироваться в Южную Германию, где военно-политическое руководство Рейха планировало организовать «Альпийский редут» — сеть укрепрайонов, которые, по мнению военных, должны были остановить продвижение союзных войск и создать условия для перехода вермахта в контрнаступление. Этим планам не суждено было сбыться. Поэтому, оценив обстановку, командиры частей решили использовать любую возможность, чтобы сдаться в плен к американским войскам и не попасть в руки Красной армии. 30 апреля 1945 года эсэсовцы, а также осуществлявший вместе с ними совместный переход штаб ВВС РОА, сложили оружие в районе города

[1] *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. С. 274; *Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 308.

Цвизель (Бавария). В американский плен сдалось около 5100 человек: 4000 русских (РОА) и 1100 белорусских и русских эсэсовца. Таким был конец 30-й дивизии войск СС.

Приложение

Боевое расписание 30-й гренадерской дивизии Войск СС (русской № 2). Осень 1944 года

Командир — полевая почта № 14 471 — оберштурмбаннфюрер СС Ганс Зиглинг

Отдел I a гауптштурмфюрер СС Иоганнес Дойчбайн

Отдел I b штурмбаннфюрер СС Франц Геннингфельд

Отдел II a гауптштурмфюрер СС Шнайдер

Начальник штаба дивизии гауптштурмфюрер СС Ралль

Отдел III оберштурмфюрер СС доктор Эрвин Врбка

Отдел IV a штурмбаннфюрер СС Бруно Паули

Отдел IV b штурмбаннфюрер СС доктор Эрих Виндишь

Отдел IV c оберштурмфюрер СС доктор Хойер

Отдел V гауптштурмфюрер СС Петер Аримонт

Отдел V оберштурмбаннфюрер СС Нофтиц

75-й ваффен-гренадерский полк СС (русский № 4).

Командир — полевая почта № 08 385 — штурмбаннфюрер СС Ганс Остеррейх

I батальон — полевая почта № 66 415

II батальон — полевая почта № 66 408

III батальон — полевая почта № 67 827

76-й ваффен-гренадерский полк СС (русский № 5).

Командир — полевая почта № 01 069 — штурмбаннфюрер СС Гаутц

штурмбаннфюрер СС Шмидт

гауптштурмфюрер СС Эрнст Зилоф

I батальон — полевая почта № 64 868

II батальон — полевая почта № 67 283

III батальон — полевая почта № 65 794

77-й ваффен-гренадерский полк СС (русский № 6).

Командир — полевая почта № 03 844 — штурмбаннфюрер СС Моха

I батальон — полевая почта № 65 253

II батальон — полевая почта № 67 002

III батальон — полевая почта № 66 134

30-й артиллерийский дивизион СС — полевая почта № 05 607 — гауптштурмфюрер СС Глассер; гауптштурмфюрер СС Рис.

30-й разведывательный батальон СС — полевая почта № 31 251 — штурмбаннфюрер СС Хофманн; оберштурмфюрер СС доктор Меркулов.

фузилерная рота СС — оберштурмфюрер СС Хуберт Марбах;

саперная рота СС — гауптштурмфюрер СС Вольф;

рота связи СС — гаутпштурмфюрер СС Мюллер;

санитарная рота СС — гауптштурмфюрер СС доктор Вернер Фосгреен;

противотанковая рота СС — гауптштурмфюрер СС Эрвин Кирхнер;

30-й запасной батальон СС — полевая почта № 41 526 — гауптштурмфюрер СС Биндл.

Третья глава

РУССКИЕ В ДИВИЗИИ ВОЙСК СС «ВАЛЛОНИЯ»

В марте 1930 года, в Бельгии, на базе Военно-учебной группы (ВУГ) Русской дворянской молодежи, по инициативе А.А. Арианова фон Анра, была сформирована так называемая «Русская Стрелковая генерала Врангеля Дружина». Деятельное участие в организации ВУГ принял председатель Объединения гвардейской пехоты генерал-лейтенант бывшей русской императорской армии А.П. Архангельский. 27 апреля 1930 года был произведен первый сбор группы, переименованной в Русскую Спортивную Дружину (РСД).

В РСД принимались все физические здоровые молодые люди русского происхождения, не являвшиеся советскими подданными, достигшие 16-летнего возраста, имевшие образование не менее 4-х классов среднего учебного заведения, желающие служить в будущей русской армии[1].

Личный состав РСД в свободное от учебы и работы время проходил боевую подготовку, изучал устав Красной армии, с которой готовился воевать в недалеком будущем. Со временем при РСД были официально открыты военно-училищные курсы для будущих офицеров русской армии, курсы для подготовки унтер-офицеров, отряд разведчиков и рота егерей. После окончания курсов слушатели сдавали экзамены и производились в офицеры[2].

После вторжения вермахта в Бельгию 10 мая 1940 года РСД была распущена. В конце 1941 года часть дружинников решила принять участие в вооруженной борьбе против большевизма в рядах иностранных военных частей. Такая возможность вскоре представилась. В это время шел набор в 373-й валлонский пехотный легион (373. Infanterie-Bataillone /wallonische/). В него активно записывались «рексисты» — представители местного праворадикального бельгийского движения «Христос Владыка» («Christos Rex») [3]. Лидером «рексистов» был депутат бельгийского парламента Леон Дегрелль, благосклонно отнесшийся к тому, что некоторые русские эмигранты (вдохновленные на этот шаг братьями Николаем и Петром Сахновскими — бывшими членами РСД) пожелали стать солдатами валлонского легиона. В итоге 20 русских эмигрантов из Льежа и Брюсселя были зачислены в часть[4].

Поскольку в валлонском легионе решительно все говорили только по-французски, то и все приказы отдавались только на французском языке, а все командные должности занимали не немцы, а сами

---

[1] *Акунов В.* Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941—1945 гг. М., 2006. С. 410—411.

[2] Там же.

[3] *Бишоп К.* Иностранные дивизии III рейха. Иностранные добровольцы в войсках СС 1940—1945. М., 2006. С. 154.

[4] *Александров К.М.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003. С. 206.

бельгийские легионеры. При легионе постоянно находился германский штаб (Ferbidungsstab), военнослужащие которого переводили руководящие приказы германского командования с немецкого на французский язык, а рапорты и доклады легионеров — с французского языка на немецкий.

Чрезвычайно важную роль сыграл тот факт, что почти все русские добровольцы, сражавшиеся на Восточном фронте в составе валлонского легиона, кроме русского свободно владели не только французским, но и немецким языком, и потому представляли собой весьма ценные кадры (поскольку остальной состав легиона, состоявший из коренных бельгийцев, относившихся к валлонской языковой группе, говорил только по-французски) [1].

10 марта 1942 года из Брюсселя выехал второй эшелон добровольцев валлонского легиона, который, в составе отдельного батальона, уже находился на Восточном фронте. В числе добровольцев второго эшелона были и русские эмигранты, в частности братья Сахновские. Добровольцы прибыли на обучение в город Мезериц, где были размещены в казармах запасного батальона. После трехмесячного курса обучения они были направлены на фронт, на тот участок, где находилась основная часть валлонского легиона, — под городом Славянском. К тому моменту легион понес в ожесточенных боях немалые потери. Когда из Мерезица прибыло пополнение, легион вместе с немецкими войсками готовился к наступлению на Кавказ, которого легионеры достигли осенью 1942 года[2].

Следует отметить, что 373-й валлонский пехотный батальон сражался в составе 100-й егерской дивизии, а затем в составе 97-й пехотной дивизии на Кавказе, и часть прекрасно зарекомендовала себя в лице германского командования[3].

Во время боев на Кавказе состав русского подразделения легиона несколько раз пополнялся за счет советских военнопленных, которые после разговоров с Н.И. Сахновским соглашались бороться против

---

[1] *Акунов В.* Русские викинги / «Реванш» (Пенза). 2006. № 2 (6). С. 44.

[2] Там же.

[3] *Семенов К.К.* Войска СС. Солдаты, как все. М., 2004. С. 209.

большевизма. После того как валлонский легион был эвакуирован с Кавказа, в его рядах находилось не менее 100 русских бойцов[1].

В 1943 году Верховное главнокомандование вермахта, начальник Генерального штаба сухопутных войск и рейхсфюрер СС достигли соглашения о том, чтобы перевести все иностранные добровольческие части в СС. 1 июня 1943 года валлонский легион был включен в состав войск СС и отправлен в учебный лагерь в Вильдфлеккен, где его ждало переформирование[2]. На базе валлонского легиона была развернута 5-я штурмовая бригада СС «Валлония» (SS-Sturmbrigade «Wallonien»).

В сентябре 1943 года бригада принимала участие в боях на Днепре вместе с 5-й танковой дивизией СС. Причем в этих боях против дивизии СС «Викинг» и бригады СС «Валлония», по приказу ЦШПД, были брошены 6 партизанских бригад, которые, однако, ничем себя не проявили, потеряв в ходе бессмысленных атак свыше 70 % личного состава[3].

Н.И. Сахновский, проводивший в свободное от боев время встречи с местным населением, сагитировал еще около 200 человек вступить в русское подразделение СС, составившее в нем «Русское народное ополчение» (РНО).

Он также обратился с докладом к командиру дивизии СС «Викинг» обергруппенфюреру СС Г. Гилле, обрисовав необходимость создания русского соединения либо в составе германских вооруженных сил, либо войск СС. «Следует немедленно сформировать русскую добровольческую дивизию, — подчеркивал в докладе Н.И. Сахновский. — Дать этой дивизии абсолютную свободу действий и право сражаться за свой собственный идеал… Наша цель — сбросить большевиков и дать России русскую национальную власть — Русского Православного Царя»[4].

---

[1] *Акунов В.* Русские викинги. Указ. соч. С. 46.

[2] *Бишоп К., Эйлсби К.* Войска СС на полях сражений Второй мировой войны 1939—1945. Западный и Восточный фронт. М., 2006. С. 275.

[3] *Каров Д.* Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг. Мюнхен, 1954. С. 105.

[4] Цит. по: *Хазанов-Пашковский С.А., Садовой С.В.* Знаменательный юбилей (60-летняя годовщина Крестового похода: мифы и факты) / «Имперское слово» (СПб.). 2001. Вып. № 2. С. 8.

Г. Гилле, если верить послевоенным мемуарам Н.И. Сахновского, с пониманием отнесся к его идее, но, как можно предположить, ничем не мог помочь командиру русских эсэсовцев, так как не был уполномочен решать вопросы подобного рода.

В январе 1944 года валлонская бригада, как и дивизия СС «Викинг», вела тяжелые бои против Красной армии и в феврале оказалась в «Черкасском котле»[1]. Бои были настолько ожесточенными, что к концу февраля в бригаде от 2000 человек осталось всего 632[2]. Только во время сражения за Нова-Буду соединение потеряло более 200 бойцов убитыми, в том числе и своего командира — штандартенфюрера СС Люсьена Липперта[3]. Но бригада сыграла важную роль в прорыве «котла». Благодаря валлонам и их русским сослуживцам окруженной немецкой группировке удалось избежать нового Сталинграда. Возглавивший бригаду гауптштурмфюрер СС Леон Дегрелль был награжден Рыцарским крестом[4].

В ходе сражения в «Черкасском котле» большая часть русских добровольцев погибла. Оставшиеся в живых русские были выведены с фронта вместе с остатками валлонского соединения — их отправили в Западную Европу. Там русская рота СС была расформирована, а ее волонтерам предоставили полную свободу действий. Часть русских добровольцев осталась служить в составе 28-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Валлония» (28. SS-Freiwilligen-Grenadier-Division «Wallonien») до самого конца войны, остальные демобилизовались[5].

В дивизии СС «Валлония» продолжил службу Н.И. Сахновский. В январе 1945 года он развернул кампанию по добровольному призыву русских эмигрантов и военнопленных в состав Истребительного соединения войск СС. Добровольцы были подчинены Отто Скорцени и участвовали, в частности, в операции «Фаустпатрон»[6].

---

[1] *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. Смоленск, 1999. С. 239.

[2] *Windrow M.* Op. cit. P. 24.

[3] *Бухнер А.* 1944. Крах на Восточном фронте. М., 2006. С. 36.

[4] *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д., 2000. С. 242.

[5] *Акунов В.* Русские викинги... С. 49.

[6] Там же.

Другим русским офицером, который предпочел продолжить службу в «Валлонии», был ваффен-штурмбаннфюрер СС Чехов. Представитель первой волны русской эмиграции, офицер императорского флота Георгий Васильевич Чехов в 1920-е годы жил в Германии, а в середине 1930-х годов переехал в Бельгию. Накануне Второй мировой войны он получил бельгийское подданство, а после начала войны с Совестским Союзом изъявил желание поступить добровольцем в 373-й валлонский легион.

8 августа 1941 года Чехов был зачислен в часть в звании капитана и назначен командиром 3-й роты. Участвуя в боевых действиях, Чехов показал себя опытным офицером и заслужил уважение своих бельгийских и русских сослуживцев. В марте 1942 года он даже исполнял обязанности командира валлонского легиона, а позже был командиром запасного подразделения этой части.

1 июня 1943 года вместе с остальным личным составом Чехов был переведен на службу в СС в звании ваффен-гауптштурмфюрера СС. За годы службы он подружился с Леоном Дегреллем и стал его ближайшим помощником. 20 апреля 1944 года его произвели в чин штурмбаннфюрера. В марте 1945 года Чехова назначили командиром 70-го полка дивизии «Валлония». В боях за Померанию он был ранен и конец войны встретил в госпитале. Ему удалось избежать репатриации в СССР и уехать в Аргентину, где он скончался в 1961 году[1].

Приложение

Из воспоминаний Н.И. Сахновского о службе в дивизиях войск СС «Викинг» и «Валлония»

Несмотря на значительное число русских белых эмигрантов, бывших в Прибалтике, в Польше, на Балканах и в странах Западной Европы, русская эмиграция участия во Второй мировой войне не приняла, если не считать, конечно, счастливого исключения в лице Русского Корпуса, возникшего в Югославии, но так и не попавшего на Восточный фронт.

[1] *Семенов К.* Русские фюреры СС... С. 9.

Основной мыслью каждого Русского Патриота должно бы было быть: «Когда решается судьба нашей Родины, то наше место — на месте действий, где каждый из нас должен, по возможности с оружием в руках, защищать русские интересы». Но русская эмиграция оказалась совершенно неподготовленной и несостоятельной перед событиями, которые при других условиях могли бы привести к спасению от коммунизма и возрождению России.

В настоящее время ни для кого не секрет, что решительно при всех частях германской армии находились значительные количества русских добровольцев из числа военнопленных и местного населения; что когда стала создаваться власовская армия, то число записывавшихся значительно превысило действительные возможности; что в общей сложности добровольцев оказалось более 2 000 000 человек... и это несмотря на все ошибки немецкого командования и преступную «восточную политику» Розенберга! Чего большего можно было требовать в смысле благоприятности со стороны населения страны? Но вот из среды т.н. «национальной русской эмиграции» лишь совершенно ничтожные кучки приняли реальное участие в происходивших грозных событиях. Зато «совпатриотизм», «защита Родины от внешнего врага», «ассоциации про алиадос» и бесчисленное множество иных мастей защитников коммунизма и демократии находили всеобщее сочувствие и содействие.

Все это совершенно необходимо твердо помнить и учесть, так как вне всякого сомнения эти же обстоятельства, если не худшие, повторятся при возникновении Третьей войны, которая почти наверное окончится победой коммунизма, если мы, Русские Патриоты, не сумеем принять в ней сознательного участия и провести в жизнь заранее нами продуманные и подготовительные меры.

...Мы коснемся участия группы Соратников Российского Имперского Союза-Ордена Бельгийского Отдела в рядах так называемого «Валлонского Легиона» в военных действиях на Восточном фронте и начавшегося формирования единственной, по меньшей мере, насколько это нам известно, русской воинской части с открыто монархическими заданиями под историческим русским девизом «За Веру, Царя и Отечество», и участия этой части в боях под Корсу-

нью во время т.н. «Черкасского» окружения пяти германских дивизий большевистскими войсками в январе — феврале 1944 года.

Немедленно после начала военных действий на Востоке в Бельгии стал формироваться добровольческий отряд для участия в борьбе против большевизма в рядах германских войск. Этот отряд создавался по инициативе вождя Рексистского движения Леона Дегрелля, официально в него могли вступать лишь бельгийцы. Тем не менее в его рядах оказалось около двадцати русских эмигрантов из Льежа и из Брюсселя. Хотя роль этих русских и принято замалчивать, в действительности она была очень значительной: один из них в чине майора командовал одно время всем Легионом, а затем — его запасным батальоном. Другой, в чине капитана, всю войну командовал ротой. ...П.И. Сахновский был сначала ротным, а затем батальонным врачом; некоторые в разное время произведенные в лейтенанты — командовали взводами и ротами; почти все остальные были сержантами или фельдфебелями. Так как в «Валлонском Легионе» решительно все говорили только по-французски, то все приказания отдавались на этом языке, а все командные должности несли сами легионеры. Германский «фербиндунг-штаб» постоянно находился при Легионе и переводил приказы свыше на французский язык и наши рапорты и доклады на немецкий. Так как русские эмигранты в глазах немцев были бельгийцами — то мы пользовались решительно всеми правами, не в пример прочим германским частям, где командовали немцы, а русские несли только вспомогательные роли. Чрезвычайную роль также играл факт, что почти все мы говорили и по-французски и по-немецки и, конечно, по-русски, тогда как остальной состав Легиона — только по-французски.

10 марта 1942 года выехал из Брюсселя второй эшелон добровольцев в Валлонский Легион, который в составе отдельного батальона уже находился на фронте. В числе добровольцев этого эшелона находился я и П.И. Сахновский. После трехмесячного обучения в казармах запасного батальона в городе Мезериц подкрепление было отправлено на фронт, проходивший тогда в нескольких верстах от города Славянска. Легион к этому времени уже понес довольно сильные потери, в том числе геройски погиб полковник Смоленский, изумительное мужество которого было покрыто в Легионе неувя-

даемой славой. Вскоре после нашего прибытия началось генеральное наступление на Кавказ, куда мы и дошли форсированным маршем, делая по 40 км в день, к началу осени. Здесь следует сказать, что уже по пути на фронт наш эшелон встречал транспорты военнопленных, отправлявшиеся в Германию. Условия, в которых находились эти военнопленные, были чрезвычайно тяжелые. Безвыходно запертые в вагонах, зачастую без продовольствия и воды, многие из них должны были умирать в пути. Это вызывало страшное возмущение не только нас, русских, но и бельгийцев, которые обычно вместе с нами выскакивали из вагонов и спешили передать все, что было возможно, военнопленным, несмотря на протесты и угрозы охраны.

В этих условиях нами был подан первый рапорт по начальству с указанием на всю ошибочность этих действий. Вскоре после этого рапорта меня вызвали к начальнику фербиндунгштаба, который, естественно, имел очень большой вес во всех судьбах Легиона и его состава. Меня очень внимательно выслушали и объяснили, что далеко не всегда эти факты можно поставить в вину германскому командованию, т.к. молниеносно наступающая армия вынуждена, прежде всего, кормить своих солдат, а продовольствия в Германии маловато. При этих обстоятельствах в плен взято сразу 200 000 человек! Что с ними делать? Откуда взять продовольствие? Вот почему командование вынуждено давать минимум необходимого. Фактически же жизнь военнопленных часто зависела исключительно от командира транспорта. Если это был порядочный человек, то действительно можно было продержаться на этом «минимуме», но если попадался прохвост, то минимум не доходил по назначению и пленные умирали от голода.

Когда началось генеральное наступление на Кавказ, на сторону немцев продолжали переходить десятки тысяч. Фронтовые командиры уже прекрасно знали, что если военнопленных отправлять в тыл, то почти все они погибнут в пути. Поэтому обычно их немедленно же распускали по домам или предлагали оставаться при части в качестве вспомогательных отрядов. Те, чьи дома находились в областях, уже занятых немцами, обычно сейчас же шли домой, а те, кому идти было некуда, присоединялись к вспомогательным

отрядам. Поэтому на всем нашем пути мы встречали толпы распущенных военнопленных, которые шли по домам, и, естественно, чем только могли нам помогали.

Валлонский Легион пользовался уважением и специальным сочувствием немцев. Мягкость, в сравнении с немцами, характера бельгийцев была причиной особенно хороших отношений с создавшимся при Легионе Русским вспомогательным отрядом из военнопленных, а присутствие в составе Легиона группы добровольцев из эмигрантов давала еще большие возможности.

Решительно никаких боев не происходило. Немцы продвигались отдельными колоннами, оставляя много советских частей у себя в тылу. Пока население сочувствовало немцам, ожидая от них избавления от большевизма, это не представляло никакой опасности, но когда положение изменилось, то, конечно, сыграло очень большую роль. Однажды, уже пройдя Армавир, я стоял возле повозки, груженной аппаратами службы связи, когда произошла какая-то маленькая перестрелка и залетевшая пуля попала в ухо рядом со мной стоявшей лошади. Лошадь прыгнула в сторону, и колеса повозки прошли по моей правой ступне, разломав кости. Идти дальше я уже не мог, а потому был эвакуирован. Чтобы дать пример степени утомления и истощения германских войск от этого бесконечного наступления форсированным маршем, интересно отметить, что меня взвесили перед погрузкой на аэроплан, и что вместе с моим пакетом я весил 54 кг при росте метр и 82 см. Я был в прямом смысле слова «кожа и кости» и вряд ли мог выдержать напряжение горных боев со свежими большевистскими частями.

После бесконечно длинного пути эвакуации, т.к. на аэроплане меня доставил только до Таганрога, и лечения в военном госпитале в г. Эльбинг, я получил мой первый отпуск и попал в Брюссель и в Париж. Совпатриотические настроения уже цвели махровым цветом в эмиграции, что привело меня к нескольким резким столкновениям, но в общем меня встретили хорошо, и после нескольких устроенных мною докладов и обсуждения положения с нашими соратниками я начал принимать меры для более планомерного и полного использования возможностей нашего участия в рядах Валлонского легиона.

Принятые решения сводились к следующему: положить начало вооруженной борьбе против большевизма за свой собственный страх и риск, не считаясь с точками зрения Верховного германского командования и Остминистериума, под открытым лозунгом: «За Веру, Царя и Отечество!» в тылу у большевиков. Для первого толчка использовать возможности Валлонского Легиона, не упуская ни одного представляющегося случая.

При полной поддержке и сочувствии Соратников Бельгийского Отдела, работавших под руководством Н.Н. Воейкова, мне удалось получить некоторое количество книг, изданных в эмиграции, ряд открыток с фотографиями частей Армии Врангеля после ее эвакуации, которые издавались под заглавием: «Русская Армия на Чужбине», различную имперскую литературу и взять с собою несколько тысяч специально заказанных православных крестов с надписью «Сим Победиши!», что было выполнено при содействии священника о. Александра Шабашева.

Тем временем на Кавказе начались настоящие военные действия и шли тяжелые бои, которые и закончились отступлением. Советские части в тылу германского расположения превратились в банды партизан. Валлонский Легион был эвакуирован уже авиацией, причем валлонцы сумели взять с собою всех желающих этого добровольцев своего вспомогательного отряда из военнопленных и даже часть населения. Таким образом, когда я из отпуска прибыл в Мезериц, туда вскоре прибыл с фронта и весь Легион, в составе которого было более 100 человек русских. Как раз в это время, Германское командование решило перевести все иностранные добровольческие части в состав т.н. «Ваффен-СС». До этого времени Валлонский Легион был в вермахте, а теперь нас погрузили в вагоны и отправили в СС-овский лагерь «Вильдфлекен» для переформирования значительно численно разросшегося Легиона в «5-ю СС-Штурм-Бригаде Валлониен». Но русских военнопленных в «Ваффен-СС» немцы переводить совершенно не желали. После неимоверных усилий удалось все-таки сохранить при Легионе 40 человек, выбранных, к великому сожалению, не по моральным и политическим качествам, а исключительно на основании их возраста и физической подготовки.

Ни для кого не является секретом, что почти каждый русский человек — монархист в душе. Но когда к реальному делу начинает быть причастной какая-либо русская воинская организация, то немедленно вспоминаются пресловутые «Заветы Вождей», «аполитичность» армии и прочие красивые, но пустые и вредные слова. С упорством, достойным лучшего применения, забывается, что вся наша борьба имеет чисто политический смысл, а поэтому как раз политическая часть имеет решающее значение. Неизлечимая душевная болезнь РОВСа, перекинувшаяся затем на «Русский Корпус» в Югославии, не могла не привести к печальным результатам. Российская Императорская Армия никогда не была аполитичной — она была чисто монархической, Французская армия, построенная на атеистическом республиканском принципе, и есть республиканская. Советский Союз имеет чисто сатанинскую шайку, а вовсе не русскую армию, как это стараются нам представить совпатриоты.

Глубокой осенью 1943 года мы прибыли на фронт, проходивший в это время по Днепру. Большевики только что взяли Киев. Мы были выгружены в Корсуни и расположены в селе Байбузы и в селе Мошны на реке Ольшанке. Мы входили в состав СС-дивизии «Викинг», которая была расположена в сторону Корсуни. Сосредоточив здесь силы, немцы намеревались прорваться в тыл большевиков и уничтожить их силы, занявшие Киев.

Все окрестные леса были заполнены красными партизанами, с которыми происходили стычки, но боев не было. Немцы, для пресечения партизанщины, хотели эвакуировать все мужское население, от чего население, естественно, старалось уклониться, и что только усиливало партизан. Решительно всюду, куда только ни приходил легион, мы заставали на постах старост деревень и начальников местной полиции — совершенно определенных коммунистов. Немцы почему-то считали, что если у крестьянина хорошая хата — то он и есть самый толковый и домовитый человек, упуская из виду, что хорошая хата в СССР может быть только у местного активиста-большевика. Эти коммунисты при помощи немецкой же силы гнали и давили настоящих антикоммунистов и снабжали всем необходимым партизан. Переводчиками у немцев, по меньшей мере на Юге России, как правило, были активисты-«украинцы» из Галиции. Они

ненавидели местное население, а население их совершенно не понимало, т.к. пресловутая «ридна мува», на которой они говорили, нарочито очищена от всех обычных русских слов и выражений. Эта «Восточная Политика», изобретенная господином Розенбергом, проводилась немцами с чисто германской тупостью, несмотря на катастрофические результаты.

Каждый русский эмигрант, попадавший на фронт, был поэтому подлинной находкой как для самих немцев, так и для всего местного населения. Только через него можно было добиться хоть какого-то порядка и логики. Там где легион задерживался на некоторое время, местные «власти» вскоре оказывались повешенными или расстрелянными, немецкие коменданты по возможности заменены русскими, и население начинало себя чувствовать совершенно иначе. Немедленно после нашего прибытия в Байбузы комендантом села Байбузы был назначен я.

Первой моей заботой было по возможности спасти местное население от эвакуации. Для этого выдавались удостоверения с печатью комендатуры, что такой-то, имярек, эвакуации и аресту за хождение ночью не подлежит, т.к. состоит на службе комендатуры. Помимо того, на рукав нашивался белый ромб с той же печатью. Очень скоро не только наши местные крестьяне, но и из соседних сел и деревень стали собираться в Байбузы. Мною была для этой цели открыта мельница, швейная и сапожная мастерские, мастерская выделки веревок, которых очень не хватало, кожевенная выделка, мастерская, где делались ведра, и т.д. Я объяснил населению, что все это необходимо, т.к. иначе я не могу оправдать свои действия перед начальством. Наш штаб стал снабжаться в изобилии молоком, яйцами, птицей, а население, получив убежище и защиту, наконец вздохнуло в условиях хотя бы относительного спокойствия за завтрашний день.

Красные партизаны совершенно перестали беспокоить валлонское расположение.

Момент показался мне благоприятным, и я попросил аудиенции у командира бригады, штурмбаннфюрера Липперта, прекрасного и честнейшего бельгийского офицера, недавно вступившего в командование нашей бригадой, и доложил ему, что хотел бы получить

свободу действий в смысле разрешения мне формировать русскую добровольческую дивизию для борьбы против большевиков. Естественно, он мог мне только сказать, что это вне его компетенции, но что он с удовольствием поддержит всякое мое предложение в этом направлении, так как совершенно уверен, что если не принять мер такого порядка, то война будет полностью проиграна.

Через день после этого разговора я получил приказ явиться к командиру бригады, где застал начальника немецкого Фербиндунгштаба оберштурмбаннфюрера Вегенера и генерала Ваффен-СС (фамилии его не помню), командира дивизии «Викинг». Липперт, хотя и неважно, но говорил по-немецки, так что весь разговор шел на этом языке и никаких переводчиков не потребовалось. Мне было приказано подробно изложить мои мысли. Такой исключительный момент следовало использовать полностью, т.к. командир дивизии «Викинг» был очень крупной величиной, а в условиях фронтовой обстановки его слово являлось непреложным законом. В сочувствии Липперта и Вегенера я уже не сомневался, так как самый факт, что они решились потревожить важное начальство, говорил сам за себя. Мой доклад сводился к следующему: следует немедленно сформировать русскую добровольческую дивизию при дивизии «Викинг». Дать этой дивизии абсолютную свободу действий и право сражаться за свой собственный идеал. Вооружить ее можно захваченным у большевиков оружием, имеющимся у нас в изобилии. Дать через Валлонский легион возможность русским эмигрантам-добровольцам, конечно, по нашему выбору, пополнить ее, объявив соответствующий призыв во Франции и в Бельгии. Перевести некоторое число офицеров из русского корпуса в Сербии, сначала в Валлонский легион, а затем командирами в новую дивизию. В течение двух месяцев можно этим путем создать базу совершенно нового русского национального движения, которому и предоставить свободу действий на русской территории. Само по себе подобное движение не может начаться, но затем все пойдет своим собственным путем. Если этого не сделать теперь же, пока мы на Днепре, то, пожалуй, будут поздно.

«Население за Вами не пойдет, и добровольцев из Европы Вам тоже достать уже не удастся», — ответил мне генерал. «Почему не попробовать? — ответил я. — Если вы правы, то, конечно, вся

затея напрасна, но если я прав, то можно еще спасти Россию, и Германию, и даже весь мир от надвигающегося коммунизма. Дайте мне "динстрейзе" в Берлин, я там переговорю с кем надо, вернусь сюда через две недели, и тогда посмотрим, как отнесется население. На первых порах это будет рота, затем батальон, полк и дивизия».

— А русский взвод Валлонского легиона?

Этот вопрос мне был очень неприятен, т.к. я знал, что во взводе не все благополучно, но говорить об этом было невозможно.

«Если командование согласно, то его можно тоже перевести в новое формирование, но я, прямо глядя в глаза генералу, сказал, «что при его формировании упустили очень важную вещь — не сказали, что они будут сражаться не за Европу, а "За Веру, Царя и Отечество!" что совсем не одно и тоже».

Произошло молчание. Наконец, генерал взглянул на меня и сказал: «Завтра утром вы едете в "динстрейзе" в Берлин. По возвращении явитесь к командиру бригады с докладом. Помните, что весь этот разговор абсолютно секретен, так как я беру на себя ответственность, на которую не имею права. Даже ваши друзья и помощники ничего не должны знать о наших действительных планах. Если при существующих условиях вы сумеете осуществить этот план, то я буду счастлив, что принял в нем участие. С нашей стороны вам обеспечена полная поддержка».

Поездка в Берлин, с моей точки зрения, имела только одну цель: выяснить, кто из русских генералов сможет возглавить в случае успеха начинаемое дело. Вопрос крайней важности. Если это будет решительно, политически мыслящий, преданный монархической идее вождь, то это одно может обеспечить конечную победу. Наоборот, какой-либо «аполитично-непредрешенческий» слизняк с демократически-гнилым мозгом — конечно провалит решительно всякое начинание. Найти такого генерала в нашем эмигрантском болоте дело нелегкое, и я решил об этом посоветоваться с полковником Хаусманом.

«Такого генерала, как вы хотите, у нас нет, — ответил мне полк. Хаусманн. — Если бы он был, то вы его знали бы. Есть много очень порядочных и хороших людей, но они уже не генералы. Они отучились приказывать нужным тоном, да и не знают, что приказывать. По-

этому лучше всего, при возникновении такого народного движения, в которое может при удаче вылиться Ваше начинание, назначать командира из местных сил или отобранной эмигрантской молодежи. Отсутствие чисто военного образования никакого значения не имеет, а взаимное чувство доверия гораздо важнее. Немцы оказали нам услугу, не пустив эмигрантов на фронт, а то они там такую толстовщину поразвели бы, что самым заядлым республиканцам и в голову не придет. Вы сами говорите, что со взводом неблагополучно, а командует им эмигрант. Почему? Да потому, что он болен РОВСовской закваской, совершенно неприменимой при политической борьбе, а здравого политического мышления, по-видимому, не имеет. В этом все дело».

Я вернулся в легион с тяжелым сердцем, но не мог не согласиться с Хаусманном, что наша эмиграция морально совершенно не готова к принятию участия в важных событиях; что за глупейшими гуманитарными соображениями о каких-то «народных правах» они дождутся полного уничтожения этого самого народа; что сотни, а может быть, и тысячи эмигрантов могли бы быть на фронте, если бы действительно хотели этого, а они, вместо этого, разводят слюни о защите территории от «внешнего врага», воображая, что немцы могут победить Россию! Немцам России не победить, а вот душевное гниение действительно может привести к исчезновению с лица земли когда-то великого народа. Но об этом все еще не могут задуматься.

Вернувшись из Берлина, я, конечно, не стал посвящать Липперта во все детали моих мыслей, но просто доложил, что офицеры найдутся и что настало время оценить настроения населения. На следующий же день я устроил сход крестьян в помещении комендатуры, которым сказал приблизительно следующее: «Вы все прекрасно знаете разницу между большевиками, немцами и нашей валлонской частью. Не мне, русскому белому эмигранту, объяснять вам, живущим все эти годы тут, что такое большевизм и колхозы. Также не мне; носящему германскую форму, объяснять вам, что такое немцы, — вы их видите здесь вот уже два года. Вы напрасно их теперь ненавидите, так же как напрасно ожидали, что они почему-то спасут нас от большевиков. Пора понять, что немцы

служат не России, а Германии. Они защищают свою родину, и нам это должно быть понятно. Но нас-то, Русских, прежде всего волнует и интересует судьба нашей Родины, нашего народа. Так вот, для того чтобы наша Родина была счастлива и могуча, чтобы мы, Русские, могли жить свободно и хорошо — нам необходима Русская Национальная государственная власть достаточно сильная, чтобы защищать Правду. Правда, т.е. то, что для нашего русского народа является действительно правдой, — это то, чему учит нас наша православная Церковь. Но для утверждения этой Правды нужна Национальная Государственная Власть, и властью этой, нашей, родной по крови, русской, может быть только русский царь, а не интернациональный сброд, сидящий теперь в Кремле. Наши отцы и наши деды славно жили при Царях. Только подлецы могут говорить противное. Но мы, простые русские люди, загнаны в угол. Со всех сторон наше тело рвут злобные псы. Мы не в силах сражаться сразу со всеми. Поэтому надо бить врага по очереди. 30 лет уже шайка правит нами, а мы не в силах им свернуть шею. Вот почему для меня вопрос ясен. Я думаю, что с немцами мы можем договориться, т.к. они не могут нас разбить. Им придется или договориться с нами или проиграть войну. А вот с большевиками мы можем справиться, только воспользовавшись этой войной. Партизаны, заполняющие леса, должны были бы повернуть оружие против большевиков и подумать о завтрашнем дне. Иначе придется чесать затылки. Во всяком случае, ясно одно: наша валлонская часть не останется стоять тут до бесконечности. Нас заменят или немцы или большевики. Вы знаете и тех и других. Поэтому я предлагаю желающим теперь же записаться в новый добровольческий отряд, который будет создан при бельгийской бригаде. Сначала это будет отдельная вспомогательная рота, вооруженная оружием, взятым у большевиков. Мы примем участие в боях против большевиков, сначала в этой форме, но при первой же возможности будем сражаться сами по себе. Заранее говорю, что наша цель — сбросить большевизм и дать России русскую национальную власть — Русского Православного Царя».

В ту же ночь ко мне пришли три крестьянина и, покачав головами, сказали, что думают, что меня убьют, если не большевики, то немцы. Я им ответил, что немцы не убьют, так как я им всегда и

говорю и пишу тоже самое, а вот против большевиков я действительно сражаюсь, и они, конечно, могут меня убить, но на то и война. Поговорив на разные темы, они тогда спросили, не желаю ли я встретиться и поговорить с начальником одного из партизанских отрядов. Я ответил, что сам к нему не пойду, т.к. иначе немцы меня действительно могут посчитать за изменника, но что ко мне может всегда прийти кто угодно, так как я уверен, что само население сумеет меня в случае надобности защищать. Этот знаменательный разговор открывал огромные возможности, так как, если бы действительно партизанские отряды, состоявшие из местных крестьян, трепетавших от одной мысли о возможном возвращении красных, стали массами вливаться в наше движение, то большевизму грозит неминуемый конец. А при розенберговской политике немцев местным крестьянам не было никакого иного выхода, как идти в партизаны, хотя они не были никакими коммунистами.

Все эти события происходили на Рождество 1943 года. На фронте продолжалось затишье. В моей комендатуре постоянно толпились приходившие крестьяне, с которыми я и говорил совершенно просто и откровенно на решительно всякие темы. Вскоре у меня оказались записанными около 200 человек добровольцев, с которыми следовало начинать формирование, но по некоторым соображениям я затягивал решительные шаги. Дело было в том, что я прекрасно знал, что большевики взяли Черкассы и прошли нам в тыл, что через Киев также продвинулись значительные силы, и что мы, следовательно, находимся в глубоком мешке. Предстояла эвакуация, и я мог, без всякой пользы для дела, погубить массу людей, доверившихся мне. Обсудив этот вопрос, я решил, что все те, кто действительно пойдут с валлонцами в момент эвакуации, явятся впоследствии ядром Ополчения, но что толкать на это я никого не буду.

Намечавшееся движение я решил назвать «Российское Народное Ополчение». И, собрав в своей комендатуре тех добровольцев, которые мне казались наиболее заслуживающими доверия, я высказал им эти мысли. Они полностью одобрили мое решение, но тот факт, что я посоветовался с ними, был им безусловно приятен. На этом совещании я сказал, что нашим знаком будет наш Православный Крест с надписью «Сим Победиши!» который каждый должен вы-

шить на своей рубашке, на сердце. Высота креста должна равняться 10 сантиметрам, а надпись — проходить по большой перекладине. Каждое Богослужение должно заканчиваться пением «Спаси Господи, люди твоя» с упоминанием в конце Имени Великого Князя Владимира Кирилловича, о жизни которого я рассказал крестьянам. Я всем категорически и определенно сказал, что на наших знаменах будут Православные Кресты и что нашим лозунгом является древний русский девиз: «За Веру, Царя и Отечество!», что наша цель есть восстановление Православного Русского Царства и коронование Православного Русского Царя. С самых первых шагов я решил не допускать никакой двойственности и никакой неясности. Только твердо зная, за что борешься, можно прийти к желанной цели.

Меня спросили, когда мы официально примем вид воинской части и принесем присягу. Я сказал, что это зависит от общей обстановки, но что сам я думаю, что немедленно следует заготовить рубашки и высокие сапоги, что мы на днях выступим в поход и тогда, во время похода, разобьемся на отделения и взводы, что, может быть, в нашу группу будут откомандированы русские добровольцы, уже находившиеся в легионе, но что командовать отделениями будут, вероятно, лучшие из самих местных крестьян. Официальное же формирование и присяга произойдут позже, в зависимости от разрешений и указаний моего теперешнего легионного начальства, без помощи которого мы не можем встать на ноги, а потому должны с ним считаться.

Такова была обстановка в январе 1944 года, когда совершенно неожиданно наступила катастрофа, стершая без следа все созданное с таким терпением и трудом, в тот самый момент, когда, казалось, открылись подлинные возможности.

После жестоких рождественских морозов сильно потеплело. Потом наступила полная оттепель и сошел весь снег. Размякшая земля обратилась в невероятнейшую грязь, по которой ни телеги, ни тем более автомобили или пушки, уже передвигаться не могли. С Ольшанки сошел весь лед. Находившиеся у нас в тылу большевистские части, пехота и кавалерия, быстрым ударом захватили и уничтожили наши склады бензина и артиллерийских припасов, которые, кстати, наша транспортная колонна все равно не могла

уже никуда подвести или перевести. Все пять дивизий оказались в полнейшем глубоком окружении и без всякой возможности использовать свою могущественную артиллерию и ее силу огня.

Шел хороший дождь, еще ухудшавший наше положение, и было градусов 15 тепла! Все это в начале января месяца! Большевики, конечно, не могли упустить такого удачного момента, а потому сделали нашему командованию предложение о сдаче. Это предложение было отвергнуто. Тогда были разбросаны летучки с аэропланов, на немецком, французском и русском языках, где был напечатан план местности с указанием положения наших дивизий и с призывом об индивидуальной сдаче каждого в трехдневный срок. В противном случае все будут перебиты и пленных брать вообще не будут.

Не знаю, много ли людей последовало этому предложению, но главная масса безусловно решила сражаться до конца. Утром 4-го числа мы получили приказ перевести весь наш обоз в село Деренковец, где должна была сосредоточена вся бригада, для составления арьергарда отступающей группы войск. В это время стало сильно холодать, через час-полтора пошел снег, а к вечеру началась самая страшнейшая снежная буря при двадцати градусах мороза. Все теплые вещи были сожжены, никак не предполагая такой перемены погоды. Было 15 гр. тепла, оттепель и распутица, теперь, всего через несколько часов, — самая суровая зимняя вьюга. Тонкие мундиры быстро обращались в ледяные корки, руки костенели. При этих условиях наша колонна двинулась в свой последний путь.

Наша недавно сформированная часть была вооружена только легким оружием: автоматами, винтовками; имелись и ручные гранаты, и только моя немецкая форма указывала на то, что мы принадлежим к немецким войскам. Когда распахивались пиджаки или шинели моих добровольцев, то были видны вышитые на груди Православные Кресты Российского Народного Ополчения, истекавшего кровью, не успев встать на ноги.

Часа два мы шли без особенных инцидентов, когда неожиданно поднявшаяся ракета осветила цепи большевистской пехоты, шедшей прямо на нас. Наша рота бегом пошла в контратаку. Очень скоро все перемешалось, передо мной возникали какие-то тени, ручные гранаты рвались со всех сторон, крики и шум... Я не могу

сказать, сколько времени длился этот бой... Все, как в тумане, инстинктивно стараясь держаться группой, мы видели, как тают наши ряды. Уже потом, пробившись из окружения, я увидел, какие огромные потери нам пришлось понести в этом нашем последнем рукопашном бою.

После этого началось наше истребление, путем атак авиации и непрекращающейся артиллерийской бомбардировки, продолжавшейся дольше двух недель.

Четвертая глава

РУССКИЕ В СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМАНДЕ СС «ДИРЛЕВАНГЕР»

Еще одним формированием СС, где служили русские (а вместе с ними белорусские и украинские) коллаборационисты, было особое подразделение Войск СС Оскара Дирлевангера. Надо сразу оговориться, что рассказ об этом формировании мы решили поместить в раздел, относящийся к войскам СС, так как приказы, выполняемые людьми Дирлевангера, не всегда имели карательное значение, но также были связаны с боевыми задачами, которые впоследствии и стали их основным родом деятельности. Кроме того, в конце войны соединение Дирлевангера стало полноправной гренадерской дивизией Войск СС (36. Waffen-Grenadier-Division der SS) [1].

Вместе с тем, чтобы не показаться необъективными, отметим, что личный состав этой части принимал участие в уничтожении гражданского населения и сожжении населенных пунктов и заработал самую скверную репутацию. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что многие военнослужащие из этого подразделения, созданного на базе 5-го полка частей СС «Мертвая голова» в Ораниенбурге (концлагерь Заксенхаузен), имели уголовное прошлое (некоторые отбывали наказание за браконьерство), а офицерский состав набирался из тех, кому суд чести за разные проступки и дис-

[1] *Windrow M.* The Waffen-SS. London, 1995. P. 26.

циплинарные провинности запретил до конца службы носить знаки различия[1].

Под стать своим подчиненным был сам Дирлевангер (родился в 1895 году), имевший за плечами весьма бурное прошлое. Ветеран Первой мировой войны (лейтенант запаса), комендант бронепоезда добровольческого корпуса из Вюртемберга, доктор экономических наук, но при всем при этом — антисемит, замеченный в сексуальных связях с несовершеннолетними девушками (22 сентября 1934 года он был исключен из рядов Штурмовых отрядов нацистской партии и отбывал двухлетний срок в тюрьме[2]). Если бы не заступничество его однополчанина Готтлоба Бергера, занимавшего высокий пост начальника Главного управления СС, то Дирлевангер, скорее всего, закончил бы свою жизнь в концентрационном лагере.

Однако уголовнику с докторской степенью повезло, и, «искупив вину» перед нацией участием в Гражданской войне в Испании (с сентября 1936 по лето 1939 года Дирлевангер воевал в составе легиона «Кондор»), он в определенной степени реабилитировался, пока вновь не попал в «историю». Уже являясь командиром специальной команды СС, поступившей 1 сентября 1940 года под начало фюрера СС и полиции дистрикта «Люблин» — бригадефюрера СС Одило Глобочника, Дирлевангер на основании фактов был обвинен в коррупции, вымогательстве денег и в сексуальных отношениях с 17-летней еврейкой[3]. Суд СС в Кракове начал против него проводить дознание, но благодаря Бергеру, вмешавшемуся в процесс, дело оказалось на рассмотрении в Главном управлении СС, где, по приказу Гиммлера, оно было отложено до лучших времен. Самого Дирлевангера, засидевшегося в тылу, решили отправить от греха подальше на Восточный фронт, и 22 января 1942 года он, получив предписание, убыл с командой на оккупированную территорию Белоруссии[4].

---

[1] *Залесский К.* СС. Охранные отряды НСДАП. М., 2004. С. 227.

[2] *Michaelis R.* Das SS-Sonderkommando Dirlewanger. Ein Beispiel deutscher Besatzungspolitik in Weissrussland. Berlin, 1998. S. 19, 21.

[3] Ibid. S. 25.

[4] *Boll B.* Chatyn 1943, in: Orte des Grauens. Verbrechen in Zweiten Weltkrieg. Hrsg. von Gerd R. Ueberschar. Darmstadt, 2003. S. 21.

Подразделение Дирлевангера (тогда еще специальная команда СС — SS-Sonderkommando «Dirlewanger») прибыло в Могилев в начале февраля 1942 года[1]. Сразу возник вопрос, кому непосредственно будет подчиняться подразделение. Команду Дирлевангера намеревались замкнуть на командный штаб рейхсфюрера СС (Kommandostab Reichsfuhrer-SS), в чьем подчинении находились три бригады войск СС (две моторизованные и одна кавалерийская). Но после совещания у Гиммлера (27 февраля 1942 года) Бергер добился того, чтобы люди Дирлевангера подчинялись преимущественно высшему фюреру СС и полиции Центральной России Эриху фон дем Бах-Зелевскому.

К проведению мероприятий по борьбе с партизанами подразделение приступило в марте 1942 года. Когда при команде появились добровольные помощники, сказать однозначно сложно. Команде Дирлевангера, проведшей всю весну в боевых операциях и понесшей определенные потери, потребовалось пополнение. Отчасти об этом уже речь шла в апрельском докладе полковника охранной полиции фон Брауншвейга на имя рейхсфюрера СС. Фон Брауншвейг был очень доволен тем, как действовали «браконьеры», и просил высшее командование СС увеличить личный состав команды до 250 человек. Тем не менее в Берлине не торопились с выводами, а продолжали присматриваться к тому, как воюет Дирлевангер в Белоруссии.

Убедившись, что специальное подразделение эффективно борется с партизанами, Гиммлер лично подписал приказ о направлении в ряды «браконьеров», «подходящих» заключенных из концлагерей. Однако их прибытие задерживалось, ведь они должны были пройти спецподготовку, а времени не было, так как советское партизанское движение набирало силу. Тогда Дирлевангер, договорившись с руководством СС и полиции генерального округа «Белоруссия», решил пополнить команду за счет иностранных добровольцев. 28 мая 1942 года вышел приказ о переводе в его распоряжение личного состава из одного батальона вспомогательной полиции — 49 рядовых и 11 унтер-офицеров. По документам эти люди проходили как украинцы, однако известно, что в подразделениях и частях вспомогатель-

[1] *Klietmann K.G.* Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabruck, 1965. S. 395.

ной полиции, предназначенных для выполнения охранных и антипартизанских функций, служило немало русских[1].

По мнению некоторых исследователей, «боевое крещение» коллаборационистов (сохранились их имена: И.Е. Тупига, Мироненко, В.Р. Зайвий, А.Е. Радковский, Л.А. Сахно, Ялынский) произошло 16 июня 1942 года, когда дотла была сожжена деревня Борки[2], где, как утверждал в донесении Дирлевангер, приютились бандиты, устроившие теракты недалеко от шоссе Могилев — Бобруйск. Затем русские, украинские и белорусские помощники участвовали в уничтожении деревень Кобылянка, Хоново, Немки и еще 16-ти населенных пунктов[3].

К осени 1942 года подразделение Дирлевангера разрослось до батальона, хотя формально оно оставалось специальной командой СС. В состав команды входили:

— немецкая рота (150 человек);

— немецкий мотоциклетный взвод (40 человек);

— 3 русских роты (450 человек; в одной из рот служили в основном украинцы, и командовал ими Иван Мельниченко; еще одной ротой, где служили русские и белорусы, командовал «фольксдойче» Август Барчке);

— артиллерийская батарея (40 человек: половина немцы, половина русские).

Возраст немецких солдат доходил до 40 лет, русских — до 25[4].

Необходимо добавить, что уже во второй половине 1942 года зондеркоманда Дирлевангера представляла собой особую часть СС смешанного немецко-русского состава, о чем прекрасно знали в Берлине. Причем, настолько позволяют судить документы, русские добровольцы находились во многом на равных правах с немецкими уголовниками. Дирлевангер не делал исключений ни для кого, как командир совершенно справедливо полагая, что именно такой заве-

---

[1] *Пишенков А.* «Штрафники» СС. Зондеркоманда «Дирлевангер». М., 2009. С. 55.

[2] *Рясной В., Чернявский Ю.* Бригады Отто Дирлевангера. Наци № 1098716 / Тайны «Черного ордена СС»: сборник. М., 2006. С. 509—510.

[3] Там же. С. 513—515; 517—518; 520.

[4] *Michaelis R.* Das SS-Sonderkommando Dirlewanger... S. 111.

денный им порядок в команде сделает личный состав монолитнее, а его подопечные будут слаженнее действовать во время боевых действий.

В середине осени 1942 года батальон был привлечен к антипартизанским операциям. По приказу Командного штаба рейхсфюрера СС часть была временно передана в подчинение 1-й моторизованной бригаде СС (1. SS-Infanterie-Brigade [mot.]), с которой участвовала в операции «Карлсбад» («Karlsbad»), проводившейся с 10 по 23 октября в Круглянском, Толочинском, Оршанском и Шкловском районах Могилевской области. Команда действовала совместно с 14-м полицейским полком СС, 255-м латышским охранным батальоном, 638-м французским пехотным полком, специальной командой высшего фюрера СС и полиции фон дем Баха[1].

Цель операции заключалась в том, чтобы разбить народных мстителей (8-й, 24-й, 28-й, 30-й отдельные отряды) под командованием С.Г. Жунина (8-я Круглянская бригада) и партизанское соединение «Чекист» (1-й, 5-й, 10-й и 20-й отдельные отряды)[2]. В ходе операции партизаны понесли существенные потери. Участники тех событий после войны вспоминали, что отряды бригады «Чекист» «понесли серьезные потери. Погибли командиры И.Н. Суворов и Б.Н. Колюшников, комиссар 20-го отряда Н.И. Массюров, Д.И. Сиянин, секретарь парторганизации отряда Л.Ф. Носович, А.Д. Воронков... Это заметно отразилось на настроении партизан... Картина омрачилась еще тем, что эсэсовцы «сожгли деревни Березку, Гоенку, Заозерье, Клеву... Вскоре партизаны узнали еще одну печальную весть — убит командир отряда А.С. Денисов, который с группой партизан оказался вне блокады. Его группа остановилась в рацевском лесу, недалеко от деревни Ореховка. Каратели напали на ее след и ночью

[1] *Ковтун И.И.* Бригада СС специального назначения / Тайны СС. «Черный орден» Гитлера: сборник. М., 2010. С. 171—172; *Kosak K.I.* Franzosen in den Verbanden der Wehrmacht, in: Tater im Vernichtungskrieg. Der Uberfall auf die Sowjetunion und der Volkermord an den Juden. Berlin-Munchen, 2002. S. 160—163.

[2] Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 560—567.

окружили землянку. Вспыхнул бой. Партизаны погибли, в их числе и командир...

...Блокада рацевского, а затем и крупского лесов тяжело отразилась на боеспособности бригады [«Чекист». — *Примеч. авт.*]. Потери ее были значительными»[1].

С 4 по 10 ноября 1942 года батальон Дирлевангера участвовал в операции «Фрида» («Frida»). Вновь уничтожались мирные жители, кроме того, эсэсовцы убили свыше 130 «народных мстителей». 11 ноября часть вывели из подчинения 1-й моторизованной бригады СС, после чего она возвратилась в Могилев, попутно очистив от «бандитов» несколько сел и деревень в районе Червеня[2].

В конце декабря Дирлевангер, по мнению некоторых историков, получил отпуск за успехи в борьбе с «бандитами» (с 28 декабря 1942 года по 20 февраля 1943 года). Обязанности командира батальона стал выполнять штурмбаннфюрер СС Франц Маггиль — сотрудник из командного штаба рейхсфюрера СС. Маггиль был опытным офицером, способным выполнять задачи самого разного характера, как боевые, так и карательные. До того как он был прикомандирован к Командному штабу рейхсфюрера СС, он командовал 2-м кавалерийским полком 1-й кавалерийской бригады СС. Его полк «прославился» тем, что безжалостно убивал мирное население (в основном евреев) во время карательной операции в районе Припятских болот (конец июля — начало сентября 1941 года). По самым заниженным данным, полк Маггиля казнил 6526 евреев[3]. И вот теперь в его подчинении была одна из самых жестоких частей СС.

Каково было отношение Маггиля к коллаборационистам, неизвестно, но очевидно, что он не делал различия между иностранными помощниками и немецким составом. Часть целиком была задейство-

---

[1] Цит. по: *Севостьянов Г.Н., Жуковская В.И.* За линией фронта. Минск, 1981. С. 96—97.

[2] *Boll. B.* Op. cit. S. 21; *Maclean L.F.* The cruel hunters. SS-Sonderkommando Dirlewanger. Hitler'most notorious anti-partisan unit. Altgen, 2009. P. 93.

[3] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1991. С. 92. Всего в этой операции 1-я кавалерийская бригада СС ликвидировала 13 788 человек.

вана в серии специальных операций — «Франц» («Franz»), «Праздник урожая» («Erntefest»), «Февраль», («Hornung») — в начале 1943 года. Каждому подразделению Маггиль поставил конкретную задачу, состоявшую в том, чтобы превратить свой район боевых действий в нейтральную полосу: «Все местные жители расстреливаются без исключения». В ходе трех операций было убито 18 975 гражданских лиц, в том числе 3300 евреев. Около 2400 человек было эвакуировано из зоны боевых действий и направлено на принудительные работы[1].

Действия специальной команды СС вызвали неоднозначную реакцию у высшего фюрера СС и полиции фон дем Баха. Уполномоченный рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом высказал мнение, что ликвидация партизан вовсе не является поводом, чтобы убивать мирное население. Пора, говорил фон дем Бах, «заняться делом» — сбором сельскохозяйственной продукции, комплектованием команд из местных жителей для отправки на работу в Германию. Дирлевангер, вернувшийся в часть в конце февраля 1943 года, никак не отреагировал на эти слова. Он по-прежнему считал, что борьба с партизанами не только предполагает нейтрализацию гражданского населения, но и является ее основой, так как партизаны получают из деревень помощь. Позже, в июле 1943 года, у Дирлевангера произошел конфликт с группенфюрером СС и генерал-лейтенантом полиции Герретом Корземаном (заместителем фон дем Баха; с 24 апреля по 5 июля 1943 года исполнял обязанности высшего фюрера СС и полиции Центральной России), который запретил уничтожать мирных жителей[2].

Хотя Дирлевангер не изменил своим принципам, его людям пришлось заняться хозяйственными вопросами. Как отмечает исследователь А. Бочкарев, команда СС не только собирала сельхозпродукцию, но и контролировала то, как крестьяне восстанавливают сельское хозяйство. Доходило даже до того, что личный состав команды

---

[1] *Boll. B.* Op. cit. S. 22; *Умбрайт Х.* Непреодоленная проблема. Партизанская война в тылу Восточного фронта / Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 152—153.

[2] Ibid.

распределял между селами сельхозтехнику и выдавал семена для проведения посевных кампаний[1].

22 марта 1943 года солдаты Дирлевангера приняли участие в сожжении Хатыни, причем в проведении этой акции они поначалу не играли ведущей роли. События развивались так.

Ранним утром в 118-й полицейский батальон поступило сообщение, что на участке между Плещеницами и Логойском повреждена телефонная связь. На восстановление связи была выслана строительная часть из Плещениц, а также два взвода 1-й роты 118-го батальона во главе с капитаном охранной полиции Велльке. В тот момент, когда шли восстановительные работы, неожиданно, с расстояния 30 метров, по полицейским был открыт огонь. Тут же были убиты капитан Велльке и трое украинских полицейских, двое шуцманов получили ранения. Управление боем взял на себя командир взвода Василий Мелешко. В результате перестрелки партизаны стали отступать в восточном направлении на Хатынь. Полицейские пытались их преследовать, но сил для ликвидации «бандитов» не было. Мелешко, получивший легкое ранение, немедленно отправил тревожное сообщение, прося о помощи. Пока полиция ожидала поддержки, ей удалось задержать рабочую команду (около 40—50 человек) из населенного пункта Козыри. Команда рубила лес и расчищала обочины возле дороги Плещеницы — Логойск. Заподозрив рабочих в связях с партизанами, полицейские арестовали всю команду, и 15 стражей порядка повели ее в Плещеницы. По дороге в Плещеницы произошел инцидент: рабочие, подумав, что их ведут на расстрел, запаниковали и бросились бежать — это случилось на опушке леса, за населенным пунктом Губа. Полицейские открыли огонь на поражение, было убито от 20 до 25 человек, остальные беглецы были схвачены полевой жандармерией из Плещениц и допрошены[2].

Тем временем тревожный сигнал достиг расположения батальона Дирлевангера. В помощь полицейским были высланы моторизован-

---

[1] *Бочкарев А.* Критика чистого чувства. Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941—1944). Ставрополь, 1996. С. 430.

[2] *Boll B.* Op. cit. S. 23.

ные роты СС[1]. Прибыв на место, эсэсовцы совместно со стражами порядка повели наступление на партизан, занявших оборону в самой Хатыни и на ее окраинах. Блокировав деревню, каратели приступили к «зачистке», подтянув для этой цели тяжелые минометы и противотанковые орудия. Партизаны оказали ожесточенное сопротивление, в течение часа отстреливались из деревенских домов, превращенных в огневые точки. Эсэсовцам ничего не оставалось, как подавить противника минометным и противотанковым огнем. К 16.30, когда партизанское сопротивление было сломлено, а каратели вошли в деревню, Хатынь была уже превращена в развалины, и поэтому сжигать там было практически нечего. Во время боя было убито 34 «бандита»[2], в том числе одна еврейка. Так как жители деревни укрывали у себя партизан, позволили им превратить свои дома в огневые точки, было решено сжечь все население.

Инициаторами сожжения выступили украинские полицейские из 118-го батальона, посчитавшие, что местные жители являются фанатичными сторонниками советской власти, презирают веру христианскую (один из полицейских, загоняя людей в амбар, говорил: «Вы растоптали иконы и сгорите, сейчас мы сожжем вас») и всесторонним образом помогают партизанам. В итоге в амбаре 6 на 12 метров каратели сожгли около 152 человек, среди которых были дети, женщины и старики, выжить удалось только четверым.

В апреле 1943 года, в преддверии визита в Минск генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фридриха Заукеля, начальник СС и полиции Белоруссии Курт фон Готтберг распорядился провести в городе тотальную проверку, очистив его от партизан, подпольщиков и других «бандитских элементов». С этой целью с 17 по 22 апреля в Минске была проведена операция под кодовым названием «Волшебная флейта» («Zauberflote»). Для ее проведения в город были стянуты части полиции и СС, в том числе и часть Дирлевангера. В задачу команды входила охрана Минского гетто. Тем не менее, по некоторым данным, подразделения батальона участвовали в облавах, обысках и массовых арестах городского населения, в

[1] *Kohl P.* Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941—1944. Sowjetische Uberlebende berichten. Frankfurt-am-Main, 1995. S. 124—125.

[2] Ibid. S. 263.

чем им активно помогали литовские полицейские из 12-го батальона «шума». В ходе операции было проверено 76 000 человек (в Минске на тот момент проживало 130 000). За «противоправные» действия и связь с «бандитами» десятки людей были повешены (этим в первую очередь занималась литовская полиция под командованием Антанаса Импулявичюса). 23 апреля, после окончания операции, в Минске (в 11 часов) состоялся парад ее участников, который принимал высший фюрер СС и полиции Центральной России Бах-Зелевский[1].

В начале мая батальон СС занимался очисткой Манильского и Рудненского лесов от партизан, затем — с 20 мая по 21 июня 1943 года — часть привлекли к крупномасштабной акции «Коттбус» («Kottbus»). Эту операцию органы полиции и СС генерального комиссариата «Белоруссия» готовили давно. Ей предшествоал сбор разведывательной информации. Согласно данным СД и гестапо, в районе Хрост — Плещеницы — Докшицы — Лепель было отмечено наличие крупных «банд», располагавших хорошо оборудованными укреплениями. Кроме того, эсэсовская разведка установила, что этот район сильно заминирован. Главная цель операции заключалась в том, чтобы восстановить контроль над дорогой Минск — Витебск и очистить от партизан территорию в треугольнике Плещеницы — Докшицы — Лепель[2].

Помимо батальона Дирлевангера в операции «Коттбус» приняли участие 2-й полицейский полк СС, 15-й, 102-й, 118-й и 237-й батальоны вспомогательной полиции, 600-й казачий батальон, 633-й «восточный» батальон, 1-я и 12-я полицейские танковые роты, один батальон 331-го гренадерского полка, четыре роты 392-й главной военной комендатуры с батареей, взводом ПТО и взводом тяжелых минометов, усиленная рота 286-й охранной дивизии, 2-й дивизион 213-го артиллерийского полка, три моторизованных взвода полевой жандармерии, специальные команды СД, самолеты 4-й группы эскадрильи бомбардировочной авиации и 7-й эскадрильи особого назна-

---

[1] *Кнатько Г.* Угон населения Беларуси на принудительные работы (январь 1942 — июнь 1944) / «Остарбайтеры». Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы. Грац — Минск, 2003. Т. 2. С. 17.

[2] *Ильин В.П.* Партизаны не сдаются... С. 280.

чения. Руководство операцией осуществлял штаб, возглавляемый группенфюрером СС и генерал-лейтенантом полиции фон Готтбергом[1].

Отечественные и западные историки имеют разные мнения по поводу того, как велась и чем закончилась операция «Коттбус». Считается, что партизаны нанесли противнику большие потери, не дали себя уничтожить и, таким образом, сорвали планы немцев. Так, «народным мстителям» якобы удалось разгромить 600-й казачий батальон, а также почти полностью истребить около двух батальонов 2-го полицейского полка СС. В то же время, учитывая численное превосходство врага, партизанам пришлось покинуть свои базы, прорываться из окружения и уходить от преследования. Так выглядит картина в партизанских документах, где ко всему прочему фигурируют заниженные данные о потерях (не более 500 бойцов).

В немецких документах, напротив, все выглядит иначе. В донесении (от 28 июля 1943 года) о результатах операции «Коттбус», составленном Готтбергом, говорится следующее:

«Потери противника: убито в боях 6087 человек, расстреляно — 3709, захвачено в плен — 599. Захвачено рабочей силы — 4997 человек, женщин — 1056. Собственные потери: немцы — убито 5 офицеров, в том числе командир батальона, 83 унтер-офицеров и рядовых. Ранено 11 офицеров, в том числе два командира полка, 374 унтер-офицеров и рядовых, трое пропали. Трофеи: 20 орудий калибра 7,62, 9 противотанковых пушек, 1 зенитное орудие, 18 минометов, 30 станковых пулеметов, 31 ручной пулемет. Один самолет (уничтожен), 50 планеров (уничтожены), 16 противотанковых ружей, 903 винтовки...»[2]

Ряд ученых оспаривают эти цифры, утверждая, что немцы не могли убить столько партизан. В основном, как считают эти историки, речь идет о гражданских лицах, которые были зверски убиты

---

[1] *Князьков А.С., Чернов Ю.И.* В период коренного перелома / Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 208.

[2] Цит. по: *Селеменев В., Шимолин В.* Охота на гауляйтера. Минск, 2006. С. 27.

и замучены карателями, в частности людьми Дирлевангера. Однако, несмотря на факты жестоких расправ, имевших место в ходе операции «Коттбус», в целом нет оснований, чтобы сомневаться в донесении фон Готтберга. Тем более жертвы этой операции среди гражданского населения вынесены в отдельную графу. Учитывая немецкий педантизм в составлении документов подобного рода, вряд ли фон Готтберг хотел намеренно вводить в заблуждение высшее руководство СС.

Вслед за операцией «Коттбус» часть Дирлевангера (ставшая к тому моменту уже официально именоваться специальным батальоном СС — SS-Sonderbataillon «Dirlewanger») участвовала в акции «Герман» («German») — с 3 июля по 30 августа 1943 года. Операция проводилась против партизан, действовавших в Барановичском округе, в районе Налибокской пущи, по линии Воложин — Столбцы. Для проведения операции были привлечены силы 1-й моторизованной бригады СС, 2-го полицейского полка СС, 30-го полицейского батальона, трех отдельных батальонов СС (группа Кернера), 15-го, 115-го, 57-го и 118-го батальонов вспомогательной полиции, жандармской группы Крайкомбома в составе трех команд. Общая численность карательных частей — по оценкам партизан — доходила до 52 тыс. человек[1].

Специальный батальон СС с первых дней операции увяз в боях с партизанами, но несколько его подразделений занимались уничтожением гражданского населения. Понеся незначительные потери, часть вышла из боев и была отправлена на переформирование. Дело в том, что к концу лета 1943 года в подчинении у Дирлевангера находилось свыше тысячи солдат и офицеров, поэтому в сентябре 1943 года батальон развернули в полк — SS-Regiment «Dirlewanger»[2].

Следует подчеркнуть, что, выдержав удары немцев в ходе операции «Герман», руководство партизанских бригад отправило в Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) сообщение о борьбе партизан с карательной экспедицией. Секретарь Баранович-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 52. Копия.

[2] *Залесский К.* СС. Указ. соч. С. 515.

ского обкома ВКП(б) Чернышев, взявший на себя координацию действий «народных мстителей», отмечал в сообщении, что «в первые дни боев... партизанами был убит известный населению Белоруссии с начала войны палач, подполковник войск СС Дирлевангер и захвачен весь план операции»[1]. Чернышев также заявлял, что партизаны убили и ранили свыше 3 тыс. немцев, уничтожили много техники врага и захватили немало трофеев[2]. Однако немецкие документы, более надежные в этом случае, опровергают победные реляции Чернышева. Во-первых, общие потери немцев и их союзников были 205 убитых, раненых и пропавших без вести, и, во-вторых, Дирлевангер, к сожалению, не был убит партизанами, так как в сентябре он стал командиром полка СС[3].

Согласно документам, с марта 1942 года по август 1943 года солдаты Дирлевангера ликвидировали 15 000 «бандитов» (гражданских лиц и партизан), собственные потери части составили 92 человека убитыми, 218 ранеными и 8 пропавшими без вести[4]. Советские исследователи утверждали, что за два года своей деятельности эсэсовцы под командой Дирлевангера уничтожили более 100 населенных пунктов на территории Минской, Могилевской, Витебской областей, а также расстреляли и сожгли заживо около 20 тыс. человек[5].

В дальнейшем полк Дирлевангера также привлекался к карательным операциям, самой последней из которых стала акция «Весенний праздник» («Fruhlingsfest»). Затем полк был выведен в Генерал-губернаторство, где в августе 1944 года часть занималась подавлением восстания в Варшаве, за что Дирлевангера наградили Рыцарским крестом.

В результате расформирования 29-й гренадерской дивизии СС (№ 1-й русской), в октябре 1944 года Дирлевангеру передали 72-й и 73-й гренадерские полки СС, где служили в основном

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 53. Копия.

[2] Там же.

[3] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2003. С. 114—115.

[4] *Boll. B.* Op. cit. S. 21.

[5] *Рясной В., Чернявский Ю.* Указ. соч. С. 559.

русские и белорусские добровольцы[1]. 19 декабря 1944 года полк Дирлевангера был развернут в штурмовую бригаду СС (личный состав набирался из концентрационных лагерей Рейха, например из Бухенвальда[2]), а в феврале 1945 года — в дивизию, получившую в реестре Главного управления СС № 36 (36. Waffen-Grenadier-Division der SS)[3].

По одной из версий, в апреле 1945 года соединение сражалось на советско-германском фронте в составе 4-й танковой армии, в районе Лаузитца. Дивизия вела оборонительные бои на Одере и была окружена юго-восточнее Берлина. 29 апреля 1945 года солдаты и офицеры соединения сложили оружие перед советскими войсками. По мнению ряда исследователей, 4 тыс. военнослужащих дивизии, которые попали в плен к красноармейцам, были тут же расстреляны[4].

По другой версии, весной 1945 года 36-я дивизия СС воевала на западном фронте, в районе Альтхаузена — Вюртемберга, где и сдалась в плен французам. Личный состав соединения был распределен по лагерям военнопленных. Оскар Дирлевангер, попавший в плен вместе со своими людьми, также находился в лагере. 8 июля 1945 года он скончался при весьма темных обстоятельствах. Некоторые историки считают, что он умер в результате жестокого обращения французских охранников[5].

После войны бывшие коллаборационисты, служившие с Дирлевангером, стали объектом охоты со стороны органов госбезопасности СССР. Большинство из них в конечном итоге было выявлено, предано суду и смертной казни. Суровое наказание для многих было вынесено на основании фактов участия русских коллаборационистов в многочисленных картельных операциях и «зачистках», а не в боевых действиях, в которых они себя тоже проявили.

---

[1] *Глаубе Г.* Указ. соч. С. 31.

[2] Бухенвальд. Документы и сообщения / Пер. с нем. И.Д. Гутмана, Г.В. Кычаковой, В.В. Размерова. М., 1962. С. 436.

[3] *Залесский К.* СС... С. 515.

[4] Там же.

[5] *Boll.B.* Op. cit. S. 26.

Донесение фюрера СС и полиции округа «Борисов» об уничтожении деревни Хатынь

В приложении к донесению комиссара округа «Борисов» докладываю следующее:

22.3.1943 г. между Плещеницами и Логойском бандитами была повреждена телефонная связь. К охране восстановительных работ и проведению блокирования в 9.30 были направлены 2 усиленных взвода 1-й роты 118-го батальона вспомогательной полиции порядка капитана Велльке. В 600 метрах позади населенного пункта Губа были обнаружены рабочие, занимавшиеся вырубкой леса. На вопросы, заданные им, они отвечали, что никто из них не имеет отношения к бандитам. Когда же выяснилось, откуда они, с восточного направления, с расстояния 30 метров, был открыт сильный пулеметный и винтовочный огонь. Завязался бой, во время которого капитан Велльке и 3 украинских полицейских погибли, 2 полицейских получили ранения. Но в ходе сильного огневого контакта противник был разбит и унес своих убитых и раненых на Хатынь. После этого командир украинского взвода взял на себя командование, однако у него не было необходимых сил для продолжения акции. Полицейские укрепились в своих подозрениях относительно рабочих, а также в том, что противник считал это место подходящим для нападения. Севернее населенного пункта Губа часть бандитов пыталась спастись бегством, старалась выйти из-под огня, при этом 23 из них было убито, остальные натолкнулись на жандармерию из Плещениц и были захвачены с целью проведения допроса. Бандиты утверждали, что их вина не доказана, и требовали, чтобы их освободили.

К преследованию отступающего противника были привлечены крупные силы, в том числе часть батальона СС Дирлевангера. Между тем противник имел в деревне Хатынь дружественное бандитам население. Деревня была блокирована со всех сторон и обстреляна. Противник вел огонь из деревенских домов и оказывал упорное сопротивление, и чтобы подавить его, войскам

пришлось применить противотанковые орудия и гранатометы. В ходе боевых действий было убито около 34 бандитов, часть жителей была сожжена.

См:: Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941—1944. Sowjetische Uberlebende berichten. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. S. 263.

Пятая глава

КАЗАЧЬИ ФОРМИРОВАНИЯ СС

Как уже говорилось, нацисты считали казаков отдельным этносом с готскими корнями, причем фактически с самого начала войны против СССР официально именовали их «равноценными соратниками, которые вместе с германскими солдатами участвуют в борьбе против большевистских врагов»[1]. Такое отношение обуславливалось рядом причин. Во-первых, казаки подвергались со стороны большевиков беспощадному третированию, иногда фактически принимавшему форму геноцида. Так называемая политика «расказачивания» южных регионов РСФСР привела лишь к тому, к чему и должна была привести — не многие уцелевшие в «советском раю» казаки с началом войны горели желанием «отстаивать завоевания революции». Кроме того, к союзу с гитлеровцами представителей казачества также подталкивала исконная юдофобия.

В итоге традиционно отрицательный для европейцев образ казака, который больше сотни лет неустанно эксплуатировался в качестве основного символа «угрозы с Востока», стремительно трансформировался в безусловно положительный образ надежного союзника вермахта в борьбе против «жидо-большевизма».

Нацистские пропагандисты очень охотно размещали на страницах германских периодических изданий богато иллюстрированные материалы, посвященные казачеству. Не являлась исключением и эсэсовская пресса. В 1944 году в журнале «SS-Leiheft»

---

[1] Приказ № 8000 от августа 1942 года / *Ульянов В., Шишкин И.* Указ. соч. С. 10.

появилась характерная статья «Казаки», в которой была проделана попытка рассказать об истории, быте и современной борьбе казачества.

Автор статьи полагал, что «внешние расовые признаки однозначно указывают на то, что казаки — это продукт смешения нордических и динарских народностей. Совершенно очевидно то, что остатки затерявшихся в степи германских народностей смешались со славянами и другими арийскими, а также кавказскими народностями»[1]. Подчеркивалось, что казаки не являются носителями славянских обычаев и славянского права. Приводились факты уничтожения большевиками казачьих традиций: «После развала царской империи казаки боролись за свободную республику. В 1917 году они провозгласили таковую на территории Северного Кавказа. Большевики всеми доступными силами пытались уничтожить новоявленную республику. После четырехлетней борьбы казаки все-таки уступили превосходящим силам противника. Казаки рассказывают, что, начиная с этого времени, еврейские комиссары ужасно бесчинствовали в народе... В стране большевиков они были вынуждены расстаться со своими особенностями и культурной обособленностью». В конце статьи провозглашалось, что «война на стороне Германии — это зов Германской крови, побудившей к этому шагу свободолюбивых крестьян-воинов»[2].

Итак, нацисты сделали ставку на отмежевание казаков от русских с перспективой создания марионеточного государства. В казачьей эмигрантской среде этот «самостийный» вектор получил достаточно большое распространение, несмотря на многочисленные попытки державно настроенных представителей казачества (преимущественно из числа пожилых генералов и офицеров) изменить эту тревожную тенденцию.

С началом войны казаки-националисты особенно рьяно принялись третировать пророссийски настроенных казаков, прибегая

---

[1] Статья «Казаки» со ссылкой на «SS-Leiheft» (№ 1, 1944) в русском переводе воспроизведена в журнале «Европеец» (Москва, № 1, 2008. С. 12—14). Там же утверждается, что автором статьи является никто иной, как Адольф Гитлер.

[2] «Казаки»... С. 14.

при этом к самым гнусным пропагандистским ухищрениям. В журнале так называемого Казачьего национально-освободительного движения «Казачий вестник», издававшегося в Праге, периодически появлялись соответствующие материалы. В одной из статей о русском народе говорилось следующее: «Темна, разбойна, страшна душа русского человека, ухитрившегося, стоя тысячу лет на рубеже Европы и Азии, не принять ни от одной, ни от другой ни малейшей положительной черты. Русский характер, душа русского, остаются неизменными в своей кровожадности, в зверстве, в стремлении попрать все, чему поклонялся сам до вчерашнего дня, в стремлении уничтожить святыни других и всех заставить поклониться чему-то бесформенному».

В другой статье подчеркивалось, что казаки-националисты — «это те казаки, которые на основании исторических данных считают себя отдельным народом от великороссов, особой нацией, так как они образовались от смешения антов и готов, живших на Таманском полуострове и в низовьях Дона, с казахами, чигами и другими народами черкасского племени... Казаки "русские", а их незначительная часть — это потомки холопов и преступников, бежавших когда-то к казакам, и потому без указки барина они жить не могут»[1].

Однако в любом случае все конкретные решения насчет будущего казачества предполагалось осуществить лишь после войны. Пока же казаков охотно принимали в ряды вермахта, а также в различные органы и подразделения СС. Их политическая ориентация («самостийники» или «великодержавники») нацистов в этом случае не интересовала.

Выше мы уже писали о том, что придерживавшийся традиционных представлений атаман «Общеказачьего объединения в Германской империи» генерал-лейтенант Е.И. Балабин был весьма заинтересован сообщением своего представителя, подъесаула Моисеева о «Дружине II» майора Блажевича. Балабин не отделял казаков от русских, поэтому в своем ответном письме Моисееву

[1] *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005. С. 86—87.

написал следующее: «О русских отрядах СС никто здесь не знал... Очень прошу Вас, напишите мне все подробно — все, все, что знаете о русских формированиях. Прошу также сообщить, каким образом русские белые могут поступить в эти формирования. И в частности в батальон СС... Интересны все мельчайшие подробности, вроде погон, звездочек, петлиц, отличия в форме СС от находящихся в армии. Подчинен ли батальон СС генералу Власову?.. Эти формирования имеют огромное значение для нас — русских. Ведь это огромная сила против большевиков, наших смертельных врагов. Чем больше попадет в эти формирования людей, ненавидящих большевиков, тем лучше и больше шансов на успех»[1].

Известно, что в боях в Варшаве в 1944 году принимали участие казачий полицейский батальон СС и конвойно-охранная сотня СД. Еще до этого в составе вспомогательной полиции эсэсовцами были созданы казачьи батальоны «шума». Из казаков были созданы 135-й, 159-й, 160-й, 209-й, 210-й, 211-й полицейские батальоны, а также 557-й и 558-й батальоны заводской охраны. Общая численность этих формирований составляла от 2400 до 4000 человек[2].

В отличие от многих других «восточных» коллаборационистских формирований, в казачьих подразделениях и частях практически никогда не было конфликтов между личным составом и немецким персоналом. Об этом весьма красноречиво свидетельствует, в частности, так называемый «Приговор» оберштурмбаннфюреру д-ру Людвигу Хану:

«Мы, донские казаки, находящиеся в Казачьей сотне при СД в городе Варшаве, на общем казачьем сборе, в знак глубокого уважения к нашим освободителям — Германскому Рыцарскому народу, для более крепкой связи и подтверждения нашей преданности вождю Адольфу Гитлеру, решили своим казачьи приговором, как делали это наши предки, принять в Донские почетные казаки Морозовской станицы Оберштурмбаннфюрера доктора Людвига Хана, являющегося нашим шефом, по приказу которого мы, не

[1] ГАРФ. Ф. 5761, оп. 1, д. 11, л. 74.

[2] *Дробязко С.И.* Перечень казачьих соединений и частей в вермахте / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 29.

щадя своих жизней, будем бить врагов человечества — жидовскую клику, где бы она ни находилась. Оберштурманнфюрера доктора Людвига Хана отныне мы по нашим старым казачьим традициям считаем членом нашей семьи Донского казачества. Подписали выборные от сотенного сбора»[1].

Однако самым известным прецедентом массового включения представителей казачества в ряды «Черного ордена» стало создание XV казачьего кавалерийского корпуса СС.

В марте 1943 года немецкими войсками были оставлены территории Дона и Кубани, вместе с ними ушла и часть казаков. Германское командование предложило казакам призывного возраста собраться в украинском городе Херсоне. 21 апреля 1943 года вышел приказ о формировании в этом районе 1-й казачьей квалерийской дивизии под командованием генерал-майора Гельмута фон Паннвица. В конце апреля в состав дивизии был включен 600-й Донской казачий батальон — первое казачье подразделение из советских военнопленных, сформированное в конце 1941 года бывшим командиром РККА подполковником И.Н. Кононовым.

7 июля 1943 года база формирования была перемещена в Польшу — на Млаву, к северо-западу от Варшавы, и к концу сентября дивизия была полностью сформирована. Оно состояла из двух бригад (в каждой по три полка), разведподразделения, саперного батальона, подразделения связи, частей тылового обслуживания и запасного бьатальона. Командирами бригад и всех полков были назначены немецкие офицеры. Исключение составил лишь 5-й Донской полк 2-й бригады, который возглавил Кононов. Однако германское командование не решалось использовать дивизию на Восточном фронте и 24 сентября направило ее в Югословию — сражаться против партизан-коммунистов И.Б. Тито. На 4 ноября 1943 года (к началу боевых действий в Югославии) личный состав дивизии включал 18 555 человек, в том числе 14 506 казаков и 4099 немецких солдат и офицеров[2].

---

[1] Цит. по: *Крикунов П.* Казаки... С. 579—580.

[2] *Окороков В.А.* Казаки и русское освободительное движение / В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М., 1997. С. 224—226.

Несмотря на присутствие в составе части значительного количества немцев, в ней строго соблюдались обычаи казаков, сохранялись традиционные чины, знаки отличия и оружие. Командир дивизии фон Паннвиц также носил казачью форму. Проводившиеся православными священниками церковные службы посещали все, а генерал, бывший лютеранином, состоял почетным членом общины[1].

Казаки хорошо показали себя в боях против югославских партизан. Германское командование совершенно оправданно считало казачьи формирования наиболее боеспособными среди частей «восточных добровольцев». Разумеется, боеспособность казачьей дивизии давно привлекала внимание СС, и в частности самого Г. Гиммлера. Исключительные полномочия, предоставленные рейхсфюреру СС летом 1944 года, позволили ему уже в августе добиться передачи в распоряжение охранных отрядов всех иностранных добровольческих частей, которые еще находились в ведении вооруженных сил Германии, включая и казачьи формирования[2].

На совещании с участием фон Паннвица и других командиров казачьих формирований, а также генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро, состоявшемся в начале сентября в ставке Гиммлера, было принято решение о развертывании дивизии в казачий кавалерийский корпус СС. Как отмечает отечественный исследователь Сергей Неподкосов, Паннвиц, будучи прагматиком, понимал, что включение его соединения в СС сулит казакам широкие возможности в плане набора добровольцев, снабжения и вооружения боеприпасами[3].

Для этой цели при Главном штаба СС был создан специальный орган — Резерв казачьих войск, в распоряжение которого предполагалось отправить всех казаков: эмигрантов и бывших

---

[1] *Келин Н.А.* Казачья исповедь; *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 308; См. также: *Шкаровский М.В.* Духовенство 15-го казачьего кавалерийского корпуса в Югославии / Диаспора: новые материалы. СПб., 2007. Т. 8. С. 660.

[2] *Крикунов П.* Казаки... С. 505.

[3] *Неподкосов С.Н.* Казаки группенфюрера фон Паннвица / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 55.

«подсоветских», находящихся в лагерях военнопленных и среди восточных рабочих на германских предприятиях, в частях СС, полиции и армии, — всех, кто был способен носить оружие. Начальником Казачьего резерва приказом рейхсфюрера СС от 5 сентября 1944 года был назначен генерал-лейтенант А.Г. Шкуро[1].

Вскоре в дивизию фон Паннвица стали прибывать из разных мест большие и малые группы казаков и целые воинские части. В числе последних были 209-й полицейский батальон из Варшавы, 210-й и 211-й полицейские батальоны из Кракова, 557-й батальон заводской охраны из Ганновера, 360-й полк (622-й и 623-й батальоны) майора Э.-В. фон Рентельна с Западного фронта и 69-й дивизион 3-й кавалерийской бригады — с Восточного[2].

Приказом от 4 ноября 1944 года казачья дивизия была передана на время войны в подчинение Главного штаба войск СС. Эта передача касалась прежде всего сферы материально-технического снабжения, что позволило улучшить обеспечение дивизии оружием, боевой техникой и автотранспортом. Так, например, по некоторым данным, дивизия получила несколько шестиствольных минометов и 12 единиц бронетехники (танков и штурмовых орудий).

Приказом от 25 февраля 1945 года 1-я казачья кавалерийская дивизия была преобразована в 15-й кавалерийский корпус войск СС. 1-я и 2-я казачьи бригады переименовывались в дивизии без изменения их численности и организационной структуры. На базе выведенного из состава 2-й бригады 5-го Донского полка началось формирование пластунской бригады двухполкового состава с перспективой развертывания в 3-ю казачью дивизию[3].

Несмотря на переход в подчинение войскам СС, корпус сохранил прежнюю армейскую форму, солдатские книжки армейского образца, чины и название частей. Аббревиатура «СС» встречалась обычно только в названии корпуса. Тем не менее каждое подразделение корпуса получило офицера связи от войск СС, а штаб корпуса — подразделение связи СС с номером 115. Структурно

[1] Там же.

[2] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... С. 290.

[3] Там же. С. 291.

корпус все же являлся частью войск СС, несмотря на отсутствие ряда внешних признаков[1].

XV казачьему кавалерийскому корпусу СС вплоть до последних дней войны приходилось вести крайне тяжелую борьбу на два фронта, отражая удары болгарских войск и частей Народно-освободительной армии Югославии. Лишь в первых числах мая 1945 года 1-я казачья дивизия и Пластунская бригада были сменены на линии Соколовац — Копривница — река Драва 2-й казачьей дивизией и начали отступление в направлении Лютберг — Вараждин. 2-я дивизия удерживала эту линию до 6 мая, пока и она не получила приказ отходить. Преодолевая горные перевалы и сбивая вставшие на пути партизанские заслоны, казаки фон Паннвица прорвались в Австрию, где 11—12 мая сложили оружие перед англичанами.

На заключительном этапе войны XV казачий кавалерийский корпус СС оказал огромное влияние на ход войны на Балканах, став, по сути, единственной силой, способной справиться с югославскими партизанами, имеющими поддержку и снабжение советского правительства. Благодаря отличной боевой выучке, тактической подготовке и достаточно высокому уровню идейной сплоченности казаки провоевали на стороне немцев вплоть до капитуляции Германии[2].

Судьба не оказалась благосклонной по отношению к большинству военнослужащих корпуса и другим казакам-коллаборационистам. В соответствии с подписанными союзниками 11 февраля 1945 года в Ялте соглашением «О репатриации советских граждан», все граждане СССР, оказавшиеся по ту сторону фронта, подлежали передаче советским представителям.

28 мая советской стороне были переданы 144 немецких и 690 казачьих офицеров, в том числе бывший командир XV корпуса Гельмут фон Паннвиц. 1 июня британские части, в составе которых действовала бригада «Палестина», сформированная из евреев, предприняли штурм лагеря Пеггец, где были размещены

[1] *Семенов К.К.* Войска СС. Солдаты, как все. М., 2004. С. 76.

[2] *Крикунов П.* Указ. соч. С. 517.

15 тысяч казаков, включая женщин и детей. Всех их доставили в Юденбург, затем в Грац, после чего поездами через Австрию, Венгрию и Румынию отправили в СССР. Всего весной — летом 1945 года советским представителям было выдано примерно 50—55 тысяч казаков[1].

16 января 1947 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялся закрытый судебный процесс по делу П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснова, Султан Келеч-Гирея, Т.И. Доманова и Г. фон Паннвица. Все обвиняемые были приговорены к смертной казни через повешение[2].

---

[1] Подробнее см.: *Алехин Г.В.* Белые пятна насильственной выдачи / Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 1. С. 260—273.

[2] См., например: *Самойлов Е.* От белой гвардии — к фашизму / Неотвратимое возмездие… С. 92—110.

Послесловие

Работа над исследованием различных аспектов коллаборационизма на оккупированных территориях Советского Союза еще не окончена. Не завершено и изучение проблем, связанных со службой наших соотечественников в органах, подразделениях и Войсках СС.

В рамках данной книги мы не ставили перед собой задачу рассказать абсолютно обо всех формациях «Черного ордена», где волею судеб оказались русские люди. Тем не менее рассмотренные в исследовании конкретные примеры позволяют сделать следующие выводы.

СССР и русский народ в контексте внешней политики нацистов всегда занимали одно из ключевых мест. При этом, если в отношении к евреям и большевикам пропагандистские установки гитлеровцев оставались в целом неизменными на протяжении всей истории НСДАП (за исключением кратковременного тактического «союза» после подписания пакта Молотова — Риббентропа) и были резко негативными, то мнения авторитетных лиц коричневого движения в части, касающейся непосредственно русских, периодически изменялись.

В самый ранний период (до 1923 года) национал-социалисты скорее симпатизировали и сочувствовали русским в их борьбе с поработившим Россию большевизмом (которому придавался однозначно интернациональный характер). Связи правых кругов российской эмиграции с ранними нацистами были довольно плотны и плодотворны.

После поражения Мюнхенского путча эти связи постепенно оказались разорванными, а идеологи НСДАП (в первую очередь, А. Розенберг, а также А. Гитлер) стали увязывать установление в России господства большевиков с «расовыми дефектами» самого русского народа. Тогда же новый импульс получила идея о завоевании жизненного пространства на Востоке.

С момента прихода нацистов к власти (1933) и на протяжении почти всех 1930-х годов эта тенденция лишь усиливалась, чтобы, на миг застопорившись после упомянутого «противоестественного пакта», вспыхнуть вновь с новым накалом в связи с началом советско-германской войны.

Все это отнюдь не мешало радикально настроенным русским эмигрантам связывать свои надежды на свержение ненавистного строя с грядущим «крестовым походом» Гитлера на Восток. Этими настроениями активно пользовались специальные службы Третьего рейха, в частности абвер и соответствующие подразделения СС (гестапо и СД).

Спустя короткое время после начала войны были даны жесткие указания по линии германской пропаганды о том, что необходимо делать различия между большевиками и народами Советского Союза (в том числе русским народом).

Ведомство Гиммлера еще до начала войны с Советским Союзом начало предпринимать активные действия по привлечению на службу коллаборационистов, в том числе русских, которые поначалу были задействованы в основном в качестве диверсантов, разведчиков и пропагандистов. В 1942 году, в рамках операции «Цеппелин», появились первые вооруженные подразделения русских эсэсовцев. Десятки тысяч русских поступили во вспомогательную полицию, в различные формирования полиции безопасности и СД. Несколько позже русские части и соединения были сформированы в Войсках СС. Формально были созданы две русских дивизии, но помимо этого русские воевали и в составе других войсковых соединений и частей СС. Уникальным явлением следует признать создание такого объединения, как XV казачий кавалерийский корпус СС, общая численность которого достигала 25 000 человек и где служили в основном русские люди.

Приблизительное число русских, пошедших на сотрудничество с СС, можно определить в 100—120 тысяч человек. Эта цифра, подчеркнем, не может быть абсолютно точной, так как в ряде случаев русские записывались на службу в качестве украинцев, белорусов, казаков, ингерманландцев и т.д.

Конечно, отнюдь не все они были послушными марионетками в руках нацистов. Многие попали в органы и Войска СС случайно, либо руководствовались шкурническими мотивами. Известны случаи, когда русские эсэсовцы поворачивали оружие против оккупантов и возвращались в стан советских патриотов.

Однако значительная часть коллаборационистов сделала свой роковой выбор — присоединилась к тем, кто планировал уничтожить и расчленить СССР, а затем колонизировать «восточные территории».

Источники и литература

Архивные материалы

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Фонд, 1650. Опись 1. Дела 302, 303, 361, 365, 370, 372, 454, 456, 534, 535, 540, 541, 605, 607, 608, 652, 723, 852.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р-5446. Опись 43. Дело 53; Фонд Р-9401. Опись 2. Дело 205.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
Фонд 3613. Опись. 1. Дела. 2, 6, 30.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).
Фонд 1368. Опись 1. Дела 76, 78, 151, 179.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Фонд 17. Опись 1. Дело 9.
Фонд 69. Опись 1. Дела 4, 8, 12, 20, 41, 81, 109, 110, 127, 710, 746, 750, 913, 1045.
Фонд 377. Опись 9. Дело 39.
Фонд 625. Опись 1. Дела 11, 45.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).
Фонд 3500. Опись 3. Дела 99, 1299.

«Воззвание к русской молодежи», листовка / Личный архив Д.А. Жукова.

Таборицкий С. «Обращение», листовка / Личный архив Д.А. Жукова.

Юхнов. Образ руководителя бандитов. Бандиту Родионову, под кличкой Гиль (Листовка, адресованная личному составу Первой антифашистской партизанской бригады) / Коллекция листовок Государственной публичной исторической библиотеки (Москва).

Периодическая печать военного времени

«Голос народа» (Локоть). 1942 год.

«Мелитопольский край» (Мелитополь). 1943 год.

«Новая жизнь» (Рыково). 1943 год.

«Новое Слово» (Берлин). 1944 год.

«Речь» (Орел). 1943 год.

«Русское дело» (Белград). 1943—1944 годы.

«Эхо Приазовья» (Мариуполь). 1943 год.

Мемуары и дневники

Андреев В. Народная война. М.: «Профиздат», 1949. 264 с.

Башилов Б. Правда о Бригаде Каминского / «Наша страна» (Буэнос-Айрес). 1952. 13 декабря. № 152. С. 3, 6.

Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В. Провал акции «Цеппелина» / Фронт без линии фронта. М.: «Московский рабочий», 1970. С. 356—375.

Бобров М. Страшное безмолвие России / «Возрождение» (Париж). 1949. № 6. С. 128—130.

Богатырь З.А. Борьба в тылу врага. М.: «Мысль», 1969. 470 с.

Ганфштенгль Э. Гитлер. Утраченные годы. Воспоминания сподвижника фюрера. 1927—1944. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. 335 с.

Герберштейн С. Великая Московия: Записки о Московитских делах. М., 2008. 336 с.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: «Русич», 1999. 656 с.

Дневник лейтенанта Дзяковича / Публикация А. Симонова и Н. Шировой // «Родина». 2010. № 5. С. 47—51.

Д-р N. По поводу т.н. «Власовского движения» / «Возрождение» (Париж). 1950. № 7. С. 105—113.

Забельский М.А. На «малой» земле / Незримого фронта солдаты. Сборник воспоминаний. Тула: «Приокское книжное издательство», 1971. С. 259—266.

Засухин В. Специальное задание / Фронт без линии фронта. М.: «Московский рабочий», 1970. С. 110—131.

Ильин В.П. Партизаны не сдаются! Жизнь и смерть за линией фронта. М.: «Яуза», «Эксмо», 2007. 608 с.

Ильин И.А. Национал-социализм / «Возрождение» (Париж). 1933 г. № 2906, 17 мая. С. 2—3.

Ильин И.А. Собрание сочинений. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906—1954). М.: «Русская книга», 2001. С. 316—324.

Ильинский П. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии / «Грани» (Франкфурт-на-Майне), 1956. № 31. С. 94—127.

Ильиных И.А. Шестьсот дней в боях и походах. Тула: «Приокское книжное издательство», 1969. 318 с.

Казанцев А.С. «Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом». М.: «Посев», 1994. 344 с.

Калинин П.З. Партизанская республика. М.: «Воениздат», 1964. 336 с.

Квич И. Себежское подполье / Мы, калининские партизаны: Хроника, воспоминания, документы. Тверь: «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 1995. С. 265—282.

Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940—1945 гг. М.: «Центрполиграф», 2004. 430 с.

Киселев А., прот. Облик генерала А.А. Власова. (Записки военного священника). Нью-Йорк, б.г. 224 с.

Клименко Г.В. Правда о «Дружине» / «Суворовец» (Буэнос-Айрес). 1950. № 17, 20—23.

Кромиади К.Г. За землю, за волю… На путях русской освободительной борьбы 1941—1947 гг. Сан-Франциско: «Глобус», 1980. 239 с.

Лобанок В.Е. В боях за Родину. Минск: «Беларусь», 1964. 412 с.

Ляпунов Н.И. В ночь под Рождество / Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Брянск: «Брянский рабочий», 1959. Т. 1. С. 419—421.

Марго В.И. Пылающий лес. Л.: «Лениздат», 1979. 192 с.

Марк Б. Восстание в Варшавском гетто / Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Сост. В. Гроссман и И. Эренбург. Вильнюс: ЙАД, 1993. С. 469—481.

Меньшагин Б.Г. Воспоминания: Смоленск. Катынь. Владимирская тюрьма / Подгот. текста и примеч. *Г. Суперфина.* Париж: «YMCA-press», 1988. 248 с.

Морозов В.К. Врагу от нас не уйти / За линией фронта. Очерки. Тула: «Приокское книжное издательство», 1968. С. 125—143.

Полчанинов Р.В. Молодежь Русского зарубежья. Воспоминания 1941—1951. М.: «Посев», 2009. 416 с.

Редлих Р.Н. В бригаде Каминского / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М.: «Архив РОА», 1998. Вып. 2. С. 431—442.

Розенберг А. Мемуары. С комментариями *С. Ланга и Э. фон Шенка.* Харьков: ООО «ДИВ», 2005. 416 с.

Росляков В.П. Последняя война. М.: «Современник», 1978. 462 с.

Рутыч Н. Между двумя диктатурами. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1975 г.) / Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» / Сост. и ред. *Ю.С. Цурганов.* М.: «Посев», 2008. С. 450—457.

Рутыч Н. Мемуары или апокриф? / «Посев» (Москва), 2002. № 7. С. 43.

Сабуров А.Н. За линией фронта (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М.: «Воениздат», 1953. 320 с.

Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб.: Изд-во «Белое и черное», 2002. 320 с.

Севостьянов Г.Н., Жуковская В.И. За линией фронта. Минск: «Беларусь», 1981. 238 с.

Скорцени О. Неизвестная война. Минск: «Попурри», 2003. 576 с.

Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. 272 с.

Стельмах В.М. Партийное подполье / Шли на битву партизаны. Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941—1943 гг. Брянск: «Приокское книжное издательство», брянское отделение, 1972. С. 61—86.

Фирсанов К.Ф. Как ковалась Победа / За линией фронта. Очерки. Тула: «Приокское книжное издательство», 1968. С. 5—85.

Фирсанов К.Ф. Так воевали чекисты. М.: «Воениздат», 1973. 136 с.

Фрелих С. Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным / Предисловие *А. Хиллгрубера*. Кельн, 1990. 400 с.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: «Яуза», «Эксмо», 2006. 352 с.

Титков И.Ф. Бригада «Железняк» / Лит. обраб. *И.С. Алексанова*. 2-е изд. Минск: «Беларусь», 1982. 270 с.

Чуприк-Малиновский И.П., Кусачев М.Д. Непокоренная земля Мглинская. М.: «АЛЕВ-В», 2005. 560 с.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: «Дом Бируни», 1991. 400 с.

Штрик-Штрикфельдт. В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: «Посев», 1993. 448 с.

Samarin V.D. Civilian Life Under the German Occupation, 1941—1944. New-York, 1954. 92 p. (на русском языке).

Сборники документов и опубликованные источники

Бухенвальд. Документы и сообщения / Под ред. и с предисл. *И.Д. Гутмана, Г.В. Кычаковой и В.В. Размерова.* М.: «Издательство иностранной литературы», 1962. 686 с.

Варшавское восстание 1944 г. в документах их архивов спецслужб. Варшава — Москва: Управление регистрации и архивных фондов Федеральной Службы Безопасности РФ; Министерство внутренних дел и администрация Республики Польша; Институт Российской истории Российской академии наук; Институт националь-

ной памяти Республики Польша — Комиссия по преследованию преступлений против польского народа, 2007. 1377 с.

Война Германии против Советского Союза 1941—1945. Документальная экспозиция / Под ред. *Р. Рюрупа.* Берлин: «Аргон», 1994. 288 с.

Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы. В 3-х т. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 — декабрь 1943). Минск: «Беларусь», 1973. Т. 2. Кн. 1. 680 с.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951 / Вст. ст., сост. *В.Г. Макарова, В.С. Христофорова*; коммент. *В.Г. Макарова.* М.: МФД, 2009. 576 с.

Гогун А. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2004. 416 с.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: «Наука», 1973. Т. 2. 664 с.

Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии / Сост. *Ф.Д. Свердлов.* М.: Научно-просветительский центр «Холокост», 1996. 132 с.

«Недочеловек» / Ковтун И.И. «Унтерменш». Технология ненависти / Пер. с нем. К. Сметанникова. Харьков: «Винета», 2009. 80 с.

Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о катастрофе советских евреев (1941—1944). Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления; М.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), 1993. 464 с.

НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956) / Сборник документов / Сост. *Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин.* М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. 640 с.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1991. Т. 5. 528 с.

Обзор деятельности отдела работ д-ра Тауберта (антибольшевизм) рейхсминистериума пропаганды до 31.12.1944 / *Жуков Д.А.* Власовцы и нацистская пропаганда. М., 2000. С. 32.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М.: «Русь», 2000. Т. 2. Кн. 1. 718 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М.: «Русь», 2003. Т. 3. Кн. 1. 692 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 года. М.: «Русь», 2003. Т. 3. Кн. 2. 702 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 года. М.: «Русь», 2008. Т. 4. Кн. 2. 810 с.

Организация национал-социалистической немецкой рабочей партии. Рига: «Gramatu Drauds», 2002. 688 с.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. *А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров.* М.: АО «Московские учебники и картолитография», 2003. 480 с.

Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов / Сост. *Г.М. Шульженко, З.А. Фишман, А.И. Ткаченко.* Брянск: «Брянский рабочий», 1962. Т. 2. 584 с.

Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. 776 с.

Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии, 1941—1944. Документы и материалы. Минск: «Беларусь», 1965. 464 с.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.) / Сост.: *Заставенко Г.Ф.* и др.; Общ. ред. *Е.А. Болтина* и *Г.А. Белова.* М.: «Экономика», 1985. 328 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М.: «ТЕРРА», 1999. Т. 20 (9). 672 с.

«Смерш» исторические очерки и архивные документы. 2-е изд. М.: ЗАО «Издательство Русь», 2005. 344 с.

«Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Сост. *В.И. Дашичев*. М.: «Наука», 1967. 752 с.

СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: «Прогресс», 1969. 624 с.

СС в действии. Документы о преступлениях СС. М.: СВЕТОТОН, 2000. 624 с.

Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М.: «Европа», 2006. 400 с.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов / Ред. *И. Арад*. Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, 1992. 427 с.

Хатынь. Трагедия и память: документы и материалы / Сост.: *В.И. Адамушко* и др. Минск: НАРБ, 2009. 272 с.

Публикации и научные работы гитлеровской Германии

Hitler A. Mein Kampf. Munchen. Verlag Franz Echer Nachfolger, G.m.b.H., 1935. 782 s.

Гюнтер К.Ф.Г. Избранные работы по расологии. М.: «Белые Альвы», 2002. 480 с.

Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин: «Shildex», 1998. 528 с.

Швидецки И. Расология древних славян. Царицын, 2008. 76 с.

Энциклопедические и справочные издания

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. СПб.: «Блиц», 2009. 1117 с.

Алексеев С. Бенедикт-Франц-Ксаверий Баадер / Брокгауз и Ефрон. Биографии. Энциклопедический словарь в 12 томах (репринтное издание). Т. 1. М.: «Советская энциклопедия», 1991. С. 553—556.

Дегтярев К., Колпакиди А. Смерш. М.: «Яуза», «Эксмо», 2009. 736 с.

Залесский К.А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М.: «Вече», 2009. 784 с.

Залесский К.А. Охранные Отряды НСДАП. Энциклопедия. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2004. 656 с.

Калужская энциклопедия: Сборник материалов. Калуга, 1977. Вып. 3. 387 с.

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии 1941—1944 / Отв. ред *В.Е. Лобанок*. Минск: «Беларусь», 1984. 271 с.

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Сост. *А.Л. Мананенков, Е.П. Горелюк, А.Ф. Маркова* и др. Минск: «Беларусь», 1983. 765 с.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. *И.А. Альтман*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН): Научно-просветительский центр «Холокост», 2009. 1143 с.

Холокост: Энциклопедия / Ред. *У. Лакер,* соред. *Ю.Т. Баумель*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 808 с.

Энциклопедия Третьего рейха / Сост. *С. Воропаев*. М.: Изд-во Локид-Миф, 1996. 588 с.

Монографии и статьи отечественных исследователей

Авдеев В., Иванов А., Ригер Ю. Ганс Ф.К. Гюнтер — пророк нордической расы / Гюнтер К.Ф.Г. Избранные работы по расологии. М.: «Белые Альвы», 2002. С. 4—61.

Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия Барбароссы. М.: «Палеолит»; «Логос», 2002. 504 с.

Акунов В.В. Дивизия СС «Викинг». История пятой танковой дивизии войск СС. 1941—1945 гг. М.: Издатель Быстров, 2006. 560 с.

Акунов В.В. Русские викинги / «Реванш» (Пенза). 2006. № 2 (6). С. 43—49.

Акунов В.В. Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918—1923 гг. М.: «Огни», 2004. 178 с.

Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб.: «Ювента», 2003. 352 с.

Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. М.: «Яуза», «Эксмо», 2005. 752 с.

Александров К. Тайное оружие вермахта / «Посев» (Москва). 2001. № 6 (1485). С. 4—7.

Алехин Г.В. Белые пятна насильственной выдачи / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М.: «Архив РОА», 1998. Вып. 1. С. 260—273.

Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941—1945 гг. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 544 с.

Анищенко Е.Н. Партизанская республика. Героические повествования о народных мстителях Навлинского района Брянщины. Тула: «Приокское книжное издательство», 1992. 290 с.

Артамошин С.В. Идейные истоки национал-социализма. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 184 с.

Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой? СПб.: СПб. ВШ МВД России, 1994. 128 с.

Богоявленский, Иванов А. «Курский зубр» / Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 109—142.

Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920—1930-е гг. / Русский Берлин. 1920—1945. Международная научная конференция 16—18 декабря 2002 г. М.: «Русский путь», 2006. С. 369—405.

Бочкарев А. Критика чистого чувства: Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации. Ставрополь: ЮРКИТ, 1996. 720 с.

Веревкин С.И. Вторая мировая война: вырванные страницы. М.: «Яуза», 2006. 416 с.

Веревкин С.И. Самая запретная книга о Второй мировой. М.: Яуза-пресс, 2009. 608 с.

Винник А.В. Германские власти и русский Берлин в 1920-е гг. / Русский Берлин. 1920—1945. Международная научная конференция 16—18 декабря 2002 г. М.: «Русский путь», 2006. С. 363—368.

Воздвиженский В. Убить Сталина / СБ. 1993. № 3. С. 16—17.

Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941—1943 гг. / *А.Ф. Юденков, Т.К. Дандыкин, М.М. Загорулько* и др. Смоленск: «Московский рабочий». Смоленское отделение, 1985. 238 с.

Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. 502 с.

Гаврилкин Г.А. Непокоренный суземский край (Хроника партизанской битвы) / Поклонимся великим тем годам... Москва—Суземка, 2005. С. 10—42.

Гарин И.И. Ницше. М.: ТЕРРА, 2000. 848 с.

Гинзбург Л. Бездна. Потусторонние встречи. М.: Изд-во «Новости», 1990. 304 с.

Горшков А.П. Партизанское движение на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.) / Шли на битву партизаны. Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941—1943 гг. Брянск: «Приокское книжное издательство», брянское отделение, 1972. С. 87—110.

Грибков И.В. Боевое применение 29-й дивизии СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 12—14.

Грибков И.В. Локотская «республика» 1941—1943 / Под оккупацией в 1941—1944 гг. Статьи и воспоминания. М.: «Посев», 2004. С. 76—89.

Грибков И.В. Марксист на стороне Гитлера. Тайна Милентия Зыкова / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 3. С. 41—42.

Грибков И.В. Хозяин Брянских Лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М.: «Московский писатель» / Библиотека журнала «Эхо войны», вып. 1, 2008. 116 с.

Губернаторов Н.В. «Смерш» против «Буссарда» (Репортаж из архива тайной войны). Жуковский—М.: «Кучково поле», 2005. 352 с.

Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939—1945: Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 46 с.

Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939—1945: Русская освободительная армия. М.: «Издательство АСТ», 2000. 64 с.

Дробязко С.И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний /Под общ. ред. А.В. Окорокова. М.: «Архив РОА», 1998. Вып. 2. С. 168—216.

Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: «АСТ», «Астрель», 2009. 845 с.

Дробязко С.И. Перечень казачьих соединений и частей в вермахте / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 26—30.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 гг. М.: Издво «Эксмо», 2004. 608 с.

Дунаев Ф.П. Геноцид — в ранге государственной политики Германии / Книга памяти. Брянск: ЗАО «Издательство «Читай-город», 2003. Т. 12. С. 134—139.

Дунаев Ф.П. Подпольщики / Книга Памяти. Брянск: «Издательство «Читай-город», 2003. Т. 12. С. 275—276.

Ермолов И.Г. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел, 2008. 168 с.

Ермолов И.Г. Локотская республика и Бригада Каминского или «Шумел не просто Брянский лес». Скрытые страницы войны. Орел, 1999. 49 с.

Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941—1943. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2009. 252 с.

Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. 383 с.

Ершов Ю. Ивана Демьянюка будут судить в Германии. Срок без давности / «Российская газета» (Москва). 14 мая 2009. № 86 (4910). С. 11.

Жданов Д.Н. Русские национал-социалисты в Германии (1933—1939 гг.) / «Россия и современный мир». М., 1998. Вып. № 3 (20). С. 8.

Жуков Д.А. «Вальхалла Гиммлера». История замка Вевельсбург / Тайны СС. «Черный орден» Гитлера: сборник. М.: Яуза-пресс, 2010. С. 5—59.

Жуков Д.А. Власовцы и нацистская пропаганда. М., 2000. 40 с.

Жуков Д.А. Германские оккупационные органы на территории СССР. Структура и юрисдикция / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 2—5.

Жуков Д.А. «Оккультный рейх». Главный миф XX века. М.: Яуза-пресс, 2009. 352 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. 1-я Русская бригада СС «Дружина». М.: «Вече», 2009. 368 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М.: «Вече», 2009. 304 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская вспомогательная полиция. М.: Академия поэзии — «Московский писатель» / Библиотека журнала «Эхо войны», вып. 2, 2009. 68 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. М.: «Вече», 2010. 304 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русские эсэсовцы в бою. Солдаты или каратели? М.: Яуза-пресс, 2009. 320 с.

Жуков Д.А. Русский националист, германский шпион, советский провокатор… Владимир Гиль и Первая русская национальная бригада СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 3—7.

Залесский К.А. Хозяин Брянских лесов (Бронислав Каминский) / Командиры национальных формирований СС. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 7—48.

Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: Война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: «ТЕРРА» Книжный клуб, 2006. 768 с.

Звягинцев А.Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 1120 с.

Земляков К. В кровавые воскресенья мира / «КоммерсантЪ-Власть» (Москва). 2010. № 25 (28 июня). С. 40—42.

Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д. Военное руководство партизанским движением в тылу германских войск на территории областей Центрального Черноземья / «Военно-исторический архив» (Москва). 2008. № 2 (98). С. 118—139.

Иванов А. «Я не изменил своей присяге». Гвардии полковник Федор Викторович Винберг / Воинство Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 532—542.

Из истории Велижа и района / Авт.-сост. *Н.А. Казаков*. Смоленск: Смоленская городская типография, 2002. 280 с.

Калинин П. Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии / «Военно-исторический журнал» (Москва). 1962. № 10. С. 34—37.

Калиниченко Ю. Герои и предатели: новый взгляд / «Аргументы и факты». 1995. № 25. С. 7.

Князьков А.С., Чернов Ю.И. В период коренного перелома / Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Жуковский; М.: «Кучково поле», 2001. С. 162—233.

Ковалев Б.Н. Деятельность немецких разведывательных, контрразведывательных и пропагандистских служб на Северо-Западе России / Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород: Управление ФСБ РФ по Новгородской области, 2000. С. 58—75.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. М.: «Издательство АСТ»: «Транзиткнига», 2004. 483 с.

Ковтун И.И. Белорусы на службе в СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 39—48.

Ковтун И.И. Бригада СС специального назначения / Тайны СС. «Черный орден» Гитлера: сборник. М.: Яуза-пресс, 2010. С. 151—178.

Ковтун И.И. Их называли «травники» / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 16—22.

Ковтун И.И. Операция «Цыганский барон» / «Братишка» (Москва). 2009. № 4 (133). С. 54—58.

Ковтун И.И. Партизаны Брянщины: мифы и правда / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 17—25.

Кожемякин М. Вспомогательная полиция. Организация, униформа, знаки различия / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 38—44.

Колесников А. Непокоренный край. Документальная повесть. Курск: «Курскинформпечать», 1992. 170 с.

Коровин В.В. «Дезорганизовать тыл противника, причинить максимальный урон его живой силе и технике». Партизанское движение в Центральном Черноземье / «Военно-исторический журнал» (Москва). 2008. № 6 (578). С. 17—22.

Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941—1943 гг. Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС», 2006. 128 с.

Котов Л.В. На земле смоленской / Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Госполитиздат», 1963. С. 123—174.

Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2005. 608 с.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939—1945. М.: «Вече», 2004. 464 с.

Кудряшов С. Травники. История одного предательства / «Родина» (Москва). 2007. № 12. С. 94—98.

Лежнев М.Р. Сороковые роковые... Очерки, историческая повесть. Клинцы: Издательство ГУП «Клинцовская городская типография», 2005. 240 с.

Лещинский Л.М. Хойзингер — военный преступник. М.: Изд-во Института Международных отношений, 1961. 64 с.

Линдер И.Б., Абин Н.Н. Загадка для Гиммлера. Офицеры Смерш в абвере и СД. М.: РИПОЛ-классик, 2008. 480 с.

Логунова Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941—1943 гг. М.: Изд-во «МГУ», 1973. 228 с.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. Кн. 1. 576 с.

Майоров Н. Краснодарский процесс / Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / Сост. *М.Е. Карышев*. М.: «Воениздат», 1984. С. 152—161.

Макаров В., Христофоров В. Дети генерала Шмидта. Миф о «Локотской альтернативе» / «Родина» (Москва). 2006. № 10. С. 86—94.

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.

Меркулов В.И. Эволюция взглядов Миллера по варяжскому вопросу / Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 77—83.

Михеев В.П. Оперативно-розыскные и следственные мероприятия по привлечению к ответственности государственных преступников / Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород: Управление ФСБ РФ по Новгородской области, 2000. С. 34—47.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. М.: «Родник», 1994. Т. 1. 416 с.

Назаров М.В. Накануне 41-го: надежды и иллюзии... / «Родина» (Москва), 1993. № 7. С. 71—75.

Неподкосов С.Н. Казаки группенфюрера фон Паннвица / «Эхо войны» (Москва), 2008. № 2. С. 55.

НТС. Мысль и дело 1930—2000. М.: Изд-во «Посев», 2000. Вып. 4. 128 с.

Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны. М.: Военный университет МО РФ, 2000. 184 с.

Окороков А.В. Казаки и русское освободительное движение / В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М., 1997. С. 224—226.

Окороков А.В. Комитет Освобождения Народов России / Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сборник статей, документов и воспоминаний / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М.: «Архив РОА», 1998. Вып. 1. С. 106—181.

Окороков А.В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: «Русский путь», 2007. 288 с.

Окороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920—1945 гг.). М.: «РУСАКИ», 2001. 594 с.

Онегина С.В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи / «Вопросы истории» (Москва). 1997. № 6. С. 150—160.

Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М.: Изд-во МГУ, 1985. 176 с.

Орлова С.В. Решетников — история карателя / Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции. Псков: «Псков-Инфопресс», 2005. С. 92—96.

Патенко А.Н. Северо-Запад России в планах прибалтийских коллаборационистов / Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков: издательство информационного агентства «Псков-Инфопресс», 2006. С. 81—87.

Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма / Антипартизанская война в 1941—1945 гг. / Под общ. ред. *А.Е. Тараса*. М.: «АСТ»; Минск: «Харвест», 2005. С. 117—129.

Пережогин В.А. Разгоралось пламя партизанской борьбы / Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Жуковский; М.: «Кучково поле», 2001. С. 102—161.

Петрова З.А. Война народная / Брянский краевед. Брянск: «Приокское книжное издательство», брянское отделение, 1973. Вып. IV. С. 57—64.

Петрушин А. «Цеппелин» над Югрой / «Родина» (Москва), 2005. № 7. С. 15—17.

Пленков О.Ю. Третий рейх. Война: до критической черты. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. 384 с.

Пленков О.Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера. (Очерк истории и идеологии). СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 480 с.

Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: «Яуза», «Эксмо», 2004. 512 с.

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003. 383 с.

Псков в годы Великой Отечественной войны: Очерк. Л.: «Лениздат», 1981. 120 с.

Пятов К. Славянские воспитанники СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 15.

Решетников Л. «А Родина милей...». Белая эмиграция и Великая Отечественная война / «Родина». 2010. № 5. С. 63—65.

Родкин А. Органы внутренних дел Брянщины в годы войны / Книга Памяти. Брянск: «Издательство «Читай-город», 2003. Т. 12. С. 392—397.

Рябоконь М.В. Против партизан Брянщины / «Военно-исторический журнал» (Москва). 2004. № 4 (528). С. 21—25.

Рязанов О. Тайные полеты люфтваффе / «Братишка» (Москва), 2009. № 9. С. 71—74.

Рясной В., Чернявский Ю. Бригады Отто Дирлевангера / Тайны «Черного ордена SS»: Сборник / Сост. *Колпакиди А.* М.: «Яуза», 2006. С. 427—572.

Самойлов Е. От белой гвардии — к фашизму / Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М.: «Воениздат», 1984. С. 92—110.

Сапрунов А.Г., Акинин В.В., Булыгина Т.А., Зозуля И.В., Киселев А.К., Колесникова М.Е., Судавцов Н.Д., Суханова Н.И. Из века в век служа закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь: «Сервисшкола», 2005. 578 с.

Семенов К.К. Войска СС. Солдаты, как все. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2004. 384 с.

Семенов К.К. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение. М.: Яуза-пресс, 2007. 288 с.

Семенов К.К. Русские фюреры СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 8—11.

Семенов К.К. СА — Штурмовые отряды НСДАП. М.: «Яуза», 2006. 352 с.

Семенов К.К. Судьба Европейца / «Доброволец» (Москва). 2005. № 1 (5). С. 10—11.

Семенова А.В. Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами / Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М.: Изд-во политической литературы, 1965. С. 379—386.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 863 с.

Славич С.К. Три ялтинских зимы. Симферополь: «Таврия», 1979. 272 с.

Собибор / Сост. *С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицкий, Л.А. Терушкин.* М.: «Возвращение», 2008. 264 с.

Собибор. Восстание в лагере смерти / Сост. *С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицкий, Л.А. Терушкин.* 2-е изд., доп. М.: «Возвращение», 2010. 256 с.

Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. 352 с.

Соколов Б.В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939—1945 гг. М.: «Вече», 2008. 432 с.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: «Альфа-книга», 2010. 1279 с.

Стеклов М. Праведники / «Край Смоленский», 1992. № 7—8. С. 6—10.

Тарджиманов М., Шахов В., Дунаев Ф. Всегда на боевом посту. Тула: «Приокское книжное издательство», 1985. 336 с.

Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941—1945. М.: «Вече», 2010. 400 с.

Токарев М. В замкнутом круге / Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М.: «Воениздат», 1984. С. 140—151.

Ульянов В., Шишкин И. Предатели. Облик. М., 2008. 544 с.

Урбан Т. Илья Эренбург как военный пропагандист / Россия и Германия в XX веке. Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. М.: «АИРО-XXI», 2010. С. 324—349.

Фашистский «новый порядок»: политика, оккупационный режим / Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М.: «Политиздат», 1974. Вып. 1. С. 321—394.

Федоров Е.С. Правда о военном Ржеве. Документы и факты. Ржев: «Ржевское производственно-полиграфическое предприятие», 1995. 220 с.

Филоненко С.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942—1943. Воронеж: «Кварта», 2006. 416 с.

Фомин Е. Певец расовой ненависти. Война Ильи Эренбурга / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 3. С. 36—40.

Цынман И.И. Бабьи Яры Смоленщины. Появление, жизнь и катастрофа смоленского еврейства. Смоленск: «Русь», 2001. 524 с.

Цынман И.И. Бабьи Яры Смоленщины / Книга памяти мирных жителей. Смоленск: Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2005. Т. 5. С. 97—110.

Хазанов-Пашковский С.А., Садовой С.В. Знаменательный юбилей (60-ти летняя годовщина Крестового похода: мифы и факты) / «Имперское слово» (СПб.). 2001. Вып. 2. С. 1—13.

Черняк Е.Б. Жандармы истории. Контрреволюционные интервенции и заговоры. М.: «Международные отношения», 1969. 560 с.

Чистяков К.А. Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг. / Русский Берлин. 1920—1945. Международная научная конференция 16—18 декабря 2002 г. М.: «Русский путь», 2006. С. 406—422.

Чуев С.Г. Бригада «Дружина» единожды предав / «Военно-исторический архив» (Москва). 2002. № 6 (30). С. 134—145.

Чуев С.Г. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М.: «Яуза», «Эксмо», 2006. 608 с.

Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М.: «Эксмо»; Изд-во «Яуза», 2004. 576 с.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. Кн. 2. 447 с.

Ямпольский В.П., Богодист В.Ф. Организация и деятельность «Цеппелина» / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: «Кучково поле», 2008. Т. 4. С. 327—356.

Монографии и статьи зарубежных исследователей

Баур Й. Революция и «сионские мудрецы». К вопросу об изменении образа России в ранней НСДАП / Германия и русская революция. 1917—1924. М.: «Памятники исторической мысли», 2004. С. 155—175.

Бишоп К. Иностранные дивизии III рейха. Иностранные добровольцы в войсках СС 1940—1945. М.: «Эксмо», 2006. 192 с.

Бишоп К., Эйлсби К. Войска СС на полях сражений Второй мировой войны 1939—1945. Западный и Восточный фронт. М.: «Эксмо», 2006. 368 с.

Блинец А. От Сталина к Гитлеру и обратно / «Для служебного пользования» (приложение к «Белорусской деловой газете»). 2 апреля, 2003. № 15. С. 15.

Блэк П. Одило Глобочник — форпост Гиммлера на Востоке / Тайны «Черного ордена SS»: Сборник / Сост. *Колпакиди А.* М.: «Яуза», 2006. С. 188—201.

Ботвинник М. Памятники геноцида евреев Белоруссии. Минск: «Беларуская навука», 2000. 326 с.

Бригада РОНА / Антипартизанская война в 1941—1945 гг. / Под общ. ред. *А.Е. Тараса.* М.: «АСТ»; Минск: «Харвест», 2005. С. 142—160.

Бухнер А. 1944. Крах на Восточном фронте. М.: «Эксмо», 2006. 416 с.

Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М.: «Весь мир», 1997. С. 513—525.

Вейгман С. Украинские помощники люфтваффе / «Столичные новости» (Киев). 13—19 мая 2003. № 17 (262). С. 10.

Ветте В. Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза / Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М.: «Гея», 1995. С. 221—245.

Гарматный В.П. Трагедия и героизм варшавских повстанцев / «Военно-исторический журнал» (Москва). 2009. № 1 (585). С. 37—40.

Гейден К. Путь НСДАП. Фюрер и его партия. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2004. 576 с.

Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: «Русич», 1996. 608 с.

Глаубе Г. Загадочная смерть бригадефюрера Каминского / «Эхо войны» (Москва). 2007. № 1. С. 31—32.

Голденсон Л. Нюрнбергские интервью. Екатеринбург: «У-Фактория», 2008. 672 с.

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944—1945. М.: АСТ: Астрель, 2005. 539 с.

Гребень Е. Русская национальная идея как элемент режима террора коллаборационистских властей / Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции (Псков, 10—11 декабря 2009 года). М.: Фонд «Историческая память»; Псковский государственный педагогический университет, 2010. С. 92—100.

Де Витт К., Молл В. Брянская область / Армстронг Дж. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 85—148.

Дивизии СС. 24. Gebiergs SS-Division — 38. SS-Division Niebelungen / «Новый Солдат». Артемовск, 2002. № 75. 32 с.

Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941—1944. СПб.: «Академический проект»; Издательство «ДНК», 2008. 268 с.

Днепров Р. Власовское ли? / «Континент» (Мюнхен). 1980. № 23. С. 294.

Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области 1941—1944 / Под ред. акад. АН Беларуси И.М. Игнатенко. Минск: «Навука і тэхніка», 1992. 412 с.

Зегер А. «Гестапо—Мюллер». Карьера кабинетного преступника. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. 384 с.

Иоффе Э. Прорыв сквозь «Ливень» / «Белорусская нива» (Минск). 2007. 28 июня. С. 3—4.

Йонес Э. Евреи Львова в годы Второй мировой войны и катастрофы европейского еврейства 1934 —1944. М.: «Российская библиотека Холокоста»; Иерусалим, 1999. 488 с.

Кандель Ф. Книга времен и событий. История евреев Советского Союза. Уничтожение еврейского населения (1941—1945). М.: «Мосты культуры»; Иерусалим: «Гешарим», 2006. 416 с.

Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941—1945. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954. 178 с.

Копелев Л., Кенен Г. Проигранные войны, выигранное благоразумие. Беседа о прошлом в конце эпохи / Германия и русская революция. 1917—1924. М.: «Памятники исторической мысли», 2004. С. 19—52.

Кнатько Г. Угон населения Беларуси на принудительные работы (январь 1942 — июнь 1944) / «Остарбайтеры». Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы. Грац: Общество по исследованию последствий конфликтов и войн; Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2003. Т. 2. С. 7—26.

Кнопп Г. История вермахта. Итоги. СПб.: «Питер», 2009. 272 с.

Кнопп Г. Холокост. Неизвестные страницы истории. Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007. 336 с.

Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: «Текст», 2003. 687 с.

Крауз Г.-К. «Закат Европы». Россия в исторической мысли Освальда Шпенглера / Германия и Русская революция. 1917—1924. М.: «Памятники исторической мысли», 2004. С. 265—298.

Кригер В. Политические процессы над немцами СССР в годы германо-советской войны / Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: «АИРО-XXI», 2010. С.873—911.

Кунц К. Совесть нацистов. М.: «Ладомир», 2007. 400 с.

Мадайчик Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М.: «Весь мир», 1997. С. 670—680.

Мазер В. История «Майн Кампф». Факты, комментарии, версии. М.: «Вече», 2007. 416 с.

Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941—1944 гг. Симферополь: СОНАТ, 2008. 188 с.

Мэнвэлл Р., Франкель Г. Генрих Гиммлер. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. 384 с.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М.: «Воениздат», 1974. 388 с.

Мюллер Р.-Д. Торговый партнер или объект эксплуатации? / Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М.: «Гея», 1995. С. 195—220.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.

Ньютон С. «Пожарник» Гитлера — фельдмаршал Модель. М.: «АСТ», «ХРАНИТЕЛЬ», 2007. 508 с.

Пишенков А.А. «Штрафники» СС. Зондеркоманда «Дирлевангер». М.: Яуза-Пресс, 2009. 320 с.

Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945. М.: «Вече», 2008. 432 с.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: ООО «Издательство АСТ»: «Транзиткнига», 2004. 312 с.

Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М.: Издатель Быстров, 2006. 640 с.

Селеменев В., Шимолин В. Охота на гауляйтера. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2006. 246 с.

Стеенберг С. Власов. Мельбурн: «Русский дом», 1974. 256 с.

Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945. М.: «Слово», 1992. 441 с.

Тейлор И. Славянский и арийский мир. М.: «Вече», 2009. 416 с.

Тимохович И.В. Битва за Белоруссию 1941—1944. Минск: «Беларусь», 1994. 254 с.

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области / *Армстронг Д.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 9—82.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск: «Русич», 1999. 416 с.

Уиндроу М. Охранные отряды НСДАП. Войска СС. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. 64 с.

Умбрайт Г. Германская оккупационная администрация: концепция и типизация / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М.: «Весь мир», 1997. С. 561—575.

Умбрайт Х. Неопреодоленная проблема. Партизанская война в тылу Восточного фронта / Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М.: «Прогресс — Академия», 1995. С. 161—182.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2000. 352 с.

Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх. М.: «Вече», 2006. 640 с.

Хессе Э. Главы из книги «Советско-русская партизанская война 1941—1944 гг.» / Антипартизанская война в 1941—1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. М.: «АСТ»; Минск: «Харвест», 2005. С. 37—102.

Царуски Ю. От царизма к большевизму / Германия и русская революция. 1917—1924. М.: «Памятники исторической мысли», 2004. С. 100—123.

Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919—1945). М.: «Новое литературное обозрение», 2004. 632 с.

Шлегель К. Расколотое зеркало. Образы Германии и России в 20 веке / Берлин — Москва. 1900—1950. Мюнхен—Нью-Йорк—Москва: «Престель»; «Галарт». С. 21—31.

Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941—1945. М.: «Мосты культуры»; Иерусалим: «Гешарим», 2005. 624 с.

Штеенберг С. Генерал Власов. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. 320 с.

Юбершер Г.Р. «Пакт с сатаной ради изгнания дьявола». Германо-советский договор о ненападении и военные намерения Гитлера в отношении Советского Союза / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М.: «Весь мир», 1997. С. 446—458.

Янссен Й. «Большевизм» как образ врага в учебной литературе рейхсвера и вермахта 1933—1945. Развитие и противоречие / Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: «АИРО-XXI», 2010. С. 276—308.

На немецком языке

Arnold K.J. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegfuhrung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». In: Zeitgeschichtliche Forschungen 23. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 2005. 579 s.

Benz W. Der Holocaust. München: Verlag C.H. Beck, 2001. 128 s.

Birn R. B. Die Hoheren SS-und Polizeifuhrer. Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten. Dusseldorf: Droste Verlag, 1986. 430 s.

Boll B. Chatyn 1943, in: Orte des Grauens. Verbrechen in Zweiten Weltkrieg. Herausgegeben von Gerd R. Ueberschar. Darmstadt: Primus Verlag, 2003. S. 19—27.

Deschner G. Generalplan Ost — Besatzungspolitik in Russland / «Das Dritte Reich» (Hamburg). № 36. S. 416—430.

Dodenhoeft B. Vasilij von Biskupskij — Eine Emigrantenkarriere in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europaischen Burgerkrieg. Berlin, 1995. 246 s.

Fetscher I. Friedrich Nietzsche und die «Dialektik der Aufklärung». In: Entdecken und Verraten: zu Leben und Werk Friedrich Nietzsches / hrsg. im Auftrag der Stiftung Weimarer Klassik von *Andreas Schirmer* und Rüdiger *Schmidt*. Weimar, 1999. 272 s.

Halder F. Kriegstagebuch: Tagliche Aufzeichungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939—1942. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1964. Bd.II. 503 s.

Hohne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg: Weltbild Verlag GmbH, 1998. 600 s.

Huser K. Wewelsburg 1933—1945. Stellung und Bedeutung der Burg und des Konzentrationslagers Niederhagen fur Himmlers SS-Orden / Wewelsburg 1933 bis 1945. Kult- und Terrorstatte der SS. Padeborn. 1982. S. 3—127.

Klietmann K-G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabruck: Verlag "Der Freiwillige", 1965. 526 s.

Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle». Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966. 356 s.

Kosak K.I. Franzosen in den Verbanden der Wehrmacht, in: Tater im Vernichtungskrieg. Der Uberfall auf die Sowjetunion und der Volkermord an den Juden. Berlin-Munchen: Propylaen Verlag, 2002. S. 160—165.

Krannhals v. H. Der Warschauer Aufstand 1944. Frankfurt/Main: Bernard & Graefe Verlag fur Wehrwesen, 1964. 446 s.

Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938—1942. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1985. 400 s.

Michaelis R. Das SS-Sonderkommando Dirlewanger. Ein Beispiel deutscher Besatzungspolitik in Weissrussland. Berlin: Michaelis-Verlag, 1998. 228 s.

Michaelis R. Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division der SS. Rodgau: Verlag für Militärische Zeitgeschichte Andreas Liebich, 2004. 104 s.

Michaelis R. Russen in der Waffen-SS. 29. Waffen-Grenadier-Division der SS «RONA» (russische Nr. 1). 30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2). SS-Verband «Drushina». Dresden: Winkelried-Verlag, 2006. 130 s.

Muller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt a. Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 238 s.

Pohl D. Die Trawniki-Manner im Vernichtungslager Belzec 1941—1943, in: Gottwaldt A., Kampe N., Klein P. NS-Gewaltherrschaft. Beitrage zur historischen Forschung und juristischen Aufarbeitung. —Berlin: Druck —und Verlagsgesellschaft Rudolf Otto mbH, 2005. S. 278—289.

Pohl D. Nazionalsoialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941—1944: Organisation und Durchfuhrung eines staatlichen Massenverbrechens / Dieter Pohl. 2. Auflage. Munchen: Oldenbourg Verlag, 1997. 588 s.

Prag W., Jacobmeyer W. Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen. 1939—1945. In: Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte Bd. 20. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 952 s.

Teil C. Abgrenzung der Siedlungsraume in den besetzten Ostgebieten Seite und Grunzuge des Aufbaues. Generalplan Ost. Rechtliche, wirtschaftliche und raumliche Grundlagen des Ostaufbaus. Vorgelegt von SS-Oberfuhrer Professor Dr. XX. Berlin-Dahlem, 28. Mai 1942 / Kopie der 100-seitigen Fassung aus dem Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde.

Ueberschar G.R. Hitlers Entschiup zum «Lebensraum» Krieg im Osten. Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 456 s.

Wildt M. Generation des Unbedingen. Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes. Hamburg: Hamburger Edition HIS Verlagesges. mbH, 2003. 966 s.

Zentner Ch. Adolf Hitler: eine Biographie in Texten, Bildern, Dokumenten. Berlin: Dietz Verlag, 1990. 160 s.

На английском языке

Angrick A. Einsatzgruppe D / Einsatzgruppen C und D in the Invasion of the Soviet Union. London: The Holocaust Educational Trust Research Papers, 2000. Vol. 1. P. 16—26, 30—32.

Biddiscombe P. Unternehmen Zeppelin: The Deployment of SS Saboteurs and Spies in the Soviet Union, 1942—1945 / Europe-Asia Studies, 2000 — Vol. 52. № 6. P. 1115—1142.

Browning Ch. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York: Penguin Books, 2001. 272 p.

Campbell St. Police Battalions of the Third Reich. Atglen, PA. Schiffler Military History, 2007. 156 p.

Cooper M. The Nazi war against soviet partisans: 1941—1944. New York: Stein and Day, 1979. 216 p.

Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945: A Study of occupation policies. London: McMillan; New York: St. Martin's Press, 1957. 695 p.

Dallin A. The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection. In: Revolution and Politics in Russia. Russian and East European Series, vol. 41. Indiana University Press, 1972. 243—280 p.

Dallin A., Mavrogordato R.S. Rodionov: A Case-Study in Wartime Redefection / American Slavic and East European Review. Vol. 18. № 1. 1959. P. 25—33.

Haberer E. The German police and genocide in Belorussia, 1941—1944. Part I: Police deployment and Nazi genocidal directives / Journal of Genocide Research, 2001. Vol. 1 (3). P. 13—24.

Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose: R. James Benoer Publishing, 1994. 382 p.

Maclean L.F. The cruel hunters. SS-Sonderkommando Dirlewanger. Hitler'most notorious anti-partisan unit. Altgen, PA. Schiffler Military History, 2009. 304 p.

MacLean F. The Field men. The SS officers who led the Einsatzkommandos — the Nazi mobile killing units. Atglen, PA, 1999. 232 p.

Matthaus J. What About the "Ordinary Men"?: The German Order Police and the Holocaust in the Occupied Soviet Union / Holocaust and Genocide Studies. Published by Oxford University Press in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 1996. Vol. 10. № 2. P. 134—150.

Michaelis R. Russians in the Waffen-SS. Waffen-Grenadier-Division der SS «RONA» (russische Nr. 1). 30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2). SS-Verband «Drushina». Atglen, 2009. 120 p.

Mollo A. Uniforms of the SS. Sicherheitsdienst und Sicherheitspolizei 1931—1945. London: Historical Research Unit, 1971. Vol. 5. 54 p.

Munoz A.J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941—1943. New-York: Axis Europa Books, 2000. 98 p.

Schelvis J. Sobibor: a history of a Nazi death camp. Oxford—New-York, 2007. 278 p.

Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany, 1881—1941. London: Ithaca, 1972. 404 p.

Windrow M. The Waffen-SS. London: Osprey Publishing Ltd., 1995. 40 p.

Witte P., Tyas S. A New Document on the Deportation and Murder of Jews during «Einsatz Reinhardt» 1942 / Holocaust and Genocide Studies. Washington, 2001. Vol. 15. № 3. P. 468—470.

На белорусском языке

Рэйн Л. Недачалавекі ува уніформе СС: 30-я вафэн-гренадзерская дывізія Вафэн СС / «ARCHE Пачатак» (Менск). 2008. № 5 (68). С. 452—484.

Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: «Беларусь», 1993. 197 с.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РУССКИЕ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
НСДАП И СС 12

Первая глава
Россия и русские в восприятии немцев до 1917 года 12

Вторая глава
НСДАП и русская эмиграция в Германии 19

Третья глава
Русские нацисты 36

Четвертая глава
Цели и характер войны с Советским Союзом 57

Пятая глава
«Генеральный план ОСТ» 66

Шестая глава
Образ славян в нацистской расовой теории
и пропаганде. Памфлет «Унтерменш» 84

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РУССКИЕ ВО ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ,
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ СД, СПЕЦИАЛЬНЫХ И
КАРАТЕЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ СС 100

Первая глава
СС и русская вспомогательная полиция 100

Вторая глава
Предприятие «Цеппелин» 134

Третья глава
Вооруженные формирования «Цеппелина»:
Первая русская национальная бригада СС «Дружина» и
Гвардейский батальон РОА 155

Четвертая глава
Особая группа «К», или полк СС «Варяг» 213

Пятая глава
Русские в составе учебного лагеря СС «Травники» 220

Шестая глава
Русские дети-диверсанты и «воспитанники СС» 239

Седьмая глава
Русские диверсанты Скорцени 255

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
РУССКИЕ В ВОЙСКАХ СС 262

Первая глава
29-я гренадерская дивизия Войск СС (1-я русская) 262

Вторая глава
30-я гренадерская дивизия Войск СС (2-я русская) 377

Третья глава
Русские в дивизии Войск СС «Валлония» 386

Четвертая глава
Русские в специальной команде СС «Дирлевангер» 406

Пятая глава
Казачьи формирования СС 421

ПОСЛЕСЛОВИЕ 430

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 433

Научно-популярное издание
1418 дней Великой войны

Жуков Дмитрий Александрович
Ковтун Иван Иванович

РУССКИЕ ЭСЭСОВЦЫ

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 20.09.2010. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14,5. Тираж 3000 экз. Заказ 3014.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Д. Жуков, И. Ковтун

РУССКИЕ ЭСЭСОВЦЫ

Как получилось, что десятки тысяч русских людей в годы Великой Отечественной войны оказались на службе в самой зловещей организации Третьего рейха — СС? Почему наши соотечественники становились беспощадными карателями, на совести которых — бессчетное число уничтоженных мирных граждан? Каковы истинные причины формирования русских подразделений и частей Войск СС? Зачем подчиненные рейхсфюрера СС Гиммлера привлекали под свои черные знамена русских юношей и девушек? Какова роль русских эсэсовцев в борьбе с подпольем и партизанским движением на оккупированных нацистами территориях?

Ответы на эти и многие другие «неудобные» вопросы читатель найдет в этой книге. Исследование построено на основе тщательного анализа малоизвестных источников. В работу включены многочисленные свидетельства бывших коллаборационистов, а также партизан и сотрудников органов государственной безопасности, принимавших непосредственное участие в борьбе с предателями.

ISBN 978-5-9533-5168-3

9 785953 351683

ВЕЧЕ